

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

**Проблемы укрепления
законности и правопорядка:
наука, практика, тенденции**

ISSN 2221-2558

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»

ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА: НАУКА, ПРАКТИКА, ТЕНДЕНЦИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 17

Минск
Издательский центр БГУ
2024

УДК 34(082)
ББК 67я43
П78

Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.

С 2009 года сборник индексируется
в Российском индексе научного цитирования

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: И. А. Мороз (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2024. — Вып. 17. — 400 с.

УДК 34(082)
ББК 67я43

© ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», 2024
© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2024

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Швед Андрей Иванович — Генеральный прокурор Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Беларусь (председатель редакционного совета)

Хомич Владимир Михайлович — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь (заместитель председателя редакционного совета)

Бибило Валентина Николаевна — профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета учреждения образования «Белорусский государственный университет», доктор юридических наук, профессор

Гучок Александр Евгеньевич — председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент

Козаченко Иван Яковлевич — заведующий кафедрой уголовного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Лосев Владимир Владимирович — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент

Мартынченко Игорь Эдуардович — заведующий кафедрой гражданского права и процесса учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», доктор юридических наук, профессор

Функ Ян Иосифович — председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, профессор

Шестаков Дмитрий Анатольевич — президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Эсмантович Ирина Игоревна — декан юридического факультета учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», кандидат исторических наук, доцент

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Мороз Игорь Анатольевич — директор государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук (главный редактор)

Вершок Ирина Леонидовна — заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Русецкий Олег Валерьевич — заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Герасимова Светлана Ивановна — главный специалист отдела криминологических исследований государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Касьянова Елена Васильевна — начальник отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Коротич Елена Алексеевна — начальник отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент (*научный редактор*)

Малахов Виталий Николаевич — начальник отдела организационно-финансового обеспечения и контроля проведения криминологических экспертиз государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Сидоренко Дарья Олеговна — главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (*технический редактор*)

Топорикова Ольга Олеговна — начальник отдела методологического обеспечения криминологических экспертиз государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Чуешов Кирилл Викторович — начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

СОДЕРЖАНИЕ

1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Боков Д. К.

Информационная инфраструктура терроризма. 11

Демидова-Петрова Е. В., Ахунов Д. Р.

Предупреждение преступности несовершеннолетних в условиях
городских агломераций Российской Федерации 19

Ескендилов А. А.

Насилие как фактор деструктивного формирования личности ребенка 26

Касьянова Е. В.

Анализ изменений миграционных процессов, влияющих
на криминальную ситуацию 34

Олейник А. В., Судник Т. В.

Об отдельных направлениях противодействия преступлениям,
связанным с уклонением от уплаты налогов 40

Рахметоллов А. К., Байгалиев А. Б.

К отдельным вопросам профилактики правонарушений сквозь призму
повышения уровня правосознания предпринимателей. 46

Русецкий О. В.

Актуальные особенности развития и социальной природы наркотизма 54

Сидоренко Д. О., Герасимова С. И.

Криминологическая, виктимологическая характеристика мошенничества 62

Смеян А. А.

Основные тенденции современного терроризма и предложения
по совершенствованию Концепции борьбы с терроризмом
в Республике Беларусь 69

Чуешов К. В.

Социальная инженерия как инструмент несанкционированного доступа
к информационным ресурсам и персональным данным 78

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ (АНТИКОРРУПЦИОННОЙ) ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ИЛИ ИХ ПРОЕКТОВ. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Боярина А.А.

Совершенствование правовой регламентации оценки эффективности
судебно-экспертной деятельности 86

Ильина В. А.

Оценка опасности лица с психическим расстройством в практике
судебно-психиатрической экспертизы 93

Исраелян Г. В.

Проблема совершенствования регламентаций антикоррупционной
экспертизы проектов нормативных правовых актов
в Республике Армения 99

Матлак А. Н.

Информационные модели в судебной баллистической экспертизе 106

3. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Андрушко Т. И.

Наказание за реабилитацию нацизма в контексте реализации принципа
справедливости уголовной ответственности 114

Васильченко К. В.

Применение понятий «международная и иностранная организация»
в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации 124

Винокуров С. И.

Генезис вредоносности в деструктивных социальных процессах:
от аморальности к общественной опасности и преступлению 131

Дрозд А. Н.

Вебкам-модели как субъекты и «средства» совершения преступлений. 141

Лапцевич И. И.

Ресоциализационные начала в принудительных мерах воспитательного
характера 149

Лосев В. В.

Юридическая оценка причинения существенного вреда незаконными
действиями в отношении персональных данных. 160

Макеева М. Г.

Сравнительно-правовой анализ норм об уголовной ответственности за коммерческий подкуп в постсоветских государствах	169
--	-----

Филипец О. Б.

Проблемы уголовно-правовой регламентации ограничения свободы в Республике Казахстан	179
---	-----

Шаблинская Д. В.

Актуализация предложения о применении мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц в контексте обеспечения экологической безопасности в условиях цифровой трансформации	187
---	-----

**4. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Амуртаева Д. Т.

К вопросу о сущности восстановительного правосудия как инструмента социальной справедливости	196
--	-----

Бибило В. Н.

Участие прокурора в подготовительной части судебного разбирательства уголовных дел	202
--	-----

Варавко Ю. В.

Генезис информационно-аналитической деятельности следователя	208
--	-----

Шпак С. В.

О необходимости дальнейшего совершенствования специальной конфискации в уголовном процессе	218
--	-----

**5. ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА**

Аристархов А. Л.

К вопросу о регламентации полномочий прокурора в досудебном производстве по положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	230
--	-----

Магомедов Ш. М.

Акты прокурорского реагирования вне уголовно-правовой сферы в Беларуси и России	236
---	-----

Омельянович В. В., Корон А. Б.

О направлениях совершенствования реализации дополнительных профессиональных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации как базовом условии повышения эффективности прокурорской деятельности 243

Скобелев В. П.

О некоторых вопросах правового регулирования статуса прокурора в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь.....251

Широкова П. В.

К вопросу об эффективности деятельности прокурора в сфере правовой статистики 262

6. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Капица П. А.

Этапы расследования раскрадання у сферы распрацоўкі і ўдасканалення праграмага забеспячэння 267

Кухарьков Ю. В., Орехова Е. П.

Обстоятельства, определяющие особенности осмотра трупа и места его обнаружения при наступлении смерти по месту проживания 275

Лузгин И. И.

Электронная информация как объект криминалистического исследования. . . .283

Середа А. Е.

О некоторых аспектах правового регулирования распознавания лиц в расследовании преступлений. 290

Хлус А. М., Рудкевич Е. В.

Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании злоупотреблений властью или служебными полномочиями 298

7. ОБЩЕПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

Антоненко С. Б.

Политические и правовые взгляды Георгия Конисского на суд, судоустройство и статус судей 306

Башкевич Ю. Д.

Перспективы цифровизации деятельности участковых инспекторов милиции при ведении административного процесса 315

<i>Василевский А. В.</i>	
Незаконное вознаграждение от имени или в интересах юридического лица: состав административного правонарушения	322
<i>Гультяева Н. Н.</i>	
Правовой статус криптовалют и особенности их оборота в Республике Беларусь	332
<i>Ломакина И. Б.</i>	
Законность в механизме правового регулирования	339
<i>Моисеева И. А.</i>	
Особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации в глобальной компьютерной сети Интернет	347
<i>Пантелеева Н. В.</i>	
Аспекты правового регулирования молодежного предпринимательства, его отличительные критерии	359
<i>Самойлов Э. И.</i>	
Меры правовой защиты интересов коммерческих представителей- резидентов Республики Беларусь за рубежом	368
<i>Худяков А. В.</i>	
Цикличность права как фактор изменений в политической сфере	376
<i>Шуницкая О. Н.</i>	
Конституционная законность: сущность и обеспечение	383
НАШИ АВТОРЫ	390

1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

УДК 343

ИНФОРМАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ТЕРРОРИЗМА

Боков Д.К.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, инфраструктура терроризма, информационная инфраструктура терроризма.

Введение

Террористические проявления и угрозы представляют собой сложную криминальную систему, состоящую из ряда взаимосвязанных элементов и взаимодействующую с факторами внешней среды. Следовательно, феноменология терроризма должна рассматриваться с методологических позиций системного подхода. Не углубляясь в подробное изложение принципов и требований системного подхода [1–4], отметим в общих чертах, что он ориентирован прежде всего на изучение целостных, интегративных свойств, которые присущи системному объекту, его структурного строения (элементов и связей между ними), а также на исследование системы во взаимосвязи и взаимодействии с другими объектами и внешними факторами ее функционирования. Как отмечается в доктрине, «системный подход рассматривает систему не как таковую, не саму по себе, а в связи с окружающей средой, на фоне которой и во взаимодействии с которой функционирует система, что позволяет определить границы системы, познать ее целостность, понять, почему рассматриваемая система имеет именно такую структуру, объяснить и прогнозировать трансформации системы» [5, с. 94].

Системный анализ, который давно вошел в арсенал методов исследования терроризма [6–9], приводит к выводу, что терроризм представляет собой сложноорганизованную насильственную криминальную деятельность, совершаемую с политическими целями (дестабилизация управленческой деятельности, оказание воздействия на принятие решений публично-правовыми образованиями), которая детерминирована факторами внешней среды и осуществляется под их непосредственным влиянием.

При этом специфика терроризма заключается в том, что эти факторы имеют преимущественно «рукотворный» и целенаправленный характер: ведь, как показывает практика, совершение террористических преступлений практически невозможно без предшествующей деятельности, направленной

на вербовку исполнителей, их идеологическую «обработку», вооружение, обучение, финансирование. Указанные деяния, детерминирующие совершение террористических нападений и способствующие им, образуют *инфраструктуру терроризма*.

Основная часть

Важнейшим элементом инфраструктуры современного терроризма является информационная деятельность, обеспечивающая распространение террористической идеологии, пропаганду терроризма, а также свободную коммуникацию участников террористических объединений между собой и с потенциальными объектами вербовки.

Информационная инфраструктура с технической точки зрения представляет собой систему информационных организационных структур, подсистем, информационных средств и технологий, обеспечивающих развитие и функционирование информационного пространства и информационного взаимодействия. С точки зрения деятельностного подхода информационная инфраструктура представляет собой деятельность по развитию и использованию информационного пространства и информационного взаимодействия в целях обеспечения функционирования системы. С учетом юридической тематики исследования нас интересует именно второй — деятельностный — аспект информационной инфраструктуры терроризма.

Современная наука выделяет следующие типы информационных угроз: *контентные*, сопряженные с распространением вредоносной (негативной) информации (разжигание ненависти и вражды, пропаганда либо оправдание терроризма, стимулирование и содействие совершению преступлений, устрашение и пр.), и *коммуникационные*, охватывающие деструктивные формы межличностного либо группового общения (манипуляция сознанием, запугивание и принуждение, вербовка и иные формы вовлечения, публичные призывы и пр.) [10, с. 16–17].

Информационная инфраструктура терроризма включает в себя оба типа — контентный и коммуникационный. Ее содержание образует общественно опасная деятельность по использованию информационного пространства и технологий, направленная:

- на содействие формированию и развитию идеологической основы терроризма;
- оправдание, пропаганду терроризма и тиражирование практики его реализации;
- формирование информационной составляющей террористического социального пространства;
- содействие вовлечению новых субъектов в террористическую деятельность;

– реализацию информационной составляющей механизма устрашения и принуждения при совершении террористических актов.

Международная и отечественная практика противодействия терроризму показывает, что силовые методы позволяют лишь воздействовать на конкретную угрозу совершения террористических актов, временно локализовать ее. Пока существует и функционирует система воспроизводства инфраструктуры терроризма, террористические угрозы будут сохраняться. Поэтому одной из первоочередных задач борьбы с терроризмом является противодействие формированию и распространению идеологии терроризма, воздействие на ее вдохновителей и активных носителей, а также каналы ее распространения [11, с. 62].

Российское законодательство определяет терроризм как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»). Именно идеологическая основа позволяет отграничивать терроризм от каких-либо иных видов правомерной или противоправной деятельности. Поэтому мы не можем согласиться с утверждением, что современный терроризм — это «форма ведения боевых действий» [12, с. 5–6] или «новая форма войны» [13, с. 15]. То же касается и указаний на то, что терроризм используется национально-освободительным движением [14, с. 8] или является формой конкурентного взаимодействия криминала.

Роль преступного использования информационного пространства и информационных технологий в целях содействия формированию и развитию идеологической основы терроризма трудно переоценить. Имея многовековую историю, идеология насилия как идеологическая основа терроризма постоянно эволюционирует и стремится к широкому распространению. Именно глобальная информатизация современной социальной среды и стремительное развитие информационных технологий активно используются современными идеологами терроризма в целях развития и популяризации идеологии насилия.

Так, террористическая инфраструктура международных исламистских террористических организаций включает в себя масштабную разветвленную исламскую гуманитарную сеть в различных странах, целью которой является распространение идей радикального ислама, а в конечном итоге — достижение цели глобального джихада и строительства всемирной исламской политики [15, с. 183–184].

Одним из ключевых элементов международной террористической инфраструктуры, активно используемым террористами в целях идеологиче-

ской обработки, рекрутинга новых членов и осуществления коммуникации, являются глобальные информационно-коммуникационные сети [11, с. 64–65; 16, с. 84–91; 17, с. 55–72]. Именно глобальные информационно-коммуникационные сети активно используются террористами в целях оправдания, пропаганды терроризма и тиражирования практики его реализации, обеспечения коммуникации участников террористического социального пространства, реализации информационной составляющей механизма утращения и принуждения при совершении террористических актов, а также в качестве инструментария содействия вовлечению новых субъектов в террористическую деятельность.

В современном информационном обществе, одной из фундаментальных характеристик которого является постулат «нет события в СМИ — нет в реальности», эффективность террористической активности без массмедийного эффекта близка к нулю, а террористические акты, замкнутые на непосредственных жертвах, утрачивают свой практический смысл [18, с. 15]. Средства массовой информации и средства массовой коммуникации, формируя рамки интерпретации идеологии и проявлений терроризма, являются сегодня основным каналом распространения, тиражирования информации о террористических актах, обеспечивая эффективность использования насилия как средства утращения и принуждения при реализации террористической угрозы.

Цифровая среда меняет способы пропаганды терроризма и дает мощный толчок для нее. Если аналоговая и ранняя цифровая пропаганда обычно проходила через СМИ и, таким образом, достигала аудитории опосредованно, то современная пропаганда в интернет-пространстве характеризуется прямым доступом к целевой аудитории. В отличие от офлайна организации, занимающиеся пропагандой в сети, не скрывают свою личность и в первую очередь обращаются к (потенциальным) последователям с целью формирования соответствующего мировоззрения и отношения к реальности [19, р. 103–127].

Активная работа с потенциальными и активными сторонниками в сети Интернет является сегодня *modus operandi* террористических объединений [15, с. 164]. Так, построение масштабных сетей информационно-пропагандистского воздействия, использование систем и сетей коммуникации, прежде всего сети Интернет, а также различных технологий манипуляции сознанием, в том числе принципов и методов геймификации (привнесение игровых элементов в неигровую среду), позволяют сегодня лидерам террористических организаций осуществлять борьбу за умы широких масс, тиражировать идеологию терроризма и вовлекать в него новых субъектов [20, с. 4–5; 21, с. 87–95; 22, с. 52–60; 23, с. 39–51].

Геймификация становится эффективным инструментом пропаганды терроризма и вовлечения в него. Соответствующий эффект проявляется в демонстрировании видеозаписей террористических атак от первого

лица — кадры или транслируются во время нападения, или выкладываются в интернет позже. Они обычно снимаются с помощью камеры, установленной на шлеме (*helmetcam*), и дают зрителю возможность увидеть процесс от первого лица [24, р. 55–74].

Так, в ходе совершения террористического акта в подмосковном «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 г. террористы осуществляли видеосъемку. Впоследствии это видео опубликовали интернет-ресурсы, связанные с «Исламским государством» (организация признана террористической). На кадрах крупным планом сняты террористы, стреляющие в людей, звучат призывы к террористической деятельности. Видео сопровождается комментариями, в которых также содержатся призывы к терроризму и его одобрение.

Заключение

Таким образом, современные технологии информационно-психологического воздействия вносят значительный вклад в детерминацию террористических преступлений, способствуют пропаганде террористической идеологии и распространению террористических практик.

Отмеченные обстоятельства:

- вынуждают признать, что приоритетным направлением борьбы с терроризмом выступает превентивное воздействие на его информационную инфраструктуру;
- требуют соответствующей переориентации усилий правоохранительных органов. Государство в лице компетентных органов должно, с одной стороны, оперативно реагировать на любые формы распространения идеологии терроризма, попытки оправдать террористическую деятельность, героизировать терроризм, а с другой стороны, использовать разнообразные механизмы контртеррористической пропаганды, формировать и продвигать позитивную идеологическую «повестку», способную служить основой конструктивного социального взаимодействия, прочного межнационального, межконфессионального мира и согласия;
- полностью оправдывают криминализацию публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и его пропаганды (ст. 205.2 Уголовного Кодекса Российской Федерации), а равно иных форм распространения криминогенной информации.

Список цитированных источников

1. *Садовский, В. Н.* Основания общей теории систем / В. Н. Садовский. — М. : Наука, 1974. — 279 с.
2. *Анохин, П. К.* Избранные труды: философские аспекты теории систем / П. К. Анохин. — М. : Наука, 1978. — 400 с.
3. *Парсонс, Т.* О социальных системах / Т. Парсонс. — М. : Академ. проект, 2002. — 832 с.

4. *Горохов, А. В.* Основы системного анализа : учеб. пособие для вузов / А. В. Горохов. — М. : Юрайт, 2019. — 141 с.

5. *Ображиев, К. В.* Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы / К. В. Ображиев // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. — 2012. — № 1. — Т. 2. Философия. — С. 89–96.

6. *Агаев, Х. Ф.* Терроризм как идеологическая система насилия / Х. Ф. Агаев // Современные исследования социальных проблем (электрон. науч. журн.). — 2013. — № 3. — С. 12–17.

7. *Коваленко, Н. А.* О системном подходе к терроризму / Н. А. Коваленко // Учен. зап. Рос. гос. соц. ун-та. — 2007. — № 3 (55). — С. 120–125.

8. *Мишин, Ю. Д.* Актуальность использования сочетания системного и диалектического подходов в понимании терроризма / Ю. Д. Мишин, Е. А. Кочнев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 10–3 (60). — С. 118–123.

9. *Юсупова, Г. И.* Использование системного подхода в изучении проблем безопасности и терроризма / Г. И. Юсупова, Ф. М. Мустафаев // Вестн. Дагестан. науч. центра РАН. — 2011. — № 41. — С. 77–84.

10. *Смирнов, А. А.* Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. А. Смирнов; ФГБУН Ин-т государства и права РАН. — М., 2022.

11. *Кулишов, В. Г.* Об основных результатах деятельности Национального антитеррористического комитета / В. Г. Кулишов // Вестн. Нац. антитеррорист. комитета. — 2010. — № (01) 1. — С. 56–65.

12. *Белая, Е. В.* Феномен терроризма в современном обществе : автореф. дис. ... канд. соц. наук / Е. В. Белая; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М., 2005.

13. *Щебланова, В. В.* Социальный контекст современного терроризма : автореф. дис. ... канд. соц. наук / В. В. Щебланова; ГОУВП «Саратов. гос. тех. уч. ун-т». — Саратов, 2003.

14. *Любарский, Е. С.* Терроризм в условиях глобализирующегося мира: методологический аспект : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е. С. Любарский; Моск. пед. гос. ун-т. — М., 2010.

15. *Димитровска, А.* Деятельность международных террористических организаций в странах Западных Балкан : дис. ... канд. полит. наук / А. Димитровска; МГИМО. — М., 2019.

16. *Сундиев, И. Ю.* Использование информационных сетей в экстремистской и террористической деятельности / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов // Науч. портал МВД России. — 2014. — № 1. — С. 84–91.

17. Сундиев, И. Ю. Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности: функциональный анализ / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов // Свободная мысль. — 2014. — № 4. — С. 55–72.

18. Катрич, Л. В. Плюрализация форм терроризма в современном мире: социологические подходы : автореф. дис. ... канд. соц. наук / Л. В. Катрич; МГИМО МИД. — М., 2009.

19. Lock, I. Organizational propaganda on the Internet: A systematic review / I. Lock, R. Ludolph. — Public Relations Inquiry. — 2020. — 9(1). — P. 103–127.

20. Бешукова, З. М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / З. М. Бешукова; Кубанск. гос. ун-т. — Краснодар, 2020.

21. Меркурьев, В. В. Противодействие использованию технологий геймификации в террористических и экстремистских целях / В. В. Меркурьев, О. В. Хлопкова, А. С. Клементьев // Всерос. криминол. журн. — 2020. — Т. 14, № 1. — С. 87–95.

22. Сундиев, И. Ю. Бесструктурные и бесконтактные способы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов, Н. Г. Андрюхин // Науч. портал МВД России. — 2018. — № 2. — С. 52–60.

23. Сундиев, И. Ю. Технологии геймификации в экстремистской и террористической деятельности: опыт экспозиции / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов // Науч. портал МВД России. — 2021. — № 3. — С. 39–51.

24. Andrews, S. The 'First Person Shooter' Perspective: A Different View on First Person Shooters, Gamification, and First Person Terrorist Propaganda / S. Andrews // Games and Culture. — 2024. — 19(1). — P. 55–74.

Аннотация. Важнейшим элементом инфраструктуры современного терроризма является информационная деятельность, обеспечивающая распространение террористической идеологии, пропаганду терроризма, а также свободную коммуникацию участников террористических объединений между собой и с потенциальными объектами вербовки.

Информационная инфраструктура терроризма включает общественно опасную деятельность по использованию информационного пространства и технологий, направленную на: содействие формированию и развитию идеологической основы терроризма; оправдание, пропаганду терроризма и тиражирование практики его реализации; формирование информационной составляющей террористического социального пространства; содействие вовлечению новых субъектов в террористическую деятельность; реализацию информационной составляющей механизма устрашения и принуждения при совершении террористических актов.

INFORMATION INFRASTRUCTURE OF TERRORISM

Bokov D. K.

Keywords: terrorism, terrorist activity, infrastructure of terrorism, information infrastructure of terrorism.

Abstract. The most important element of the infrastructure of modern terrorism is information activity, which ensures the dissemination of terrorist ideology, the propaganda of terrorism, as well as free communication of members of terrorist associations among themselves and with potential targets of recruitment.

The information infrastructure of terrorism includes socially dangerous activities involving the use of information space and technology, aimed at: promoting the formation and development of the ideological basis of terrorism; justification, propaganda of terrorism and replication of the practice of its implementation; formation of the information component of the terrorist social space; facilitating the involvement of new actors in terrorist activities; implementation of the information component of the mechanism of intimidation and coercion when committing terrorist acts.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Демидова-Петрова Е.В., Ахунов Д.Р.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступность несовершеннолетних, предупреждение преступности, городская агломерация, концепция предупреждения, национальная безопасность.

Введение

Вопросы предупреждения преступности несовершеннолетних, в частности в условиях городских агломераций, стоят перед отечественной правовой наукой, привлекали и продолжают привлекать внимание ученых, практических работников. Значительное количество научных работ посвящено уголовно-правовой и криминологической характеристике рассматриваемого вида преступности. Преступность несовершеннолетних с позиции региональных особенностей также является объектом исследования ученых-юристов, социологов, педагогов, историков.

Целью настоящей работы стало исследование и предложение концепции предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях городских агломераций.

Методологическую основу данной статьи составил всеобщий диалектический метод познания предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях городских агломераций. Также в процессе написания были применены общенаучные методы познания, среди которых следует отметить историко-правовой, системно-структурный анализ, обобщение, сравнение, аналогию. Среди примененных частнонаучных методов познания следует выделить наблюдение и аналитическое обследование.

Исследуя особенности преступности несовершеннолетних, важно указать на то, что рассмотрению многогранных аспектов данного вида преступности посвящены труды Р.М. Абызова, З.А. Астемирова, Ю.М. Антоняна, М.М. Бабаева, Р.А. Баймурзаевой, Л.И. Беляевой, А.Н. Варыгина, Н.И. Ветрова, А.И. Долговой, В.Д. Ермакова, Д.З. Зиядовой, К.Е. Игошева, В.И. Игнатенко, А.Н. Ильяшенко, Н.И. Крюковой, С.Я. Лебедева, Н.В. Машинской, Г.М. Миньковского, В.В. Невского, В.А. Плешакова, Б.А. Плюснина, Г.М. Погореловой, Л.М. Прозументова, Ю.Е. Пудовочкина, В.П. Ревина, Е.В. Роговой, Ю.А. Романовой, Ф.Ю. Сафина, А.Б. Сахарова, С.Л. Сибирякова, С.Т. Сулеймановой, А.П. Тузова, О.В. Шляпниковой и др. Значительное количество работ посвящено и преступности несовершеннолетних в конкретике ее ре-

гиональных и территориальных особенностей. Здесь стоит отметить работы Н. Г. Акбарова, Н. М. Бузько, Б. С. Воронцова, Ф. В. Габдрахманова, Л. С. Голубничей, Н. И. Гуковской, Г. И. Забрянского, Е. Л. Козиной, А. Н. Комарницкого, А. В. Куприяновой, В. А. Лелекова, А. В. Лысенко, С. А. Меликяна, Э. Б. Мельниковой, П. С. Мясникова, О. А. Осадчук, Р. В. Полтарыгина, Г. М. Погореловой, Е. Н. Савинковой, А. С. Ханахмедова, В. В. Шараповой и др.

Нормативно-правовую основу настоящей работы составили Конституция Российской Федерации, уголовное законодательство, ряд иных нормативно-правовых актов Российской Федерации, в том числе затрагивающих и регулирующих вопросы предупреждения преступности несовершеннолетних, а также общефедеральные директивные документы, региональные программы в сфере предупреждения указанного вида преступности.

Основная часть

Различные аспекты преступности несовершеннолетних и ее предупреждения, а также изучение, глубокий анализ преступности в условиях городских агломераций нашли свое отражение в более ранних работах авторов настоящей статьи [1, с. 464; 2, с. 400; 3; 4; 5, с. 440–445; 6, с. 294–300; 7, с. 68–74; 8]. Таким образом, предложение авторской концепции предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях городских агломераций базируется на результатах проведенных исследований данного вида преступности, познания особенностей ее детерминант, исследования качественно-количественных характеристик, выявления ее особенностей в условиях городских агломераций.

Прежде чем представить авторскую концепцию предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях городских агломераций Российской Федерации, представляется достаточно обоснованным отметить: в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» указано, что «современные дети — первое поколение, чье взросление происходит на фоне стремительно развивающихся информационно-коммуникационных технологий. В своих привычках, ценностях и поведении в сети Интернет эта группа принципиально отличается от представителей более старшей аудитории (18–45 лет)» [9]. 7 мая 2024 г. Президент Российской Федерации подписал Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Так, «в целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации, укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, увеличения численности населения страны и повышения уровня жизни граждан, основываясь на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма, приоритета человека, социальной справедливости и равенства возможностей, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности, открытости

внешнему миру, экономического развития, основанного на честной конкуренции, предпринимательстве и частной инициативе, высокой эффективности и технологичности, определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [10]. Одними из приоритетных направлений явились: «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; комфортная и безопасная среда для жизни» [10]. Согласно настоящему Указу сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, а также комфортная и безопасная среда для жизни являются одними из ключевых направлений развития России на ближайшее десятилетие. В этом ключе важно отметить и то, что на нынешнем этапе развития нашего общества процессы трансформации, урбанизации, информатизации, а также вопросы агломерирования территорий оказывают значительное влияние на устройство, организацию социально-экономического пространства, что естественно влечет за собой возникновение особенностей, проблемных аспектов в части предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях городских агломераций.

Существующие сегодня социально-экономические процессы урбанизации, плотно переплетенные с процессами цифровой трансформации общества в целом, являются достаточно сложным, многоаспектным и не в полной мере криминологически исследованным механизмом. Указанные процессы обусловлены интенсификацией научной, общественной, производственной, культурной, духовно-нравственной деятельности современного общества. При этом в нашей стране данные процессы становятся базой для слабо пропорционального развития городов, а также территориальной и социальной поляризации населения.

Таким образом, значимый научно-практический, криминологический интерес усматривается в исследовании городских агломераций. Именно на этом уровне изучение преступности несовершеннолетних обладает особой актуальностью. Также подобное исследование, проведение глубокого, всестороннего анализа рассматриваемого вида преступности в таких условиях имеет как теоретическое, так и прикладное значение для выработки наиболее актуальных, эффективных мер ее предупреждения.

Особенности развития, функционирования городских агломераций, существующие криминологические специфики комплекса детерминант и проявлений преступности несовершеннолетних в подобных агломерациях подтверждают созревшую потребность рассмотрения именно региональных особенностей и важности предложения концепции предупреждения преступности несовершеннолетних на обсуждаемом территориальном уровне.

Так, разработанная авторская концепция предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях городских агломераций в Российской Федерации являет собой теоретическую основу предупреждения данного вида преступности с особым предупредительным воздействием на экстремизм как наиболее общественно опасное проявление девиантных отклонений современных несовершеннолетних и молодежи.

На сегодняшний день в рамках познания преступности несовершеннолетних достаточно обоснованным выглядит проведение криминологического мониторинга данного вида преступности в городских агломерациях. Проведение планового криминологического мониторинга обеспечит всестороннее, комплексное исследование данного вида преступности, познание ее современных детерминант, территориальных особенностей, мер и субъектов ее предупреждения.

Полученные результаты в рамках проведенного криминологического мониторинга преступности несовершеннолетних в городских агломерациях лягут в основу организации предупреждения и своевременной его адаптации, корректировки с учетом реалий. Также становится наиболее доступным и криминологическое прогнозирование развития, изменения качественно-количественных характеристик исследуемой преступности.

Проведение криминологического мониторинга с учетом определенных маркеров, включающих в себя криминологически значимую информацию, позволит установить систему детерминант преступности несовершеннолетних, их взаимосвязи, обеспечивая при этом целостность и комплексность подхода к предупреждению преступности несовершеннолетних на уровне городских агломераций как особых территориальных и социально-экономических образований.

Разработанная концепция предупреждения преступности несовершеннолетних на уровне городских агломераций образована триадой элементов. Первый элемент — теоретические и методологические основы изучения преступности несовершеннолетних. Данный элемент предусматривает научно обоснованные подходы к познанию этого вида преступности, определяет круг научных задач для последующих исследований, а также включает модель криминологически значимой информации. Второй элемент — основы формирования системы предупреждения преступности несовершеннолетних на уровне городских агломераций, которые предусматривают научно обоснованные положения о современном состоянии преступности несовершеннолетних, определяют существующие «группы риска» с дальнейшим потенциалом криминализации, а также включают в себя модель построения частных программ предупреждения преступности несовершеннолетних на уровне городских агломераций. Третий элемент — это основы формирования системы предупреждения экстремистских преступлений среди несовершеннолетних и молодежи. В настоящем элементе заложен потенциал,

предусматривающий разработку научно обоснованных положений о взаимосвязи, взаимозависимости социальных вопросов несовершеннолетних и молодежи с экстремизмом как социально-негативным явлением, а также систему мер предупреждения преступности несовершеннолетних экстремистского характера. Здесь особая роль отводится государственно-частному и муниципально-частному партнерству.

Таким образом, предлагаемая концепция предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях городских агломераций включает в себя определенную систему элементов.

Основой настоящей концепции является криминологический методологический подход к познанию преступности несовершеннолетних в условиях городских агломераций. Он состоит в исследовании различных аспектов социальной жизни несовершеннолетних как в социальном мире (офлайн), так и в виртуальном (онлайн) социальном мире. Подобное познание позволит выявить значительную динамику негативного воздействия на несовершеннолетних так называемого «онлайн-фактора» (влияния онлайн, интернет-пространства) в совокупности с иными факторами, классически рассматриваемыми как криминогенные.

Следующим не менее существенным элементом авторской концепции является структурная модель криминологически значимой информации. Указанная модель включает в себя направления, исследование которых ложится в основу формирования углубленных, актуальных знаний о рассматриваемом виде преступности. Таким образом, становится возможным получение «сквозного» среза криминологически значимой информации.

Отдельное внимание в предлагаемой концепции отводится «группе риска» криминализации как объекту защиты от воздействия криминальной среды и предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях городских агломераций.

Предлагая концепцию предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях городских агломераций, важно отметить один из элементов, также входящий в состав указанной концепции, — изучение уровня причин анализируемой преступности. Так, выявлены три уровня причин: общий (данный уровень, как правило, свойственен преступности в целом), видовой (для этого уровня характерны особенности, присущие преступности несовершеннолетних в городских агломерациях, включающие в себя политические, правовые, экономические, исторические, социально-психологические, культурно-нравственные факторы) и индивидуальный (уровень единичного преступления, отражающий детерминированность конкретных преступлений, совершенных несовершеннолетним, объективными (социальными), субъективными (психологическими факторами).

Особая роль отводится выделению «группы риска» криминализации экстремистского характера и двух групп мер предупреждения преступности несовершеннолетних экстремистского характера.

Заключительным элементом авторской концепции является модель построения программы предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях городских агломераций, которая базируется:

- на выделении группы несовершеннолетних, входящих в «группу риска» криминализации, как целевой группы предупредительного воздействия;
- дифференциации двух групп мер, направленных на предупреждение преступности несовершеннолетних в условиях городских агломераций:

1) меры по воздействию на угрозы криминализации несовершеннолетних, находящихся в условиях городских агломераций;

2) меры криминологической охраны несовершеннолетних, входящих в «группу риска» криминализации, включающие деятельность по минимизации социально-экономических факторов, детерминирующих дальнейшую криминализацию несовершеннолетних, входящих в «группу риска».

Заключение

Предложенной концепции предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях городских агломераций Российской Федерации присущи девять ключевых особенностей:

- 1) научная новизна;
- 2) комплексный подход к познанию преступности несовершеннолетних и ее предупреждению в условиях городских агломераций;
- 3) системность предлагаемых мер;
- 4) теоретическая разработанность предложений;
- 5) программность и модульность предлагаемых решений;
- 6) адаптивность к изменяющимся условиям;
- 7) практическая направленность на реализацию предлагаемых мер системой государственных органов и общественных организаций;
- 8) потенциал реализации государственно-частного, муниципально-частного партнерства;
- 9) возможность воздействия на интернет-пространство, в котором преступность несовершеннолетних обретает новые проявления и формы.

Список цитированных источников

1. Демидова-Петрова, Е. В. Преступность несовершеннолетних в современной России: вопросы изучения и предупреждения : моногр. / Е. В. Демидова-Петрова. — Казань : КЮИ МВД России, 2021. — 464 с.
2. Демидова-Петрова, Е. В. Классицизм и инновации в предупреждении преступности несовершеннолетних : моногр. / Е. В. Демидова-Петрова. — Казань : КЮИ МВД России, 2018. — 400 с.

3. Демидова-Петрова, Е. В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: мониторинг и оценка практико-ориентированных мер : моногр. / Е. В. Демидова-Петрова. — Казань : КЮИ МВД России, 2018. — 142 с.

4. Демидова-Петрова, Е. В. Методология познания преступности несовершеннолетних и борьбы с ней: от истории к современности : моногр. / Е. В. Демидова-Петрова. — Казань : КЮИ МВД России, 2017. — 123 с.

5. Ахунов, Д. Р. Криминологические особенности агломерации (на примере коррупционной преступности) / Д. Р. Ахунов // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. — 2020. — № 4. — С. 440–445.

6. Ахунов, Д. Р. Проект Федерального закона «Об агломерациях в Российской Федерации» / Д. Р. Ахунов // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. — 2021. — № 3. — С. 294–300.

7. Ахунов, Д. Р. Некоторые признаки, характеризующие коррупционную преступность в агломерациях (на материалах Республики Татарстан) / Д. Р. Ахунов // Мониторинг правоприменения. — 2021 — № 4 (41). — С. 68–74.

8. Ахунов, Д. Р. Коррупционные преступления в агломерациях: понятие, особенности предупреждения : моногр. / Д. Р. Ахунов; под ред. Е. В. Демидовой-Петровой. — Казань : КЮИ МВД России, 2022. — 160 с.

9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации, 2 июля 2021 г., № 400. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. — Дата доступа: 08.05.2024.

10. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Рос. Федерации, 7 мая 2024 г., № 309. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>. — Дата доступа: 08.05.2024.

Аннотация. Исследуются особенности проявлений современной преступности несовершеннолетних в городских агломерациях. Авторами на основе ранних исследований, посвященных различным аспектам преступности несовершеннолетних, а также преступности, совершаемой в городских агломерациях, предлагается собственная концепция предупреждения преступности несовершеннолетних в городских агломерациях.

PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY IN URBAN AGGLOMERATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Demidova-Petrova E. V., Akhunov D. R.

Keywords: juvenile, juvenile delinquency, crime prevention, urban agglomeration, prevention concept, national security.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the manifestations of modern juvenile delinquency in urban agglomerations. The authors, based on early studies on various aspects of juvenile delinquency, as well as crime committed in urban agglomerations, propose the author's concept of preventing juvenile delinquency in urban agglomerations.

НАСИЛИЕ КАК ФАКТОР ДЕСТРУКТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Ескендиоров А.А.

Ключевые слова: семья, родители, ребенок, личность, дискриминация, жестокость, насилие, факторы, профилактика.

Введение

Семья как социальный институт играет главенствующую роль в формировании у ребенка традиционных основ личности. Именно семейное благополучие формирует атмосферу заботы и любви, защиты и поддержки, которые так необходимы детям. Однако в жизни все может случиться наоборот, и вместо родительской опеки многие дети становятся жертвами жестокого обращения со стороны взрослых членов семьи, подвергаясь морально-психологическому и физическому насилию. Дискриминация малолетних и несовершеннолетних чревата трагическими последствиями и может пагубно сказаться на их здоровье, развитии и дальнейшей жизнедеятельности.

Основная часть

Сегодня в Казахстане проживает 20 139 914 чел. (из них 62,3 % — в городах и 37,7 % — на селе) [1]. В 2009–2023 гг. сложилась устойчивая тенденция роста доли детского населения республики (от 4,6 млн до 6,6 млн чел.), т. е. 32,7 % от общего числа казахстанцев [2]. Дети и подростки составляют более 1/3 населения страны, а поэтому проблемы подрастающего поколения являются одними из основных, и от их решения зависит перспектива существования нашего общества.

Социально-экономическое положение в Казахстане показывает, что при увеличении размеров потребления запросы населения остаются без должного внимания. Экономический кризис, безработица и классовое расслоение заставили взрослых все внимание уделить не семье и детям, а проблемам элементарного «выживания» (ипотека, кредиты и т. д.). Дети остались без должного родительского внимания, нарушился процесс морально-нравственного и социального воспитания ребенка, а в семьях все чаще стали возникать бытовые конфликты и насилие.

Любые проявления жестокого обращения с детьми негативно влияют на самые разные аспекты их развития: жизнь, здоровье, досуг, отдых, социальную адаптацию, круг общения и др. Но кроме вреда для физического и психического здоровья дискриминация со стороны взрослых негативно влияет на процесс социализации несовершеннолетнего (детский сад, школа,

университет), что чревато трагедией не только для одного человека, но и для нескольких поколений.

Предметно рассмотрим каждый вид насилия и их последствия для несовершеннолетнего:

1) психологическое насилие — оскорбление или унижение ребенка, высказывание в его адрес угроз, демонстрация негативного отношения или отвержение [3]. Данный вид насилия посягает в первую очередь на эмоционально-личностную сферу несовершеннолетнего. При этом сложно установить факт, что ребенок стал жертвой психологического насилия, так как отсутствуют его «внешние» признаки. Поэтому необходимо обращать особое внимание на следующие поведенческие признаки, появляющиеся у ребенка в том или ином возрасте:

а) в дошкольном возрасте у ребенка наблюдаются неспособность сосредоточить внимание на объектах, задержка речевого развития, излишняя плаксивость либо агрессивность, отсутствуют первичные навыки социализации среди ровесников и т. д.;

б) у детей-школьников начальных классов наблюдаются низкая успеваемость, прогулы, такие дети особо нуждаются в защите взрослых;

в) у детей-школьников средних классов наблюдаются признаки депрессии, низкой самооценки, суицидального поведения и др.

Негативные последствия психологического насилия:

- отсутствие эмоциональных установок и коммуникативных навыков;
- уступчивость, податливость, подверженность стрессу и страхам;
- негативное восприятие окружающей жизни, депрессивность и т. д.;
- формирование личности «жертвы»;
- развитие серьезных психосоматических заболеваний и иных аномалий в психике;

2) физическое насилие — умышленное причинение телесных повреждений, опасных либо неопасных для жизни и здоровья ребенка в возрасте до 18 лет, родителями, взрослыми членами семьи либо иными лицами, ответственными за развитие и воспитание несовершеннолетнего (отчим, мачеха, опекуны, попечители и др.).

Школьным и социальным педагогам, воспитателям и психологам рекомендуется обращать внимание на следующие признаки и «сигналы»:

а) в дошкольном возрасте у ребенка наблюдаются малоподвижность (при отсутствии патологии), боязнь родителей или взрослых, плаксивость, лживость и т. д.;

б) у детей-школьников начальных и средних классов наблюдаются низкая успеваемость, побеги из дома, случаются истерики и нервные срывы в связи с нежеланием возвращаться домой после школы, отсутствует круг

интересов во дворе и школьном коллективе, любыми способами скрываются следы «родительских» побоев и т. д.;

в) у детей-школьников старших классов наблюдаются замкнутость, признаки депрессии, низкой самооценки, суицидального поведения, случаи употребления наркотических средств и психотропных веществ.

Негативные последствия физического насилия:

- физические и морально-психологические травмы (увечья);
- физическая и психопатология;
- аморальное, асоциальное и преступное поведение.

Тяжесть последствий физического насилия зависит от возраста ребенка, особенностей его поведения, характера отношений с родителями, силы и способов «воспитания». Систематические экзекуции лишают ребенка надежды на понимание и помощь от собственных родителей, что, в свою очередь, «...подрывает его способности к поиску помощи и взаимоотношениям с людьми в будущем» [4];

3) сексуальное насилие — принудительное, путем уговоров, обмана либо иным способом использование ребенка взрослым лицом (педофилом) для получения сексуального удовлетворения.

Сексуальное насилие включает как прямые сексуальные контакты, так и косвенные (демонстрация ребенку обнаженных гениталий, просмотр эротических и порнографических материалов, а также иные развратные действия) [5].

Признаки сексуального насилия:

а) внешние (физические): инфекции, передаваемые половым путем, повреждения в интимных частях тела, энурез, энкопрез, дерматит и др.;

б) внутренние (психологические):

– у детей дошкольного возраста наблюдаются беспричинные нервно-психические расстройства, их беспокоят ночные страхи и кошмары, проявляется нездоровый интерес к обнажению и сексуальные игры с самим собой, сверстниками или игрушками;

– у детей-школьников начальных и средних классов наблюдаются низкая успеваемость, замкнутость, стремление к уединению, напряженность в отношениях со сверстниками, нездоровый интерес к противоположному полу;

– у детей-школьников старших классов наблюдаются депрессивность, частые прогулы школы и систематические побеги из дома, признаки суицидального поведения, наличие вредных привычек, ранний половой опыт и др.

Негативные последствия сексуального насилия:

- отклонения в традиционных формах сексуального «просвещения»;
- сексуальная патология в отношениях с противоположным полом;
- подверженность сексуальному насилию в зрелом возрасте;

4) социальная дискриминация ребенка. Социальное «сиротство» – отсутствие родительской заботы и опеки при живых родителях, когда взрослые члены семьи не желают либо неспособны обеспечить здоровое развитие и воспитание родных детей. Семейное неблагополучие порождает голод, нищету, безнадзорность и беспризорность, пристрастие к вредным привычкам, болезни и др.

Признаки социальной дискриминации (неблагополучия) ребенка:

- слабое состояние детского организма;
- неопрятный внешний вид;
- низкая успеваемость и неудовлетворительное прилежание;
- школьные прогулы и побеги из дома;
- бродяжничество и попрошайничество.

Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. № 214-IV «О профилактике бытового насилия» под социальной дискриминацией понимает экономическое насилие, т. е. умышленное лишение человека жилья, пищи, одежды, имущества, средств, на которые он имеет предусмотренное законом право (ст. 46) [6].

«Атмосфера» неблагополучия наблюдается в семьях, где родители ведут асоциальный образ жизни (пьянство, дебоши и т. п.), часто происходят ссоры на почве семейно-бытовых конфликтов, а также факты насилия в «воспитательных» целях. Дети, лишённые родительской любви и заботы, готовы довериться и полюбить любого взрослого, кто проявит к ним жалость и понимание. Поэтому складывается высокая степень риска того, что такие дети могут стать объектом сексуального посягательства.

Негативные последствия социальной дискриминации:

- низкий уровень умственного и эмоционального интеллекта;
- низкая школьная успеваемость и прилежание;
- отсутствие морально-психологических установок на оценку собственного поведения, личностная нестабильность и равнодушие.

Таким образом, профилактика семейно-бытового насилия обязывает рассматривать семью как объект профилактики.

Криминологическая коррекция семейных отношений складывается из следующих компонентов:

- 1) нейтрализация противоречий среди членов семьи;
- 2) создание условий для преодоления негативного влияния семьи на ее членов;
- 3) разрешение конкретных конфликтных ситуаций;
- 4) использование положительного потенциала в сфере семейных отношений [7, с. 94].

Профилактика криминогенных факторов семейно-бытовых конфликтов включает:

- меры общей социальной политики;

- меры в рамках программ противодействия преступности;
- индивидуальные профилактические мероприятия в конкретной семье.

В качестве важных составляющих социальной политики выступают социальная поддержка материнства и детства, а также социальная помощь малообеспеченным семьям.

Так, в 2020–2023 гг. 5,3 % казахстанцев находились на положении ниже величины прожиточного минимума, при этом наиболее высокий уровень бедности наблюдался в Туркестанской (9,7 %) и Мангистауской (8,1 %) областях. Сохраняется значительная дифференциация доходов между горожанами и сельчанами. В городской местности доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума составляет 4 %, а в сельской местности — 7,3 %. Наибольшая разница между уровнем городской и сельской бедности наблюдается в Мангистауской (5,4 раза) и Восточно-Казахстанской (4 раза) областях [8].

Меры в рамках отраслевых программ противодействия преступности разрабатываются на основе норм национального законодательства.

Так, Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» (2011 г.) закрепляет следующие права ребенка:

- на защиту своих прав и законных интересов;
- на защиту от злоупотреблений со стороны родителей или других законных представителей;
- на обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства;
- выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства;
- на получение содержания от своих родителей и т. д.

Должностные лица государственных органов и организаций и иные граждане, которым стало известно об угрозе жизни или здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов, обязаны сообщить об этом в орган, осуществляющий функции по опеке или попечительству, по месту фактического нахождения ребенка. При получении таких сведений орган, осуществляющий функции по опеке или попечительству, обязан принять необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка (ст. 67) [9].

Существует 2 группы субъектов криминологической коррекции семейных отношений:

1) государственные органы и учреждения: органы и учреждения образования; органы опеки и попечительства; органы и учреждения здравоохранения; органы службы занятости; полиция, органы и учреждения уголовной юстиции, прокуратура;

2) общественные организации и учреждения, а также волонтеры, действующие в порядке частной инициативы.

Предупреждение преступлений посредством воздействия на семью осуществляется также теми субъектами, основная деятельность которых направлена на профилактику ювенальной преступности.

Так, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, образуемые местными органами исполнительной власти (при акиматах), в частности, обеспечивают применение мер воздействия в отношении родителей и законных представителей несовершеннолетних. Органы управления социальной защитой населения обязаны организовывать индивидуальную профилактическую работу в отношении родителей или законных представителей несовершеннолетнего, если они не исполняют обязанностей по его воспитанию и содержанию, а также отрицательно влияют либо жестоко обращаются с ним.

Проблемы охраны и защиты прав ребенка приводят к сотрудничеству государства, общества и энтузиастов. В ряде случаев государство оказывает поддержку негосударственным субъектам либо государственные учреждения сотрудничают в данной области с частными лицами и представителями общественности, в частности, в форме создания центров оказания помощи жертвам насилия в семье, центров психологической помощи и приютов для жертв семейного насилия.

В качестве одной из мер ранней профилактики семейно-бытового насилия можно рассмотреть включение в функциональные обязанности администрации образовательных учреждений, школьных и социальных педагогов, воспитателей, работников медицинских пунктов детских садов и школ информирования ювенальной полиции о фактах насилия и побоях воспитанников и учащихся.

Следует широко внедрять практику общественного реагирования на факты семейно-бытового насилия через объединения собственников имущества, причем каждое из таких объединений должно быть включено в сферу обслуживания местного опорного пункта полиции.

Заключение

Государство и общество обязаны всемерно охранять жизнь и здоровье ребенка от любых посягательств и угроз, в том числе и от угроз, исходящих от самых близких ему людей. К сожалению, ощущение семейного счастья, гармонии и благополучия теряется ребенком по вине родителей, не желающих исполнять конституционные обязанности по его развитию и воспитанию. Оставшись без родительской любви и заботы, дети сами теряют человеческую способность любить и верить в будущее.

Список цитированных источников

1. Численность населения превысила 20 миллионов человек: где проживает больше всего казахстанцев [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/61792602/>. — Дата доступа: 04.07.2024.

2. Дюсенгулова, Р. Сколько детей проживает в Казахстане [Электронный ресурс]. / Р. Дюсенгулова. — Режим доступа: <https://tengrinews.kz/edu/img/header-sport.svg>. — Дата доступа: 04.07.2024.

3. Чернова, М. Б. Жесткое обращение с ребенком [Электронный ресурс]. / М. Б. Чернова. — Режим доступа: <https://nsportal.ru/user/183555/page/zhestokoe-obrashchenie-s-rebyonkom>. — Дата доступа: 01.05.2024.

4. Кохно, Н. А. Нет жестокости и насилию в мире детства! [Электронный ресурс]. / Н. А. Кохно. — Режим доступа: <https://svetlogorsk-2.schools.by/m/pages/net-zhestokosti-i-nasiliju-v-mire-detstva>. — Дата доступа: 01.05.2024.

5. Профилактика преступлений против половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://shkolagmp.edusite.ru/p19aa1.html>. — Дата доступа: 01.05.2024.

6. О профилактике бытового насилия : Закон Респ. Казахстан, от 4 дек. 2009 г., № 214-IV. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30525680. — Дата доступа: 20.03.2024.

7. Криминология : учебник / под ред. В. Д. Малкова. — М. : Юрлитинформ, 2004. — 321 с.

8. Названы регионы Казахстана с самым высоким уровнем бедности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/55959456/>. — Дата доступа: 01.05.2024.

9. «О браке (супружестве) и семье» [Электронный ресурс] : Кодекс Республики Казахстан, от 26 дек. 2011 г. № 518-IV. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518>. — Дата доступа: 01.05.2024.

Аннотация. Сегодня особую обеспокоенность вызывают участвующие факты насилия и жестокого обращения с детьми. Так сложилось, что данная проблема долгое время являлась наиболее закрытой в силу исторически сформировавшейся культуры межличностных отношений, специфики воспитания и менталитета. Теперь же насилие над детьми приняло масштабы достаточно распространенного явления, которое тщетно пытаются скрыть. Особые формы такое насилие приобретает в семьях, детских садах и общеобразовательных учреждениях. Ювенальная полиция, прокуратура, органы образования и общественность обязаны принять все меры по профилактике насилия над детьми. Главный акцент в выработке таких механизмов должен быть сделан на обучении ребенка не быть жертвой и уверенно говорить «нет» всем формам посягательства на его права и свободы. Необходимо создать и широко внедрить сеть кризисных служб, повысить правовую культуру педагогов и родителей, разработать действенные механизмы реагирования компетентных органов и должностных лиц по каждому факту насилия над детьми.

VIOLENCE AS A FACTOR IN THE DESTRUCTIVE FORMATION OF A CHILD'S PERSONALITY

Eskendirov A. A.

Keywords: child, personality, violence, cruelty, discrimination, factors, parents, family, prevention.

Abstract. Today, the increasing incidence of violence and child abuse is of universal concern. It so happened that in modern society this problem is the most closed due to the historically formed culture of interpersonal relations, the specifics of upbringing and mentality. Child abuse has become a fairly common phenomenon, from which we are trying in vain to «shut down». Such violence takes on special forms in families, schools and orphanages. The juvenile police, the prosecutor's office, educational authorities and the public are obliged to take all measures to prevent child violence. The main emphasis in the development of such mechanisms should be placed on teaching the child not to be a «victim» and confidently say «no» to all forms of encroachment on his rights and freedoms. It is necessary to create and widely implement a network of crisis services, improve the legal culture of teachers and parents, and develop effective mechanisms for the response of competent authorities and officials to each fact of child violence.

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА КРИМИНАЛЬНУЮ СИТУАЦИЮ

Касьянова Е.В.

Ключевые слова: миграция, иностранные граждане, лица без гражданства, статистика, преступления, криминогенная обстановка.

Введение

Миграционная привлекательность Республики Беларусь для иностранных граждан и лиц без гражданства (далее — иностранцы) обусловлена не только безопасным пребыванием в стране, но и возможностью осуществления безвизовых поездок между государствами — участниками Содружества Независимых Государств (далее — СНГ), а также теми государствами, с которыми заключены двусторонние соглашения о безвизовых поездках, равно как гарантированным свободным перемещением товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках Договора о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор о ЕАЭС), Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г., а также другими факторами. По статистике Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в 2023 г. иностранцы въезжали на территорию республики свыше 1,6 млн раз. Наиболее часто Государственная граница Республики Беларусь пересекалась гражданами России (763 222), Литвы (330 508), Латвии (104 778), Украины (76 729), Польши (64 224) и Казахстана (31 626). В 2023 г. в сравнении с 2022 г. количество иностранных граждан, приезжающих в Беларусь на работу, увеличилось с 10 739 до 13 460 человек [1].

Основная часть

Согласно Договору о ЕАЭС обеспечивается проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики государств — членов ЕАЭС (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация). Одним из приоритетов ЕАЭС обозначено обеспечение свободы движения рабочей силы, на основании которого разработаны положения ст. 97 Договора о ЕАЭС о том, что работодатели государства-члена вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда. Граждане государств — членов ЕАЭС при осуществлении трудовой деятельности имеют ряд преимуществ по сравнению с иностранными гражданами, которые не имеют гражданской принадлежности к указанным странам. Например, в Российской Федерации, как и в других государствах — членах ЕАЭС,

им не требуется получать разрешение на работу (патент), кроме этого, они могут работать в любом регионе по своему выбору.

Срок временного пребывания (проживания) рассматриваемой категории трудящихся-иммигрантов определяется сроком действия трудового или гражданско-правового договора. Кроме этого, иностранные граждане государств — членов ЕАЭС, прибывшие в целях осуществления трудовой деятельности или трудоустройства в Республике Беларусь, и члены их семей освобождаются от обязанности регистрации (постановки на учет) в течение 30 суток с даты въезда. Соответственно, данные иностранные работники и члены их семей сразу получают разрешение на временное проживание.

Для граждан некоторых других стран также предусмотрен ряд гарантий в сфере трудовой деятельности в соответствии с двусторонними международными соглашениями. Например, такие соглашения действуют в отношении граждан Азербайджана, Армении, Таджикистана, Украины и др.

При трудоустройстве граждан Украины и лиц без гражданства, проживавших на территории Донецкой и Луганской областей не менее года, для нанимателей Республики Беларусь установлены льготы в части освобождения от уплаты государственной пошлины за выдачу разрешений на привлечение в Республику Беларусь иностранной рабочей силы и специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь. Также наниматели вправе принимать на работу рассматриваемую категорию трудящихся-иммигрантов без прохождения установленной процедуры признания документов об образовании, выданных учреждениями образования, иными организациями Украины [2].

Особенностью правоприменительной практики, реализуемой в отношении иностранных работников, является регулирование трудовой деятельности обязанных лиц. К категории обязанных лиц отнесены родители, дети которых нуждаются в государственной защите и помещены на государственное обеспечение. Данные родители обязаны возмещать средства, затраченные на содержание детей, за весь период нахождения детей на государственном обеспечении. Причем такая обязанность возникает и у иностранных граждан, постоянно проживающих, временно пребывающих или временно проживающих на территории Республики Беларусь, если их дети являются гражданами Республики Беларусь или лицами без гражданства [3]. Вместе с тем трудоустройство обязанного лица — иностранного гражданина, временно пребывающего или временно проживающего в Республике Беларусь, — осуществляется в организацию без получения специального разрешения на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь. Также не требуется согласования трудоустройства иностранцев, которым предоставлен статус беженца или дополнительная защита либо убежище в Республике Беларусь, а также ходатайствующих о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты либо убежища в Республике Беларусь [4].

Особенности самостоятельного трудоустройства иностранных граждан связаны с визовым или безвизовым режимом въезда в страну. Основанием для временного пребывания иностранцев является виза. Однако в соответствии с международными соглашениями для отдельных категорий иностранцев предусмотрен безвизовый режим въезда в Республику Беларусь. Так, на граждан Армении (в 2023 г. прибыло 266 граждан), Казахстана (в 2023 г. прибыл 281 гражданин), Азербайджана (в 2023 г. прибыло 338 граждан), Кыргызской Республики (в 2023 г. прибыло 106 граждан), России (в 2023 г. прибыло 3243 гражданина), Таджикистана (в 2023 г. прибыло 366 граждан), Украины (в 2023 г. прибыло 1369 граждан), Молдовы (в 2023 г. прибыло 123 гражданина), Аргентины, Венесуэлы, Грузии (в 2023 г. прибыло 92 гражданина), Израиля (в 2023 г. прибыло 20 граждан), Кубы (в 2023 г. прибыло 28 граждан), Китая (в 2023 г. прибыло 2370 граждан), Узбекистана (в 2023 г. прибыло 925 граждан) [5] и других распространяется безвизовый режим въезда в Республику Беларусь, поскольку с указанными странами достигнуты соответствующие соглашения [6]. В свою очередь, иностранцы, прибывшие в нашу страну, например, по туристической визе и решившие самостоятельно трудоустроиться, после прохождения процедуры трудоустройства, в том числе получения нанимателем Республики Беларусь специального разрешения на осуществление трудовой деятельности, обязаны покинуть страну для получения рабочей визы.

Также следует обратить внимание и на сферу образовательной миграции, поскольку с 2018 г. наблюдается увеличение количества иностранцев, обучающихся в Республике Беларусь (с 23,8 тыс. человек в 2018/2019 учебном году до 29,7 тыс. человек в 2022/2023 учебном году) [7].

В целом с 2018 г. наблюдается незначительное уменьшение количества иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих (в 2018 г. — более 173 тыс. человек, в 2021 г. — 171 тыс. человек, в 2022 г. — более 169 тыс. человек, в первом полугодии 2023 г. — более 168 тыс. человек) и временно проживающих (в 2018 г. — 49,9 тыс. человек, в 2021 г. — почти 50,3 тыс. человек, в 2022 г. — более 45 тыс. человек, в первом полугодии 2023 г. — 41,5 тыс. человек) в Республике Беларусь [7].

На 31 декабря 2023 г. на учете в территориальных органах внутренних дел состояло более 217 тыс. иностранцев, в том числе более 48 тыс. имеющих разрешение на временное проживание, из них 21,8 тыс. прибывших на учебу и более 9,1 тыс. — для осуществления трудовой деятельности, а также более 168 тыс. постоянно проживающих [1].

Вышеприведенный анализ причин миграционных потоков в Республику Беларусь напрямую связан с видами преступлений, совершаемых иностранцами. В свою очередь, анализ общего количества расследованных преступлений за период с 2018 по 2023 г. с участием иностранцев в целом позволил выявить причины и условия их совершения.

Криминогенная обстановка в стране, связанная с пребыванием иностранцев, не претерпела существенных изменений по сравнению с предыдущими годами. Предпринятые организационные и практические меры оказали на нее сдерживающее влияние. С 2018 по 2022 г. в целом наблюдалось снижение количества совершенных иностранцами преступлений, предварительное расследование по которым окончено [7].

На протяжении 2018–2019 гг. доля преступлений, совершенных иностранными гражданами либо с их участием в Республике Беларусь, составляла 2,7 %. В 2020–2021 гг. фиксировалось снижение количества рассматриваемых преступлений: соответственно 2,3–2,1 %, в 2022–2023 гг. отмечался рост на уровне 2,5 %, что, однако, с тем ниже по сравнению с 2018–2019 гг.

В Республике Беларусь в 2023 г. иностранными гражданами (либо при их соучастии) совершено 2,5 % преступлений от общего количества, из них гражданами стран — участниц СНГ (либо при их соучастии) 87,3 % преступлений по отношению к общему числу преступлений, совершенных иностранными гражданами.

Анализ общего количества расследованных преступлений по правовому статусу иностранцев, их совершивших, показывает, что наибольшее количество преступлений — 435 (37,9 %) совершили лица, временно пребывающие в республике, а 322 преступления (28,1 %) совершено иностранцами, постоянно проживающими в стране [1].

Чаще всего иностранные граждане на территории Республики Беларусь совершают (принимают участие) кражи (15,2 % от всех расследованных преступлений, совершенных иностранными гражданами); нарушение сроков запрета въезда в страну (14,5 %); преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (11,8 %); подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов (6,5 %); хулиганство (4,7 %); мошенничество (4,5 %).

Большая часть преступлений совершается незанятыми (неработающими или необучающимися) иностранцами (65,9 %), при этом правовые основания для трудоустройства в республике на момент совершения преступления имели лишь 17,8 % иностранцев, относящихся к данной категории [1], в состоянии алкогольного или наркотического опьянения — 22,6 %, имеющими судимость — 12,4 %. Основную часть составляют лица мужского пола — 87,3 % (1,5 % — несовершеннолетние).

В 2023 г. удельный вес от общего числа преступлений, совершенных лицами без гражданства, предварительное расследование по которым окончено, составил 0,4 %. Чаще всего лица без гражданства на территории Республики Беларусь совершают (принимают участие) кражи и уклонение родителей от содержания детей. Большинство из них — неработающие и необучающиеся, примерно половина таких лиц совершают преступления в состоянии алкогольного опьянения и имеют судимость.

В 2023 г. число административных правонарушений, совершенных иностранными гражданами, по сравнению с 2022 г. значительно снизилось (на 23 %). Большее количество правонарушений было совершено в нарушение законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 23.55 Кодекса об административных правонарушениях) (4,97 % от общего количества административных правонарушений, по которым вступили в законную силу постановления о наложении административного взыскания), при этом повторное нарушение правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства составило 0,38 % от общего количества административных правонарушений, по которым вступили в законную силу постановления о наложении административного взыскания.

В результате мероприятий, направленных на выявление нарушений порядка занятия трудовой деятельностью как со стороны иностранцев, так и юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, их привлекающих, в 2023 г. привлечено к административной ответственности 548 иностранцев (2022 г. — 524) и 275 нанимателей Республики Беларусь, нарушивших порядок занятия трудовой деятельностью (2022 г. — 232).

Заключение

В целом миграционная ситуация в Республике Беларусь остается стабильной, контролируемой, управляемой и не оказывает влияния на общественную безопасность, социально-политическую и криминогенную обстановку в стране [1]. Вместе с тем следует отметить, что причины преступлений, совершаемых иностранными гражданами, прежде всего связаны с корыстным умыслом и пребыванием в стране с нарушением установленного порядка. Преимущественное большинство преступлений совершается лицами мужского пола, как правило, незанятыми (неработающими и необучающимися), находящимися под воздействием алкогольных или наркотических средств.

В отношении преступлений, совершаемых лицами без гражданства, отметим такой вид, как уклонение родителей от содержания детей. Как правило, преступления совершаются лицами, ведущими аморальный образ жизни, в частности, неработающими и необучающимися, регулярно употребляющими алкогольные напитки, нередко ранее судимыми.

Следует также отметить, что подавляющее большинство преступлений совершается гражданами стран — участниц СНГ, а также иностранцами, временно пребывающими в Республике Беларусь.

Список цитированных источников

1. Статистика по миграции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mvd.gov.by/ru/page/departament-po-grazhdanstvu-i-migraci/migraciya/statistika-po-migracii>. — Дата доступа: 01.06.2024.

2. Об изменении Указа Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 14 сент. 2022 г., № 326 // Онлайн-сервис готовых правовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2024.

3. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 нояб. 2006 г., № 18 // Онлайн-сервис готовых правовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр». — Минск 2024.

4. О внешней трудовой миграции Закон Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2022 г., № 223-3 // Онлайн-сервис готовых правовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2024.

5. Сведения о трудящихся-мигрантах, въехавших на работу в Республику Беларусь и выехавших на работу за границу [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mvd.gov.by/ru/page/uchet-trudyashihsya-emigrantov-i-trudyashihsya-immigrantov>. — Дата доступа: 01.06.2024.

6. Международные договоры Республики Беларусь о взаимных поездках граждан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mvd.gov.by/ru/page/departament-po-grazhdanstvu-i-migraci/normativnye-pravovye-akty>. — Дата доступа: 01.06.2024.

7. Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 янв. 2024 г., № 48 // Онлайн-сервис готовых правовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2024.

Аннотация. На основе анализа миграционных потоков в Республику Беларусь и анализа общего количества расследованных преступлений за период с 2018 г. по 2023 г. с участием иностранных граждан и лиц без гражданства определяются причины и условия их совершения, а также в целом отмечается миграционная ситуация в стране.

ANALYSIS OF CHANGES IN MIGRATION PROCESSES AFFECTING THE CRIMINAL SITUATION

Kasyanova A.V.

Keywords: migration, foreign citizens, stateless persons, statistics, crimes, crime, crime situation.

Abstract. In the article, based on the analysis of migration flows to the Republic of Belarus and the analysis of the total number of investigated crimes for the period from 2018 to 2023 with the participation of foreign citizens and stateless persons, the causes and conditions of their commission are determined, as well as the migration situation in the country as a whole is noted.

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С УКЛОНЕНИЕМ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Олейник А.В., Судник Т.В.

Ключевые слова: налоговые преступления, уклонение от уплаты налогов, сборов, организационно-правовые причины и условия, рост налоговых преступлений, дробление бизнеса.

Введение

С 2021 г. наблюдается поэтапное увеличение количества регистрируемых на территории страны преступлений, связанных с уклонением от уплаты сумм налогов, сборов [1, с. 10]. В связи с этим и для целей предотвращения, профилактики преступлений актуальными будут являться понимание причин и условий их совершения, а также выработка направлений противодействия рассматриваемым преступлениям.

Основная часть

Учеными выделяются следующие группы причин и условий совершения экономических преступлений в целом и связанных с уклонением от уплаты налогов в частности: экономические, нравственно-психологические, организационно-правовые причины и условия [2, с. 3].

В данной статье отразим организационно-правовые причины и условия, оказавшие наибольшее влияние на рост налоговых преступлений в Республике Беларусь.

В первую очередь в числе организационно-правовых причин необходимо отметить нестабильность, несовершенство налогового законодательства. Так, Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2018 г. № 159-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь» (далее — Закон) введена доктрина «основной цели» совершения хозяйственной операции (абз. 3 п. 4 ст. 33 Налогового кодекса Республики Беларусь), что позволило возбуждать уголовные дела в рамках ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь за совершение действий по искусственному разделению субъектов хозяйствования с целью использования преимуществ систем налогообложения (схема «дробление бизнеса»).

Действующее законодательство не содержит понятия «дробление бизнеса». Его можно определить как разнообразные схемы ведения бизнеса, при которых единая хозяйственная деятельность функционально разделяется и осуществляется не одной организацией, а несколькими юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями. Дроблением будут

являться не только предусмотренные Гражданским кодексом Республики Беларусь виды реорганизации — разделение и выделение юридических лиц, но и создание новых организаций с передачей им активов, операций, видов деятельности персонала, а иногда даже регистрация отдельных работников в качестве индивидуальных предпринимателей. Собственники крупной организации могут принять решение о создании нового бизнеса для освоения новых рынков и направлений, ограничения ведения какой-либо деятельности в имеющихся рамках в силу особых отношений с контрагентом, выделения в отдельное юридическое лицо низкоэффективных или высокорисковых бизнес-процессов и проектов. Часто новая компания создается ради сотрудничества с новым инвестором, которому собственники не хотят отдавать слишком большую долю уже имеющегося бизнеса. Однако нередко цель дробления — исключительно снижение совокупной налоговой нагрузки. Для этого крупные компании могут намеренно «разбиваться» на несколько субъектов, имеющих право на льготные налоговые режимы и различные преференции, предназначенные законодательством для малых организаций и индивидуальных предпринимателей, в том числе на отдельных территориях. Широкое распространение получило дробление компаний, чтобы получить возможность применять упрощенную систему налогообложения [3, с. 1].

При этом до введения в действие Закона меры ответственности по схеме «дробление бизнеса» не применялись, а использование преимуществ систем налогообложения рассматривалось субъектами хозяйствования как оптимизация налогообложения. Соответствующие критерии определения правомерности способов налогового планирования до недавнего времени белорусское законодательство также не содержало [4, с. 51]. В связи с этим в стране сложилась ситуация, при которой бизнес не всегда мог однозначно понимать и предвидеть, что его схемы оптимизации налогообложения могут трактоваться правоохранительными органами в качестве незаконных.

20 июля 2022 г. вступило в силу постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2022 г. № 465 «Об особенностях оценки отдельных хозяйственных операций», определившее правовые особенности отнесения отдельных хозяйственных операций к хозяйственным операциям, основной целью совершения которых являются неуплата или неполная уплата налогов. При установлении контролирующими органами таких фактов налоговая база, сумма налога могут быть скорректированы. Однако, несмотря на определенную конкретизацию, перечень оснований для отнесения действий или событий к хозяйственным операциям, не обусловленным разумными экономическими или иными причинами (в отсутствие намерения получить экономический эффект от осуществления реальной предпринимательской или иной экономической деятельности),

не закрыт, что сохраняет право контролирующих органов свободного толкования и применения положений абз. 3 п. 4 ст. 33 Налогового кодекса Республики Беларусь [5, с. 2], а также оставляет правовую неопределенность для субъектов хозяйствования.

Некоторая ясность в вопросе разграничения правомерной и неправомерной налоговой оптимизации при «дроблении бизнеса» была внесена Верховным Судом Республики Беларусь в разъяснении «Об отдельных вопросах применения п. 4 ст. 33 Налогового кодекса Республики Беларусь», опубликованном на интернет-портале судов общей юрисдикции Республики Беларусь. Так, в нем отмечено, что при оценке хозяйственной операции следует исходить из того, что основной целью сделки должна быть конкретная разумная хозяйственная (деловая) цель, а не получение необоснованных преимуществ в налогообложении в нарушение установленных Налоговым кодексом Республики Беларусь принципов. Также необходимо учитывать, что положения данного кодекса не ограничивают право плательщиков проводить свои хозяйственные операции так, чтобы налоговые последствия были минимальными, однако в избранном плательщиком варианте сделки (операции) не должен присутствовать признак искусственности, лишенной хозяйственного и экономического смысла. Тем самым обозначена достаточно тонкая грань между разумностью хозяйственной цели сделки, правами плательщиков на минимизацию налоговых последствий и получением необоснованных преимуществ. При этом все же возможна субъективная оценка хозяйственной операции (относящихся к ней действий и событий). Плательщику целесообразно представить контролирующему органу доказательства разумности цели совершенной сделки в ходе проверки, также сохраняется право обжаловать акт проверки в случае несогласия с его выводами в судебном порядке. Налоговая база и сумма подлежащего уплате (зачету, возврату) налога (сбора) будут определяться исходя из фактических сведений об объектах налогообложения, фактических обстоятельств совершения хозяйственных операций и имеющихся данных об их совершении при возможности их установления, в том числе на основании документов (информации, материалов), представленных плательщиком, государственными органами, иными организациями и физическими лицами [5, с. 3].

Следует также отметить, что и понятие «необоснованного преимущества в налогообложении» в налоговом законодательстве Республики Беларусь не закреплено, что фактически лишает плательщика возможности разумного планирования своих действий, связанных с предупреждением либо избежанием рисков предъявления «налоговых претензий» контролирующими органами. При этом многие аспекты применения положений п. 4 ст. 33 Налогового кодекса Республики Беларусь и иных подобных норм часто являются предметом субъективной профессиональной оценки и личной точки зрения

самого проверяющего, не всегда обладающего соответствующей профессиональной квалификацией и знанием специфики отрасли и глубинных причин совершения хозяйственных операций и, как следствие, делающего выводы на основании внешнего и иногда очень поверхностного понимания процесса функционирования и управления бизнесом [6, с. 3].

На недостатки правового регулирования проекта вышеуказанного постановления Совета Министров Республики Беларусь (далее — проект постановления) указывалось государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (далее — Центр) в отрицательном заключении по результатам проведения криминологической экспертизы. Использование таких оценочных понятий, как «создание условий, формально удовлетворяющих требованиям законодательства», «реализация основных средств, товарно-материальных ценностей юридическим и (или) физическим лицам по стоимости, значительно заниженной по отношению к рыночной стоимости», и др., а также установление открытого перечня оснований для отнесения действий или событий к хозяйственным операциям, не обусловленным разумными экономическими или иными причинами (в отсутствие намерения получить экономический эффект от осуществления реальной предпринимательской или иной экономической деятельности), в том числе в привязке к полномочиям должностного лица государственного органа, проводящего проверку, влечет размыwanie четких оснований и условий возникновения и изменения отношений между участниками правоотношений, повышает вероятность произвольного применения норм, создает условия для злоупотребления правом со стороны должностных лиц контролирурующих органов при осуществлении соответствующих полномочий, в том числе ввиду предпочтений, обусловленных противоправной (коррупционной) мотивацией. С позиции криминологической экспертизы данные недостатки были рассмотрены Центром в качестве рисков криминогенного характера, связанных с наличием пробелов и иных предпосылок, снижающих возможность применения норм согласно целям правового регулирования, возможностью злоупотребления правом ввиду предоставления необоснованно широких полномочий при принятии значимых для субъектов правоотношений решений.

В целях устранения выявленных недостатков правового регулирования разработчику предлагалось исключить правовую неопределенность проекта постановления, в том числе предусмотрев исчерпывающий перечень всех возможных оснований для отнесения действий или событий к указанным хозяйственным операциям, а также раскрыв используемые оценочные понятия.

Вместе с тем в соответствии с ч. 3 п. 22 Положения о порядке проведения криминологической экспертизы, утвержденного Указом Президента

Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244, неустранение замечаний, изложенных в отрицательном заключении криминалогической экспертизы, не препятствует дальнейшему рассмотрению и принятию нормативного правового акта.

На основании вышеизложенного с учетом мнения ученых и юристов-практиков полагаем, что в целях устранения имеющихся недостатков правового регулирования, профилактики, предотвращения налоговых преступлений требуется комплексное совершенствование налогового законодательства, а именно: законодательное закрепление исчерпывающего перечня оснований для отнесения действий или событий к хозяйственным операциям, не обусловленным разумными экономическими или иными причинами (в отсутствие намерения получить экономический эффект от осуществления реальной предпринимательской или иной экономической деятельности), установление четко определенных оснований и условий реализации прав и исполнения обязанностей плательщиков налогов, а также принятия решений должностными лицами контролирующих органов.

К организационно-правовым причинам и условиям роста налоговых преступлений следует также отнести и недостаточность правовых механизмов взаимодействия налоговых органов и органов уголовного преследования, а также отсутствие необходимого уровня знаний и профессиональной подготовки сотрудников указанных органов.

Общими направлениями противодействия рассматриваемым преступлениям в данном случае будут являться координация, повышение эффективности деятельности налоговых органов и органов уголовного преследования путем выработки единых подходов к осуществлению взаимодействия между ними на стадиях назначения, проведения налоговых проверок, повышение уровня знаний и профессиональной подготовки сотрудников налоговых, правоохранительных органов.

Заключение

Проведенное исследование указывает на необходимость дальнейшего совершенствования деятельности налоговых и правоохранительных органов, внесения изменений и дополнений в действующее налоговое законодательство. Реализация предлагаемых направлений противодействия преступности будет способствовать снижению количества налоговых преступлений, положительно скажется на повышении уровня экономической безопасности государства.

Список цитированных источников

1. В поле зрения прокуратуры противодействие экономической преступности // Законность и правопорядок. — 2023. — № 4. — С. 10–11.

2. Каржаубаев, С. С. Причины и условия совершения налоговых уголовных правонарушений [Электронный ресурс] / С. С. Каржаубаев ; Вестн. Ин-та законодательства и правовой информации РК. — 2020. № 3 (61). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/prichiny-i-usloviya-soverheniya-nalogovyh-ugolovnyh-pravonarusheni>. — Дата доступа: 25.03.2024.

3. Фридкин, Л. Б. Цели и риски дробления бизнеса [Электронный ресурс] / Л. Б. Фридкин // Онлайн-сервис готовых правовых решений ilex / ООО «Юр-Спектр». — Минск, 2024.

4. Руденя, Ю. Уклонение от уплаты налогов и налоговая оптимизация: границы противоправности в свете законодательных нововведений / Ю. Руденя // Законность и правопорядок. — 2021. — № 1. — С. 51–55.

5. Новоселова, Е. В. Правовая основа корректировки налоговой базы на основании доказанной реальной сути хозяйственных операций [Электронный ресурс] / Е. В. Новоселова // Онлайн-сервис готовых правовых решений ilex / ООО «Юр-Спектр». — Минск, 2024.

6. Звороно, Н. Ф. Дробление бизнеса. Судебная практика: позиция бизнеса, проверяющих и суда / Н. Ф. Звороно // Онлайн-сервис готовых правовых решений ilex / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2024.

Аннотация. Обозначены организационно-правовые причины и условия роста преступлений, предусмотренных ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предложены отдельные направления противодействия рассматриваемым преступлениям.

ABOUT SOME DIRECTIONS OF COUNTERACTION TO CRIMES RELATED TO TAX EVASION

Oleinik A. V., Sudnik T. V.

Keywords: tax crimes, tax evasion, organizational and legal conditions, growth of tax crimes, business fragmentation.

Abstract. The article identifies organizational and legal reasons and conditions of growth of crimes provided by article 243 of the Republic of Belarus, suggests some directions of counteraction to the crimes under consideration.

К ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Рахметоллов А. К., Байгалиев А. Б.

Ключевые слова: предприниматель, правоохранительный орган, защита, правосознание, ответственность, информационный продукт.

Введение

На этапе становления Республики Казахстан как независимого государства ведется масштабная работа по поддержке сектора предпринимательства.

Однако, несмотря на принимаемые государственным аппаратом меры, ежегодно формируемые планы мероприятий по разрешению системных проблем бизнеса [1], допускаются факты нарушения прав предпринимателей. По нашему мнению, одной из причин складывающейся ситуации является уровень правосознания самих предпринимателей.

При рассмотрении актуальных проблем юридической науки по исследуемому вопросу заслуживает внимание позиция У.Д. Кудайбергенова, который справедливо отмечает, что правосознание функционирует, отражая состояние, новые вызовы и запросы правовой жизни общества и оказывая существенное влияние на все ее сферы, в особенности на процессы правотворчества, правового регулирования общественных отношений и правового развития личности [2].

В свою очередь, В.И. Колтунова и В.А. Зайцев под деформацией правосознания понимают искажение, неправильное формирование или недостаточное развитие правового сознания у индивидов или в обществе в целом, приводящие к различным неблагоприятным последствиям и нарушениям в правовой сфере, а также предлагают решение таких проблем путем направления усилий в область образования, просвещения и развития правовой культуры [3, с. 33].

Основной целью настоящего исследования является минимизация рисков нарушения прав предпринимателей, снижение излишней нагрузки на правоохранительные органы по разрешению проблемных вопросов бизнес-сектора, обусловленных недостатками правосознания, что негативно отражается на выполнении основных функций государственных институтов по обеспечению общественного правопорядка, состояния законности, так как затрачиваются временные и материальные ресурсы.

Данное обстоятельство определяет прямую взаимосвязь цели исследования и практической деятельности правоохранительных органов.

Основная часть

В настоящее время в Республике Казахстан, как и в других постсоветских государствах, созданы различные институты, ориентированные на обеспечение защиты прав предпринимателей от противоправных действий и негативных явлений.

При исследовании применены формально-логический, сравнительно-правовой методы познания социально-правовых явлений, позволившие сформировать выводы по общественным отношениям как объекту настоящего исследования, которые формируются при реализации полномочий правоохранительных органов по обеспечению защиты прав предпринимателей.

Авторами исследования особое внимание уделено изучению материалов досудебных расследований, по которым принято процессуальное решение о прекращении уголовного дела в отношении субъектов предпринимательства.

Так, проведенным анализом прекращенных службой экономических расследований уголовных дел среди причин нарушения прав предпринимателей выделены такие факторы, как: издержки правового регулирования, обусловленные пробелами законодательства; недостатки правоприменительной практики уполномоченных субъектов; недобросовестность и правовая неграмотность предпринимателей.

Часто субъекты предпринимательской деятельности осознают противоправность совершаемых действий и возможность наступления неблагоприятных правовых последствий. Одним из таких примеров являются уклонение от уплаты налогов, выписка недействительной первичной бухгалтерской документации.

Поведение недобросовестных предпринимателей ставит под сомнение репутацию добросовестных контрагентов, осуществляющих законную предпринимательскую деятельность, может выражаться не только в совершении ими правонарушений, но и в использовании издержек административного регулирования, создании барьеров конкурентам в рамках борьбы за рынок сбыта товаров, работ и услуг.

К примеру, в июле 2018 г. в Едином реестре досудебных расследований (далее — ЕРДР) Департамента экономических расследований города Астаны (далее — ДЭР г. Астаны) зарегистрировано сообщение ТОО «С.» в отношении руководства АО «А.» по ч. 2 ст. 419 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — УК РК) по факту заведомо ложного доноса о совершении руководством ТОО «С.» уголовного правонарушения.

Установлено, что руководством АО «А.» в целях устранения конкурента в лице ТОО «С.» начиная с 2015 г. направлено в государственные органы

порядка 50 искаженных обращений для дискредитации деятельности ТОО «С.» (в том числе инициированы незаконные проверки по уменьшению корпоративного подоходного налога на сумму более 399 млн тенге). В рамках рассмотрения обращений ТОО «С.» неоднократно подвергалось проверкам со стороны контролирующих государственных органов и экспертных организаций, службой экономических расследований четыре раза производилась регистрация в ЕРДР с последующим вынесением итоговых процессуальных решений о прекращении уголовного дела ввиду отсутствия в действиях руководства ТОО «С.» состава уголовного правонарушения.

После направления многочисленных жалоб ТОО «С.» в июне 2019 г. между АО «А.» и ТОО «С.» в Национальной палате предпринимателей Республики Казахстан подписано соглашение о сотрудничестве, прекращении распространения какой-либо негативной / недостоверной информации в средствах массовой информации, государственных органах, общественных организациях и проведении только добросовестной конкуренции.

В последующем на основании обращения ТОО «С.» об отсутствии каких-либо претензий к АО «А.» ДЭР г. Астаны производство по уголовному делу было прекращено ввиду отсутствия в действиях руководства АО «А.» признаков уголовного правонарушения [4].

Проблема в данной ситуации состоит в том, что правоохранные органы используются как инструмент карательного воздействия. Необходимо смещение процедуры разрешения данных вопросов в административную и гражданскую плоскость с установлением конструктивных механизмов привлечения к ответственности недобросовестных предпринимателей за предоставление в правоохранные и иные государственные органы недостоверных, искаженных сведений, влекущих административное и уголовное преследование лиц, добросовестно осуществляющих законную предпринимательскую деятельность.

Вышеуказанная ситуация также требует обращения внимания не только на недобросовестность предпринимателей, но и на более глубокие аспекты, по которым выражены мнения известных ученых.

По мнению К. С. Лакбаева, Г. М. Рысмагамбетовой и С. К. Алтайбаева: «Если в государстве отсутствуют явные признаки криминальной активности (всплеск преступлений, вспышки насилия и т. д.), это вовсе не означает отсутствие там организованной преступности. Скорее всего, в таких условиях ее усилия в основном сосредоточены в сфере предпринимательской деятельности, как легальной, так и криминальной. На это обратил внимание известный казахстанский криминолог Алауханов Е. О., говоря о недооценке правоохранными органами общественной опасности организованной преступности и ее последствий, которые нередко создают видимость благополучия в борьбе с преступностью и не позволяют принимать правиль-

ные управленческие решения. Учитывая, что организованная преступность представляет собой достаточно сложное социально-правовое явление, эффективное противодействие ей требует нестандартных методов, прежде всего основанных на экономическом анализе основополагающих причин существования криминального бизнеса» [5, с. 172].

В свою очередь, затрагивая правовую неграмотность как второй фактор нарушения прав предпринимателей, следует отметить, что данная составляющая сопряжена с категорией «правовой нигилизм».

В правоприменительной практике встречаются случаи принятия субъектами предпринимательства решений без оценки рисков наступления неблагоприятных последствий, что обусловлено незнанием либо игнорированием правовых норм и институтов.

К примеру, в феврале 2018 г. в ДЭР г. Астаны поступило заявление индивидуального предпринимателя Х. о принятии мер в отношении гражданина Р., который оформил на имя заявителя кредит на сумму свыше 7 млн тенге. По данному факту произведена регистрация в ЕРДР по п. 2 ч. 4 ст. 190 УК РК.

Установлено, что в рамках Государственной программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 г., утвержденной постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2016 г. № 919, ТОО «М.» выделены бюджетные средства для их последующего распределения в виде кредитных средств между лицами, желающими заниматься предпринимательской деятельностью в сфере сельского хозяйства. К основным условиям получения кредитных средств отнесены: наличие сертификата по результатам прохождения обучения в Национальной палате, регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, открытие банковского счета, предоставление залогового имущества и справки о том, что лицо официально не трудоустроено.

Гражданин Р., узнав о наличии указанной программы, но не соответствуя ее условиям, попросил знакомую гражданку Х. оформить документы и получить для него кредитные средства за вознаграждение в размере 30 тыс. тенге, на что последняя согласилась, зарегистрировалась в качестве предпринимателя, получила кредитные средства и передала их гражданину Р. за вознаграждение.

В рамках досудебного расследования установлено, что гражданин Р. своевременно исполнял обязательства по вышеуказанному договору и в мае 2019 г. произвел полный возврат в ТОО «М.» полученных денежных средств, в связи с чем ДЭР г. Астаны досудебное расследование прекращено ввиду отсутствия в действиях гражданина Р. состава уголовного правонарушения [4].

Правовая неграмотность и недобросовестность предпринимателей влекут дополнительную нагрузку на правоохранительные органы, за-

траты материальных, временных и человеческих ресурсов по рассмотрению поступающих обращений, проведению проверок и досудебных расследований.

Наряду с указанным допускаются факты неправомерного вовлечения предпринимателей по формальным признакам в орбиту уголовного преследования правоохранительными органами.

В данном направлении одной из проблем для бизнеса остается громоздкость и качество законодательства. Часто законы сложны для понимания и имеют большое количество отсылочных норм на другие законодательные акты, что требует увеличения масштабов проведения разъяснительной работы, правового освещения, поддержки предпринимателей.

Краткий анализ прекращенных службой экономических расследований уголовных дел свидетельствует о том, что среди причин нарушения прав предпринимателей встречаются такие факторы, как недобросовестность предпринимателей и их правовая неграмотность.

По мнению М.Б. Абаева: «... субъективные причины девиантного поведения — это определенные элементы социальной психологии, противоречащие идеологии и находящие проявление в искаженных потребностях, интересах, целях, мотивах, нравственных ценностях и правосознании лиц, совершающих правонарушения, демографические и социально-психологические особенности населения. Объективные причины — это конкретные противоречия в общественном бытии, в экономических и социальных отношениях людей; недостатки организационного, правового, технического порядка, поддерживающие действие субъективных и объективных причин правонарушений ...» [6, с. 18].

В данном контексте особую актуальность приобретает не только вопрос ответственности субъектов за предоставление недостоверных, ошибочных сведений при обращении в государственные органы и организации, подробное раскрытие которого в рамках настоящего исследования не представляется возможным из-за установленных пределов изложения материала, но также требуют должного внимания проблемы профилактики правонарушений.

Из содержания подп. 5 ст. 1, ст. 20, 21 и п. 1 ст. 23 Закона Республики Казахстан от 29 апреля 2010 г. № 271-IV «О профилактике правонарушений» следует, что субъектами профилактики правонарушений являются государственные органы, органы местного самоуправления, организации и граждане Республики Казахстан, осуществляющие профилактику правонарушений посредством общих, специальных и индивидуальных мер.

Для мер индивидуальной профилактики правонарушений характерно применение систематического целенаправленного воздействия на правосознание и поведение лица либо ограниченного круга лиц в целях предупреждения совершения ими правонарушений.

На уровне национального законодательства в данном контексте следует отметить отсутствие индикаторов проводимых профилактических мероприятий в исследуемой сфере общественных отношений, что создает сложности определения граней ответственности уполномоченных субъектов и требует внедрения имеющегося передового международного опыта.

Наряду с указанным, мы разделяем мнение А. Н. Мяхановой и Ж. П. Гунзынова, которые к числу неотъемлемых элементов профилактики правонарушений относят их информационную составляющую, т. е. формирование правовых знаний, повышение правосознания и правовой культуры населения: «Telegram-каналы на сегодняшний день фактически выполняют функции средств массовой информации и стали неотъемлемым элементом системы массовой коммуникации. В силу этого эффективность их использования как инструмента профилактики правонарушений напрямую связана с эффективностью профилактики в средствах массовой информации в целом» [7, с. 392].

Заключение

В заключении сформулированы следующие выводы и предложения.

1. Благополучие социально-экономического развития общества напрямую зависит от эффективности профилактики правонарушений, которая влияет на уровень предпринимательского и инвестиционного климата, общую динамику роста государства в международных рейтингах.

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2023 г. № 1233 утверждена Концепция обеспечения общественной безопасности в партнерстве с обществом на 2024–2028 гг. (в сфере профилактики правонарушений) (далее — Концепция), в разд. 6 которой установлены индикаторы, фактически не содержащие показателей, ориентированных на защиту прав предпринимателей.

При этом в Концепции одним из результатов определено вхождение Казахстана в 40 стран мира по индексу верховенства закона «WJP Rule of Law Index» с улучшением позиции по фактору «Порядок и безопасность» до 35-го места.

Полагаем целесообразным предусмотреть самостоятельный показатель, отражающий фактические результаты принимаемых мер по профилактике нарушений прав предпринимателей, для чего разд. 6 Концепции необходимо дополнить новым целевым индикатором «Права собственников (имущественные права)» с учетом исследований блока «Верховенство закона» международного рейтинга по уровню экономической свободы (*The Heritage Foundation*), миссией которого является формулирование и продвижение государственной политики, основанной на принципах свободного предпринимательства, ограниченного правительства, свободы личности, традиционных ценностей и сильной национальной обороны.

2. В целях профилактики нарушения прав и в помощь предпринимателям в рамках проведенного исследования разработаны информационные продукты с элементами искусственного интеллекта — базы данных (конструктор обращений) «Қорғау» и «Бизнес кеңесшісі», доступ к которым обеспечивается через чаты с «telegram»-ботами (t.me/korgau_bot; t.me/business_kenesshisi_bot), ориентированные на: оказание юридической помощи, повышение правовой грамотности, минимизацию сопутствующих расходов предпринимателей (по времени и финансам), дистанционное обеспечение реализации права на защиту.

В перспективе полноценное функционирование информационных продуктов представляется в формате их интеграции с информационным сервисом Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (qamqor.gov.kz) и НАО Государственная корпорация «Правительство для граждан» (egov.kz).

Список цитированных источников

1. Akhmetova, N. S. Law Enforcement Agencies in the System for the Rights of Entrepreneurs Protection / N. S. Akhmetova [at all.] // Journal of Advanced Research in Law and Economics. — Fall 2018. — Vol. IX, Iss. 7 (37). — P. 2408–2414.

2. Кудайбергенов, У. Д. Проблемы правосознания общества / У. Д. Кудайбергенов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kazgazeta.kz/?p=54336>. — Дата доступа: 15.03.2024.

3. Колтунова, В. И. Правосознание и его деформации / В. И. Колтунова, В. А. Зайцев // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 9 (225). — С. 31–33.

4. Архивные данные. Информационный сервис / Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat>. — Дата доступа: 15.03.2024.

5. Лакбаев, К. С. Организованная преступность как криминальное предпринимательство / К. С. Лакбаев, Г. М. Рысмагамбетова, С. К. Алтайбаев // Наука и жизнь Казахстана. — 2017. — № 5 (49). — С. 171–174.

6. Абаев, М. Б. Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупционными правонарушениями в Республике Казахстан (на материалах деятельности органов внутренних дел и Агентства по борьбе с экономической и коррупционной преступностью): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М. Б. Абаев ; Ун-т им. Д. А. Кунаева. — Алматы, 2006. — 30 с.

7. Мяханова, А. Н. К вопросу об использовании Telegram-каналов как инструмента профилактики правонарушений / А. Н. Мяханова, Ж. П. Гунзынов // Уголовно-исполнительное право. — 2019. — Т. 14, № 4. — С. 390–393.

Аннотация. Исследуются отдельные вопросы профилактики правонарушений, связанные с правосознанием предпринимателей, недостатки которого влекут дополнительную нагрузку на правоохранительные органы по принятию соответствующих мер реагирования для их защиты.

Недобросовестность и правовая неграмотность предпринимателей создают неблагоприятные условия для контрагентов, осуществляющих законную предпринимательскую деятельность. В целях профилактики таких нарушений, повышения правосознания предпринимателей авторами исследования предлагается:

предусмотреть на законодательном уровне индикаторы фактически проведенных профилактических мероприятий с учетом исследований блока «Верховенство закона» международного рейтинга по уровню экономической свободы;

использовать разработанные в рамках исследования информационные продукты — базы данных (конструктор обращений) «Қорғау» и «Бизнес кеңесшісі», доступ к которым обеспечивается через чаты с «telegram»-ботами (t.me/korgau_bot; t.me/business_kenesshisi_bot).

ON CERTAIN ISSUES OF CRIME PREVENTION THROUGH THE PRISM OF RAISING THE LEVEL OF LEGAL AWARENESS OF ENTREPRENEURS

Rakhmetollov A. K., Baigaliev A. B.

Keywords: entrepreneur, law enforcement agency, protection, legal awareness, responsibility, information product.

Abstract. The article examines certain issues of crime prevention related to the legal awareness of entrepreneurs, the shortcomings of which entail an additional burden on law enforcement agencies to take appropriate response measures to protect them.

The dishonesty and legal illiteracy of entrepreneurs create unfavorable conditions for contractors engaged in legitimate business activities.

In order to prevent such violations and increase the legal awareness of entrepreneurs, the authors of the study propose:

to provide at the legislative level indicators of actually carried out preventive measures, taking into account the research of the «Rule of Law» block of the international rating on the level of economic freedom;

to use information products developed within the framework of the study — databases (constructor of appeals) «Korgau» and «Business kenesshisi», access to which is provided through chats with telegram bots (t.me/korgau_bot; t.me/business_kenesshisi_bot).

АКТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ НАРКОТИЗМА

Русецкий О. В.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, наркопотребление, наркотизм, детерминация девиаций, профилактика связанных с наркотиками преступлений.

Введение

Проблема распространения наркотиков имеет сложную исторически и социально обусловленную природу, антисоциальный, деструктивный характер, проявляющийся в снижении положительного потенциала общественного воспроизводства и нормального функционирования социума. Ее сущность характеризуется двойственным содержательным наполнением, в международной правовой практике выражаемым взаимосвязанными понятиями «спроса» и «предложения» наркотиков, первое из которых проявляется в социуме как массовое отклоняющееся от норм общества поведение, связанное с немедицинским потреблением наркотиков, второе — как криминальный бизнес по их производству и распространению. Потребление наркотиков и наркопреступность являются негативными социальными явлениями, составляющими в своем взаимодействии, взаимовлиянии и социальном проявлении сложную структуру наркотизма [1].

В современном мире в борьбе за население и особенно молодежь (как наиболее уязвимую в плане наркотизации и вовлечения в незаконный оборот наркотиков социальную группу) национальным правоохранительным и иным государственным органам противостоят глобальные структуры наркобизнеса, доходы которых от связанной с наркотиками криминальной деятельности многократно превышают бюджет Республики Беларусь. Наркобизнес интенсивно развивается в симбиозе с информационными и иными технологиями, делая все возможное для повышения спроса на наркотики, реализации их незаконного предложения. При этом, учитывая тенденции легализации наркотиков в западном сообществе, надежды на его активное участие в противодействии наркобизнесу все меньше. Негативно влияют на это и деструктивные внешнеполитические процессы. Взаимодействие с партнерами из дружественных государств показывает высокие результаты, но не охватывает все мировое пространство криминальной деятельности наркобизнеса.

В этих условиях задачей научного сообщества является комплексное и всестороннее изучение проблемы, предполагающее в том числе исследо-

вание социальных (внешних и внутренних) процессов, влияющих на формирование причин и условий наркотизма — социальных детерминант девиантного (потребление наркотиков) и криминального (их незаконный оборот) поведения.

Основная часть

Анализ данных статистики, правоприменительной практики, сведений средств массовой информации позволяет определить следующие особенности и негативные тенденции развития наркоситуации в нашей стране.

1. После значительного роста (31 %) в 2021 г. числа регистрируемых наркопреступлений, обусловленного в том числе и активизацией работы правоохранителей по данному направлению, с 2022 г. снижение числа рассматриваемых преступлений (начатое в 2016 г.) продолжилось. В 2023 г. по сравнению с предыдущим годом число связанных с наркотиками регистрируемых преступлений снизилось на 9,3 %. Вместе с тем относительно предыдущего года увеличились показатели удельного веса выявленных лиц, имеющих судимость, а также лиц, совершивших данное преступление в группе (последний показатель увеличивается на протяжении последних трех лет). Снижение количества зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками, в 2023 г. зафиксировано во всех регионах, за исключением Минской области (+4,8 %). В 2022 г. рост связанных с наркотиками преступлений на фоне общего снижения по стране был зафиксирован в г. Минске (на 6 %), в Брестской (7,9 %) и Витебской (3,1 %) областях.

2. Динамика связанных с наркотиками преступлений несовершеннолетних отличается выраженной нестабильностью. После существенного роста в 2014–2015 гг. абсолютного числа и удельного веса осужденных несовершеннолетних (что в значительной мере было обусловлено изменением возраста наступления уголовной ответственности по отдельным составам уголовно наказуемых деяний) с 2016 г. данные показатели снижались. В 2019–2022 гг. отмечалось увеличение соответствующей криминальной активности подростков. В 2023 г. в сравнении с 2022 г. количество рассматриваемых преступлений, совершенных несовершеннолетними, уменьшилось почти в два раза. Данное существенное снижение в значительной мере обусловлено активизацией работы по соответствующему направлению, произошедшей в том числе ввиду результатов надзорной и иной деятельности органов прокуратуры. Косвенным подтверждением результативности предпринятых мер антинаркотической деятельности является некоторое возрастание правосознания населения. Например, в Брестской области в 2023 г. в сравнении с 2022 г. отмечался рост количества зарегистрированных в органах внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков (+6 %).

3. Министерство внутренних дел (далее — МВД) отмечает, что по-прежнему значительная часть наркоторговли связана с использованием гло-

бальной сети Интернет в качестве специфического канала. Особенностью является то, что большинство используемого наркосбытчиками программного обеспечения имеет специфические функции. Используются наборы различных криптографических мессенджеров, VPN-сервисы, анонимные браузеры, ресурсы для хранения фотографий с изображением расположения наркотиков. Отмечается, что менее актуальным стало использование электронных кошельков. В настоящее время при организации сбыта наркотиков преступный бизнес переориентировался на криптовалюту, которая не имеет физического выражения, не регулируется и не контролируется ее эмиссия [2].

Указанные особенности также подчеркиваются данными региональных подразделений органов прокуратуры, анализ которых на регулярной основе осуществляется в рамках выполнения требований приказа Генерального прокурора от 9 июня 2021 г. № 66 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательных актов в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и профилактики их потребления». По мнению прокуратуры г. Минска, в настоящее время общераспространенной тенденцией является все более широкое использование преступным элементом возможностей сети Интернет — доступной в любое время и практически в любом месте неконтролируемой площадки, посредством которой осуществляются купля-продажа наркотиков, вербовка и вовлечение граждан в незаконный оборот наркотиков, поиск и первоначальная обработка будущих жертв торговли людьми, использование занятия проституцией, педофилии.

4. По данным официального сайта Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь в 2022–2023 гг. имело место снижение показателей смертности в результате потребления наркотиков. В 2023 г. число случаев отравления наркотиками составило 82 (2022 г. — 87). Вместе с тем в отдельных областях количество таких случаев в 2023 г. возросло. По сведениям МВД, в 2023 г. снизилось количество зарегистрированных фактов смертей, вызванных передозировкой наркотиков. В отчетном периоде по ч. 5 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь возбуждено 69 уголовных дел, по которым установлено 70 лиц, умерших в результате отравления наркотиками. Принятыми мерами по 15 уголовным делам рассматриваемой категории установлен подозреваемый. С 600 до 508 в республике сократилось количество отравлений наркотиками. Зафиксировано 5 фактов (в 2022 г. — 16) отравлений наркотиком среди несовершеннолетних [3]. Наиболее неблагоприятная ситуация со случаями смертельного отравления наркотиками по-прежнему характерна для г. Минска.

Актуальные вопросы и особенности развития наркоситуации рассматриваются в ходе республиканских научно-практических мероприятий.

Так, при проведении научно-практического круглого стола «Пропаганда и реклама незаконных потребления или оборота наркотиков. Меры и сред-

ства противодействия», организованного Научно-практического центра (далее — НПЦ) Генеральной прокуратуры 1 июня 2023 г., были обозначены и обсуждены следующие проблемные аспекты:

- блокировка карт-счетов, используемых для незаконного оборота наркотиков;
- выявление маскировки информации о наркотиках при проведении судебно-лингвистической экспертизы;
- потенциал социальной рекламы как инструмента противодействия незаконному обороту наркотиков;
- перспективы установления уголовной ответственности за рекламу и пропаганду наркотиков;
- противодействие пропаганде и рекламе наркотиков в системе мер антинаркотической деятельности.

Научно-практический круглый стол «Профилактика потребления наркотиков: проблемы и совершенствование работы», проведенный НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь 14 июня 2024 г. на базе Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь с участием представителей Генеральной прокуратуры, государственных органов и организаций и научного сообщества, стал площадкой для обсуждения наиболее актуальных вопросов организации и результативности системы профилактики наркопотребления, а также путей и способов оптимизации антинаркотической предупредительной деятельности.

Отмечено, что профилактика наркопотребления, как и в целом иная превентивная работа, — это специфическая деятельность, как правило, в силу ряда причин иногда необоснованно слабо выраженная на практике. Эффективная профилактическая работа требует достаточно глубоких познаний в области криминологии, девиантологии, психологии, а также творческого подхода, ответственного отношения, существенных временных и трудовых затрат. При этом результаты ее мало идентифицируемы, они могут быть отдалены по времени от проводимых мероприятий, сложно оцениваемы статистическими показателями. В то же время она крайне необходима.

В рамках работы круглого стола автором настоящей публикации были представлены предложения по формированию и реализации комплекса мер совершенствования антинаркотической предупредительной деятельности, включающих мероприятия по концептуальной и организационно-правовой завершенности антинаркотической политики, созданию постоянно действующей системы мониторинга деструктивных социальных девиаций, формированию эффективной системы первичной профилактики потребления наркотиков среди несовершеннолетних и молодежи, оптимизации индивидуальной профилактической работы, качественному преобразованию

предупредительной деятельности с учетом реалий и возможностей современной информационной среды.

В основе эффективной профилактики располагается системная и систематическая работа по снижению деструктивного действия факторов, устранению причин и условий наркотизации, созданию и совершенствованию защитных механизмов как на личностном, так и на общесоциальном уровне.

Качеству данного направления (при планировании и реализации мероприятий, осуществлении правоприменения) способствует не только учет ситуативных и личностных причин наркопотребления и (или) участия в незаконном обороте наркотиков конкретного индивидуума, но и понимание глобальной природы наркотизма, его социальной детерминационной основы, поскольку в наибольшей степени общность детерминации потребления наркотиков и наркопреступности проявляется именно на макросоциальном уровне, где важную роль играют экономические, политические, культурные, правовые и иные факторы.

На уровне детерминации потребления наркотиков и преступного поведения макросоциальной средой в современном белорусском обществе выступают следующие исторически сложившиеся явления и процессы, рассматриваемые в качестве деструктивных факторов девиантности.

1. Социально-экономические детерминанты, влияющие на общественное сознание в плане снижения оценки потенциала развития социума в целом и личностных перспектив в частности: длительность процесса трансформации и модернизации социально-экономических отношений, осложненная долговременными условиями внешнеполитического кризисного характера, непосредственно недружественными противоправными экономическими действиями ряда государств западного блока^{*}; сопутствующие развитию рыночных отношений элементы формирования потребительской психологии, относительно высокий уровень социально-экономической дифференциации и материального неравенства и др.

2. Социально-политические и геополитические детерминанты, в том числе: глобальность преодоления негативных политических последствий системного кризиса конца прошлого века (дезориентация и дисфункциональность органов власти, связанные с отсутствием опыта деятельности в новых условиях, привели к снижению эффективности механизмов государственного управления, что послужило благоприятной почвой для криминализации и наркотизации общества, развития и последующей самодетерминации данных явлений); внешнеполитическая дестабилизация (отсутствие стабильности на внешнеполитической арене служит основой негативного восприятия населением политических процессов как кризисных или стрессовых, приводящих к фрустрации как одной из причин нарко-

^{*} Впервые незаконные санкции в отношении Республики Беларусь были введены Евросоюзом 15 сентября 1997 г.

зависимости). Данный фактор также сказывается на интенсивности трансграничного перемещения наркотиков, которое в «транзитных» условиях геополитического расположения Республики Беларусь и снижения уровня взаимодействия правоохранительных органов разных стран существенно влияет на их доступность.

3. Социально-культурные детерминанты, в том числе: девальвация традиционных этических ценностей и духовно-культурных ориентиров белорусского общества (кардинальные преобразования в стране начала 1990-х гг. способствовали состоянию длительной социокультурной аномии, выразившейся в противоречивости или, по мнению многих исследователей, отсутствию в массовом сознании целей, идеалов, ценностей [4], что в конечном итоге обусловило затрудненность формирования социально позитивных жизненных стратегий, адекватных изменившимся социальным условиям). Впоследствии данный фактор проявляется в снижении возможностей адекватного воспитательного воздействия со стороны родителей; неразвитость нравственной культуры социума (неспособность общества противостоять таким негативным процессам, как «вестернизация» ценностно-целевого комплекса населения (особенно молодежи); распространение в массовом сознании ценностных ориентаций, связанных с материальным благополучием, культом денег и материального потребления, индивидуализмом и гедонизмом, подмена традиционных культурных эталонов суррогатами различных субкультур и др.); развитие в социуме, особенно в подростковой среде, негативных стереотипов поведения, формирующихся под воздействием коммерческой информатизации (недостаточная конкурентоспособность отечественной кино-видео-телепродукции, развлекательной (игровой) индустрии в сравнении с иностранными производителями приводит к снижению их информационного и духовно-нравственного авторитета, редуцирует роль в формировании и коррекции ценностно-ориентационного комплекса молодежи).

4. Социально-правовые детерминанты, в том числе неполнота построения и закрепления в правовом пространстве стратегической антинаркотической политики, основанной на принципе комплексной и сбалансированной превенции спроса и предложения наркотиков [5].

Указанные детерминанты влияют на происхождение и развитие наркотизма, выступая в качестве благоприятной почвы для формирования и действия непосредственных причин и условий связанного с наркотиками девиантного (в том числе криминального) поведения.

Заключение

Подводя итоги изложенному выше, необходимо обратить внимание на то, что развитие антинаркотической деятельности в нашей стране происходило, как и в большинстве случаев, под влиянием исторических условий и традиций, внешних и внутренних обстоятельств, особенностей

социально-экономического развития, геополитического положения и многих других факторов. С принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков», во исполнение которого внесен ряд изменений и дополнений в законодательство, рассматриваемое направление приобрело наиболее интенсивное развитие за всю историю Республики Беларусь. Предпринятые меры привели к существенным изменениям. На современном этапе ситуация характеризуется снижением показателей как наркотизации населения, так и наркопреступности. Сформированы и эффективно работают механизмы оперативного реагирования на негативные изменения наркоситуации, преимущественно ориентированные на данные уголовной статистики, результаты надзорной работы органов прокуратуры, правоприменительную практику правоохранительных органов.

Вместе с тем следует констатировать, что с учетом обозначенных выше особенностей развития и социальной природы наркотизма основными условиями повышения эффективности антинаркотической деятельности в современный период являются системность и непрерывность мер по снижению спроса на наркотики и противодействию их незаконному предложению. Данная деятельность должна быть гармоничной и комплексной, а также надлежаще обеспеченной в организационном и правовом планах.

Список цитированных источников

1. *Русецкий, О. В.* Криминология наркотизма / О. В. Русецкий ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск, 2019. — 227 с.

2. Интернет — инструмент вовлечения в наркобизнес [Электронный ресурс] // М-во внутренних дел Респ. Беларусь. — Режим доступа: <https://mvd.gov.by>. — Дата доступа: 23.02.2024.

3. Практические результаты работы подразделений органов внутренних дел по наркоконтролю в 2023 г. [Электронный ресурс] // М-во внутренних дел Респ. Беларусь. — Режим доступа: <https://mvd.gov.by>. — Дата доступа: 23.02.2024.

4. *Сирота, Н. А.* Профилактика наркомании и алкоголизма : учеб. пособие / Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский. — М. : Академия, 2008. — 176 с. ; Наркомания и незаконный оборот наркотиков: вопросы теории и практики противодействия : учеб. пособие / Ю. М. Ермаков [и др.]. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2006. — 304 с. ; Корнилова, Т. Подростки групп риска / Т. Корнилова, Е. Григоренко, С. Смирнов. — СПб. : Питер, 2005. — 336 с.

5. *Русецкий, О. В.* Актуальность реализации, цели, задачи и принципы ювенальной антинаркотической политики в Республике Беларусь / О. В. Ру-

сецкий // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. семинара, Минск, 25 февр. 2022 г. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. — С. 27–31.

Аннотация. Эффективность антинаркотической политики зависит от системности и непрерывности предпринимаемых государством мер, в том числе связанных с противодействием создаваемым и перманентно развиваемым наркобизнесом механизмам распространения наркотиков. Задачей научного сообщества является комплексное и всестороннее изучение проблемы, предполагающее в том числе исследование социальных (внешних и внутренних) процессов, влияющих на формирование причин и условий наркотизма.

Раскрыты основные особенности и негативные тенденции развития наркоситуации в нашей стране, социальные детерминанты девиантного (потребление наркотиков) и криминального (их незаконный оборот) поведения.

CURRENT FEATURES OF THE DEVELOPMENT AND SOCIAL NATURE OF DRUG ADDICTION

Rusetsky O. V.

Keywords: illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues, drug use, drug addiction, determination of deviations, prevention of drug-related crimes.

Abstract. Efficiency of antinarcotic activity depends from measures, undertaken by the state, including those related to counteracting the drug distribution mechanisms created and permanently developed by the drug business. The task of the scientific community is a comprehensive and all-round study of the problem, which also involves the study of social (external and internal) processes that influence the formation of the causes and conditions of drug addiction. In this regard, the article reveals the main features and negative trends in the development of the drug situation in our country, the social determinants of deviant (drug use) and criminal (drug trafficking) behavior.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ, ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА

Сидоренко Д. О., Герасимова С. И.

Ключевые слова: мошенничество, динамика мошенничеств, мошеннические схемы, личность мошенника, виктимизация, жертва мошенничества.

Введение

В последние годы в Республике Беларусь среди всех преступлений против собственности значительный рост демонстрируют мошенничества.

Количественное и качественное изменение данного вида посягательства на собственность серьезно усложняет работу правоохранительных органов по его раскрытию и противодействию. Это объясняется тем, что мошенничество имеет различные формы, гибкость и способность к изменениям в зависимости от областей, в которые оно проникает.

Актуальность и необходимость изучения криминологических характеристик мошенничества обусловлены его широким распространением в различных сферах общественной жизни. Изучение обстоятельств, закономерностей и причин мошенничества, характеристика личности мошенника, а также потерпевших от таких деяний имеют важное значение не только для выявления и раскрытия преступлений, но и для их профилактики.

Основная часть

Анализ статистических данных о совершенных мошенничествах в Республике Беларусь за период 2019–2023 гг. свидетельствует о постепенном увеличении их количества. В указанный период ежегодно возрастало как число зарегистрированных мошенничеств, так и их удельный вес относительно всех преступлений против собственности (кроме 2020 г.). В 2023 г. число таких преступлений по сравнению с 2019 г. возросло в 2,8 раза (179,5 %), по сравнению с 2022 г. по преступлению, предусмотренному ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ), отмечается рост на 58,7%*. Доля мошенничеств в 2019 г. составляла 8,8 %, в 2020 г. — 7,3 %, 2021 г. — 9,8 %, 2022 г. — 15 %, 2023 г. — 24,4 % от числа всех зарегистрированных преступлений против собственности. Общее количество этих преступных деяний в данный период остается стабильно высоким.

Уголовным законодательством предусматривается два основных способа мошенничества — обман и злоупотребление доверием. Это во многом влияет и на разнообразие форм проявления данного преступления.

* Здесь и далее для вычисления приводимых показателей использовались сведения Информационного центра Министерства внутренних дел Республики Беларусь о совершенных правонарушениях на территории Республики Беларусь за 2019–2023 гг.

Широкое распространение мошенничество получило ввиду внедрения в нашу жизнь новых технологий. Человеческое общение приобретает новые формы, которые все более компьютеризируются и интеллектуализируются, значительную роль играют информационные технологии. Если раньше злоумышленнику необходимо было осуществлять все свои мошеннические замыслы «поштучно», что требовало значительного времени, то в настоящее время для достижения аналогичного результата не требуется больших временных затрат.

Следует отметить, что этот вид преступления обладает высоким уровнем латентности, поэтому данные официальной статистики о совершенных мошенничествах могут не в полной мере отражать реальное положение дел.

М.Ю. Хмелева отмечает: в настоящее время мошенничество характеризуется тем, что, проникая во все сферы общественной жизни, оно легко адаптируется к изменяющимся условиям и имеет ярко выраженный интеллектуальный оттенок. Часто мошенники действуют под прикрытием организационно-правовых форм, разрешенных законодательством, используют поддельные банковские и иные финансовые документы, а совершение фактов мошенничества маскируют под гражданско-правовые сделки, что существенно затрудняет расследование данных преступлений [1]. Рост новых видов мошеннических действий и расширение сфер общественной жизни, где могут совершаться такого рода преступления, как правило, вызывают негативные социально-экономические изменения.

Традиционно детерминацию корыстной преступности тесно связывают с уровнем и развитием экономической системы. Вместе с тем прямое или опосредованное влияние на преступления, посягающие на собственность, оказывают различные неэкономические сферы общественной жизни.

Наряду с этим криминологи называют и субъективные причины совершения корыстных преступлений против собственности (социально-психологические, морально-нравственные и т. д.), которые в силу сложности и неоднозначности требуют глубокого познания. Так, по мнению Ю.М. Антоняна, главной причиной имущественной преступности является человек, стремящийся удовлетворить свои потребности, но не желающий делать этого путем участия в общественно полезном труде. Все другие причины, которые детерминируют совершение преступлений против собственности, так или иначе имеют второстепенный характер и подчинены действию главной причины — установки на незаконное обогащение в целях удовлетворения личных потребностей в обход участия в общественно полезном труде [2, с. 7]. Анализ социально-демографических данных лиц, выявленных по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 209 УК РБ, показывает следующие особенности этой категории лиц:

- мужчины (77 %);
- лица в возрасте старше 30 лет (53 %);

- неработающие и необучающиеся (56 %);
- граждане Республики Беларусь (97 %);
- имеющие непогашенную судимость (33 %).

Такие криминологические характеристики личности мошенника дополняет психологический компонент, который, по мнению А.А. Лебедевой, включает в себя: направленность, ценностные ориентации, нравственный уровень личности, жизненную позицию человека, т. е. свойства, которые позволяют судить о закономерности или случайности содеянного, а также свойства личности, лежащие в основе способности человека к произвольной регуляции своего поведения. Это прежде всего его эмоциональная устойчивость, обусловленная особенностями нервных процессов, самооценка, уровень притязаний, самоконтроль, волевые качества, блестящие аналитические способности, полное и декларативное отсутствие моральных принципов, беспринципность, жадность, корысть, зависть, внутренняя ущербность, алчность и др. Для понимания психологии людей и оказания на них психологического воздействия преступнику необходимо уметь управлять своими процессами и состояниями [3, с. 193–194].

Неотъемлемой характерной особенностью мошенничества, существенно отличающей его от других форм хищения чужого имущества, является то, что оно совершается при непосредственном участии потерпевшего, который из-за своей неосмотрительности, некритичности, наивности, легковерности, тщеславия, повышенного самомнения, зависти или корыстолюбия в криминальной ситуации поступает виктимно, введенный в заблуждение обманными действиями виновного, или вследствие субъективной ошибки относительно намерений последнего передает ему свое имущество.

Основную роль при мошенническом обмане играет поведение мошенника, детерминирующее соответствующее виктимное поведение потерпевшего [4, с. 25–26].

Особую роль в предотвращении мошенничества играет виктимологическая профилактика преступлений, поскольку поведение жертвы данного преступления до и в момент совершения преступления является составной частью преступления. Виктимизация в таких ситуациях представляет собой непосредственную активную деятельность субъекта — потерпевшего, посредством которой мошенник достигает цели получения в свое пользование имущества жертвы, которое он затем обращает в свою собственность. В таких случаях жертве следует указывать на риск, которому она себя подвергает, ведя себя виктимно, на ту опасность, которая вследствие этого над ней нависает. Предупреждение виктимизации — криминологическое средство предупреждения преступлений [5].

Исходя из факта широкого использования при хищениях, в том числе мошенническим способом, информационно-коммуникационных технологий

(далее — ИКТ), в научных публикациях стало выделяться новое направление — кибервиктимология. Ее понимание трактуется с различных позиций: например, российским исследователем Д. В. Жмуровым как «учение о жертве преступления, совершенного при помощи компьютерных технологий» [6, с. 26]; О. Б. Бовть определяет ее как «отрасль социально-психологической виктимологии, изучающую причины и социально-психологические механизмы становления людей кибержертвами» [7, с. 10].

Следовательно, кибержертвами становятся лица, пострадавшие от преступлений, совершенных в цифровой среде.

Основной особенностью жертв преступлений, совершенных с помощью ИКТ, выступает активное использование ими информационных технологий и часто пренебрежительное отношение к средствам и способам защиты информации.

Достаточно условно можно выделить два типа жертв в зависимости от способа изъятия денежных средств: жертвы технического воздействия и жертвы информационного воздействия.

Для первого типа жертв характерны активное использование электронных систем платежей, внедрение новых информационных технологий в сфере оплаты товаров, услуг, как правило, приобретаемых через маркетплейсы, интернет-ресурсы с активным использованием сервисов заказов и т. д. Для данного типа жертв основным виктимологическим фактором выступает достаточно легкомысленное поведение в сфере обеспечения компьютерной безопасности и безопасности своих электронных денежных средств. Их уверенность в собственных знаниях, нежелание совершать дополнительные действия по проверке электронных ресурсов, стереотипы поведения в информационной среде, активное использование различных ресурсов, где они оставляют о себе информацию, делают их уязвимыми для мошенников. Второй тип жертвы практически ничем не отличается от жертв обычных мошенничеств. Следует отметить, что в данном случае речь идет не о каких-то специфических особенностях лиц, пострадавших от преступлений, совершенных с помощью ИКТ, а об описанных выше особенностях личности потерпевшего от мошеннических действий. Для второго типа жертв мошенничества, независимо от сферы его совершения, также характерны чрезмерная доверчивость, небрежность и легкомысленность. В таких ситуациях опять же достаточно часто в поведении жертвы проявляется корыстная направленность (приобрести товар дешевле, обойти системы дополнительных платежей, избавиться от затрат и т. д.). Они легко поддаются влиянию, внушаемы, для них характерно стремление получить максимальную выгоду с минимальными затратами.

Второй тип жертв значительно чаще преобладает в общей структуре хищений, совершенных с помощью информационных технологий. Это обусловлено прежде всего тем, что для мошенников работать с такими жертвами

гораздо проще и удобнее, не требуется особых навыков программирования, технических характеристик оборудования.

При данном виде мошенничества для преступников ничего не меняется, кроме того, что нет прямого контакта с жертвой, а связь осуществляется через технические устройства (телефоны, планшеты, смартфоны и т. д.).

Немаловажную роль для выбора жертвы играют такие характеристики личности потерпевших от мошенничеств, совершенных с помощью ИКТ, как демонстративность, открытость, тщеславие. Потенциальные жертвы сами выкладывают всю информацию о себе в открытый доступ, привлекая внимание мошенников.

Анализ социально-демографических данных потерпевших от мошенничества в 2023 г. показывает, что жертвами таких преступлений становятся лица всех возрастных категорий, различных социальных групп. Вместе с тем среди таких лиц преобладают потерпевшие в возрасте 30–49 лет (44,7 %), при этом женщины составляют большую их часть (58,4 %). Относительно рода занятий распределение следующее: рабочие — 33,8 %, служащие — 4,9 %, учащиеся — 6,9 %, категория пенсионеры составляет 9,6 %. Заметную часть потерпевших от мошенничеств составили лица, не занятые общественно полезной деятельностью (26,3 %).

Заключение

Несмотря на широкое распространение информационных технологий и активное внедрение во все сферы жизнедеятельности человека цифровых систем, содержание мошенничества остается прежним. Становится иной лишь форма обмана, активно используются новые технологии, но злоумышленники по-прежнему используют человеческие слабости и психологические особенности личности потерпевших.

Наряду с этим постоянное обновление и усложнение мошеннических схем требует незамедлительной реакции в части предупреждения и своевременного пресечения незаконных деяний, диктует принятие безотлагательных мер со стороны специальных органов. Основным направлением такой деятельности является предупредительная работа с потенциальными жертвами мошенничеств.

Эффективным инструментом в противодействии такому преступлению стало использование различных информационных ресурсов для оповещения граждан о новых способах мошенничества. Данная деятельность должна носить массовый характер и исходить как от правоохранительных органов, так и от иных организаций (например, банков, служб доставки) [8, с. 548–549]. Важной при реализации мер по информированию граждан о способах защиты от посягательств на имущество является их нацеленность на конкретную группу потенциальных жертв мошенничеств (например, одиноких женщин, пенсионеров, несовершеннолетних и др.).

Список цитированных источников

1. Хмелева, М. Ю. Уголовная ответственность за мошенничество : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 [Электронный ресурс] / М. Ю. Хмелева; Омск. Акад. МВД РФ. — Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-moshennichestvo>. — Дата доступа: 10.06.2024.
2. Антонян, Ю. М. Причины корыстной преступности / Ю. М. Антонян // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. — 2010. — № 4. — С. 7–9.
3. Лебедева, А. А. Криминологическая характеристика и типология личности преступника, совершающего мошенничество / А. А. Лебедева // Общество и право. — 2007. — № 4. — С. 192–194.
4. Назаренко, Г. В. Преступления против собственности : науч.-практ. пособие / Г. В. Назаренко, А. И. Ситникова. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 168 с.
5. Астафьев, К. В. Виктимологический аспект мошенничества: уголовно-правовое и криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 [Электронный ресурс] / К. В. Астафьев; Казан. гос. ун-т. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/viktimologicheskij-aspekt-moshennichestva.html>. — Дата доступа: 10.06.2024.
6. Жмуров, Д. В. Кибервиктимология. Грядущая неизбежность / Д. В. Жмуров // Академ. юрид. журн. — 2021. — Т. 22, № 3. — С. 26–32.
7. Бовть, О. Б. Кибервиктимология: мультидисциплинарность и перспективы развития / О. Б. Бовть // Грантовая научно-исследовательская и научно-образовательная деятельность: цели, технологии, результаты / отв. ред. О. П. Чигишева. — Ростов н/Д, 2017. — С. 5–32.
8. Стяжкина, С. А. Виктимологическая профилактика кибермошенничеств / С. А. Стяжкина // Вестн. Удмурт. ун-та. — 2022. — Т. 32, вып. 3. — С. 546–552.

Аннотация. Исследование посвящено криминологической характеристике мошенничества. Актуальность вызвана ростом зарегистрированных мошенничеств в Республике Беларусь. Анализируется динамика совершенных мошенничеств в стране за пятилетний период. Одной из причин роста мошенничеств считается цифровизация и технизация общественной жизни. Мошенничество рассматривается как сложное преступление, представляющее собой взаимодействие двух самостоятельных субъектов — виновного и потерпевшего, поведение каждого из которых составляет единый процесс детерминации преступления. Дается криминологическая характеристика личности мошенника. Рассматривается виктимологический аспект совершаемых мошенничеств с помощью ИКТ. Констатируется необходимость целенаправленности профилактических мер на конкретную группу потенциальных жертв мошенничеств.

CRIMINOLOGICAL, VICTIMOLOGICAL CHARACTERISTICS OF FRAUD

Sidorenko D. O., Gerasimova S. I.

Keywords: fraud, dynamics of fraud, fraudulent schemes, identity of the fraudster, victimization, victim of fraud.

Abstract. The article is devoted to the criminological characteristics of fraud. The relevance of the article is caused by the increase in registered fraud in the Republic of Belarus. The article analyzes the dynamics of fraud committed in the Republic of Belarus over a five-year period. One of the reasons for the growth of fraud is considered to be digitalization and technicalization of public life. Fraud is considered as a complex crime, representing the interaction of two independent subjects — the perpetrator and the victim, the behavior of each of which constitutes a single process of determining the crime. A criminological characteristic of the fraudster's personality is given. The victimological aspect of fraud committed using information and communication technologies is considered. The need to target preventive measures to a specific group of potential victims of fraud is stated.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ КОНЦЕПЦИИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Смеян А. А.

Ключевые слова: борьба с терроризмом, информационная безопасность, информационное противоборство, концепция, национальная безопасность, противодействие экстремизму.

Введение

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 (далее — Концепция национальной безопасности), основными угрозами национальной безопасности являются проявления экстремизма в любых его формах, в том числе терроризма, в результате которых создается опасность жизни и здоровью людей, территориальной целостности и существованию государства. При этом террористическая деятельность на территории Республики Беларусь, преследующая цели по дестабилизации общественного порядка и провоцированию внутреннего вооруженного конфликта, рассматривается Концепцией национальной безопасности как один из основных внутренних источников военных угроз [1].

По статистическим данным Следственного комитета Республики Беларусь от 31 мая 2024 г., с августа 2020 г. по всей стране совершено порядка 19 тыс. преступлений экстремистской направленности. За прошлый год выявлено около 5,5 тыс. преступлений, в том числе прошлых лет. Это участие в несанкционированных мероприятиях, массовых беспорядках, финансирование экстремистской деятельности, оскорбление представителей власти. Расследуются уголовные дела, которые возбуждены в отношении лиц, готовящихся совершить террористические акты на территории Беларуси и России. Однозначно установлены факты, когда в страну с Украины доставлялись взрывчатые вещества и оружие, которые складировались в тайниках. Возникновение подобных угроз национальной безопасности приобрело постоянный характер [2].

Концепция национальной безопасности констатирует, что процессы всеобъемлющей информатизации спровоцировали рост преступности в информационной сфере, в том числе связанной с экстремизмом и терроризмом. Данная тенденция актуализирует проблему определения роли и ме-

ста информационного противоборства терроризму и экстремизму в борьбе с этими общественно опасными явлениями.

На основании изложенного цель исследования состоит в том, чтобы представить авторское видение основных черт современного терроризма и предложить некоторые подходы к развитию такого направления борьбы с терроризмом, как его предупреждение путем разработки и осуществления информационного противоборства терроризму и экстремизму в качестве активного компонента данного направления в рамках внесения соответствующих изменений и дополнений в Концепцию борьбы с терроризмом в Республике Беларусь, утвержденную постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 июля 2013 г. № 658 (ред. от 27.07.2015) (далее — Концепция борьбы с терроризмом) [3], с последующей их реализацией.

Основная часть

Террористические организации и террористические методы используются политическим руководством США, Великобритании, Израиля, Украины фактически открыто, а с определенной зашифровкой — и некоторыми их союзниками, в качестве средства реализации своих интересов в геополитической борьбе, которая на современном этапе максимально приблизилась к развязыванию третьей мировой войны. «Цветные» революции по смене не удобных так называемому коллективному Западу политических режимов в странах и регионах с необходимыми для него сырьевыми и другими ресурсами, предшествующее этим, часто вооруженным, переворотам нагнетание социальной напряженности, разжигание и поддержание вооруженных конфликтов, убийства террористами при содействии спецслужб политических деятелей, ученых, лидеров общественного мнения, теракты с массовой гибелью людей — это реалии наших дней.

Данные крайне опасные тенденции современного мира нашли свое отражение в Концепции национальной безопасности.

Основанный на методологии указанного стратегического документа анализ основных черт современного терроризма позволяет констатировать следующее.

Трансформация капиталистической системы производства и распределения в современном мире до крайней степени обострила конфликты интересов основных центров силы, породив глобальную геополитическую напряженность путем разрушения сложившегося мирового порядка, открытой борьбы за природные ресурсы и передел сфер влияния, в том числе посредством военных конфликтов с использованием террористических методов и сил, включая участие международных террористических организаций.

«Питательной средой» для роста количества приверженцев террористической идеологии являются ужесточившаяся конкуренция за контроль над рынками, ресурсами и технологиями, усиливающееся неравенство в распределении доходов от мировой торговли, растущая финансовая зависимость,

из-за которых многие страны испытывают труднопреодолимые проблемы с сохранением качества жизни, экономический спад, рост безработицы, резкое социальное расслоение.

Для разрешения кризисных ситуаций все чаще осуществляется внешнее вмешательство во внутренние дела государств для продвижения своих национальных и коллективных интересов в нарушение общепризнанных норм и принципов международного права. Наряду с традиционными формами вооруженного противоборства активно ведется борьба за массовое сознание для реализации технологий «цветных» революций, совершение которых основано на индивидуальной и групповой террористической деятельности.

На первый план выходят акты терроризма в отношении политических, государственных и военных деятелей, ведущих ученых, лидеров общественного мнения. Вместе с тем сохраняются такие основы терроризма, как религиозная нетерпимость, ксенофобия, агрессивный национализм, сепаратизм.

Интенсификация на современном этапе и в перспективе оборота средств поражения в связи с вооруженными конфликтами средней и малой интенсивности приводит к оснащению террористических организаций и групп, а также отдельных террористов оружием и боеприпасами с высокими поражающими свойствами, что создает угрозу многократного роста масштабов последствий актов терроризма.

Активизируется использование новейших цифровых знаков (токенов, в том числе криптовалют), контроль оборота которых затруднен, для финансирования террористической деятельности, а не контролируемый никем, кроме IT-корпораций США, DarkNet — для ее материально-технического оснащения.

Электронные средства массовой коммуникации, оказывающие всеобъемлющее влияние на общественно-политические и социально-экономические процессы, используются для распространения террористической идеологии, соответствующей удаленной манипуляции отдельными лицами, вовлечения их в террористическую деятельность, в том числе подстрекательства к совершению ими актов терроризма.

Правительства и спецслужбы США, Великобритании, Украины, Польши, стран Балтии и некоторых других государств осуществляют деятельность, направленную на создание в Республике Беларусь подпольных террористических ячеек, провоцируют совершение ими актов терроризма, формируют, финансируют, ведут подготовку незаконных вооруженных формирований для совершения террористической деятельности в Республике Беларусь.

Наряду с указанными в Концепции борьбы с терроризмом основными внешними источниками террористической угрозы в Республике Беларусь, можно отметить следующие:

- наличие в Украине, Польше и странах Балтии прозападных антибелорусских, русофобских и националистических сил, поддерживаемых прави-

тельствами этих государств и нацеленных на террористическую деятельность в Республике Беларусь;

- воздействие зарубежных центров информационно-психологических операций на белорусское население, направленное на дестабилизацию обстановки в Беларуси, в том числе посредством вовлечения граждан в террористическую и экстремистскую деятельность;

- выбор территории Республики Беларусь специальными службами Украины и ее союзников в качестве плацдарма для диверсионно-террористической деятельности против Российской Федерации;

- кризис глобальных и европейских международных институтов, а также международного права в области борьбы с терроризмом;

- применение спецслужбами отдельных государств террористических методов для реализации своих интересов в отношениях с другими государствами.

Деструктивное информационно-психологическое воздействие на население Республики Беларусь, ставшее триггером антиконституционных проявлений накануне и после президентских выборов 2020 г., продолжается и в настоящее время, в том числе с теми же экстремистскими и террористическими целями. В таких условиях недостаточную институционализацию и правовое регулирование информационного противоборства терроризму и экстремизму как активного компонента предупреждения терроризма следует рассматривать в качестве одного из основных внутренних источников террористической угрозы в Республике Беларусь. В число рассматриваемых источников необходимо также включить отсутствие уголовных и административных запретов на публичные призывы и публичное оправдание ряда действий, отнесенных законодательством к экстремизму.

Вышеизложенные предпосылки актуализируют необходимость дополнения такого направления борьбы с терроризмом, как его предупреждение, активным компонентом — информационным противоборством экстремизму и терроризму. Соответствующий импульс правовым и организационным преобразованиям в данном отношении может создать включение в Концепцию борьбы с терроризмом специальных положений, разработанных на основе модельного закона Организации Договора о коллективной безопасности «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму», принятого в 2018 г. [4], а также Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 [5].

В частности, представляется целесообразным дополнение указанной Концепции следующими понятиями, определения которых адаптированы автором для их имплементации в национальную правовую систему:

- информационное противоборство терроризму и экстремизму — деятельность субъектов борьбы с терроризмом по оказанию комплексного

воздействия с использованием специальных методов, способов и средств на информационную инфраструктуру террористов и их сторонников, на их психику, на распространяемую ими информацию, которое обеспечивает достижение целей борьбы с терроризмом, а также защита от информационного террористического воздействия информационной сферы общества и государства, индивидуального и общественного сознания населения;

- информационно-техническое противоборство терроризму и экстремизму — вид информационного противоборства терроризму и экстремизму, в котором главным объектом воздействия и защиты является информационная инфраструктура;

- информационно-психологическое противоборство терроризму и экстремизму — вид информационного противоборства терроризму и экстремизму, в котором главным объектом защиты является индивидуальное и общественное сознание населения, а главным объектом воздействия — террористическая идеология, психика террористов, их лидеров и сторонников.

При этом было бы логичным в Концепции борьбы с терроризмом раскрыть информационное противоборство терроризму и экстремизму через его основные направления и меры, которые в авторской трактовке состоят в следующем.

Информационное противоборство терроризму и экстремизму является активным компонентом предупреждения терроризма и осуществляется в двух видах (информационно-техническое и информационно-психологическое противоборство) по следующим основным направлениям:

- проведение разведки террористической и экстремистской деятельности в информационной сфере и разработка вариантов противодействия террористическому и экстремистскому воздействию на информационную сферу общества и государства, индивидуальное и общественное сознание населения;

- деструктивное воздействие на информационную инфраструктуру террористов и их сторонников, их психику, распространяемую ими информацию;

- защита информационной сферы общества и государства от кибертерроризма, индивидуального и общественного сознания населения от информационно-психологического воздействия террористического и экстремистского характера.

Основными мерами информационного противоборства терроризму и экстремизму являются:

- информационные и информационно-аналитические меры;
- меры деструктивного воздействия на информационную инфраструктуру террористов и их сторонников, на их психику, на распространяемую ими информацию;

- меры защиты информационной сферы общества и государства от кибертерроризма;
- меры защиты индивидуального и общественного сознания населения от информационно-психологического воздействия террористического и экстремистского характера.

Основные информационные и информационно-аналитические меры:

- добывание достоверной, полной и своевременной информации о террористическом и экстремистском воздействии на информационную сферу общества и государства, индивидуальное и общественное сознание населения, а также об условиях и угрозах такого воздействия;
- всесторонний анализ достоверных данных о силах, средствах, формах и методах террористической и экстремистской деятельности в информационной сфере;
- прогнозирование изменения условий информационного противоборства терроризму и экстремизму с целью разработки вариантов воздействия на информационную инфраструктуру террористов и их сторонников, их психику, распространяемую ими информацию, а также защиты информационной сферы общества и государства, индивидуального и общественного сознания населения с расчетом последствий указанного воздействия и защиты;
- подготовка информационно-пропагандистских материалов и информационное обеспечение информационных операций.

Основные меры деструктивного воздействия на информационную инфраструктуру террористов и их сторонников, их психику, распространяемую ими информацию:

- проведение специальных мероприятий (операций) по прекращению или затруднению функционирования систем управления, принятия решений и финансирования террористической и экстремистской деятельности, а также по ее дезорганизации;
- применение в отношении террористической и экстремистской информационной инфраструктуры наступательных средств программно-технического воздействия;
- физическое разрушение объектов террористической и экстремистской информационной инфраструктуры;
- антитеррористическая информационная экспансия в сегментах интернета, используемых в террористических и экстремистских целях, с применением соответствующих способов информационно-психологического воздействия как на нейтральных пользователей, так и на лидеров террористов и экстремистов, их сторонников;
- осуществление информационно-психологического влияния на лидеров терроризма и экстремизма, а также их сторонников с целью побуждения их к совершению действий, выгодных с точки зрения противоборства терроризму и экстремизму;

– пропаганда несостоятельности террористической и экстремистской идеологии в разрешении социальных конфликтов, нацеленная на склонение к отказу от такой деятельности лиц, ее разделяющих.

Основные меры защиты информационной сферы общества и государства от кибертерроризма:

– блокировка вредоносных коммуникаций между субъектами и объектами воздействий при кибератаках на информационные системы и сети передачи данных в национальном сегменте интернета;

– безопасное проектирование и эксплуатация критически важных объектов информатизации и государственных информационных систем;

– использование регулярно обновляемого, подлинного лицензионного программного обеспечения, получаемого из доверенных источников;

– обучение граждан основам безопасного поведения в информационной сфере;

– функционирование системы реагирования на киберинциденты;

– пресечение попыток несанкционированного проникновения в информационную инфраструктуру;

– выявление и устранение уязвимостей в программном обеспечении;

– поддержание в актуальном состоянии антивирусного программного обеспечения.

Основные меры защиты индивидуального и общественного сознания населения от информационно-психологического воздействия террористического и экстремистского характера:

– формирование и распространение информационных потоков, направленных на парирование (в первую очередь упреждающее) и нейтрализацию информационно-психологических воздействий террористического и экстремистского характера;

– формирование и распространение внутригрупповых информационных потоков и источников антитеррористической направленности исходя из специфики конкретных социальных групп и сообществ, а также способов социального взаимодействия, переработки и оценки информации (групповых норм, ориентации, предпочтений определенных коммуникаторов, регламентация правил и процедур работы и взаимодействия с внешними информационными источниками и т. п.);

– индивидуальная профилактическая работа с лицами, попавшими под влияние террористической идеологии, по формированию у них индивидуальной психологической защиты посредством образования, самообразования, прохождения специальных тренингов под руководством опытных психологов;

– информационно-пропагандистские действия, направленные на формирование у населения неприятия идей терроризма и экстремизма;

– сохранение сформированных в общественном сознании традиционных фундаментальных ценностей белорусского народа;

- продвижение таких жизненных приоритетов, как гуманизм, миролюбие, добрососедство, справедливость, взаимопомощь, крепкие семейные отношения, здоровый образ жизни, созидательный труд, принятых в белорусском обществе норм морали и нравственности, позитивного правосознания, уважительного отношения ко всем традиционным религиям и вероисповеданиям;

- поддержка и всемерное развитие гражданско-патриотической идеологии;

- снижение анонимности в информационном пространстве;

- культивирование родительского контроля при использовании детьми информационных технологий.

Заключение

Концепция борьбы с терроризмом нуждается в корректировке своего содержания с учетом тенденций современного экстремизма и терроризма, в том числе на основе положений обновленной в 2024 г. Концепции национальной безопасности. Стремительный рост деструктивного информационно-психологического воздействия на население Республики Беларусь в целях провоцирования экстремистской и террористической активности актуализирует включение в такое направление борьбы с терроризмом, как его предупреждение, активного компонента, которым является информационное противоборство терроризму и экстремизму.

Список цитированных источников

1. Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Решением Всебелорусского народного собрания, 25 апр. 2024 г., № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

2. Рабочая поездка Председателя Следственного комитета в Гомельскую и Брестскую области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sk.gov.by/ru/news-usk-brest-ru/view/rabochaja-poezdka-predsedatelja-sledstvennogo-komiteta-v-gomelskuju-i-brestskuju-oblasti-13796/>. — Дата доступа: 03.06.2024.

3. Концепция борьбы с терроризмом в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 25 июля 2013 г., № 658 (в ред. от 27.07.2015) // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

4. Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму : модельный закон, принят Парламентской Ассамблеей ОДКБ, постановление от 30.10.2018, № 11–3.3.

5. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

Аннотация. Представлена характеристика тенденций современного терроризма и экстремизма с учетом положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5. Указано на рост деструктивного информационно-психологического воздействия на население Республики Беларусь в целях провоцирования экстремистской и террористической активности, что актуализирует применение в качестве активного компонента предупреждения терроризма информационного противоборства терроризму и экстремизму. Внесены предложения о дополнении Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 июля 2013 г. № 658, положениями, раскрывающими основные черты современного терроризма, а также отражающими определения понятий информационного противоборства терроризму и экстремизму, его видов, содержание его основных направлений и мер.

MAIN TRENDS IN MODERN TERRORISM AND PROPOSALS FOR IMPROVING THE CONCEPT OF COMBATING TERRORISM IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Smeyan A.A.

Keywords: fight against terrorism, information security, information confrontation, concept, national security, countering extremism.

Abstract. The article presents a description of the trends in modern terrorism and extremism, taking into account the provisions of the Concept of National Security of the Republic of Belarus, approved by the Decision of the All-Belarusian People's Assembly of 25.04.2024 No 5. The increase in the destructive information and psychological impact on the population of the Republic of Belarus in order to provoke extremist and terrorist activity is indicated, which actualizes the use of information counteraction to terrorism and extremism as an active component of terrorism prevention. Proposals have been made to supplement the Concept of Combating Terrorism in the Republic of Belarus, approved by the Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of 25.07.2013 No 658, with provisions revealing the main features of modern terrorism, as well as reflecting the definitions of the concepts of information counteraction to terrorism and extremism, its types, the content of its main directions and measures.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИОННЫМ РЕСУРСАМ И ПЕРСОНАЛЬНЫМ ДАННЫМ

Чуешов К. В.

Ключевые слова: вишинг, кибербезопасность, мошенничество, социальная инженерия, фишинг.

Введение

К основным факторам, снижающим эффективность правотворчества и реализации мер противодействия преступности в сфере информационных технологий, можно отнести опережающие темпы освоения глобальной компьютерной сети Интернет (далее — сеть Интернет), недостаточно высокий общий уровень компьютерной грамотности граждан, переход многих сфер общественных отношений, включая товарный и денежный обороты, в интернет-пространство.

Увеличение риска киберугроз, связанных с хищением денежных средств в информационно-коммуникационном пространстве, хакерские атаки и другие негативные проявления становятся глобальной проблемой трансграничного характера. Деструктивному воздействию подвергаются не только граждане, субъекты хозяйствования, государственные органы и организации, но также целые государства.

В связи с этим активизация работы по предотвращению киберугроз актуальна для следующих направлений:

- защита персональных данных;
- безопасность коммерческих информационных систем;
- безопасность информационных систем государственных структур.

Несомненно, граждане являются наиболее уязвимой категорией из числа названных субъектов, поскольку часто не обладают достаточными знаниями и ресурсами для самостоятельного противодействия киберугрозам.

Повышение разработчиками программных продуктов и поставщиками услуг степени защиты соответствующих продуктов и услуг заставляет злоумышленников искать новые способы противоправного завладения имуществом. Вместе с тем приобретают все большую актуальность основанные на социальной инженерии понятия, ставшие широко известными в последнее десятилетие, такие как вишинг, фишинг и т. п.

Предметом настоящего исследования является социальная инженерия как инструмент несанкционированного доступа к информационным ре-

сурсам и персональным данным посредством воздействия на сознание человека.

Основная часть

В настоящее время персональные данные представляют собой нематериальный актив, имеющий значимую социально-экономическую ценность, поскольку обладание ими предоставляет широкие возможности для повышения эффективности бизнеса посредством прогнозирования поведения клиентов, увеличения продаж, улучшения качества товаров, работ и услуг с учетом предпочтений потребителей [1].

В соответствии с положениями абзаца девятого ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» персональными данными признается любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано.

Таким образом, владение персональными данными как активом позволяет целенаправленно и точно воздействовать на сознание человека с целью корректировки его поведения. Например, клиенту, сделавшему заказ в интернет-магазине, легче найти соответствующую позицию в следующий раз. Аналогичным образом работает система запросов на поисковых сервисах в сети Интернет, что облегчает рабочие и бытовые процессы, экономит материальные и временные ресурсы.

Вместе с тем персональные данные могут использоваться в противоправных целях, в частности, в рамках мошеннических действий. Основным инструментарием получения информации, относящейся к персональным данным, в настоящее время являются способы и методы социальной инженерии.

В законодательстве Республики Беларусь уделяется значительное внимание вопросам защиты персональных данных на фоне роста случаев мошенничества, в том числе с использованием социальной инженерии.

В частности, Концепцией развития платежного рынка Республики Беларусь и цифровизации банковского сектора на 2023–2025 гг., утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 27 июля 2023 г. № 267, совершенствование механизмов противодействия несанкционированным платежным операциям и мошенничеству с использованием методов социальной инженерии отнесено к компетенции Национального банка Республики Беларусь.

Отметим, что в рекомендательных типологиях новых преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, принятых на пятьдесят первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) (постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ № 51–24 от 27 ноября 2020 г.), методы социальной инженерии

трактуются через использование познаний в области психологии относительно сущности платежных операций с целью получения информации, необходимой для несанкционированного доступа, либо принуждения потерпевшего совершить определенные действия.

Несмотря на то что белорусский законодатель оперирует понятием «социальная инженерия», легальное определение этого понятия отсутствует.

В научной литературе сущность социальной инженерии чаще всего соотносится с методами и (или) способами:

- несанкционированного доступа к информационным ресурсам, основанного на особенностях психологии человека [2, с. 33];
- контроля за поведением человека, выраженного в достижении выполнения им определенных действий с банковским счетом (картой) или сообщении какой-либо персональной или конфиденциальной информации, обладание которой позволяет злоумышленнику получать незаконный доступ к чужому имуществу [3, с. 12];
- манипулирования людьми с целью получения конфиденциальной информации [4, с. 51–52];
- управления действиями человека без использования технических средств, основанного на использовании слабостей человеческого фактора [5, с. 43].

Представленные подходы предполагают понимание социальной инженерии исключительно в негативном аспекте — как воздействия на сознание человека с корыстными противоправными целями.

Вместе с тем отдельными учеными, как правило социологами, при исследовании социальной инженерии как научной дисциплины указывается на нередкие идеологические спекуляции данным термином, когда последний трактуется как:

- централизованное планирование общественных процессов со стороны государства;
- средство маскировки изменений в общественной жизни при сохранении общественно-государственного строя в целом [6, с. 87–88].

Российский социолог Ю.М. Резник указывает, что в узком понимании социальная инженерия представляет собой область знаний, практических действий, направленных на создание и обслуживание социальных систем искусственного типа. К последним названный автор относит социальные институты, социальные (формальные) организации, организованные группы [6, с. 89].

Вместе с тем, поскольку, как подчеркивают специалисты, термину «социальная инженерия» уже более 120 лет, в широком смысле он может отождествляться с проектно-прикладной социологией, управлением (менеджментом), связями с общественностью и политехнологиями [7, с. 99].

В современном же мире социальная инженерия, приобретает агрессивный характер, предлагает новые виды атак на различные объекты (сознание людей, социальные институты):

- атаки, направленные на отвлечение специалистов от основных обязанностей (например, рассылки в организации с целью бессмысленного сбора больших объемов данных или психологические атаки на работников);
- атаки со случайными алгоритмами запуска вредоносного программного обеспечения (для целей уничтожения или искажения обрабатываемых данных) и др. [8].

Мошеннические методы социальной инженерии чаще всего предполагают психологическое воздействие на граждан дистанционным путем с применением новых технологий.

Таким образом, социальная инженерия в контексте обеспечения информационной безопасности представляет собой систему способов психологического манипулирования (воздействия) людьми в целях совершения ими определенных действий или разглашения конфиденциальной информации, которой они владеют [9, с. 347].

Если ранее мошенничества осуществлялись, как правило, с помощью непосредственно информационно-коммуникационных технологий (технологического оборудования и программного обеспечения), то в настоящее время применяются как методы социальной инженерии для получения доступа к данным и системам, так и непосредственно информационно-коммуникационные технологии, позволяющие получать выгоду посредством использования добытых преступных путем сведений.

Как отмечает О.П. Казаченок, тем самым «создается двухуровневая угроза кибербезопасности, которую уже нельзя предотвратить исключительно технологическими средствами защиты, которые оказываются бессильными, сталкиваясь с проблемой использования человеческого фактора» [4, с. 51].

Как видно, современная схема мошенничеств значительно усложнилась. Изначально злоумышленники получают доступ к персональным данным и (или) к информационной системе путем использования способов и методов психологических манипуляций (социальной инженерии). Далее они, используя полученную информацию, достигают противоправных целей с применением информационно-коммуникационных технологий.

В числе наиболее эффективных и по этой причине востребованных находятся следующие методы социальной инженерии:

- метод прямого воздействия (жертва под воздействием обмана ставится в условия необходимости принятия экстренного решения);
- введение в заблуждение (получение писем от кажущегося надежным источника с просьбой предоставить информацию или ознакомиться с информацией — фишинг, также создание «клонов» интернет-ресурсов с аналогичным оригиналу пользовательским интерфейсом);

- метод обратной инженерии (получение информации, при котором жертва инициативно предоставляет требуемую информацию в силу доверия к субъекту, которым представляется злоумышленник);

- сбор и анализ информации из открытых источников (как правило, используется информация, самостоятельно размещаемая жертвой в социальных сетях) [2, с. 34–36];

- «троянский конь» (разновидность фишинга, основывается на интересе жертвы к просмотру ссылок на интернет-страницы неизвестного содержания, полученных в социальных сетях, мессенджерах или посредством электронной почты);

- «кви про кво» (жертва ставится в условия необходимости устранения мнимой проблемы под руководством злоумышленника, выдающего себя за специалиста технической поддержки и т. п.) [4, с. 52];

- «дорожное яблоко» (адаптированная версия «троянского коня» с использованием физических носителей, как правило, накопителей, которые подбрасываются в общественных местах и содержат яркие отличительные признаки, способные заинтересовать неограниченный круг лиц) [9, с. 348].

Таким образом, методы социальной инженерии имеют следующие цели: получение доступа к конфиденциальным данным, проведение финансовых махинаций и т. д. [4, с. 53].

Российский специалист С. Кузьмин отмечает, что атака методами социальной инженерии всегда идет в обход аналитических инструментов человеческого разума, воздействуя на эмоциональную и рефлекторную сферы, привычно подавляемые у людей, занятых умственным трудом [8].

В числе значимых для социальных инженеров аспектов называются следующие:

- планирование (во всех случаях включает этап сбора данных из открытых либо закрытых источников, опосредующих выбор повода для атаки);

- условия стресса либо проявления иных сильных эмоций жертвы (использование «психологических триггеров», при котором главная задача — поиск уязвимых точек системы принятия решений жертвы и их использование);

- действие в условиях цейтнота (мнимая необходимость принятия решений жертвой в ограниченный период времени, не позволяющий рационально осмыслить ситуацию) [8].

Ученые отмечают, что использование преступниками техник социальной инженерии требует как элементарных знаний по психологии, так и навыков сбора необходимой информации о конкретном человеке [9, с. 347].

Главная характеристика эффективности методов социальной инженерии состоит в том, что, с одной стороны, деятельность человека не подчинена логике выполнения итераций вычислительного процесса, а с другой стороны, любой человек обладает слабостями, используя которые,

можно внести изменения в технологический процесс обработки информации [2, с. 33].

На основании изложенного к основным факторам, препятствующим формированию методов борьбы с использованием социальной инженерии, можно отнести:

- правовые (отсутствие в законодательстве единой стратегии борьбы с использованием методов социальной инженерии);
- организационно-профилактические (недостаточные правовая, финансовая и компьютерная грамотность, информированность населения, ограниченная кадровая обеспеченность сферы кибербезопасности);
- социально-психологические (воздействие на эмоциональную и рефлексивную сферы человеческого сознания).

Как представляется, нейтрализация представленных деструктивных факторов возможна путем комплексного воздействия путем:

- определения сфер общественных отношений, реально или потенциально подверженных мошенническому риску;
- определения направлений совершенствования законодательства в части предупреждения мошенничества, в том числе посредством методов социальной инженерии;
- совершенствования проводимой профилактической работы с населением, субъектами хозяйствования, государственными органами и организациями, повышения общей правовой, финансовой и компьютерной грамотности;
- усиления кадрового потенциала отрасли информационно-коммуникационных технологий, главным образом за счет профильных специалистов по кибербезопасности.

Заключение

Цифровизация активно проникает во все сферы общественной жизни затрагивает интересы практически каждого субъекта общественных отношений. В свою очередь, беспрецедентные масштабы обработки персональных данных создают значительные риски реализации злоумышленниками корыстных целей при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, главным образом с использованием методов социальной инженерии.

Социальная инженерия представляет собой феномен, характеризующийся комплексной природой и имеющий следующие составляющие:

- социально-психологическую (например, как метод воздействия на сознание отдельных лиц или целых социальных групп);
- юридическую (например, как инструмент преступных действий);
- идеолого-политологическую (например, как метод государственного или общественного управления).

В контексте информационной безопасности социальная инженерия представляет собой систему методов (способов) психологического воз-

действия на людей (их сознание) в целях совершения ими определенных действий либо получения злоумышленниками доступа к информационным ресурсам или конфиденциальной информации.

Методы социальной инженерии отличаются большим разнообразием, как правило, применяются избирательно и точно в отношении каждой конкретной жертвы, предваряются этапом сбора информации и сопряжены с погружением объекта воздействия в состояние стресса и цейтнота при принятии значимых решений.

Снижению степени деструктивного воздействия социальной инженерии как инструментария лиц, осуществляющих мошеннические и иные противоправные действия, может способствовать комплексный подход со стороны государства, сочетающий в себе совершенствование законодательства, профилактическую составляющую, образовательную деятельность и укрепление кадрового потенциала.

Список цитированных источников

1. Азбука права. Как защититься и не попасть на удочку мошенника [Электронный ресурс] // ilex. — Режим доступа: <https://nces-private.ilex.by/home>. — Дата доступа: 15.06.2024.

2. Кабанов, А. С. Методы социальной инженерии в сфере информационной безопасности и противодействие им / А. С. Кабанов, А. Б. Лось, А. В. Суроев // Рос. следователь. — 2017. — № 15. — С. 32–37.

3. Старостенко, Н. И. Совершенствование криминалистического взаимодействия при расследовании хищений, совершенных с использованием методов социальной инженерии, реализуемых при помощи информационно-телекоммуникационных технологий / Н. И. Старостенко // Рос. следователь. — 2023. — № 1. — С. 11–14.

4. Казаченок, О. П. Социальная инженерия vs кибербезопасность в банковской сфере / О. П. Казаченок // Банковское право. — 2021. — № 2. — С. 50–56.

5. Ошманкевич, К. Р. Социальная инженерия как угроза хозяйственной деятельности кредитной организации / К. Р. Ошманкевич // Хозяйство и право. — 2023. — № 4. — С. 42–50.

6. Резник, Ю. М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения [Электронный ресурс] / Ю. М. Резник // booksee.org. Электронная библиотека. — Режим доступа: [https://dl.booksee.org/genesis/89000/24bf654ebb965a3332_c0d4f2fce44426/_as/\[Reznik_Yu.M.\]_Socialnaya_inzheneriya_predmetnaya_\(BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/89000/24bf654ebb965a3332_c0d4f2fce44426/_as/[Reznik_Yu.M.]_Socialnaya_inzheneriya_predmetnaya_(BookSee.org).pdf). — Дата доступа: 15.06.2024.

7. Волков, Е. Н. Социальная инженерия: явление и его концептуализация / Е. Н. Волков // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2014. — № 3 (35). — С. 96–101.

8. Атаки с использованием социальной инженерии [Электронный ресурс] // InformationSecurity. Информационная безопасность. — Режим доступа: https://itsec.ru/hubfs/Digital/SS/SS_ADAPT/ITSEC_20-04-23_Кузьмин.pdf?hsLang=ru&yscl=id=lyckenu838660977756. — Дата доступа: 15.06.2024.

9. Унукович, А. С. Социальная инженерия и кибербезопасность: виктимологический аспект / А. С. Унукович // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2021. — Т. 26. — № 3 (86). — С. 346–351.

Аннотация. Изучен феномен социальной инженерии как инструмента несанкционированного доступа к информационным ресурсам и персональным данным. Автором раскрываются содержание и основные характеристики социальной инженерии, приводятся наиболее часто применяемые методы, исследуются значимые факторы социальной инженерии.

SOCIAL ENGINEERING AS MEANS OF UNAUTHORIZED ACCESS TO INFORMATION RESOURCES AND PERSONAL DATA

Chuyeshou K.V.

Keywords: vishing, cybersecurity, fraud, social engineering, fishing.

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of social engineering as means of unauthorized access to information resources and personal data. The author reveals contents and key features of social engineering as well as methods and factors in demand.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ (АНТИКОРРУПЦИОННОЙ) ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ИЛИ ИХ ПРОЕКТОВ. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Боярина А.А.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, оценка эффективности, критерии, показатели, нормативный правовой акт.

Введение

Вопрос оценки эффективности судебно-экспертной деятельности (далее — СЭД) находится в поле зрения ученых с 1970-х гг. [1–4], однако до настоящего времени не получил надлежащего регулирования на законодательном уровне.

Так, в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 293-З «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь» предусмотрено только, что центральный аппарат Государственного комитета судебных экспертиз (далее — ГКСЭ) при выполнении возложенных на него задач определяет критерии оценки эффективности судебно-экспертной деятельности, а Председатель ГКСЭ информирует Президента Республики Беларусь о состоянии СЭД и мерах по повышению ее эффективности. Исходя из анализа вышеизложенных и иных положений Закона, указанные полномочия относятся к СЭД, осуществляемой ГКСЭ как системой государственных судебно-экспертных организаций (далее — СЭО). При этом в данном нормативном правовом акте понятие эффективности СЭД и требования к определяющим ее критериям не приведены.

В Законе Республики Беларусь № 281-З от 18 декабря 2019 г. «О судебно-экспертной деятельности» (далее — Закон о СЭД) термин «эффективность» не содержится, однако раскрывается понятие «судебно-экспертная деятельность», а также определяются ее принципы, которым должна быть подчинена рассматриваемая деятельность.

Среди нормативных правовых актов ГКСЭ упоминание об эффективности СЭД содержится только в п. 18 Правил профессиональной этики судебного эксперта, утвержденных постановлением ГКСЭ от 9 ноября 2020 г.

№ 12, согласно которому профессионализм и конструктивное сотрудничество судебных экспертов являются важными факторами эффективности СЭД. Безусловно, только при надлежащем осуществлении судебными экспертами своих полномочий, предусмотренных нормативными правовыми и иными правовыми актами (проявление профессионализма), и взаимодействии судебных экспертов, в частности при проведении комиссионных, комплексных экспертиз (конструктивное сотрудничество), представляется возможным вести речь о соответствии их деятельности предъявляемым требованиям и, соответственно, возможности достижения поставленных перед ней целей.

Основная часть

Отметим, что в Федеральном законе Российской Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» термин «эффективность» не упоминается. Однако приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 100 [5] для федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Минюста утверждены показатели эффективности их деятельности, отражающие финансовую составляющую последней (например, выполнение государственного задания, сокращение задолженности за выполненные судебные экспертизы). Их достижение имеет значение для установления премиальных выплат руководителям указанных учреждений. В проекте Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в редакции 2013 г. Государственной Думы Федерального Собрания) отмечено, что методические материалы для применения показателей эффективности при производстве судебной экспертизы должны быть в том числе эффективными [6]. В то же время разъяснений содержания данного принципа не приведено.

ГКСЭ, осуществляя государственное регулирование и управление в сфере СЭД, реализует единую государственную политику в указанной сфере, координирует деятельность других государственных органов, иных организаций и физических лиц. Данные полномочия претворяются в жизнь посредством установления обязательных правил поведения для всех субъектов СЭД вне зависимости от формы их организации (к примеру, Правила профессиональной этики судебного эксперта). Полагаем, что внедрению в практическую деятельность СЭО механизма оценки эффективности СЭД будет способствовать создание соответствующих правовых условий на уровне нормативно-правового регулирования.

В настоящее время вопросы правовой регламентации оценки эффективности СЭД нашли свое отражение на локальном уровне — Председателем ГКСЭ в 2019 г. издан приказ «Об основных критериях оценки эффективности судебно-экспертной деятельности в Государственном комитете судебных экспертиз». К числу основных критериев отнесены:

- соблюдение законности и обеспечение качества СЭД;

- оперативность проведения судебных экспертиз;
- результативность технико-криминалистического сопровождения раскрытия (расследования) преступлений.

В приказе также указано, что наряду с названными основными критериями могут учитываться иные, способствующие объективности оценки.

Согласно методическим рекомендациям ГКСЭ по критерию «соблюдение законности и обеспечение качества СЭД» рекомендовано учитывать судебные экспертизы, проведенные в органе ГКСЭ (судебно-экспертном подразделении центрального аппарата), выводы которых были изменены по результатам проведения повторных экспертиз, а также заключения экспертов, в которых по результатам рассмотрения информации государственных органов и обращений установлены нарушения нормативных правовых, иных правовых актов и методических материалов.

Полагаем необходимым отметить, что согласно ст. 6 Закона о СЭД принцип законности лежит в основе СЭД и заключается в ее осуществлении на основе Конституции Республики Беларусь, обеспечивается соблюдением требований Закона о СЭД и иных актов законодательства, международных договоров Республики Беларусь и иных международно-правовых актов, содержащих обязательства Республики Беларусь.

Термин «качество» в законодательстве о СЭД не раскрыт, в теоретических исследованиях он употребляется, как правило, сквозь призму внедрения инструментов его повышения (например, стандартизации, аккредитации, системы менеджмента качества). О качестве судебных экспертиз теории и практики рассуждают с точки зрения допущенных судебными экспертами ошибок, повлиявших на формулирование выводов; особое внимание уделяется повторным экспертизам и фактам изменения в ходе их проведения выводов первичных экспертиз.

Согласно Большому толковому словарю русского языка качество — степень достоинства, ценности, пригодности вещи, действия и т. п., соответствия тому, какими они должны быть [7, с. 423]. Иными словами, речь идет о соответствии установленным требованиям, недопущении ошибок и иных недостатков в деятельности, которые могут повлиять на ее результат. Представляется, что при обеспечении реализации принципа законности в деятельности субъектов СЭД, при надлежащей реализации ими своих полномочий, предусмотренных законодательством, локальными правовыми актами, априори будет обеспечено ее качество, за исключением случаев наличия дефектов в деятельности инициаторов проведения судебной экспертизы (например, представление для экспертного исследования недоброкачественных материалов, объектов).

По критерию «оперативность проведения судебных экспертиз» в методических рекомендациях предложено учитывать судебные экспертизы, проведенные с превышением срока, установленного правовыми актами

ГКСЭ. В настоящее время такой срок установлен Законом о СЭД, в связи с чем в этой части методические рекомендации подлежат корректировке. Также полагаем, что сам факт проведения судебной экспертизы в срок свыше 30 календарных дней не может рассматриваться как негативно характеризующий эффективность СЭД. Такому выводу должен предшествовать анализ обстоятельств, которые этому способствовали (например, сложность объектов исследования, внедрение нового вида (подвида) судебной экспертизы и отсутствие в этой связи практики его проведения). Обязательному исследованию подлежат действия и решения судебного эксперта (обоснованность заявления ходатайства, сам факт которого позволяет приостановить срок проведения экспертизы и тем самым скрыть возможно допущенную «волокиту», своевременность возобновления проведения судебной экспертизы после удовлетворения заявленного ходатайства и др.) и руководителя СЭО (оперативность поручения проведения судебной экспертизы судебному эксперту, направления заявленного им ходатайства, обеспечения изучения проекта заключения).

Согласно методическим рекомендациям по критерию «результативность технико-криминалистического сопровождения раскрытия (расследования) преступлений» учитываются нарушения, допущенные при проведении осмотров мест происшествий, факты обнаружения, фиксации и изъятия в ходе осмотров с участием специалистов следов и объектов, оставленных лицами, подозреваемыми (обвиняемыми) в совершении преступлений, иные сведения, свидетельствующие о профессионализме специалистов при проведении данного следственного действия, использовании криминалистических учетов в раскрытии (расследовании) преступлений. Таким образом, учету по данному критерию подлежит информация о деятельности судебных экспертов ГКСЭ, которая выходит за пределы содержания законодательно установленного понятия СЭД, в связи с чем выделение такого критерия для оценки эффективности СЭД представляется необоснованным. В то же время для комплексной оценки направлений деятельности судебных экспертов ГКСЭ, в том числе не являющейся судебно-экспертной, полагаем оправданным использование данного и иных критериев, характеризующих деятельность органов ГКСЭ.

Вышеназванный приказ Председателя ГКСЭ действует только в системе СЭО возглавляемого им экспертного ведомства. До настоящего времени ГКСЭ не издан соответствующий нормативный правовой акт, распространяющий свое действие на всех субъектов индивидуального и локального уровней рассматриваемой сферы. Применительно к общегосударственному уровню СЭД полагаем необходимым принять меры по совершенствованию нормативно-правового регулирования данной деятельности посредством:

- наделения ГКСЭ полномочиями по определению критериев и показателей оценки эффективности СЭД;

– определения Перечня критериев и показателей оценки эффективности СЭД, предусмотрев его установление постановлением ГКСЭ. При этом под критериями предлагаем понимать отличительные признаки СЭД, отражающие ее уникальное проявление в действительности и соответствующие целям данной деятельности, а под показателями — характеристику СЭД по конкретному критерию. Совокупность показателей в рамках каждого из критериев наиболее полно отражает внешнее проявление СЭД в части соответствия ее предъявляемым требованиям.

В указанный Перечень предлагаем включить два раздела, содержащие критерии и показатели, подлежащие использованию для оценки эффективности СЭД, реализуемой на ее индивидуальном и локальном уровнях. Включение в данный документ критериев оценки эффективности СЭД и их показателей на общегосударственном уровне представляется необоснованным, так как объектом такой оценки будет в первую очередь деятельность ГКСЭ, реализующего государственную политику в рассматриваемой сфере.

Принятие такого постановления ГКСЭ позволит унифицировать подходы к оценке эффективности осуществления СЭД судебными экспертами и СЭО на индивидуальном и локальном уровнях. При этом допускаем, что для государственных СЭО, обеспечивающих внутриведомственные интересы органов Комитета государственной безопасности, Государственного таможенного комитета и Государственного пограничного комитета, а также негосударственных СЭО и судебных экспертов, осуществляющих свою деятельность в качестве индивидуальных предпринимателей, использование таких критериев может иметь ориентирующий (рекомендательный) характер.

Для регламентации порядка и сроков осуществления такой оценки предполагаем издание ненормативных правовых актов СЭО на локальном уровне СЭД.

В этой связи и в целях совершенствования правового регулирования полномочий центрального аппарата ГКСЭ предлагаем сформулировать их следующим образом:

«определяет критерии и показатели оценки эффективности судебно-экспертной и иных направлений деятельности, требующих использования специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла или иных сферах деятельности» (абзац четвертый ст. 11 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 293-З «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь»);

«определяет критерии и показатели оценки эффективности судебно-экспертной деятельности»;» (дополнение в ст. 12 Закона о СЭД).

При этом реализовать данные полномочия предлагаем путем принятия ГКСЭ вышеуказанного постановления, в котором будут определены критерии и показатели оценки эффективности СЭД для всех СЭО, а в отношении СЭО, входящих в систему ГКСЭ, и иной осуществляемой ими деятельности,

требующей использования специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла или иных сферах деятельности, которая не может быть оставлена без внимания при анализе выполнения стоящих перед ними задач, определенных законодательством.

Заключение

На основании проведенного исследования представляется возможным прийти к следующим выводам:

1) с учетом реализации в Республике Беларусь централизованной государственной политики в сфере СЭД, единых правовых основ ее осуществления предлагаем расширение компетенции ГКСЭ посредством наделения его полномочиями по определению критериев и показателей оценки эффективности СЭД, осуществляемой ее субъектами на индивидуальном и локальном уровнях;

2) обеспечение реализации ГКСЭ вышеуказанных полномочий предполагается посредством принятия данным государственным органом постановления, являющегося нормативным правовым актом и устанавливающего Перечень критериев и показателей оценки эффективности судебно-экспертной и иных направлений деятельности.

Список цитированных источников

1. Петрухин, И. Критерии оценки эффективности судебной экспертизы по уголовным делам / И. Петрухин // Советская юстиция. — 1981. — № 18. — С. 18–20.

2. Степутенкова, В. К. Теоретические аспекты изучения эффективности судебных экспертиз / В. К. Степутенкова, Я. М. Яковлев // Совет. гос-во и право. — 1979. — № 2. — С. 68–71.

3. Дергай, Г. Б. Эффективность проведения судебной экспертизы и критерии ее оценки / Г. Б. Дергай // Право.by. — 2018. — № 3. — С. 75–81.

4. Россинская, Е. Р. Эффективность судебно-экспертной деятельности сквозь призму судебной экспертологии / Е. Р. Россинская // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2017. — № 2. — С. 85–90.

5. Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Минюста России и работы их руководителей [Электронный ресурс] : приказ М-ва юстиции Российской Федерации, 3 июня 2019 г., № 100 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2024.

6. О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : проект Федерального закона № 306504–6, ред., прин. ГД ФС РФ в I чтении 20.11.2013 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2024.

7. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Спб. : Норинт, 2004. — 1536 с.

Аннотация. В научной литературе представлены различные взгляды на оценку эффективности судебно-экспертной деятельности. Однако до настоящего времени данный вопрос не нашел надлежащей законодательной регламентации, что препятствует внедрению единого подхода к оценке указанной деятельности всеми ее субъектами. Для обеспечения его реализации предлагается расширить компетенцию Государственного комитета судебных экспертиз, проводящего единую государственную политику в рассматриваемой сфере, посредством наделения его полномочиями по определению критериев и показателей оценки эффективности судебно-экспертной деятельности, осуществляемой ее субъектами на индивидуальном и локальном уровнях. В этих целях предполагается принятие данным государственным органом постановления, являющегося нормативным правовым актом и устанавливающего Перечень критериев и показателей оценки эффективности судебно-экспертной и иных направлений деятельности.

IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF EVALUATION OF THE FORENSIC ACTIVITY EFFECTIVENESS

Boyarina A. A.

Keywords: forensic activity, effectiveness evaluation, criteria, indicators, normative legal act.

The scientific literature presents various views on evaluation of the forensic activity effectiveness. However, this issue hasn't found clear legislative regulation until now and this prevents the implementation of a unified approach to the evaluation of this activity by all its subjects. To ensure the implementation of such a unified approach we offer to expand the competence of the State Forensic Examination Committee by empowering it to determine criteria and indicators for evaluation of the forensic activity effectiveness for the subjects of this activity at the individual and local levels. The author proposes to the State Forensic Examination Committee to establish a List of criteria and indicators for evaluation of the forensic activity effectiveness by adopting a decree (a normative legal act).

ОЦЕНКА ОПАСНОСТИ ЛИЦА С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ В ПРАКТИКЕ СУДЕБНО- ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Ильина В. А.

Ключевые слова: опасность лица с психическим расстройством, судебно-психиатрическая экспертиза, назначение принудительных мер медицинского характера, общественная опасность.

Введение

С 2011 г. постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» при назначении судебно-психиатрической экспертизы перед экспертами предусмотрено ставить вопрос о том, связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него и других лиц (п. 6). До этого времени российская экспертная практика таких прецедентов не знала. Как отмечают психиатры, к значимым факторам риска совершения повторных общественно опасных действий отнесены ни столько психические расстройства, сколько социально-психологические факторы [1, с. 60]. Категория общественной опасности преступления, равно как и опасности лица, обвиняемого в нем, всегда были отнесены к исключительной компетенции суда. В связи с этим целью настоящего исследования стала необходимость рассмотреть вопрос об обоснованности данных изменений в части постановки вопроса об опасности лиц с психическими расстройствами перед экспертами.

Для достижения поставленной цели нами были использованы общенаучные методы исследования (анализ, сравнение, обобщение и др.), теоретический анализ опасности лица как предмета судебно-психиатрической экспертизы и объекта настоящего исследования, а также анализ судебной практики при назначении принудительных мер медицинского характера (далее — ПММХ).

Основная часть

Обобщение действующего российского законодательства в части назначения ПММХ показало, что в соответствии со ст. 97 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) ПММХ назначают только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц. При этом оценка данной опасности производится только в отношении четырех категорий лиц: 1) совершивших деяние в состоянии невменяемо-

сти; 2) совершивших преступление и страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости; 3) у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания; 4) совершивших преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста, и страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости.

Законодатель обращает внимание на тяжесть заболевания. Расстройство должно быть «с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями» (ст. 23, 27, 29 Закона от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»). К тяжким психическим расстройствам относятся: нарушение психотического уровня (психоза) и выраженного психического дефекта (врожденная умственная отсталость, приобретенное слабоумие, выраженные изменения личности), наличие менее глубоких расстройств дает основание квалифицировать состояние как тяжелое лишь в случаях, когда эти расстройства по выраженности достигают психотического уровня [2, с. 33].

Как было отмечено, до 2011 г. эксперты-психиатры оценку опасности лиц с психическими расстройствами не проводили. Достаточным основанием для назначения ПММХ согласно ранее действующему на территории Российской Федерации постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 1984 г. № 4 «О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера» (далее — ПП ВС РФ) считалось «заключение экспертов о психическом состоянии больного и установленных в суде данных о характере совершенного им деяния (общественная опасность содеянного, способ совершения, тяжесть наступивших последствий)». В данном постановлении указывалось, что «решение вопроса о невменяемости, применении принудительных мер медицинского характера, определении типа больницы, а также о передаче лица под опеку или на попечение родственников при врачебном наблюдении относится к компетенции судов. Поэтому заключение экспертов-психиатров подлежит тщательной оценке в совокупности со всеми материалами дела».

Учитывая то, что попытки «переложить» оценку опасности лица на экспертов активно предпринимались уже в 1980-е гг. [3, с. 4], процессуалисты и криминологи активно сопротивлялись этому и отстаивали правовой подход. Например, один из авторитетных ученых в области криминологии и уголовного права Б.В. Волженкин так выразил свое отношение к данному явлению: «Советская юридическая наука разоблачает реакционные концепции буржуазных социологов и криминологов, которые основанием уголовной ответственности признают по сути дела не конкретное преступное деяние, предусмотренное уголовным законом, а «опасное состояние»

индивида, наличие у него отрицательных биологических, психологических и социальных качеств. Подобные концепции в их реализации естественно приводят к разрушению буржуазной законности, нарушениям демократических прав граждан, полному произволу в осуществлении репрессивной карательной деятельности. В советской уголовно-правовой доктрине и законодательстве основанием уголовной ответственности признается лишь виновное совершение общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом» [4, с. 3].

Несмотря на эти аргументы с момента принятия ПП ВС РФ № 6 при назначении судебно-психиатрической экспертизы (далее — СПЭ) на разрешение экспертов стали ставиться не только вопросы, позволяющие выяснить характер и степень психического расстройства во время совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, но и о том, связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него и других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда.

Таким образом, судебная практика в вопросах назначения ПММХ пошла вразрез с действующим законодательством. Как известно, проблемы обстоятельств совершенного преступления, определяющих характер и степень его общественной опасности, процесс уголовно-процессуального доказывания общественной опасности преступления входят в исключительную компетенцию суда.

Можно было бы разделить понятия общественной опасности преступления и опасности в связи с психическим расстройством для себя и для других как не тождественные, указав на то, что отечественный законодатель не уполномочивает экспертов на оценку именно общественной опасности деяния. Статья 97 УК РФ, как говорилось ранее, адресует экспертам-психиатрам предмет исследования, касающийся только «опасности для себя или других лиц», кажушийся при этом медицинским понятием. Но на деле эксперты решают именно правовой вопрос — применение ПММХ по причине опасности для себя или других лиц по смыслу, совпадающему с категорией «общественная опасность преступления», поскольку вынуждены прогнозировать не опасность личности, а его поступки или риск их совершения.

Возможно, поэтому (в том числе) в научной литературе понятия «общественная опасность» и «опасность для других лиц» не разделяются. Авторитетные ученые — эксперты в области оценки опасности психически больных, используют термин «общественная опасность» применительно к последним и, главное, высказываются о прогнозе общественно опасных действий (далее — ООД) [5–7]. Общественная опасность видится как широкий термин, в который включается узкое экспертное понятие — «опасность для себя или других лиц». При этом не всегда из названия научной работы ясно, идет ли речь о предмете СПЭ или правовой категории.

Не уберегает от складывающейся парадоксальной ситуации и тезис о том, что общественная опасность касается деяния, а опасность для себя и для других — личности, по той простой причине, что категория «опасность лица» относится к компетенции криминологов (юристов), но не экспертов (не юристов). Нигде в учебниках по психиатрии мы не увидим, что опасность является критерием психического расстройства.

Таким образом, категориальная путаница с понятиями и их значениями внесла в экспертную практику массу сложностей и породила ряд непростых вопросов. Например, о том, кто может быть субъектом, уполномоченным разрешать вопросы опасности лица — эксперт или суд, или можно ли рассуждать о психическом заболевании по аналогии с болезнями типа эпидемиологических (корь, краснуха и проч.), и на этой основе врачу-психиатру принимать решение о ПММХ, когда психически больной опасен наподобие инфекционной болезни. Очевидно, что нет. Человек не может быть сведен к объекту как опасному психоактивному веществу или вирусу, запрещенному к свободе пребывания в социуме по факту своих характеристик. Подобный перенос свойств ведет к дегуманизации медицины и права, при которой психическое расстройство ставится в ряд с опасными болезнями, не зависящими от личности человека. Принимая решение о ПММХ, врач смотрит на человека прежде всего как на больного, а не как на потенциального преступника.

Устоявшаяся за многие годы и существующая сейчас конструкция ст. 97 УК РФ, сформулированная в части назначения ПММХ, четко разделяла (и, по сути, продолжает разделять) компетенции экспертов и суда. Психиатры отвечали на вопрос о болезни и ее тяжести, тогда как суд на основании данного заключения и всей совокупности обстоятельств уголовного дела принимал решение об общественной опасности не только преступления, но и опасности лица, совершившего его, и назначении ему ПММХ. В настоящее же время на первый план для экспертов-психиатров постановлением ПП ВС РФ № 6 вынесен вопрос об опасности, без которого (даже при наличии тяжелого психического расстройства) о назначении ПММХ эксперты высказаться не могут. Таким образом, в настоящее время ни сам факт тяжелого психического расстройства как достаточного медицинского основания является условием для лечения (ведь мы не сводит ПММХ к наказанию (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2023 г. № 54-п)), а наличие опасности совершения новых криминальных действий служит основным условием назначения ПММХ. Без этого условия тяжелое заболевание, имеющее место, ничего не значит. За кажущейся добровольностью обращения за медицинской помощью с разделением юридических оснований от гражданских свобод психически больного человека на самом деле скрывается приравнивание применение ПММХ к наказанию, что противоречит смыслу уголовного закона.

Заключение

Анализ вопроса об обоснованности изменений в судебной практике в части оценки опасности лица с психическим расстройством позволяет сделать следующие выводы:

1) разрешение вопроса об опасности психически нездорового лица в рамках судебно-психиатрической экспертизы с целью назначения ему принудительных мер медицинского характера не обоснован ни теоретически, ни методологически;

2) методами психиатрии прогноз риска общественно опасных действий душевно больных достоверно невозможен [1, с. 61];

3) складывающаяся практика по оценке опасности лица с психическим расстройством в практике судебно-психиатрической экспертизы выразилась явлениями «гиперпрогноза» и необоснованной «перестраховки» экспертами [8], ведущими к нарушению прав этих лиц.

В целом экспертная оценка общественной опасности лица и его состояния не допустима, поскольку научно-обосновано считается криминологической проблемой (т. е. юридической) [9].

Список цитированных источников

1. Макушкина, О. А. Прогнозирование риска общественной опасности у лиц с психическими расстройствами: проблемы, отраслевые задачи / О. А. Макушкина // Рос. психологич. журнал. — 2015. — № 4. — С. 56–65.

2. Комментарий в Закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», ГК и УК РФ (в части, касающейся лиц с психическими расстройствами) / под общ. ред. Т. Б. Дмитриевой. — М., 2002. — 383 с.

3. Филимонов, В. Д. Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии) / В. Д. Филимонов. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1970. — 275 с.

4. Волженкин, Б. В. Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / Б. В. Волженкин; Ленинград. гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Ленинград, 1964. — 21 с.

5. Булыгина, В. Г. Психологические основы профилактики опасных действий психически больных : монография / В. Г. Булыгина, И. А. Кудрявцев. — М. : Спринтер, 2016. — 421 с.

6. Макушкина, О. А. Структурированное профессиональное психологическое суждение в системе оценки риска общественной опасности лиц с психическими расстройствами / О. А. Макушкина, Е. В. Леурда // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. П. Сербского. — 2023. — Т. 57. — № 4. — С. 66–74.

7. Усюкина, М. В. Клинико-психологические факторы общественной опасности больных эпилепсией (структурно-динамический подход) / М. В. Усюкина, С. В. Корнилова, В. Г. Булыгина // Рос. психиатрич. журн. — 2008. — № 2. — С. 21–25.

8. Полубинская, С. В. Опасность лиц, страдающих психическими расстройствами, в исследованиях и практике / С. В. Полубинская // Независ. психиатрич. журн. — 2008. — № 1. — Режим доступа: <http://test.npar.ru/journal/2008/1>. — Дата доступа: 02.04.2024.

9. Кудрявцев, В. Н. Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения) : монография / В. Н. Кудрявцев. — М. : ТК Велби : Проспект, 2007. — 176 с.

Аннотация. Представлен обзор практики судебно-психиатрической экспертизы в части разрешения экспертами вопроса о связи психического расстройства лица с опасностью для него и других лиц. Данный вопрос выясняется в целях назначения судами принудительных мер медицинского характера. На основе анализа и обобщения научных источников и авторитетных мнений ученых в области уголовного права, криминологии и судебной экспертизы автор приходит к выводу о недопустимости такой оценки экспертами, так как опасность личности является криминологической, а не экспертной проблемой. Автор приводит аргументы против данных нововведений, складывающихся в последние 13 лет в практике судебно-психиатрической экспертизы, и считает, что оценка опасности личности, независимо от его психического состояния, входит в исключительную компетенцию суда.

ASSESSING THE DANGER OF A PERSON WITH A MENTAL DISORDER IN THE PRACTICE OF FORENSIC PSYCHIATRIC EXAMINATION

Ilyina V.A.

Keywords: danger of a person with a mental disorder, forensic psychiatric examination, appointment of compulsory medical measures, danger to society.

Abstract. The article provides an overview of the practice of forensic psychiatric examination from the point of view of experts' resolution of issues related to the danger of a person with a mental disorder for him and other persons. This issue is being considered with a view to applying compulsory medical measures in court. Based on the analysis and generalization of scientific works and opinions of authoritative scientists in the field of criminal law, criminology and examination, the author comes to the conclusion that such assessments are inadmissible when conducting an examination, since the danger of a person is a criminological problem, not an expert one. The author opposes these innovations and believes that the degree of danger of a person, regardless of his mental state, is within the exclusive competence of the court.

ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Исраелян Г.В.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, регламентация, проект нормативного правового акта.

Введение

Известно, что криминогенные, в том числе коррупционные факторы встречаются в положениях как проектов, так и действующих нормативных правовых актов. Современным средством выявления этих факторов является криминологическая (антикоррупционная) экспертиза [1, с. 64].

Основные общественные отношения, связанные с антикоррупционной экспертизой в Республике Армения, регулируются постановлением Правительства от 22 октября 2009 г. № 1205-Н «Об утверждении положения оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов в антикоррупционной сфере» (далее — Постановление), которое, по нашему мнению, проблематично и регламентировать, и применять.

Сказанное, а также то обстоятельство, что обсуждаемая проблема мало изучена в Республике Армения, обуславливают актуальность данного исследования, целью которого является анализ нормативных регламентаций антикоррупционной экспертизы и представление рекомендаций по их совершенствованию (в том числе созданию новых правовых основ).

Основная часть

I. Проблемы правового регулирования и применения антикоррупционной экспертизы в Республике Армения.

Используя анализ, а также логические и формально-юридические методы удалось выявить следующие проблемы правового регулирования антикоррупционной экспертизы.

1. Проблема понятийного аппарата.

Как указывалось выше, в Армении основные общественные отношения, связанные с проведением антикоррупционной экспертизы, регламентированы Постановлением. И хотя в его названии и содержании указывается оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов (далее — проект) в антикоррупционной сфере, однако по существу речь идет

об антикоррупционной экспертизе, что выявлено из анализа следующих положений:

– согласно п. 1 приложения к Постановлению в антикоррупционной сфере оценка регулирующего воздействия (далее — Оценка) проектов — это процесс выявления наличия, устранения либо минимизации действия коррупционных факторов;

– согласно п. 2 приложения к Постановлению основными задачами Оценки являются:

1) выявление в нормах проектов факторов, способствующих возможности коррупционных проявлений;

2) содействие работам, направленным на устранение либо минимизацию коррупционных факторов в нормах проектов.

Кроме этого, согласно п. 9 ст. 2 Закона Республики Армения от 28 марта 2018 г. № 3Р-180 «О нормативных правовых актах» Оценка — это анализ возможных изменений вследствие принятия нормативного правового акта, а в случае проекта Закона о государственном бюджете Республики Армения — информация, представленная бюджетным посланием Правительства.

Как известно, антикоррупционная экспертиза является видом криминологической экспертизы проектов. Криминологическая экспертиза нормативных правовых актов (проектов) — это эмпирическое криминологическое исследование на предмет установления взаимосвязи указанных актов (проектов) с детерминантами преступности и ее предупреждением, проводимое лицами и органами, обладающими специальными знаниями и полномочиями по ее подготовке, назначению, производству, а также использованию ее результатов посредством применения специальных методов в целях принятия правовых актов, способствующих сокращению преступности и препятствующих ее самодетерминации [2].

2. Проблема определения органа, осуществляющего антикоррупционную экспертизу.

Согласно п. 4 приложения к Постановлению Оценка должна осуществляться Министерством юстиции Республики Армения. Отечественные авторы полагают, что это проблематично, так как проведение экспертизы указанным министерством не может быть объективным в случаях оценки тех проектов, которые разработало само министерство. Предлагается создать независимый специализированный орган, на который будет возложена обязанность проведения антикоррупционной экспертизы [3, с. 8].

Однако такое предложение противоречит законодательству Республики Армения, так как существует нормативный правовой акт, регулирующий проведение криминологической экспертизы проектов правовых актов: постановление Правительства от 22 июля 2004 г. № 1127-Н «О создании государственной некоммерческой организации «Национальное бюро экспертизы» Национальной академии наук Республики Армения и утвержде-

нии его устава». Согласно подп. «э» п. 3 указанного постановления одной из целей Национального бюро экспертиз (далее — Бюро) является организация и проведение криминологической экспертизы проектов правовых актов по решению органов, обладающих правотворческими полномочиями, а антикоррупционная экспертиза ни что иное как вид криминологической экспертизы проектов. Для реализации указанной выше цели на основе подп. 47 п. 10 приложения 1 к постановлению Правительства Республики Армения от 27 марта 2008 г. № 1039-Н «Об утверждении государственной программы предупреждения преступлений», в 2009 г. в структуре Бюро было создано структурное подразделение — Научно-исследовательский центр прикладных проблем криминологии. Таким образом уже существует орган (подразделение), который имеет полномочия на проведение антикоррупционной экспертизы.

3. Проблема определения объекта экспертизы.

Анализ бланкетной нормы п. 5 приложения к Постановлению указывает на то, что обязательной оценке подлежат те проекты, в отношении которых дано соответствующее поручение правительства или премьер-министра страны, т. е. объекты экспертизы определяют вышеуказанные органы исполнительной власти.

По нашему мнению, такая ситуация нарушает принцип правовой определенности. Кроме этого, указанная регламентация вступает в противоречие с уставом Бюро. Как уже отмечалось, антикоррупционная экспертиза является видом криминологической экспертизы, следовательно, по вопросу определения объекта экспертизы необходимо руководствоваться соответствующими положениями устава Бюро. Таким образом, объектами антикоррупционной экспертизы должны считаться все правовые акты. Такое положение является более определенным.

4. Проблема разграничения промежутка времени Оценки и государственной правовой экспертизы.

Согласно ч. 1. ст. 6 Закона Республики Армения «О нормативных правовых актах» государственная правовая экспертиза проектов осуществляется в целях определения соответствия проекта Конституции и вышеуказанному Закону).

Согласно п. 6 приложения к Постановлению Оценка проводится одновременно с государственной правовой экспертизой. Очевидно, что Оценка и указанная экспертиза преследуют такие цели, которые не могут быть достигнуты одновременно. Государственная правовая экспертиза носит сугубо юридический, а Оценка — криминологический характер. Вышесказанное, а также тот факт, что антикоррупционная экспертиза должна проводиться Бюро, указывают на то, что обсуждаемые виды деятельности не могут проводиться одновременно: сначала должна проводиться государственная правовая экспертиза, а потом — антикоррупционная.

Следует отметить, что **самая главная проблема** — это применение Постановления на практике. Дело в том, что оно является подзаконным актом, который был принят на основании Закона Республики Армения «О правовых актах». Так как данный Закон утратил силу еще в 2018 г. в связи с принятием Закона «О нормативных правовых актах», Постановление не может применяться. Однако согласно данным Правовой информационной системы Армении Постановление считается действующим правовым актом.

II. Предложения по совершенствованию правовых основ антикоррупционной экспертизы.

Для решения указанных выше проблем предлагаем следующее.

1. Признать Постановление утратившим силу, так как оно было принято на основе закона, который сейчас не действует.

2. Принять Закон «О предупреждении преступлений».

Разработка проекта данного Закона в качестве мероприятия была предусмотрена подп. 18 п. 10 приложения 1 к постановлению Правительства Республики Армения от 27 марта 2008 г. № 1039-Н «Об утверждении государственной программы предупреждения преступлений». Однако этот Закон до сих пор не принят. Данный Закон, по нашему мнению, станет общей правовой основой для организации и проведения криминологической (в том числе антикоррупционной) экспертизы проектов — как правовое средство предупреждения преступности.

3. Дополнить Закон Республики Армения «О нормативных правовых актах».

Считаем, что необходимо внести дополнение в Закон Республики Армения «О нормативных правовых актах» об обязательности криминологической (в том числе антикоррупционной) экспертизы проектов.

4. Принять Закон «О криминологической экспертизе проектов нормативных правовых актов».

Помимо общих положений (понятие, цели, задачи, принципы, виды криминологической экспертизы и т. п.), данный Закон будет регулировать следующие отношения:

1) Круг объектов криминологической (в том числе антикоррупционной) экспертизы проектов.

В качестве объектов криминологической экспертизы в первую очередь должны выступать проекты законодательных и подзаконных нормативных правовых актов. Считаем нецелесообразным проведение экспертизы других видов (локальных и индивидуальных) правовых актов, так как они должны быть приняты в строгом соответствии с положениями нормативных регламентаций, кроме того существуют соответствующие механизмы проверки их законности, например институт обжалования. При таком подходе вопрос проведения криминологической экспертизы не будет зависеть от воли какого-либо органа, и круг объектов будет строго определен.

Считаем, что экспертизу не следует проводить в отношении тех проектов, которые не проходят государственно-правовую экспертизу (ст. 7 Закона Республики Армения «О нормативных правовых актах»). Например, не имеет смысла проведение экспертизы проекта акта о назначении выборов, так как данный вопрос строго регламентирован законодательством.

Следует отметить, что кроме проектов законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов, объектами криминологической экспертизы должны стать действующие нормативные акты, так как они также могут содержать криминогенные (коррупционные) факторы и риски.

2) Субъект, проводящий криминологическую (в том числе антикоррупционную) экспертизу проектов.

Согласно регламентам устава Бюро все виды криминологических экспертиз правовых актов проводятся специалистами Научно-исследовательского центра прикладных проблем криминологии. Данный подход обеспечивает независимость и объективность проведения экспертизы, так как Бюро не является органом государственной власти и не принимает нормативно-правовые акты.

По логике вышесказанного следует внести изменения в устав Бюро по поводу круга объектов экспертизы (объектами считать только проекты нормативных правовых актов, а также действующие нормативные акты).

3) Субъекты, назначающие криминологическую (в том числе антикоррупционную) экспертизу проектов.

Таковыми должны считаться все правотворческие органы, для которых должна быть предусмотрена возможность назначения экспертизы напрямую, без каких-либо посредников.

4) Порядок проведения криминологической (в том числе антикоррупционной) экспертизы проектов.

Учитывая сложность экспертизы считаем, что она должна проводиться в комиссионном порядке.

Во время проведения экспертизы при необходимости одновременного применения специальных знаний из финансовой, медицинской и иных сфер нужно предусмотреть возможность привлечения работников правотворческих органов, а также независимых экспертов.

Кроме вышеуказанного, Закон должен регламентировать также другие отношения, связанные с экспертизой (сроки проведения, финансирование и т. п.).

5. Принять соответствующие подзаконные акты.

На основе предлагаемого нами Закона «О криминологической экспертизе проектов нормативных правовых актов» следует принять подзаконные акты, которые будут детально регламентировать нго предписания. Например, на подзаконном уровне может быть предусмотрена методика проведения антикоррупционной экспертизы [4, с. 37–45].

Заключение

Выводы и предложения:

1. В Республике Армения общественные отношения, связанные с антикоррупционной экспертизой регламентированы Постановлением. Хотя в названии и содержании Постановления указывается Оценка проектов в антикоррупционной сфере, однако по существу речь идет об антикоррупционной экспертизе, которая является видом криминологической экспертизы проектов.

2. Проблемы правовых основ антикоррупционной экспертизы связаны с определением органа, ее осуществляющего, объекта, разграничением промежутка времени проведения антикоррупционной и государственной правовой экспертизы. Однако главная проблема — это вопрос применения Постановления, так как оно было принято на основе уже не действующего закона.

3. Для решения выявленных проблем предлагаем:

- признать Постановление утратившим силу;
- принять Закон «О предупреждении преступлений», который станет общей правовой основой для организации и проведения криминологической (в том числе антикоррупционной) экспертизы проектов как правового средства предупреждения преступности;
- дополнить Закон Республики Армения «О нормативных правовых актах» нормами об обязательности криминологической (в том числе антикоррупционной) экспертизы проектов;
- принять Закон «О криминологической экспертизе проектов нормативных правовых актов», который, помимо общих положений (понятие, цели, задачи, принципы, виды криминологической экспертизы и т. п.), будет регулировать вопросы, связанные с определением объектов, субъектов, назначающих криминологическую (в том числе антикоррупционную) экспертизу проектов, субъекта, проводящего такую экспертизу, порядок проведения криминологической (в том числе антикоррупционной) экспертизы проектов;
- принять соответствующие подзаконные акты, которые будут детально регламентировать предписания предлагаемого нами Закона «О криминологической экспертизе проектов нормативных правовых актов».

Список цитированных источников

1. *Исраелян, Г.* Правовые факторы, обуславливающие преступность и современные меры их предупреждения в Республике Армения / Г. Исраелян // Судебная власть. Январь — март 2024. № 1–3 (295–297). — С. 62–68.

2. *Осипова, Е. С.* Понятие и сущность криминологической экспертизы нормативно-правовых актов [Электронный ресурс] / Е. С. Осипова. — Режим доступа: <https://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/312/image/312-113.pdf>. — Дата доступа: 08.04.2024.

3. Амирян, К. Необходимость и особенности внедрения и применения антикоррупционной экспертизы как механизма оценки коррупционных рисков в правовых актах в правовой системе РА / К. Амирян, А. Степанян // Судебная власть. Октябрь — декабрь 2023. — № 10–12 (292–294). — С. 3–14.

4. *Исраелян Г. В.* Анализ и пути совершенствования правовых основ криминологической экспертизы нормативных правовых актов в Республике Армения / Г. В. Исраелян. — Ереван: Авт. изд., 2024. — 56 с.

Аннотация. Констатируется проблематичность регламентации и применения постановления Правительства от 22 октября 2009 г. № 1205-Н «Об утверждении положения оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов в антикоррупционной сфере». Указываются проблемы регулирования, связанные с определением органа, осуществляющего антикоррупционную экспертизу, объекта экспертизы и т. п. Однако главная проблема — применение Постановления, так как оно было принято на основе уже не действующего закона.

Учитывая выявленные проблемы, предлагается принять следующие меры правового характера: признать утратившим силу указанное постановление; принять законы «О предупреждении преступлений» и «О криминологической экспертизе проектов нормативных правовых актов», которые решат проблемные вопросы; принять подзаконные акты, которые будут детально регламентировать предлагаемые законодательные предписания.

THE PROBLEM OF IMPROVING THE REGULATION OF ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF DRAFT NORMATIVE LEGAL ACTS IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

Israyelyan G. V.

Keywords: anti-corruption expertise, regulation, draft normative legal act.

Abstract. The author notes the problematic nature of regulations and application by Government Resolution No. 1205-N dated 10/22/2009 «On Approval of the Regulation on the Assessment of the Regulatory impact of draft regulatory legal acts in the anti-corruption sphere». The author points out the regulatory problems associated with the definition of the body carrying out anti-corruption expertise, the object of expertise, etc. However, the main problem is the issue of the application of the Resolution, since it was adopted on the basis of a law that is not currently in force.

Taking into account the identified problems, the author proposes to take the following legal measures: to invalidate the said resolution; to adopt laws «On the prevention of crimes» and «On criminological expertise of draft normative legal acts», which will solve the problematic issues; to adopt by-laws that will regulate in detail the prescriptions of the laws proposed by the author.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ В СУДЕБНОЙ БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Матлак А. Н.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебная баллистическая экспертиза, информационная модель, огнестрельное оружие.

Введение

Компьютеризация, автоматизация и использование информационных технологий в правоохранительной сфере постоянно развиваются, а судебно-экспертная деятельность — направление, охваченное вышеназванными процессами в первую очередь, поскольку экспертная практика напрямую связана с овладением судебными экспертами новыми технологиями [1, с. 382]. Целью внедрения современных технологий в судебную экспертизу является получение информации, которую можно понимать по-разному, однако важнейшей составляющей является ее содержание с точки зрения практической значимости. Как отмечает Т. В. Аверьянова, «именно качественные особенности информации, используемой при решении задач экспертизы, будь то «данные, характеризующие объект познания», или «сведения (знания), предназначенные для передачи», и являются определяющим фактором в понятии информации и ее значения для целей экспертизы» [1, с. 384].

Часто являясь залогом успешного решения экспертной задачи, сформулированной перед судебным экспертом, данные, используемые последним при проведении судебной экспертизы, помимо достоверности, допустимости и актуальности должны соответствовать какому-то заранее определенному статусу, положению. Однако существует отдельная категория источников информации, используемых, в частности, в практике проведения диагностических судебных баллистических экспертиз, статус которых не определен, — официальные сайты производителей огнестрельного оружия и боеприпасов. Таким образом, определение положения таких источников информации в перечне справочных, методических и иных материалов, используемых судебными экспертами при проведении судебных баллистических экспертиз, представляется актуальным и подлежащим детальному рассмотрению.

Основная часть

Одной из задач, наиболее часто формулируемой инициаторами проведения экспертиз судебными экспертами, является диагностическая — отнесение объекта к категории огнестрельного оружия, при решении которой с учетом установленных конструктивных особенностей, размерных параметров

и способа изготовления объекта эксперт определяет его принадлежность к образцу огнестрельного оружия конкретной модели.

При определении принадлежности объекта исследования к конкретной модели огнестрельного оружия эксперт не может полагаться исключительно на личный опыт в сфере проведения судебных баллистических экспертиз и обязан сравнивать исследуемый предмет с образцами из натуральных криминалистических коллекций и справочных данных по материальной части огнестрельного оружия.

В случае выявления конструктивных признаков огнестрельного оружия судебный эксперт обязан установить тип, модель (модификацию) образца, изготовленного заводским способом, посредством сравнения с натурными криминалистическими коллекциями образцов огнестрельного оружия и справочными данными по материальной части огнестрельного оружия [2, с. 12]. Сегодня ведение натуральных коллекций в системе органов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее — ГКСЭ) организовано в центральном аппарате и управлениях по областям и г. Минску. Для судебного эксперта территориального органа возможность сравнить объект исследования с реальным образцом из коллекции представляет определенные сложности, особенно при проведении экспертизы в первоочередном порядке для оперативного принятия процессуального решения по делу. В таком случае сравнительное исследование проводится с изображениями и описанием различных образцов, имеющих в справочных материалах по судебной баллистике и судебной баллистической экспертизе.

Традиционно в качестве подобных материалов выступают справочники по огнестрельному оружию, большинство из которых содержат информацию об образцах ручного стрелкового огнестрельного оружия, выпущенного в прошлом столетии, а также каталоги предприятий-изготовителей подобной продукции. С развитием цифровых технологий эти предприятия прекратили выпуск каталогов продукции в печатной форме. Информирование потенциальных потребителей осуществляется путем размещения сведений на официальных сайтах предприятий (например, АО «Ижевский механический завод» (Российская Федерация) — официальный сайт www.baikalinc.ru; ПАО «Тульский оружейный завод» (Российская Федерация) — официальный сайт www.itoz.ru и др.). В электронных каталогах официальных сайтов производителей приводится информация описательного характера о моделях оружия (их размерные характеристики, конструктивные параметры и т. д.), а также помещаются качественные цифровые изображения образцов. Размещенного производителем объема информации в целом достаточно для решения судебным экспертом задачи по отнесению объекта экспертизы к конкретной марке и модели изделий оружейной промышленности.

Описание

ТОЗ-34 - универсальное двуствольное ружьё с вертикальным расположением блока стволов.

Благодаря уникальной конструкции шарнирного соединения затворной коробки и блока стволов, ТОЗ-34 разбирается/собирается одним движением и всего на две части (цевье не отделяется от стволов), что делает оружие удивительно мобильным и удобным при транспортировке практически любым способом. 70-мм патронники ружья ТОЗ-34 позволяют в полной мере реализовать потенциал патронов 12 калибра нормальной мощности (12х70), которые выбирают для охоты 90% российских владельцев гладкоствольных ружей.

Конструкция и комплектация ружья ТОЗ-34

В отличие от основной массы выпускаемых в настоящее время гладкоствольных ружей, стволы ТОЗ-34 не оснащаются сменными дульными насадками («ноками», а имеют классическую, проверенную временем комбинацию сужений «получок» (0,5 мм, нижний ствол) и «чош» (1,0 мм). Ружьё оснащается ударно-спусковым механизмом с двумя спусковыми крючками, что положительно сказывается на его надёжности в экстремальных условиях эксплуатации. Ружьё имеет высокую кучность боя, не уступающую высококлассным ружьям. Имеется модель с индексом «Е» снабжённая эжекторным механизмом.

Характеристики ТОЗ-34

- Вес ружья - не более 3,3 кг.
- Длина ружья - 1150 мм, ширина - 55 мм, высота - 210 мм.
- Длина ствола - 711 мм.
- Усилие спуска нерегулируемое, в пределах от 1,5 до 2,5 кг.

Характеристики

Длина ствола (мм)	711
Дульные сужения(чок)	Нижний-0,5. Верхний-1,0
Калибр	12/70
Масса (кг)	3,3
Приклад	Орех, бук.
Размеры (мм)	1150х55х210
Тип	Двуствольные

Пример справочной информации об огнестрельном оружии, размещенной на официальном сайте ПАО «Тульский оружейный завод» (www.itoz.ru)

Таким образом, в случае обращения специалиста в области судебной баллистики к справочной информации, приведенной на официальном сайте изготовителя, и ее использования для формирования вывода при проведении экспертного исследования возникает необходимость определить статус подобных информационных источников. Безусловно, последние не могут быть отнесены к объектам судебной экспертизы, поскольку объект экспертизы представляет собой «материальный носитель информации, который исследуется судебным экспертом» [3, с. 58].

Не соответствует подобная информация как определению «информационных ресурсов», под которыми понимается «организованная совокупность документированной информации, включающая базы данных, другие

совокупности взаимосвязанной информации в информационных системах» (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»), так и понятию образцов для проведения судебной экспертизы, единственным вариантом которых в судебной баллистической экспертизе являются пули и гильзы, полученные в ходе экспериментального отстрела оружия.

Практикой проведения судебных баллистических экспертиз выработан подход, при котором судебный эксперт, сравнивающий объект исследования с описанием и графическими изображениями, размещенными в информационных источниках, указывает в заключении точное расположение полученных сведений: страницу и номер изображения — для печатной продукции, URL (*Uniform Resource Locator* — унифицированный указатель ресурса) — для официального сайта предприятия-изготовителя.

В ходе изучения заключений эксперта по проведенным судебными экспертами территориальных органов ГКСЭ Брестской области в 2019–2023 гг. диагностическим судебным баллистическим экспертизам установлено, что в случаях, когда объектами исследования являлись образцы охотничьего огнестрельного оружия, выпущенные предприятиями Российской Федерации и других государств за последние 15 лет, эксперты обращались к информации, размещенной на официальных сайтах изготовителей, о чем в заключениях имеются соответствующие ссылки. К примеру, в случае исследования охотничьего ружья МР-27М-1С результаты сравнения оформлялись судебным экспертом следующим образом: «При сравнении формы, размеров, конструктивных особенностей, маркировочных обозначений представленного ружья с описанием и графическими изображениями гладкоствольного огнестрельного оружия, приведенными в специальной справочной литературе и в сети Интернет (<https://www.baikalinc.ru/catalog/detail.php?ID=108>), установлено его совпадение с двуствольным охотничьим ружьем МР-27М-1С 12-го калибра производства АО «Ижевский механический завод» (Российская Федерация), которое относится к категории ручного стрелкового гладкоствольного огнестрельного оружия».

Делаем вывод, что информация о выпускаемой специализированными предприятиями продукции — огнестрельном оружии и боеприпасах, размещаемая ими на своих официальных сайтах, активно используется судебными экспертами при решении диагностических задач судебной баллистической экспертизы, однако ни по форме, ни по содержанию, ни по способу ее получения не соответствует рассмотренным выше категориям — объектам судебной экспертизы, образцам для сравнительного исследования и информационным ресурсам. На наш взгляд сведения, размещаемые на таких электронных ресурсах и приводимые в форме описания параметров, характеристик объектов и их графических изображений, соответствуют пониманию информации как данных, характеризующих

объект познания, а весь перечень знаний об образце огнестрельного оружия, аккумулированный в электронном ресурсе, представляет собой информационную модель.

В общенаучном смысле под моделью понимают «мысленно представляемую или материально реализованную систему, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна заменить его так, что ее изучение даст нам новую информацию об этом объекте» [4, с. 19], под информационной моделью — «совокупность информации, характеризующуюся существенными свойствами и состоянием объекта, процесса, явления, а также взаимосвязью с внешним миром» [5, с. 14].

По форме выражения выделяют информационные модели объектов физического мира и информационные модели абстрактного (идеального) характера; при этом и первые, и вторые представляют собой знания об объектах, процессах и явлениях [5, с. 15], однако различаются по природе происхождения.

В криминалистике под моделированием понимается одна из форм мыслительной деятельности следователя, целью которой является выявление направлений поиска новой доказательственной информации [6, с. 138], а криминалистическая модель определяется как «искусственно созданная материальная или идеальная система, воспроизводящая или заменяющая исследуемое криминальное событие или отдельные ситуации и обстоятельства его совершения так, что ее изучение позволит получить об оригинале информацию, необходимую для успешного решения практических, научных и дидактических криминалистических задач» [7, с. 12].

Так же как и в общенаучном значении, однако с учетом отраслевых особенностей науки, криминалистикой выделяется два вида моделей — материальные и мысленные (идеальные). Первые имеют определенную физическую форму, вещественное выражение и используются для проведения различных экспериментов (следственных, судебных, экспертных), а вторые характеризуются идеальной природой, обеспечивая взаимодействие «между моделью и внешней средой в сознании исследователя при производстве мысленных экспериментов на основе известных законов внешнего мира и природы» [4, с. 26]. В свою очередь мысленные модели подразделяют на образные, т. е. являющиеся по своей форме психическим образом, абстрактным представлением о чем-то, и образно-знаковые (символические, частично формализованные), представленные буквенными или графическими знаками [7, с. 15].

С учетом специфики судебно-экспертной деятельности в современном понимании, выходящей за рамки собственно криминалистических знаний, применительно к судебной экспертизе полагаем целесообразным использовать понятие не криминалистической, а информационной модели как системы знаний об объекте исследования, характеризующей его свойства

и состояния и позволяющей получить информацию, необходимую для решения экспертной задачи.

Возвращаясь к рассматриваемому вопросу относительно определения статуса сведений, размещаемых на официальных сайтах изготовителей огнестрельного оружия и используемых при проведении судебной баллистической экспертизы, можно сказать, что они соответствуют по содержанию образно-знаковым мысленным моделям (описание и графическое изображение конкретной модели огнестрельного оружия), а их использование позволяет решить конкретную диагностическую задачу по отнесению объекта судебно-экспертного исследования — огнестрельного оружия — к определенному образцу (модели).

С учетом вышесказанного под информационной моделью в судебной баллистической экспертизе понимают сведения о модели огнестрельного оружия, включающие описание конструкции, технических параметров и иных характеристик, а также его графические изображения, размещаемые на официальных сайтах производителей и в иных справочных, информационных и методических материалах, и используемые судебным экспертом для сравнения при решении диагностической задачи по отнесению объекта заводского изготовления к определенному образцу огнестрельного оружия.

Введение в судебную баллистическую экспертизу понятия информационной модели создает предпосылки для уточнения отдельных аспектов стадии детального исследования, в частности, предусматривая возможность проведения сравнения не только со сведениями, приведенными в специальной справочной литературе, и образцами из натуральных коллекций, но и с информационной моделью огнестрельного оружия, что повлечет необходимость разработки вопросов методического обеспечения судебно-экспертной деятельности в целом. Решение указанной задачи позволит оптимизировать процесс экспертного исследования, устранив пробел в виде определения роли таких источников информации, как официальные сайты производителей огнестрельного оружия без необходимости придания им какого-то процессуального или иного статуса, вместе с тем обеспечив их использование при проведении судебно-экспертных исследований на должном методическом уровне.

Рассматриваемый вопрос, на наш взгляд, лежит в плоскости более широкой проблемы, связанной с внедрением информационных технологий в судебно-экспертную деятельность — необходимости разработки электронных массивов, содержащих каталоги, справочные пособия, протоколы сертифицированных испытаний, которые позволят быстро находить нужные судебному эксперту сведения о самых разнообразных объектах исследования.

В настоящее время перечень объектов судебной баллистической экспертизы достаточно широк, и часто в рамках одной экспертизы, помимо

так называемых монозадач по определению способа изготовления объекта, его исправности, относимости к категории огнестрельного оружия и т. п., перед экспертом ставятся и сложные многоуровневые задачи по установлению дистанции и направления выстрела, последовательности выстрелов и т. д. При этом оперативность проведения судебных экспертиз и сокращение их сроков являются одной из стратегических задач государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности [3, с. 134–135] и важным показателем качества работы любого судебно-экспертного органа.

С учетом ранее озвученных проблемных моментов проведения судебных баллистических экспертиз, обусловленных ведением натуральных коллекций огнестрельного оружия лишь в центральном аппарате ГКСЭ, управлениях по областям и г. Минску, прекращением выпуска соответствующей печатной продукции разработка электронных сборников, составленных на основе совокупности информационных моделей огнестрельного оружия, позволяющих эксперту любого территориального органа ГКСЭ оперативно получить необходимую для отнесения объекта экспертизы к определенному образцу оружия информацию, снизив временные затраты на ее поиск в глобальной сети Интернет, транспортные расходы для работы с натурной коллекцией управления, представляется актуальной и важной задачей.

Заключение

Таким образом, использование в практической экспертной деятельности информационных моделей как источников информации об огнестрельном оружии будет способствовать не только быстрому решению задачи по отнесению объекта судебной баллистической экспертизы к конкретной модели при отсутствии иной возможности для сравнения поступившего для исследования изделия с известными образцами оружия, но и представляется наиболее оптимальным путем решения проблемы по приданию таким сведениям методически корректной формы. В свою очередь, разработка электронных массивов, содержащих информационные модели огнестрельного оружия в различных вариантах (справочные пособия, каталоги, протоколы сертификационных испытаний и т. п.), может стать перспективным направлением совершенствования методического обеспечения проведения судебных баллистических экспертиз.

Список цитированных источников

1. *Аверьянова, Т. В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. — М. : Норма, 2009. — 480 с.
2. Методика решения вопросов о принадлежности объектов к ручному стрелковому огнестрельному оружию, их исправности и пригодности к стрельбе / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; Гос. эксп.-крим. центр. — Минск, 2008. — 16 с.

3. *Швед, А. И.* Судебная экспертиза : пособие / А. И. Швед. — Минск : Форум, 2022. — 296 с.

4. *Штофф, В. А.* Моделирование и философия / В. А. Штофф. — М. ; Л., 1966. — 302 с.

5. *Гуламов, М. И.* О множестве информационных моделей / М. И. Гуламов // *Universum: технические науки*. — 2020. — № 5–1 (74). — С. 14–17.

6. *Шефер, В. А.* Значение криминалистической модели в процессе формирования криминалистических версий / В. А. Шефер // *Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта*. — 2012. — № 9. — С. 138–144.

7. *Волчецкая, Т. С.* Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике : учеб. пособие / Т. С. Волчецкая; Калинингр. ун-т. — Калининград, 1997. — 95 с.

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы судебной баллистической экспертизы по определению статуса информационных источников, используемых при решении отдельных экспертных задач, в том числе сведений, размещаемых на официальных сайтах изготовителей огнестрельного оружия.

Для придания подобным источникам методически правильной формы автором предлагается ввести понятие «информационной модели». Изложенные в исследовании положения могут быть использованы для дальнейших научных разработок в сфере судебно-экспертной деятельности применительно к различным видам судебной экспертизы.

INFORMATION MODELS IN FORENSIC BALLISTICS

Matlak A. N.

Keywords: forensics, forensic ballistics, information model, firearms.

Abstract. The article deals with topical issues of forensic ballistic examination to determine the status of information sources used in solving certain expert tasks, including information posted on the official websites of firearms manufacturers.

To give such sources a methodically correct form, the author proposes to introduce the concept of an «information model». The provisions set out in the work can be used for further scientific developments in the field of forensic expertise in relation to various types of forensic examination.

3. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.3/.7

НАКАЗАНИЕ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Андрушко Т.И.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, уголовная ответственность, исторический ревизионизм, дифференциация ответственности, справедливость уголовной ответственности и наказания.

Введение

По объективным причинам исследование проблем уголовной ответственности за реабилитацию нацизма в последнее время приобретает особую актуальность. Проблема исторического ревизионизма, заключающегося в переоценке итогов Второй мировой войны, давно вышла за рамки научной исторической дискуссии и в настоящее время влияет как на происходящие внутри конкретного государства социально-политические процессы, так и на международные отношения.

Наряду с исследованием предпосылок криминализации, признаков состава преступления важным видится и исследование наказуемости реабилитации нацизма, так как только справедливое и соразмерное наказание способно обеспечить достижение целей уголовной ответственности. Анализ зарубежного опыта криминализации исторического ревизионизма, а также отдельных особенностей установленного зарубежным законодательством наказания за указанные деяния проводился в исследованиях российских ученых Е.Д. Ветошкиной [1], И.А. Варченко и Л.Г. Литвяк [2] и др. Вместе с тем как в российских, так и в белорусских уголовно-правовых исследованиях практически отсутствует научная разработка проблем наказуемости реабилитации нацизма. В отдельных научных публикациях лишь констатируется обоснованность ужесточения уголовной ответственности (И.В. Пикин [3, с. 7]).

Оценка соответствия установленного уголовным законом наказания за реабилитацию нацизма характеру и степени общественной опасности анализируемого преступления, решение проблемных вопросов дифференциации уголовной ответственности в зависимости от способа совершения преступления представляются необходимыми условиями реализации прин-

ципа справедливости уголовного закона, обеспечивающими в том числе эффективность нормы о запрете реабилитации нацизма как формы ранней превенции более тяжких преступлений.

Цель настоящей статьи — проанализировать отдельные вопросы наказуемости реабилитации нацизма, в том числе соразмерности санкции ст. 130–1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ) характеру и степени общественной опасности криминализированных деяний, выработать предложения по совершенствованию анализируемой нормы.

Актуальность исследования обозначенных вопросов обусловлена как уникальностью новой нормы, так и низкой степенью научной разработки последних и важностью их решения для реализации принципа справедливости уголовной ответственности.

Основная часть

Наказание — центральный институт уголовного права. В нем наиболее полно и наглядно проявляются содержание и направленность уголовной политики государства, значение отдельных институтов уголовного права и другие уголовно-правовые аспекты борьбы с преступностью [4, с. 354].

Цели наказания определены в ст. 44 УК РБ путем указания целей уголовной ответственности: исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами, а также восстановление социальной справедливости. Только справедливое наказание виновного способствует эффективному осуществлению целей уголовной ответственности [5, п. 2].

Справедливость наказания достигается в первую очередь путем установления соразмерности санкции криминализованному деянию. В ч. 6 ст. 3 УК РБ справедливость как принцип уголовной ответственности сформулирована следующим образом: наказание и иные меры уголовной ответственности должны быть справедливыми, т. е. устанавливаться и назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. Это значит, что закон при установлении наказания требует учитывать три фактора: характер и степень общественной опасности, обстоятельства совершения, личность виновного. Обстоятельства совершения и личность виновного, указанные в качестве квалифицирующих признаков того или иного состава, влияют на степень общественной опасности деяния и находят свое отражение в санкциях; не указанные оцениваются с точки зрения норм Общей части уголовного закона. И в первом, и во втором случаях конечным критерием назначения наказания выступают характер и степень общественной опасности — именно этот критерий влияет на установленные в нормах Особенной части УК РБ санкции. Нарушение баланса между характером и степенью общественной опасности преступления и установленного за него наказания, равно как и установление одинакового наказания за разные по степени обществен-

ной опасности деяния, нарушает принцип справедливости и препятствует эффективному достижению целей уголовной ответственности. Указанный баланс достигается в том числе путем категоризации преступлений.

Частью 1 ст. 130–1 УК РБ (реабилитация нацизма) установлены следующие альтернативные виды наказаний: штраф, арест, или ограничение свободы на срок до 5 лет, или лишение свободы на тот же срок. Преступление отнесено к категории менее тяжких преступлений.

В первую очередь проанализируем наказуемость по основному составу преступления. Максимальный срок лишения свободы по ч. 1 ст. 130–1 УК РБ составляет 5 лет. Такой же срок предусмотрен в ч. 1 ст. 130 УК РБ «Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни». Следовательно, по мнению белорусского законодателя, данные преступления носят одинаковый или примерно равный характер и степень общественной опасности.

В норме об ответственности за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 354.1 «Реабилитация нацизма» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (в ред. от 15 марта 2023 г.) (далее — УК РФ), за аналогичные по смыслу ревизионистские действия максимальный размер наказания составляет 3 года лишения свободы. По основному составу ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (аналог нормы ст. 130 УК РБ) максимальный размер наказания составляет 5 лет лишения свободы. Таким образом, российский законодатель полагает, что данные деяния обладают разной степенью общественной опасности.

Полагаем, позиция российского законодателя правильно отражает сущность общественной опасности ревизионизма и справедливо оценивает его соотношение с открытой пропагандой вражды и ненависти. Так как реабилитация нацизма путем фальсификации истории и посягательства на историческую память лишь создает условия для распространения нацизма, не представляя собой открытого призыва к вражде или ненависти, полагаем что криминализация указанного деяния является формой ранней превенции, в том числе для составов преступлений, установленных ст. 130 УК РБ либо ст. 282 УК РФ.

О явном нарушении принципа справедливости свидетельствует и сравнительный анализ санкций ст. 123 и 130–1 УК РБ. За основной состав пропаганды войны максимальное лишение свободы составляет 3 года, а за создание условий для такой пропаганды, криминализованное в ст. 130–1 УК РБ (совершенное, к примеру, путем оправдания военной доктрины нацизма, или нападения нацистской Германии на СССР), — 5 лет.

Причиной несоразмерности санкций, по нашему мнению, является допущенное белорусским законодателем смещение в основном составе реабилитации нацизма разных по непосредственному объекту, степени

общественной опасности и цели преступного поведения действий. Первая из криминализованных форм реабилитации нацизма — оправдание идеологии (доктрины) и практики нацизма, совершенная путем оправдания сущностного содержания указанной идеологии, и ее распространение — фактически представляет собой уже криминализованные в УК деяния — ст. 123 и 130 УК РБ. Это обусловлено свойствами идеологии нацизма, синтезирующей в себе расовую теорию и соподчиненную ей идею «тотальной войны». Фактически санкция ч. 1 ст. 130–1 УК РБ соответствует лишь степени общественной опасности указанной формы реабилитации нацизма и является несоразмерно строгой для остальных ее форм.

В законодательстве европейских государств, несмотря на общую схожесть норм, точного соответствия положениям УК РБ не имеется, в связи с чем сравнение санкций данных норм приведем скорее для понимания общих границ наказуемости исторического ревизионизма. Анализ научных исследований и обзоров по проблеме наказуемости исторического ревизионизма позволяет заключить, что наиболее мягкие наказания предусмотрены в Бельгии — до 1 года заключения [6], Люксембурге, Лихтенштейне, Литве — до 2 лет лишения свободы [2, с. 259; 1, с. 134]. Санкция, соответствующая положениям российской нормы, т. е. до 3 лет лишения свободы, установлена в законодательстве Венгрии [1, с. 134], Польши [6] и Чехии [7, с. 12]. Наиболее строгое наказание установлено законодательством Германии и Израиля — до 5 лет лишения свободы, а также Австрии — до 10 лет лишения свободы [8, с. 81]. В последних трех странах столь строгое наказание обусловлено социально-историческим контекстом, и, полагая, его следует считать оправданным. Учитывая характер и степень общественной опасности реабилитации нацизма, приведенное выше сравнение санкций норм ст. 123 и 130 УК РБ, а также зарубежный, прежде всего российский, опыт, считаем оправданным рассмотрение возможности снижения верхнего предела санкции основного состава ст. 130–1 УК РБ до 3 лет лишения свободы. Однако такое снижение должно сопровождаться внесением соответствующих изменений в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» (далее — Закон № 103-З) в виде исключения первой из названных в законе форм реабилитации нацизма. Нецелесообразность наличия в анализируемой норме указанной формы реабилитации нацизма исследована нами ранее (обосновано, что все возможные способы реализации анализируемой формы реабилитации нацизма либо охватываются иными формами данного преступления, либо являются уже криминализованными в УК деяниями (ст. 123 и 130 УК)) [9, с. 108–109].

Снижение верхнего предела санкции основного состава реабилитации нацизма обосновано и положениями принятых в декабре 2023 г. Рекомендаций об ответственности за деяния, связанные с реабилитацией нацизма и искажением исторической истины, в законодательстве государств — чле-

нов Организация Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ): рекомендовано установить за преступления реабилитации нацизма максимального наказания в виде лишения свободы сроком до 3 лет [10, с. 16].

Максимальное наказание в виде 3 лет лишения свободы активно использовано белорусским законодателем при конструировании санкций более полутора сотни статей и затрагивает практически все главы УК. Наиболее активно такая санкция использована в нормах гл. 25 УК РБ (23 статьи), а также гл. 19, 26, 27, 30, 33 и 34 УК РБ (более 10 статей в каждой из глав). Законодатель разместил главы в соответствии с важностью объектов уголовно-правовой охраны, поэтому можно допустить, что для преступлений против мира и безопасности человечества установление такой санкции является слишком мягким и не соответствует характеру общественной опасности деяний, включенных в гл. 17 УК РБ. Однако данный тезис неверен. Так, уже упоминавшейся нами санкцией ст. 123 УК РБ (пропаганда войны) предусмотрена верхняя граница наказания в 3 года лишения свободы. Снижение санкции ч. 1 ст. 130–1 УК РБ до 3 лет лишения свободы не меняет категорию преступления, но в то же время позволяет реализовать принцип справедливости уголовной ответственности и наказания, установив санкцию, соразмерную характеру и степени общественной опасности деяния.

Квалифицированный состав реабилитации нацизма образуют такие признаки, как применение насилия либо совершение деяния должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. Максимальное наказание по ч. 2 ст. 130–1 УК РБ составляет 10 лет лишения свободы, преступление относится к категории тяжких.

Ранее нами аргументировалась необоснованность наличия такого квалифицирующего признака реабилитации нацизма, как применение насилия. Он отсутствует в ст. 123 и ст. 130–2 УК РБ, а также в одноименном составе УК РФ и не соответствует характеру объективной стороны преступления [11, с. 194].

Использование при совершении акта реабилитации нацизма служебных полномочий, несомненно, повышает степень общественной опасности деяния и обосновано требует повышенной санкции. Однако отнесение данного преступления к категории тяжких видится необоснованным.

Использование должностным лицом своих служебных полномочий в качестве квалифицирующего признака предусмотрено ч. 2 ст. 123 УК РБ, максимальное наказание составляет 5 лет лишения свободы. В данном составе признак сформулирован как пропаганда войны, совершенная лицами, занимающими высшие государственные должности, что по смыслу должно наказываться строже, чем совершение схожего деяния должностным лицом. Однако соотношение санкций свидетельствует об отсутствии единообразного подхода в оценке квалифицирующих признаков близких по характеру общественной опасности деяний. В УК РФ максимальное наказание за ана-

логичные действия, установленные ч. 2 ст. 354.1, составляет 5 лет лишения свободы.

Отнесение ч. 2 ст. 130–1 УК РФ (по признаку совершения должностным лицом с использованием служебных полномочий) к тяжким преступлениям не соответствует степени общественной опасности деяния. То же наказание предусмотрено для ч. 2 ст. 130 УК РФ, для которой характерны открытые призывы к вражде или розни, могущие прямо спровоцировать насилие, дискриминацию, массовые беспорядки по национальному или иному признаку. Если для ч. 2 ст. 130 УК РФ наличие повышенной санкции оправдано, то для действий, подлежащих квалификации по ч. 2 ст. 130–1 УК РФ, установление такой же санкции является несоразмерным и не соответствует принципу справедливости. Представляется, что санкция должна быть снижена до верхнего предела, установленного ч. 2 ст. 123 УК РФ. Соответственно, неоправданно строгой является и санкция ст. 130–2 УК РФ.

Максимальное наказание в 5 лет лишения свободы должно быть предусмотрено и для совершения акта реабилитации нацизма, совершенного с использованием средств массовой информации (далее — СМИ) или сети Интернет. Такая же санкция для акта реабилитации нацизма, сопряженного с использованием СМИ или сети Интернет, установлена ч. 2 ст. 354.1 УК РФ. Необходимость повышенной уголовной ответственности для акта реабилитации нацизма, совершенного указанным способом, обосновывалась нами ранее [11, с. 195]. Для целей настоящей статьи отметим, что ч. 2 ст. 130–1 УК РФ, по нашему мнению, должна предусматривать повышенную уголовную ответственность за совершение акта реабилитации нацизма, сопряженного с использованием СМИ или сети Интернет, либо совершенного должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. Максимальное наказание за такие деяния полагаем целесообразным установить в виде лишения свободы сроком до 5 лет.

Подобные изменения не только поспособствуют реализации принципа справедливости уголовного закона, но и будут представлять собой реализацию принятых в декабре 2023 г. Рекомендаций ОДКБ по вопросам криминализации реабилитации нацизма. В частности, данным документом рекомендуется предусматривать повышенную уголовную ответственность при совершении реабилитации нацизма, в том числе с использованием СМИ либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. Максимальное наказание предлагается установить в виде лишения свободы сроком до 5 лет [10, с. 17]. Обоснованность дифференциации уголовной ответственности с учетом фактора размера аудитории для ряда составов преступлений отмечается и в диссертационном исследовании И.А. Родиной [12, с. 10].

Особо квалифицированный состав образуют такие признаки, как группа лиц, наступление смерти по неосторожности либо иных тяжких последствий.

Преступление отнесено к категории тяжких, максимальное наказание — 12 лет лишения свободы. Наличие указанного особо квалифицированного состава видится необоснованным. Названные признаки вероятнее всего механически перенесены законодателем из нормы ст. 130 УК РБ при выделении реабилитации нацизма в самостоятельную норму. По тем же причинам, исследованным нами ранее, указывающим на необоснованность включения в квалифицированный состав признака «насилие», полагаем необоснованным включение в норму материального состава. Наступление смерти по неосторожности или иных тяжких последствий, характерное, к примеру, для разжигания вражды или розни не может состоять в причинно-следственной связи с историческим ревизионизмом, так как не содержит в сущности призыва к какому-либо насилию.

Признак «группы лиц», полагаем, целесообразно переместить в ч. 2 ст. 130–1 УК РБ, исключив особо квалифицированный состав полностью. Перемещение признака «группа лиц» в квалифицированный состав реабилитации нацизма и установление по ч. 2 ст. 130–1 УК РБ максимального наказания в виде лишения свободы сроком до 5 лет обоснованно и указанными выше Рекомендациями ОДКБ [10, с. 17].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Допущенное белорусским законодателем смешение в основном составе реабилитации нацизма разных по непосредственному объекту, степени общественной опасности и цели преступного поведения действий привело к установлению чрезмерно высокой санкции за действия, представляющие собой исторический ревизионизм. Сравнительный анализ санкций ст. 123, 130, 130–1 УК РБ, ст. 354.1 и 282 УК РФ, зарубежный опыт криминализации исторического ревизионизма, а также положения Рекомендаций Парламентской Ассамблеи ОДКБ свидетельствуют о необоснованности установления максимального наказания в виде 5 лет лишения свободы за действия, представляющие собой исторический ревизионизм, объединенные белорусским законодателем во второй, третьей и четвертой формах реабилитации нацизма. В целях реализации принципа справедливости уголовной ответственности обоснованным видится снижение верхнего предела санкции ст. 130–1 УК РБ до 3 лет лишения свободы, однако такое снижение возможно лишь при исключении первой из названных в Законе № 103-З форм реабилитации нацизма из нормы.

При внесении рекомендуемых изменений видится целесообразным действия, представляющие собой распространение идеологии нацизма, оправдание и одобрение ее доктрины и практики, квалифицировать по ст. 123 и (или) 130 УК РБ без их дополнительной уголовно-правовой оценки по ст. 130–1 УК РБ, так как здесь присутствует конкуренция уголовно-правовых норм, а не совокупность преступлений. Предложенная квалификация обо-

снована тем, что распространение идеологии нацизма невозможно без пропаганды войны и (или) расовой ненависти.

2. В целях повышения эффективности уголовно-правового запрета и установления соразмерного наказания за совершение актов реабилитации нацизма в зависимости от степени их общественной опасности видится обоснованной дифференциация уголовной ответственности в зависимости от способа совершения преступления. Совершение реабилитации нацизма с использованием СМИ или сети Интернет требует повышенной уголовной ответственности в сравнении с совершением аналогичных действий публично либо с использованием публично демонстрируемых произведений. Максимально допустимым наказанием в данном случае следует считать лишение свободы сроком до 5 лет, что обосновано сравнительным правовым анализом норм УК и региональными рекомендациями в части криминализации реабилитации нацизма.

3. Чрезмерно строгой следует считать санкцию ч. 2 ст. 130–1 УК РБ при совершении акта реабилитации нацизма лицом с использованием своих служебных полномочий. О явном нарушении принципа справедливости в данном случае свидетельствует анализ санкций ч. 2 ст. 123 и ч. 2 ст. 130 УК РБ. Необоснованным видится наличие такого квалифицирующего признака, как «соединенных с насилием», а также материального состава, предусмотренного ч. 3 ст. 130–1 УК РБ, так как они не соответствуют характеру объективной стороны реабилитации нацизма, не подразумевающей под собой открытых призывов к насилию или ненависти, характерных, к примеру, для действий, криминализованных ст. 130 УК РБ. Полагаем ч. 2 ст. 130–1 УК РБ, помимо вышеуказанных способов совершения преступления, должна содержать такие квалифицирующие признаки как «совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий» и «совершенные группой лиц» с установлением максимального наказания за указанные действия сроком в 5 лет лишения свободы.

Установление уголовной ответственности за реабилитацию нацизма следует рассматривать в первую очередь как форму ранней превенции более тяжких преступлений (пропаганда войны, разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, геноцид и ряд других преступлений против мира и безопасности человечества). Наказание за действия, образующие реабилитацию нацизма, должно соответствовать характеру и степени их общественной опасности. Данные действия не могут наказываться строже предупреждаемой группы преступлений.

Максимальное сближение санкций белорусской нормы с санкциями, установленными российским и иным зарубежным законодательством, целесообразно и в контексте возможных вопросов международного и регионального сотрудничества по противодействию опасным формам исторического ревизионизма.

Список цитированных источников

1. Ветошкина, Е. Д. Отрицание Холокоста: социальная обусловленность и сравнительный анализ уголовно-правового запрета / Е. Д. Ветошкина // *Lex russica*. — 2020. — Т. 73. — № 11. — С. 129–138.
2. Варченко, И. А. Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за преступления, аналогичные ст. 354.1 УК РФ «реабилитация нацизма» (часть 2) / И. А. Варченко, Л. Г. Литвяк // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. — 2015. — № 11–1. — С. 257–260.
3. Пикин, И. В. К вопросу об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма / И. В. Пикин // *Науч. вестн. Крыма*. — 2022. — № 4 (39). — С. 1–8.
4. Уголовное право. Общая часть / Л. В. Иногамова-Хегай [и др.] ; под ред. А. И. Рарога, А. И. Чучаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрид. фирма «КОНТРАКТ» : ИНФРА-М, 2008. — 560 с.
5. О назначении судами уголовного наказания [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 26 марта 2002 г., № 1 // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
6. Уголовное преследование отрицания Холокоста [Электронный ресурс] / Википедия. Свободная энциклопедия. — Режим доступа: <http://surl.li/tnyjqw>. — Дата доступа: 20.06.2024.
7. Критический анализ криминообразующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Реабилитация нацизма» / Е. И. Грузинская [и др.] // *Актуальные проблемы науки и практики современного общества*. — 2017. — № 2 (6). — С. 9–13.
8. Кох, А. Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста / А. Кох, П. Полян. — М. : Три квадрата, 2008. — 386 с.
9. Андрушко, Т. И. Формы реабилитации нацизма: содержание, соотношение, проблемные вопросы / Т. И. Андрушко // *Вестн. Гродз. дзярж. ун-та ім. Я. Купалы*. — 2024. — Т. 14, № 1. — С. 106–115.
10. Об ответственности за деяния, связанные с реабилитацией нацизма и искажением исторической истины, в законодательстве государств-членов ОДКБ [Электронный ресурс] : Рекомендации Парламентской Ассамблеи ОДКБ, 19.12.2023 / Официальный сайт ПА ОДКБ. — Режим доступа: <https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-ob-otvetstvennosti-za-deyaniya-svyaazannye-s>. — Дата доступа: 30.05.2024.
11. Андрушко, Т. И. Способ совершения как криминообразующий признак объективной стороны состава преступления реабилитация нацизма / Т. И. Андрушко // *Вестн. Академии МВД Респ. Беларусь*. — 2024. — № 1 (47). — С. 190–196.

12. *Родина, Е. А.* Противодействие криминальной виктимизации пользователей сети «Интернет» в киберпространстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. А. Родина ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». — Саратов, 2022. — 27 с.

Аннотация. Проанализированы отдельные проблемы наказуемости реабилитации нацизма в контексте реализации принципа справедливости уголовной ответственности. В процессе исследования автором обращено внимание на несоответствие санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 130–1 УК РФ характеру и степени общественной опасности криминализованных деяний, названы причины такого несоответствия. С учетом сравнительно-правового анализа норм УК РФ, зарубежного опыта, а также ранее проведенных автором исследований рекомендуется внесение ряда изменений в норму ст. 130–1 УК РФ, направленных на ее совершенствование и реализацию принципа справедливости уголовной ответственности. В частности, обосновывается необходимость снижения санкции основного состава преступления до 3 лет лишения свободы, отмечается целесообразность дифференциации уголовной ответственности в зависимости от способа совершения преступления, предлагается авторское видение квалифицирующих признаков состава преступления.

***PUNISHMENT FOR THE REHABILITATION OF NAZISM
IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTING
THE PRINCIPLE OF FAIRNESS OF JUSTICE
IN CRIMINAL LIABILITY***

Andrushko T. I.

Keywords: rehabilitation of Nazism, criminal liability, historical revisionism, differentiation of liability, fairness of criminal liability and punishment.

Abstract. The article analyzes individual problems of the punishability of the rehabilitation of Nazism in the context of the implementation of the principle of justice in criminal liability. In the process of research, the author drew attention to the discrepancy between the sanctions of Part 1 and Part 2 of Article 130–1 of the Criminal Code with the nature and degree of public danger of criminalized acts, and noted the reasons for this discrepancy. Taking into account a comparative legal analysis of the norms of the Criminal Code, foreign experience, as well as research previously conducted by the author, it is recommended to introduce a number of changes to the provisions of Article 130–1 of the Criminal Code aimed at improving the norms and implementing the principle of fairness of criminal liability. In particular, the author substantiates the need to reduce the sanction of the main crime to 3 years of imprisonment, notes the advisability of differentiating criminal liability depending on the method of committing the crime, and offers the author's vision of the qualifying elements of the crime.

ПРИМЕНЕНИЕ ПОНЯТИЙ «МЕЖДУНАРОДНАЯ И ИНОСТРАННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ» В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Васильченко К. В.

Ключевые слова: криминализация деяний, преступления против государственной власти, против основ конституционного строя, иностранные и международные неправительственные организации, межправительственные организации, некоммерческие организации, нежелательная деятельность.

Введение

Деятельность международных и иностранных организаций сегодня обособленно рассматривается в качестве основного инструмента невоенного влияния в условиях глобального геополитического противоборства. Военной доктриной Российской Федерации использование финансируемых и управляемых извне политических сил, общественных движений названо в числе характерных особенностей современных военных конфликтов, которые давно приобрели гибридный формат*.

Такие обстоятельства запустили активную работу российского законодателя по упорядочиванию административных процедур в сфере деятельности организаций зарубежного происхождения на территории Российской Федерации и закреплению ряда соответствующих уголовно-правовых запретов. Учитывая сложившуюся геополитическую обстановку, названные законодательные решения являются необходимыми и нуждаются в качественном научном сопровождении.

Цель настоящего исследования — определить систему понятий, использованных российским законодателем при криминализации деяний, которые связаны с деятельностью зарубежных организаций; выявить имеющиеся в ней взаимосвязи и наметить пути дальнейшей научной разработки темы для оптимизации применения понятий, определяющих зарубежные организации, в уголовно-правовом законодательстве Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих задач: выделить перечень деяний, связанных с деятельностью зарубежных организаций, криминализированных в Российской Федерации за последние 10 лет; кратко определить обусловленность проведенной криминали-

* Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Рос. Федерации 25.12.2014 № Пр-2976) // СПС «КонсультантПлюс».

зации; выявить термины, примененные законодателем для определения зарубежных организаций, проанализировать имеющиеся законодательные и доктринальные дефиниции данных терминов, выявить характерные черты примененных понятий и определить систему их использования в диспозициях введенных уголовно-правовых запретов; установить и проверить взаимосвязи и закономерности такой системы для дальнейшей оптимизации; наметить пути для научной разработки темы.

Исследование базируется на системном и междисциплинарном подходе. При решении поставленных задач использован комплекс общенаучных и специальных методов (при работе над определением системы понятий применен метод дискурсивного анализа, при исследовании содержания понятий — формально-догматические методы и др.).

Основная часть

За прошедшие 10 лет российским законодателем введено четыре уголовно-правовых запрета, связанных с деятельностью зарубежных организаций: ст. 275-1 («Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией») Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)*, ст. 284–1 («Осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности») УК РФ**, ст. 284-3 («Оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов») УК РФ*** и ст. 330-3 («Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной некоммерческой неправительственной организации, сведения о структурных подразделениях которой отсутствуют в реестре филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций или которая не имеет зарегистрированного в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, структурного подразделения — отделения») УК РФ****.

* Введена Федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

** Введена Федеральным законом от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

*** Введена Федеральным законом от 28.04.2023 № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

**** Введена Федеральным законом от 04.08.2023 № 413-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Проведенные криминализации очевидно имеют схожую обусловленность. Опыт многих государств свидетельствует об интенсивном установлении запретов административного и уголовно-правового характера, мотивированных необходимостью охраны суверенитета, в отношении субъектов, взаимодействующих с иностранными структурами. Уголовно-правовые запреты логично включены в гл. 29 («Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства») и 32 («Преступления против порядка управления») УК РФ.

Анализ содержания диспозиций ст. 275–1, 284–1, 284–3, 330–3 УК РФ показывает, что законодателем использован ряд терминов, определяющих организации иностранного происхождения. Располагая данные термины от общего к уточненному, можно наблюдать следующую систему понятий:

- организация;
- международная организация;
- международная либо иностранная организация;
- иностранная или международная неправительственная организация;
- иностранная или международная некоммерческая неправительственная организация.

На уровне федерального законодательства можно привести следующее правовое регулирование.

В соответствии с абзацем вторым п. 2 ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации под термином «организация» понимаются юридические лица, образованные в соответствии с законодательством Российской Федерации; международные компании; а также иностранные юридические лица, компании и другие корпоративные образования, обладающие гражданской правоспособностью, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств; международные организации, филиалы и представительства указанных иностранных лиц и международных организаций, созданные на территории Российской Федерации.

В ст. 52 Гражданского кодекса Российской Федерации определено понятие «коммерческие и некоммерческие организации».

Пунктом 4 ст. 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее — Федеральный закон № 7-ФЗ) понятие иностранной некоммерческой неправительственной организации раскрывается в качестве организации, не имеющей извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющей полученную прибыль между участниками, созданной за пределами территории Российской Федерации в соответствии с законодательством иностранного государства, учредителями (участниками) которой не являются государственные органы.

Наиболее абстрактным из исследуемых понятий является понятие «организация», которое принадлежит к разным отраслям знаний, являясь одновременно юридическим, экономическим, социологическим и т. д.

Сопоставляя множество разработанных в юридической науке пониманий термина «организация», можно выделить следующее его определение — это социальная группа, созданная для определенных целей, в том числе предприятие, учреждение, независимо от форм собственности и подчиненности, юридическое лицо [1]. Экономисты обобщенно под организацией понимают любые учреждения, объединения, в том числе общественные [2].

Теоретически организацию можно определить как социальное образование, где системообразующим элементом выступают управленческие сигналы, направленные на реализацию определенной цели [3]. Б.З. Мильнер определяет организацию как «сознательно координируемое социальное образование с определенными границами, которое функционирует на относительно постоянной основе для достижения общей цели или целей» [4, с. 42].

С учетом изложенного можно выделить следующие характерные черты организации: социальное образование (объединение людей), сознательно управляемое (координируемое), созданное с определенной целью, реализующее определенную цель (с возможностью трансформации цели).

Международная организация — это учреждение на основе международного договора, созданное в соответствии с международным правом, осуществляющее сотрудничество в конкретных областях деятельности [5, с. 286–292]. К числу наиболее известных международных организаций относятся Организация Объединенных Наций (ООН), Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Европейский союз (ЕС), Североатлантический альянс (НАТО), Всемирная торговая организация (ВТО) и др.

Традиционно международные организации разделяют на международные межправительственные (межгосударственные) и международные неправительственные (негосударственные, общественные) [5, с. 291]. Данная классификация имеет широкое распространение. Характер членства в течение многих десятилетий считался наиболее фундаментальной основой дифференциации международных организаций.

Однако сегодня ряд специалистов обоснованно высказывают мнение о невозможности во многих ситуациях однозначно отнести международную организацию к числу правительственных либо неправительственных [6], например неправительственные организации, созданные межправительственными организациями для выполнения отдельных миссий и в случаях с государственным финансированием и иными формами поддержки специальных проектов, реализуемых неправительственными организациями. Например, Международная организация труда (МОТ), входящая в структуру ООН, представляет собой международную межправительственную организацию, включающую групповое представительство профсоюзов и предпринимателей из разных стран [6, с. 126].

Другой вопрос заключается в том, что часто при криминализации деяний законодатель использует понятийный аппарат иных отраслей права. Особенно это касается бланкетных составов. Например, лексическая связка «иностранная или международная неправительственная организация» (далее — ИННО (МО) применена при конструировании ст. 284-1 УК РФ, имеющей бланкетную отсылку к Федеральному закону от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», определяющему порядок признания деятельности ИННО (МО) нежелательной на территории Российской Федерации.

Наиболее узким из рассматриваемых терминов является понятие «международная или иностранная некоммерческая неправительственная организация», которое, как ранее отмечалось, определено в Федеральном законе № 7-ФЗ. Данная лексическая связка применена при конструировании диспозиции ст. 330-3 УК РФ.

Криминализация деяния связана с обязательной процедурой государственной регистрации любых некоммерческих организаций, к числу которых п. 5 ст. 2 Федерального закона № 7-ФЗ относит структурные подразделения иностранных некоммерческих неправительственных организаций, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации. Приведенные положения закона вызывают ряд вопросов.

Во-первых, это применение критерия «неправительственные» организации, возможность использования которого для регулирования правоотношений, связанных с деятельностью иностранных и международных организаций, как ранее обосновывалось, является крайне спорной.

Во-вторых, Федеральный закон № 7-ФЗ обязывает к государственной регистрации только иностранные организации, в то время как соответствующий уголовно-правовой запрет (ст. 330-3 УК РФ) устанавливает ответственность за осуществление деятельности иностранной или международной организации. Отметим, что такая же совокупность понятий по признаку зарубежного участия (иностранная или международная организация) применена в ст. 284-1 УК РФ, которая также является бланкетной и согласуется с положениями Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ.

Изложенное свидетельствует об имеющейся рассогласованности в применении понятий, определяющих зарубежные организации, в положениях некоторых федеральных законов и диспозициях статей Особенной части УК РФ.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. За прошедшие 10 лет российским законодателем проведена большая работа по криминализации деяний, связанных с незаконной, в том числе антироссийской, деятельностью зарубежных организаций (ст. 275-1, 284-1, 284-3, 330-3 УК РФ). При конструировании диспозиций введенных уголовно-правовых запретов использована следующая совокупность понятий: организация, международная организация, международная либо иностранная организация, иностранная или международная неправительственная организация, иностранная или международная некоммерческая неправительственная организация.

2. Некоторые критерии, определяющие примененные понятия, в современных условиях нуждаются в уточнении. Например, основание отнесения организаций к категории правительственных либо неправительственных, поскольку имеют место случаи создания межправительственными организациями неправительственных, для выполнения определенных миссий, и случаи государственного финансирования и иных форм поддержки отдельных проектов, реализуемых неправительственными организациями.

3. Большинство из криминализированных деяний, связанных с деятельностью иностранных и международных организаций, носят бланкетный характер, отсылают к актам иных «не уголовных» отраслей права. Анализ положений таких федеральных законов и диспозиций статей Особенной части УК РФ показывает, что в ряде случаев требуется взвешенный подход при применении понятийного аппарата, регламентирующего деятельность иностранных и международных организаций на территории Российской Федерации.

Список цитированных источников

1. Юридический энциклопедический словарь / М. О. Буянова [и др.] ; отв. ред. М. Н. Марченко. — М. : ТК Велби : Проспект, 2007. — 816 с.
2. Большой экономический словарь. — М. : Институт новой экономики, 1997. — 856 с.
3. Кутейников, А. Е. Международные организации: функции и деятельность. Введение в социологию международных межправительственных организаций. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. — 132 с.
4. Мильнер, Б. З. Теория организации. — М. : Инфра-М, 2003. — 558 с.
5. Международное право : особенная часть / М. В. Андреев [и др.] ; отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. — М. : Статут, 2010. — 623 с.
6. Чечурина, М. Н. Международная интеграция и международные организации / М. Н. Чечурина. — Мурманск : Изд-во МГТУ, 2013. — 231 с.

Аннотация. Исследовано содержание уголовно-правовых запретов, связанных с деятельностью зарубежных организаций и введенных в УК РФ за последние 10 лет. С помощью дискурсивного анализа и формально-догматических методов устанавливается совокупность понятий, примененных законодателем для определения иностранных и международных организаций, раскрывается имеющиеся в данной деятельности взаимосвязи и рассогласованность, предлагаются пути дальнейшей научной разработки темы для оптимизации применения таких понятий в уголовно-правовом законодательстве РФ.

***APPLICATION OF THE CONCEPTS OF INTERNATIONAL
AND FOREIGN ORGANIZATION IN A SPECIAL PART
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION***

Vasilchenko K. V.

Keywords: criminalization of acts, criminal liability, crimes against state power, protection of the foundations of the constitutional system, foreign and international organizations, intergovernmental organizations, non-profit organizations, non-governmental organizations, undesirable activities.

Abstract. The article is devoted to the study of the content of criminal law prohibitions related to the activities of foreign organizations and introduced in the Criminal Code of the Russian Federation over the past 10 years. The author, using discursive analysis and formal dogmatic methods, establishes a set of concepts used by the legislator to define foreign and international organizations, reveals the interrelationships and inconsistencies in it, and suggests ways to further scientific development of the topic to optimize the application of such concepts in the criminal law legislation of the Russian Federation.

ГЕНЕЗИС ВРЕДОНОСНОСТИ В ДЕСТРУКТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ: ОТ АМОРАЛЬНОСТИ К ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ И ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Винокуров С. И.

Ключевые слова: вредоносность, аморальность, девиантность, деликтоопасность, общественная опасность, общественно опасное деяние, преступление.

Введение

Одной из недостаточно изученных проблем в теории уголовного права является осмысление влияния генезиса вредоносности, свойственной деструктивным социальным процессам, на формирование ключевых уголовно-правовых понятий («общественная опасность», «криминализация», «общественно опасное деяние», «преступление» и др.). В связи с этим исследование данного генезиса представляет несомненный интерес как для теории, так и для практики противодействия преступности.

Основная часть

1. Эффективность противодействия преступности во многом определяется качеством понятийно-терминологического аппарата, используемого правоохранителями в уголовно-правовой сфере. Одной из базовых, наиболее сложных и неоднозначно трактуемых здесь категорий является понятие «общественная опасность». Она представляет собой сложное, оценочное, противоречивое и комплексное уголовно-правовое понятие, углубленное исследование которого крайне необходимо для теории и практики противодействия преступности. Данное понятие играет принципиально важную роль в уголовно-правовых отношениях, поскольку служит основанием криминализации общественно опасных деяний, достигших в процессе генезиса вредоносности реальной угрозы причинения существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям (ценностям). В свою очередь, криминализация порождает все другие уголовно-правовые явления (понятия) и процессы: уголовные запреты, уголовную ответственность, угрозу наказания, общественно опасные деяния, преступления и т. д.

2. Общественная опасность деяния с с философской точки зрения рассматривается как единство внешней и внутренней сторон. Ее внешнюю (объективную) сторону образует множество взаимосвязанных деструктивных элементов (явлений, объектов, деяний, процессов, обстоятельств и др.) материального мира, которые могут причинить существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям (ценностям).

Что касается сущностной стороны общественной опасности, то ее можно представить как внутренне присущее указанному множеству негативное свойство деяния, сформировавшееся в процессе деструктивного генезиса его вредоносных элементов и оцениваемое законодателем как экстремальное, представляющее реальную угрозу причинения существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям (ценностям).

3. Принципиально важно иметь в виду, что генезис общественной опасности как юридической категории имеет, на наш взгляд, весьма сложную и противоречивую структуру. В своем развитии она проходит два этапа: законотворческий и правоприменительный.

На первом общественная опасность возникает как результат оценки, обоснованного прогноза законодателем реальной угрозы причинения в будущем существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям (ценностям) и правотворческого реагирования на данную угрозу в виде запрета общественно опасного деяния. Поэтому речь здесь может идти исключительно об угрозе причинения вреда.

Совсем другая ситуация складывается на втором этапе — при совершении общественно опасного деяния. Здесь полномочия законодателя уже исчерпаны, и эстафета реагирования переходит к правоприменителю, который воспринимает прогноз законодателя как уже свершившийся факт. В связи с этим характеристика общественной опасности деяния, обусловленная угрозой причинения вреда (на законодательном уровне), трансформируется в реально причиненный вред, проявившийся в сфере правоприменения. Причем реагирование правоприменителя на общественную опасность может проявляться двояко. В одних ситуациях с учетом реальной возможности недопущения причинения запрещенного уголовным законом вреда (на криминогенной стадии или начальном этапе причинения), когда данный вред можно еще предотвратить, правоприменитель стремится предупредить общественно опасное деяние (преступление). В других, когда целевой вред, к причинению которого стремился и который реализовал правонарушитель, уже состоялся, правоприменитель осуществляет действия по локализации либо устранению последствий данного вреда и реализации мер уголовной ответственности.

В этой связи следует оспорить мнение специалистов, которые, руководствуясь лексическим толкованием термина «опасность» в энциклопедических источниках, связывают «общественную опасность» исключительно с угрозой наступления вредных последствий. Они полагают, что реальное причинение вреда уголовным деянием лежит за пределами «общественной опасности» [1, с. 9; 2, с. 314]. Нам такая трактовка «общественной опасности» представляется слишком узкой.

4. Весьма важно также отметить, что вредоносные деяния в социальной жизни, в том числе правовой и особенно уголовно-правовой сфере, чаще

всего не возникают внезапно. Их порождает совокупность предыдущих негативных явлений, поступков, обстоятельств и т. д., которые, постепенно отягощаясь, накапливают деструктивный потенциал и достигают по мере своего развития экстремальных вредоносных значений (свойств), которые оцениваются законодателем как собирательное комплексное понятие «общественная опасность». Таким образом, последнее представляет собой лишь одну из частей (элементов) всеобъемлющей системы деструктивного поведения в целом.

В связи с этим анализ генезиса становления и развития деструктивного поведения в исторической ретроспективе целесообразно начать с определения наиболее общего, глобального понятия, отражающего в полном объеме сущность и особенности данного поведения. Речь идет о базовой, всеобъемлющей категории, характеризующей любое негативное (деструктивное) поведение — «вредоносность».

5. Как свидетельствует история человеческой цивилизации, жизнедеятельность людей всегда была чрезвычайно сложной, разнообразной, конфликтной и противоречивой, подвергалась бесчисленному множеству самых различных вызовов, рисков, опасностей, деструктивных проявлений. Наиболее значимыми из них были негативные явления и обстоятельства, обусловленные психическими особенностями личности взаимодействующих между собой индивидов. Здесь особую остроту приобретали различия их потребностей, интересов, стремлений, желаний и т. п. Следствие этого задолго до появления права в социуме вполне естественно возникали разногласия, споры, острые конфликты, приводящие к столкновениям, вражде, войнам. Все это требовало выработки в рамках единого социума приемлемого для большинства индивидов социального порядка и активного противодействия его нарушениям. Поэтому на всех этапах своего исторического развития люди вынуждены были преодолевать воздействие указанных негативных явлений, деяний и факторов, в том числе с помощью установления категоричных запретов («табу») относительно нарушения установленных в социуме правил поведения. Наиболее наглядно это проявилось в правовой жизни социума и особенно уголовно-правовой сфере.

Формирование отрицательного отношения социума к вредоносному поведению (деяниям) и выработка соответствующих защитных мер происходили прежде всего на основе уяснения общих моральных установок относительно характера и способов (правил) взаимодействия индивидов в обществе, а также нравственных представлений о допустимых вариантах данного взаимодействия в процессе сложной, противоречивой, конфликтной жизнедеятельности людей.

Таким образом, анализ социальной практики минувших тысячелетий свидетельствует, что вредоносный компонент всегда был присущ жизнедеятельности людей, угроза причинения вреда отдельному индивиду (опре-

деленной общности людей) существовала всегда, на всех этапах развития человеческой цивилизации при наличии определенной совокупности деструктивных элементов в общественной практике.

6. С учетом сказанного необходимо выделить и детально исследовать категорию «вредоносность», которая, на наш взгляд, является родовой по отношению ко всем иным частным видам (формам) деструктивного поведения, отражающим угрозу причинения либо причинение какого-либо вреда отдельным индивидам или социуму в целом на различных этапах его жизнедеятельности. При этом следует указать, что термин «вредоносность» объясняется в энциклопедических источниках как свойство по значению прилагательного «вредоносный», понимаемого как «несущий в себе, приносящий вред» [3, с. 549].

Применительно к нашей теме вредоносность — это комплексное негативное свойство, способность объектов (предметов), процессов и обстоятельств внешнего мира, а также деяний людей порождать деструктивные изменения в реальной действительности, а также процесс, механизм и результат таких изменений. В этом смысле термин «вредоносность» наиболее адекватно и точно выражает суть протекающих в реальной действительности деструктивных процессов, имеющих различные по характеру деформации вызовы, риски и угрозы благополучию как отдельных индивидов, так и общества в целом. При этом значительный интерес представляет динамика развития (вызревания) вреда, трансформация его на основных этапах генезиса в разные по степени деструктивности качественные состояния. Это позволяет выражать вредоносность, присущую данным этапам, различными понятиями.

Так, вредоносность, свойственную наиболее раннему, доправовому этапу развития социума, целесообразно именовать «аморальностью» («девиантностью»). На данном этапе это свойство характеризует все виды антиобщественных деяний человека, становится внутренне присущим и другим формам вредоносного поведения. Это в полной мере относится к вредоносности в правовой сфере, где она («вредоносность») приобретает совершенно новое качество, поскольку связана с нарушениями конкретных правовых норм. При этом генезис ее вредоносности можно подразделить на два уровня.

Первый связан с угрозой причинения (причинением) вреда в ходе совершения не уголовных правонарушений. Данное свойство целесообразно выразить понятием «деликтоопасность», которое охватывает собой всю не уголовную правовую сферу.

Второй, наиболее высокий уровень вредоносности, присущ уголовно-правовой сфере и получил наименование «общественная опасность». Данный термин, несмотря на его не совсем удачное по смыслу, на наш взгляд, определение, тем не менее устоялся. Хотя наиболее подходящим здесь было бы использовать понятие «криминальность» («криминальная опасность»).

7. Углубленное исследование вредоносности невозможно без четкого определения и структурирования ее элементов. В самом общем виде структура вредоносности может быть представлена следующим содержательным составом (конструкцией).

Во-первых, в качестве одного из главных элементов данной структуры должен быть определен основной источник вреда. В качестве такового необходимо, на наш взгляд, обозначить потенциального (реального) причинителя вреда, воспринимаемого как нарушителя установленных в социуме правил поведения. Причем данный индивид должен оцениваться с криминологических позиций как объективный вредоносный источник, т. е. вне зависимости от его социально-демографических, психических и иных личностных характеристик.

Во-вторых, важно включить в содержательный раздел вредоносного поведения способ, механизм, обстановку, стадии и другие элементы деструктивного деяния с учетом специфики генезиса причинения вреда.

В-третьих, одним из важных элементов рассматриваемой структуры следует считать благоприятные условия (деструктивные факторы), способствующие причинению (угрозе причинения) вреда.

В-четвертых, целесообразно исследовать в структуре вредоносности последствия вреда (при реальном причинении) или реальную угрозу таких последствий (при потенциальной угрозе совершения вредоносного деяния) в виде реальных (потенциальных) негативных изменений, ущерба, потерь, утрат и т. п., причиненных объекту воздействия (потерпевшему).

В-пятых, важно исследовать в структуре вредоносности личность потерпевшего, его место, роль и особенности поведения в механизме деструктивного поведения.

В-шестых, необходимо уделить серьезное внимание анализу мер ответственности, в том числе юридической, в отношении лица, совершившего вредоносное деяния (причинившего вред).

Возможно выделение и иных компонентов.

8. Важно отметить, что в основе категории «вредоносность» лежит понятие «вред», которое в правовой жизни общества трактуется различно. Эта неоднозначность усиливается в уголовно-правовой сфере. Так, в одних ситуациях существенный вред охраняемых уголовным законом общественных отношений, а следовательно, и вредоносность могут рассматриваться исключительно с объективной точки зрения. В подобных случаях наличие реальной угрозы причинения (причинение) вредоносным деянием существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям побуждает законодателя признать данную угрозу и само деяние общественно опасными и прибегнуть к его криминализации (запрету) вне зависимости от других, прежде всего субъективных признаков личности причинителя.

Таким образом, признание законодателем общественной опасности конкретных экстремально вредоносных деяний, выражающее их исключительно объективную оценку, должно согласно логике породить самостоятельную группу деяний, обозначаемую в теории уголовного права как общественно опасные. Отсюда закономерно возникает весьма принципиальный вопрос о местонахождении этих деяний в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ). Отметим, что наша критика приведенной ниже точки зрения известных ученых в связи с определением ими понятия «криминализация» вызвана в том числе и отсутствием в их дефиниции возможности ответа на поставленный нами вопрос.

Вместе с тем признание вредоносного деяния общественно опасным и запрещенным не является окончательным и достаточным, поскольку не решает задачу привлечения к уголовной ответственности нарушителей уголовно-правовых запретов. Для реализации данной задачи необходимо ввести в уголовно-правовую теорию и законодательство понятие «преступление», которое существенно отличается от общественно опасного деяния. При этом главной особенностью понятия «преступление» является наличие в нем субъективного признака в виде виновности лица, совершившего общественно опасное деяние.

9. Ввиду того, что понятие «общественная опасность» есть важнейшее для всей уголовно-правовой сферы, закономерно возникает потребность определить момент его возникновения. Анализ научной литературы и законодательства позволяет сделать вывод, что таким моментом следует считать уголовно-правовую процедуру криминализации вредоносного деяния. Она включает в себя, на наш взгляд, три основных решения законодателя. Первое — о признании конкретного вредоносного деяния общественно опасным, представляющим надлежащий предмет для криминализации; второе — о необходимости прибегнуть к его уголовно-правовому запрету; третье — обеспечение соответствующей угрозой наказания (санкцией) возможное нарушение данного запрета.

Следовательно, «общественная опасность» порождается и закрепляется комплексным решением законодателя о криминализации вредоносного деяния, когда законодатель сформулировал соответствующую уголовно-правовую запретительную норму, содержащую определенную санкцию (угрозу наказания) за ее нарушение. Причем именно угроза наказания (санкция) является, по нашему мнению, главной чертой данной нормы и определяет местоположение последней в системе норм УК РФ. Поэтому в Особенной части УК РФ расположены не преступления (составы преступлений), а общественно опасные деяния.

В теории уголовного права существуют различные определения криминализации. Наиболее известное дано А. И. Коробеевым: «процесс выяв-

ления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых» [4, с. 82; 5, с. 59]. Данную дефиницию разделяют и другие авторы [6, с. 91].

Приведенное определение представляется спорным, поскольку затушевывает, на наш взгляд, сложный, комплексный характер данной процедуры, создает превратное мнение о том, что в результате криминализации непосредственно, одномоментно фиксируется преступление. При этом внимание к самому общественно опасному деянию практически нивелируется. На самом же деле преступление, по нашему мнению, является сложным, собирательным понятием, которое не может быть выражено (в отличие от общественно опасного деяния) одной единственной конкретной нормой УК РФ. Это обусловлено тем, что процесс криминализация является сложным, комплексным, двухступенчатым.

Так, на первой ступени законодатель определяет общественную опасность конкретного вредоносного деяния и формулирует его запрет с последующим размещением запретительной нормы в Особенной части УК РФ. В результате фиксируется не преступление (как указывает в своей дефиниции А. И. Коробеев), а общественно опасное деяние.

Вторая ступень характеризуется переходом от запрещенного общественно опасного деяния к конструированию непосредственно самого преступления. Данная процедура осуществляется на основе учета совокупности признаков соответствующей запретительной нормы Особенной части УК РФ и необходимых квалифицирующих признаков преступления, содержащихся в Общей части уголовного закона. В последнем случае имеются в виду признаки, определяющие основания и условия уголовной ответственности (возраст, вменяемость, вина и др.).

Важно также указать, что признание законодателем общественно опасными соответствующих экстремально деструктивных деяний обязательно должно повлечь за собой появление относительно самостоятельной группы вредоносных деяний — «общественно опасных деяний». Их правовая характеристика может быть выражена двумя основными юридическими признаками: общественной опасностью и противоправностью (запрещенностью).

10. В числе одной из наиболее актуальных и сложных проблем криминализации следует назвать уяснение объема, соотношения и разграничения понятий «общественно опасное деяние» и «преступление». Очевидно, что их объем различен, поскольку первое шире второго.

Действительно, к первому понятию можно отнести все общественно опасные деяния, в то время как преступления могут составлять только виновные и наказуемые общественно опасные деяния.

В связи с этим вызывает особый интерес логический анализ понятий права, предпринятый В. Е. Жеребкиным. Он справедливо отмечал, что «прежде чем определить какие общественно опасные деяния следует признать преступными, необходимо ... установить, какие деяния людей в обществе являются общественно опасными. Законодатель обязан знать, какие деяния образуют множество деяний общественно опасных, можно ли включать в это множество то или иное конкретное поведение человека» [7, с. 41].

Таким образом, расположение общественно опасного деяния (уголовно-правового запрета) в Особенной части УК РФ не превращает его автоматически в категорию преступления. Это обусловлено спецификой двухступенчатой уголовно-правовой процедуры криминализации общественно опасных деяний, о которой выше было уже сказано.

Заключение

С учетом изложенного можно сделать обоснованный вывод о том, что четкое уяснение механизма и особенностей генезиса вредоносности в деструктивных социальных процессах позволяет надлежащим образом проследить путь становления ключевых уголовно-правовых понятий: «общественная опасность», «общественно опасное деяние», «преступление» и иных, что имеет важное значение для теории и практики противодействия преступности в правовой сфере.

Список цитированных источников

1. Ондар, А.-Б. С. Общественная опасность: проблемы определения / А.-Б. С. Ондар // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 6. — С. 9.
2. Лопашенко, Н. А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс : монография / Н. А. Лопашенко. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 437 с.
3. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Русский язык, 1991. — Т. 1. — 864 с.
4. Российское уголовное право : курс лекций / под ред. проф. А. И. Коробеева. — Владивосток, 1999. — Т. 1 : Преступление. — 602 с.
5. Коробеев, А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А. И. Коробеев. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1987. — 267 с.
6. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. — М. : Волтерс Клувер. 2009. — 579 с.
7. Жеребкин, В. Е. Логический анализ понятий права / В. Е. Жеребкин. — Киев : Издательское объединение «Вища школа», Головное издательство, 1976. — 150 с.

Аннотация. Детально анализируются сложные процессы возникновения и деструктивного развития вредоносности в различных конфликтных социальных процессах, в том числе связанных с противодействием преступности. Подчеркивается важность надлежащего формулирования понятийно-терминологического аппарата, отражающего данные процессы и используемого правоприменителями в борьбе с преступностью.

Детально исследуется категория «вредоносность», которая является родовой по отношению ко всем иным частным видам (формам) деструктивного поведения, отражающим угрозу причинения либо причинение какого-либо вреда отдельным индивидам или социуму в целом. Указывается на необходимость четкого определения и структурирования элементов вредоносности, приводятся отдельные элементы данной структуры. Особый акцент делается на соотношении и взаимозависимости «вредоносности» с понятием «вред». Последнее обладает существенными особенностями и противоречиями.

Приводятся характерные особенности деструктивных социальных процессов на различных этапах развития общества, которые позволяют выражать вредоносность различными понятиями: «аморальность» («девиантность»), «деликтоопасность», «общественная опасность».

Особое внимание уделяется исследованию понятия «общественная опасность», которое рассматривается в единстве внешней (объективной) и внутренней (сущностной) сторон. Подчеркивается сложный, комплексный, противоречивый характер генезиса общественной опасности, которая в своем развитии проходит два этапа: законотворческий и правоприменительный. Большое значение придается раскрытию сложного, двухступенчатого механизма трансформации общественно опасного деяния в преступление.

***THE GENESIS OF HARMFULNESS
IN DESTRUCTIVE SOCIAL PROCESSES:
FROM IMMORALITY TO SOCIAL DANGER AND CRIME***

Vinokurov S.I.

Keywords: Harmfulness, immorality, deviance, delinquency, public danger, socially dangerous act, crime.

Abstract. The article analyzes in detail the complex processes of the emergence and destructive development of harmfulness in various conflict social processes, including those related to combating crime. The importance of the proper formulation of the conceptual and terminological apparatus reflecting these processes and used by law

enforcement officers in the fight against crime is emphasized. The category of «harmfulness» is studied in detail, which is generic in relation to all other particular types (forms) of destructive behavior reflecting the threat of causing or causing any harm to individuals or society as a whole. The need for a clear definition and structuring of the elements of harmfulness is indicated, and individual elements of this structure are given. When characterizing «harmfulness», special emphasis is placed on its correlation and interdependence with the concept of «harm». The latter has significant features and contradictions. Revealing the specifics of the genesis of harmfulness, the article presents the characteristic features of destructive social processes at various stages of the development of society, which allow us to express harmfulness in various concepts. This refers to the concepts of «immorality» («deviance»), «delicto hazard», «public danger». Special attention is paid to the study of the concept of «public danger», which is considered in the unity of external (objective) and internal (essential) sides'. The author emphasizes the complex, complex, contradictory nature of the genesis of public danger, which in its development goes through two stages: legislative and law enforcement. Great importance is attached to the disclosure of a complex, two-stage mechanism for the transformation of a socially dangerous act into a crime.

ВЕБКАМ-МОДЕЛИ КАК СУБЪЕКТЫ И «СРЕДСТВА» СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Дрозд А. Н.

Ключевые слова: вебкам-модель, квалификация, порнография, проституция, распространение, трансляция, уголовная ответственность, эротика.

Введение

Развитие информационных технологий существенно влияет на образ жизни многих людей и модифицирует привычные формы социального взаимодействия. В последнее время общение, как дружеское, так и деловое, все больше переходит в виртуальную сферу. Многочисленные сервисы предоставляют программные ресурсы для непосредственной или опосредованной цифровой коммуникации в различных форматах. Имеют место и организованные формы такой деятельности: в открытом доступе в сети Интернет находятся сайты, предлагающие работу вебкам-моделям, которая позиционируется ими как законная. Однако уголовно-правовая оценка деятельности лиц, как непосредственно ее осуществляющих, так и организующих, не очевидна и требует проведения анализа и выработки четких подходов.

Основная часть

Анализ современного состояния в сфере вебкам-индустрии позволяет выделить два основных вида деятельности задействованных в ней моделей: 1) создание и наполнение собственных страниц в различных сервисах и социальных сетях с элементами онлайн-трансляций и 2) собственно онлайн-общение с клиентами. Рассмотрим оба этих вида подробнее.

1. Первый вид вебкам-моделинга связан с размещением фото- и видеоматериалов в открытых и закрытых аккаунтах различных социальных сетей в качестве способа заработка. В отличие от ютуб-каналов и сайтов социальные сети предполагают интерактивность и прямое взаимодействие с аудиторией через личные сообщения, ответы на запросы, онлайн-конференции и т. п. В целях популяризации аккаунтов и привлечения новых подписчиков большинство блогеров проводят так называемые стримы, т. е. онлайн-трансляции, что позволяет их также относить к вебкам-моделям.

Социальными сетями, позволяющими монетизировать создание и / или размещение фото- и видеоматериалов, являются сервисы OnlyFans, TonPlace, Fansly, Patreon и т. п. Их пользователи могут устанавливать месячные платежи для доступа к своему эксклюзивному контенту, а также получать дополнительные доходы от чаевых или продажи дополнительных услуг. Как пра-

вило, площадка забирает комиссию от 5 до 20 %, а остальное переводит на счет владельца аккаунта. Значительная часть контента, размещаемого в подобных аккаунтах, имеет сексуальный подтекст.

По поводу уголовно-правовой оценки необходимо иметь в виду два основных момента. Во-первых, как и любая деятельность, приносящая доход, и, соответственно, требующая уплаты налогов, она может стать источником налоговой базы при уклонении от их уплаты, однако с учетом размера предмета преступления это вряд ли в настоящий момент актуально, так как предполагает получение физическим лицом дохода более чем в полмиллиона рублей. Во-вторых, при подобном варианте, выражающемся по сути в продаже контента, юридическая оценка совершаемых действий напрямую зависит от свойств фото- и видеоматериалов, которые могут как относиться, так и не относиться к порнографии.

Так, в марте 2023 г. жительница г. Гродно создала в интернете платный аккаунт, где публиковала порнографические материалы. Ссылку на сообщество клиенты получали после предоставления чека об оплате за вход. За несколько месяцев аккаунт посетило порядка 140 человек, а доход составил более 6 тыс. рублей. Уголовное дело было возбуждено по ч. 2 ст. 343 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ) — распространение порнографических материалов, совершенное из корыстных побуждений [1].

Аналогичная квалификация была дана действиям жителя г. Могилева, задержанного в декабре 2023 г., который около полугода самостоятельно и вместе с 19-летней знакомой снимал «контент для взрослых», а также вел платные онлайн-трансляции. Стоимость доступа к ресурсам в телеграмм-канале варьировалась от 25 до 50 рублей [2].

В подобных примерах, как представляется, содержатся признаки изготовления, хранения с целью распространения или рекламирования, рекламирования, публичной демонстрации порнографических материалов, изображений, видеофильмов, сцен порнографического содержания, иных предметов порнографического характера, совершенных из корыстных побуждений, ответственность за которые предусмотрена ст. 343 и 343–1 УК РБ.

Следует обратить внимание, что понятие порнографии является оценочным, и отнесение конкретных материалов к порнографическим осуществляется судом на основании выводов судебной культурологической экспертизы. Под порнографией в Республике Беларусь понимается вульгарно-натуралистическая, омерзительно-циничная, непристойная фиксация половых сношений, самоцельная, умышленная демонстрация большей частью обнаженных гениталий, антиэстетичных сцен полового акта, сексуальных извращений, нетрадиционных половых отношений и (или) полового поведения, зарисовок с натуры, которые не соответствуют нравственным критериям, оскорбляют честь и достоинство личности, ставя

ее на уровень проявлений животных инстинктов [3]. При этом в соответствии с изменениями, внесенными в законодательство в марте 2024 г., понятие порнографии было расширено за счет указания на умышленную демонстрацию нетрадиционных половых отношений и (или) полового поведения, т. е. гомосексуализма, лесбийской любви, бисексуальных отношений, полиамории, педофилии, зоофилии, некрофилии, а также садизма, мазохизма, вуайеризма, эксгибиционизма, фетишистского трансвестизма, транссексуализма. Данные изменения стоит признать оправданными и во многом соответствующими общемировым подходам, так как обобщенное понимание запрещенных законом непристойных материалов, основанное на культурологическом и сравнительно-правовом анализе, может быть в настоящее время сведено к детской порнографии и явно оскорбительной порнографии, выражающейся в принуждении, изнасиловании, сексуальных действиях без согласия, половых отношениях между человеком и животным или их трупами.

Естественно, действия личных агентов и менеджеров, совершающих преступления посредством взаимодействия с вебкам-моделями, которые используют натурщиц и результаты их деятельности, занимаются продвижением и ведением моделей на рассматриваемых платформах — вкладывают средства в рекламу контента, дают советы по стилю и содержанию, предоставляют реквизит, а также услуги психологов и даже диетологов, — содержат в зависимости от конкретных обстоятельств признаки организации, руководства или пособничества в изготовлении, рекламировании и (или) распространении порнографии. Те агенты, которые сами выступают в роли сценаристов, операторов или режиссеров, должны рассматриваться как исполнители изготовления порнографических материалов. Действия так называемых секстеров, т. е. обработчиков трафика, которые за процент от прибыли продают контент модели пользователям, как правило, ведя общение в чате от ее имени, уже должны квалифицироваться как собственно распространение порнографии. В некоторых случаях, безусловно, могут присутствовать признаки осуществления вышеописанной деятельности в составе организованной группы.

Стоит, однако, отметить, что отношение к порнографии отличается в различных зарубежных странах и характеризуется различными тенденциями изменения подходов к регулированию и ответственности. Изготовление и оборот среди совершеннолетних порнографии с участием совершеннолетних не запрещены во многих странах мира (Федеративная Республика Бразилия, Мексиканские Соединенные Штаты, многие страны Западной Европы — Австрийская Республика, Королевство Нидерландов, Королевство Испания, Федеративная Республика Германия и др.), в то же время другие государства придерживаются противоположной точки зрения (Государство Израиль, Демократическая Социалистическая Республика

Шри-Ланка и др.) [4]. Наиболее строгий подход к порнографии в Китае: в соответствии со ст. 363 УК КНР изготовление, копирование, публикация, распространение, продажа порнографических материалов в целях получения прибыли при наличии особо квалифицирующих обстоятельств наказывается лишением свободы на срок не менее 10 лет или пожизненным заключением [5]. Напротив, например, в Грузии Конституционный суд 4 ноября 2022 г. признал ст. 255 УК Грузинской Республики, устанавливающую ответственность за производство, изготовление, продажу и рекламу порнографических изданий и изображений, неконституционной на основании отсутствия четких критериев отнесения материалов к порнографическим, а также наличия противоречий свободе выражения мнения и праву человека свободно получать и распространять информацию [6]. И в некоторых других странах в настоящее время звучат призывы к легализации порнографии, за исключением распространения или сбыта порнографии, созданной без согласия лица, которое изображается, а также экстремальной порнографии. Несмотря на это, как представляется, подход, реализуемый в Республике Беларусь, является верным и адекватным тем вызовам в сфере общественной нравственности, которые имеют место в современном мире.

2. Второй вид деятельности вебкам-моделей связан с общением с зарегистрированными пользователями («мемберами») в режиме онлайн при помощи веб-камеры. В сети Интернет размещены объявления сервисов обслуживания вебкам-моделей, содержащие многочисленные вакансии для лиц, находящихся в любой точке мира и обещающие заработную плату от 1000 долл. США в месяц [7]. При этом большинство подобных сервисов привлекают не только собственно моделей, но и агентов по их привлечению, а также лиц, имеющих собственную базу моделей и физические студии.

Очевидно, что в тех случаях, когда модель в режиме онлайн выполняет транслируемые индивидуально-неопределенной группе лиц действия сексуального характера, то такие действия могут содержать признаки трансляции сцен порнографического характера. По нашему мнению, признак трансляции (т. е. передачи непосредственно из места совершения) должен усматриваться и в тех случаях, когда существует направление видеопотока в адрес только одного лица, если при этом доступ к нему могут иметь и иные лица, а также независимо от того, являются ли получатели подписчиками, членами закрытой группы и т. д., так как сущность индивидуально-неопределенного круга лиц заключается в отсутствии личных приятельных отношений с конкретным лицом, которому данная информация направляется с его согласия.

Так, в 2015 г. 25-летняя гражданка России, имеющая вид на жительство в Республике Беларусь, и ее муж организовали виртуальную порностудию в г. Минске. Нанятые за деньги девушки в специально арендованной квартире

перед веб-камерой выполняли все просьбы по удовлетворению сексуальных потребностей пользователей Интернета в режиме онлайн. Действия супругов были квалифицированы по ч. 2 ст. 343 УК РБ[8].

Аналогично по одному из уголовных дел Ш. был осужден по ч. 2 ст. 343 УК РБ за то, что, находясь по месту жительства, являясь владельцем и зарегистрированным пользователем персональной страницы в одной из социальных сетей глобальной компьютерной сети Интернет, достоверно зная о содержании и порнографическом материале проводимой им онлайн-трансляции в указанной социальной сети, при ее проведении мастурбировал рукой свой обнаженный половой орган [9].

В то же время по-другому должен решаться вопрос в тех случаях, когда общение осуществляется в отношении только одного лица.

С одной стороны, как уже было обозначено выше, диспозиция ч. 2 ст. 343 УК РБ называет в качестве альтернативного признака объективной стороны преступления трансляцию сцен порнографического содержания, иных предметов порнографического характера, совершенные из корыстных побуждений либо организованной группой, не указывая, в отличие от демонстрации, на публичный характер данных действий. По сути такая трансляция является интерактивной порнографией. С другой стороны, не совсем ясно, почему индивидуально направленная трансляция одному клиенту является общественно опасной, а, например, личное вступление в половое сношение за деньги (проституция) — общественно вредным.

В научной литературе общепринятым является понимание проституции как вступления в сексуальные отношения с разными лицами за вознаграждения, чаще всего в денежной форме [10, с. 141]. Вместе с тем некоторые ученые, в частности И.Блох, отмечают, что к проституции должно относиться не только половое сношение, но и иные действия — развратный массаж, флагелляция, развратные позы, которые осуществляются в целях возбуждения и удовлетворения полового инстинкта клиента [11, с. 29]. В.Б. Боровиков, Н.В. Герасимов также указывают, что проституция имеет место и при оказании сексуальных услуг, не связанных с половым сношением [12, с. 14; 13, с. 44].

Исходя из широкого понимания проституции, в случаях, когда вебкам-модель общается одновременно не более чем с одним клиентом, как представляется, имеет место именно «онлайн-проституция». В подобных ситуациях отсутствует объект преступления в виде общественной нравственности, так как фактически не страдает нравственность индивидуально-неопределенного круга лиц. В отличие от распространения порнографии такое действие носит разовый характер и не может быть использовано (распространено, просмотрено и т. д.) снова ни моделью, ни ее собеседником. В связи с этим, на наш взгляд, следует отличать показ онлайн-сцен порнографического характера от их трансляции и собственно от распростране-

ния порнографии, и рассматривать данные действия как административное правонарушение.

По-другому должен ставиться вопрос об ответственности в тех случаях, когда вебкам-модели используются другими лицами. Действия организаторов онлайн-притонов, администраторов частных телеграмм-каналов и специализированных интернет-сайтов и других лиц, которые задействованы в распространении ссылок доступа на индивидуальные показы порнографических сцен в режиме реального времени, могут содержать признаки вовлечения, принуждения к проституции (ст. 171–1 УК РФ) либо организации, использования занятия проституцией другим лицом, предоставления с корыстной целью места для занятия проституцией, содержания притона для занятия проституцией (ст. 171 УК РФ). В тех случаях, когда в процессе создаются порнографические материалы либо осуществляется трансляция, объект уголовно-правовой охраны меняется с половой морали на общественную нравственность, и квалификация таких действий требует обращения к ст. 343 УК РФ.

Так, например, в Российской Федерации 32-летний житель г. Саратова организовал подпольную вебкам-студию, где работали шесть девушек-моделей: клиенты наблюдали в режиме онлайн за моделями и стимулировали их денежными переводами на более откровенные действия. Помимо общего руководства, он обеспечивал техническую поддержку порнографических онлайн-видеотрансляций с участием моделей и распределял полученные денежные средства. Три его сообщницы проводили с моделями тренинги по привлечению новых и удержанию постоянных клиентов онлайн-студии. По данному факту возбуждено уголовное дело за незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, совершенный организованной группой [14].

Заключение

Проанализировав отдельные направления современной эдайт-индустрии, связанной с созданием специфического контента вебкам-моделями, следует сделать вывод, что правовая оценка таких действий непосредственно связана с формой реализации данной деятельности в виде размещения или онлайн-трансляции, а также отнесением размещаемой или демонстрируемой информации к порнографической. При этом, исходя из отсутствия признака общественной опасности, считаем, что непубличная (т. е. осуществляемая в адрес одного клиента) трансляция сцен порнографического характера является разновидностью проституции и должна влечь административную ответственность. В то же время деятельность лиц, подбирающих таких вебкам-моделей или создающих условия, предоставляющих помещения, иным образом их использующих, содержит в зависимости от характера осуществляемых действий и наличия соответствующего предмета преступления, признаки совершения или соучастия в преступлениях, предусмотренных ст. 171, 171–1 или 343, 343–1 УК РФ.

Список цитированных источников

1. Жительница Гродно создала в интернете порнобизнес, возбуждено уголовное дело [Электронный ресурс] // Sputnik.by. — Режим доступа: <https://sputnik.by/20230516/zhitelnitsa-grodno-sozdala-v-internete-pornobiznes-vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo-1075538968.html>. — Дата доступа: 17.05.2024.
2. Могилевчанин задержан за организацию порностудии [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — Режим доступа: <https://www.belta.by/regions/view/mogilevchanin-zaderzhan-za-organizatsiju-pornostudii-602844-2023/>. — Дата доступа: 17.05.2024.
3. Об эротической продукции, продукции, содержащей элементы эротики, насилия и жестокости, продукции по сексуальному образованию и половому воспитанию, а также продукции сексуального назначения [Электронный ресурс] : постановление М-ва культуры Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 18 : в ред. постановления М-ва культуры Респ. Беларусь от 19.03.2024 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
4. Экспертиза порнографии [Электронный ресурс] // Судебный эксперт. — Режим доступа: <https://sudexp.ru/expertises/ekspertiza-pornografii/>. — Дата доступа: 17.05.2024.
5. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Yuhuan.gov. — Режим доступа: https://www.yuhuan.gov.cn/art/2023/5/6/art_1589062_59069561.html. — Дата доступа: 26.04.2024.
6. В Грузии перестанут наказывать за распространение порнографии [Электронный ресурс] // Sputnik.by. — Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2023/03/16/ukgruz/>. — Дата доступа: 17.05.2024.
7. Работа вебкам моделью вакансии: webcam вакансии [Электронный ресурс] // Grandmodels. — Режим доступа: https://grandmodels.online/info/vakansii_v_vebkam_industrii. — Дата доступа: 27.05.2024.
8. Завершено расследование об организации порностудии в Минске [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. — Режим доступа: <https://www.kp.ru/online/news/2041731/>. — Дата доступа: 27.05.2024.
9. Приговор именем Республики Беларусь от 24 октября 2023 года [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/card/1663144>. — Дата доступа: 21.05.2024.
10. *Игнатов, А. Н.* Проблемы правовой борьбы с проституцией / А. Н. Игнатов // Проституция и преступность. — М. : Юрид. лит.-ра, 1991. — С. 139–148.
11. *Блох, И.* История проституции / И. Блох. — М. : Аст-Пресс, 1994. — 544 с.
12. *Боровиков, В. Б.* Ответственность за вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией / В. Б. Боровиков // Законность. — 1992. — № 12. — С. 12–17.

13. Герасимов, Н. В. Определение проституции в уголовном праве России / Н. В. Герасимов // Вестн. Волжск. ун-та им. В. Н. Татищева. — 2010. — № 72. — С. 41–48.

14. Организаторы и сотрудницы онлайн-порностудии задержаны в Саратове [Электронный ресурс] // Интерфакс. — Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/849984>. — Дата доступа: 27.05.2024.

Аннотация. На основе анализа различных форм получения дохода от создания фото-, видеоизображений, а также проведения онлайн-трансляций делается вывод о том, что уголовно-правовые отношения применительно к подобному виду деятельности возникают в случаях, когда контент содержит признаки порнографии. Дается квалификация действиям различных задержанных лиц в зависимости от их роли в совершении преступления. Ставится вопрос об отнесении онлайн-трансляции в отношении индивидуально-определенного лица к виду проституции с соответствующими мерами правового реагирования.

WEBCAM MODELS AS SUBJECTS AND «MEANS» OF COMMITTING CRIMES

Drozda A.N.

Keywords: webcam model, qualification, pornography, prostitution, distribution, broadcast, criminal liability, erotica

Abstract. The article analyzes various forms of generating income from creating photo and video images, as well as conducting online broadcasts. It is concluded that criminal legal relations in relation to this type of activity arise in cases where the content contains signs of pornography. Qualifications are given to the actions of the various persons involved depending on their role in the commission of the crime. The question is raised about classifying online broadcasts in relation to an individually identified person as a type of prostitution with appropriate legal response measures.

РЕСОЦИАЛИЗАЦИОННЫЕ НАЧАЛА В ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Лапцевич И. И.

Ключевые слова: ресоциализация несовершеннолетних правонарушителей, принудительные меры воспитательного характера, альтернативные наказанию меры уголовной ответственности.

Введение

Классической формой реализации уголовной ответственности выступает применение к осужденному назначенного наказания. Однако такая мера уголовно-правового воздействия может являться избыточной для достижения целей уголовной ответственности и потому противоречить принципу справедливости. В связи с этим законодатель предоставляет правоприменителю право отказаться от назначения наказания и применить к лицу альтернативные наказанию меры уголовной ответственности, что имеет особое значение в отношении одной из наиболее уязвимых категорий лиц, находящихся в конфликте с законом, — несовершеннолетних.

Тема применения альтернативных наказанию мер уголовной ответственности является стратегически важной в определении приоритетов реализации уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних. В Республике Беларусь проблемы данного направления являются предметом научных исследований и освещены в работах Н.А. Бабия, А.В. Баркова, И.О. Грунтова, Д.Л. Гулякевича, А.А. Примаченка, Э.А. Саркисовой, О.О. Топориковой, В.М. Хомича, А.В. Шидловского и др. В российской уголовно-правовой науке изучению указанного проблемного поля посвящены исследования В.А. Авдеева, Х.Д. Аликперова, Л.В. Головки, С.Г. Келиной, В.В. Мальцевой, Э.Б. Мельниковой, Ю.Е. Пудовочкина, Т.А. Савиновой, А.Л. Санташова, Н.Ю. Скрипченко, С. Спивака, В.А. Терентьевой, Д.Р. Файзуллиной, В.А. Шматовой и др.

В то же время недостаточно изученной осталась сфера использования ресоциализационного потенциала альтернативных наказанию мер уголовной ответственности и, в частности, вопрос определения ресоциализационных начал в применении к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного характера (ст. 117 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ)).

Основная часть

Термин «ресоциализация» используется в социологии, психологии, педагогике и др., применительно же к правоохранительной деятель-

ности речь идет о ресоциализации лица, совершившего преступление, в отношении которого реализуются меры уголовно-правового воздействия. Несмотря на то, что ресоциализация не является задачей законов об уголовной ответственности, все же ее социальная функция выступает частью уголовного правосудия и его целью по отношению к индивиду, чьи основные жизненные установки, взаимодействие с обществом были нарушены [1, с. 54].

Исходным понятием для формирования определения ресоциализации выступает социализация, задачей которой является усвоение человеком норм и ценностей окружающей его социальной среды [2, с. 24]. Социализация отражает отношение человека в актах его поведения к окружающим людям, демонстрирует способность эффективно адаптироваться к конкретным условиям среды. Одним из видов социализации является десоциализация, т. е. выход из системы старых ценностей, противопоставление себя обществу. Ярким примером десоциализации является совершение лицом преступления. Совершая преступление, субъект демонстрирует отказ от базовых ценностей общества, нарушает наиболее значимые для общества нормы, посягает на охраняемые уголовным законом ценности [3, с. 74]. И, следовательно, такой субъект нуждается в обязательной последующей ресоциализации.

В сфере реализации уголовной ответственности, в том числе и при анализе данного термина применительно к несовершеннолетним правонарушителям, выработаны различные авторские определения. Она рассматривается как процесс, стимулирующий формирование у осужденного жизненной позиции, которая отвечает конституционным нормам, определяющим права, свободы и обязанности граждан [4, с. 17]; коррекция социально запущенной личности с деформированной системой ценностно-нормативных представлений в целях возвращения в общество социально здорового человека [5, с. 3]; дополнительная социализация личности гражданина в целях оптимальной адаптации к условиям жизни общества [6]; многоаспектный процесс освоения несовершеннолетним осужденным социально одобряемых норм поведения в системе семейных, межличностных, социально-ролевых и производственных отношений, а также в системе самоотношения, сложного многофункционального явления, результатом которого является приспособление индивида к жизни в социуме [7]; целенаправленный процесс восстановления и (или) приобретения социальных ценностей, норм, знаний, опыта, способностей, а также создания условий, необходимых и достаточных для формирования у несовершеннолетнего поведенческих моделей, включающих основные элементы институциональных требований и предписаний (задача-минимум) и устойчивость самостоятельной позитивной социализации его личности (задача-максимум) [8, с. 9]; сложный комплекс

государственно-правовых, организационно-практических мер по восстановлению утраченных или утраченных в результате наказания социальных связей, стандартов поведения и ценностной ориентации, подчинению правовым нормам поведения, а также содействию в трудовом и бытовом устройстве несовершеннолетних в период и после отбывания уголовного наказания (формирование у осужденного способности и готовности к включению после отбытия наказания в обычные условия жизни общества, возвращение в социум) [9, с. 67].

Изучение приведенных и иных изложенных в научной литературе определений позволяет предложить следующую дефиницию анализируемого понятия: ресоциализация несовершеннолетних осужденных представляет собой процесс их адаптации к новым условиям существования и усвоение навыков правомерного поведения при целенаправленном формировании субъектами исправительно-профилактического воздействия благоприятных социальных связей и социальной среды обитания, исключающей криминогенные факторы.

Ресоциализация включает содействие в трудоустройстве, приобретении профессии, прохождении обучения, обеспечении жильем, организации позитивного досугового времяпрепровождения, вовлечении в спортивные и культурные мероприятия, привлечении к работе с подростками наставников и т. д.

Важную роль в процессе ресоциализации несовершеннолетнего правонарушителя играют перевоспитание и исправление. Так, перевоспитание заключается в устранении дефектов предшествующего воспитания и привитии подростку новых правил поведения в обществе на основании норм морали и нравственности, осуществляемых посредством воздействия на него такими субъектами, как родители, учителя, сотрудники инспекции по делам несовершеннолетних и т. д. Исправление направлено на корректировку негативных поведенческих установок несовершеннолетнего в целях недопущения последующего совершения им преступлений. Ресоциализация, перевоспитание и исправление взаимосвязаны и взаимообусловлены и при применении в совокупности закладывают основу для дальнейшего правопослушного поведения подростка.

Ресоциализация, перевоспитание и исправление несовершеннолетнего осужденного осложняются рядом обстоятельств. Несомненно, они будут действенными в том случае, если несовершеннолетний правонарушитель будет огражден от пагубно влияющей на него окружающей социальной среды, т. е. криминогенной обстановки, способствующей совершению подростком новых преступлений. Однако часто возникают сложности в создании благоприятных условий проживания подростка при его нахождении в районе с высокой криминальной активностью, в неблагополучной семье и т. д. В подобных случаях проводимые сотрудниками специальных госу-

дарственных служб и представителями общественности с несовершеннолетним правонарушителем воспитательные мероприятия не будут иметь ощутимого эффекта, поскольку окружение подростка будет вносить в него отрицательные коррективы.

Ресоциализации осужденных больше внимания уделяется в контексте отбывания ими наказания в виде лишения свободы, и это, безусловно, оправдано, поскольку нахождение лица в исправительном учреждении, особенно длительное время, приводит к его десоциализации, т. е. осужденный привыкает жить по внутренним правилам исправительного учреждения и в большей степени ориентируется на удовлетворение своих личных потребностей. При освобождении из мест лишения свободы человеку необходимо заново приучаться к ответственности за свои действия и поступки, продиктованные уже не режимными требованиями исправительных учреждений, а индивидуальными потребностями, которые необходимо удовлетворять, не нарушая правила поведения в социуме. Поэтому проблема интеграции в общество именно таких осужденных является особо острой [10, с. 114–115].

Однако ресоциализация необходима и иным лицам, попавшим в сферу правоохранительной деятельности в связи с совершенными ими преступлениями, поскольку это «также может свидетельствовать об определенных сложностях пребывания в социуме» [1, с. 50]. В ресоциализации, соответственно, нуждаются и осужденные, к которым применены альтернативные наказанию меры уголовной ответственности. К числу таких лиц относятся несовершеннолетние, осужденные с применением принудительных мер воспитательного характера (ст. 117 УК РБ). Такая потребность обусловлена уязвимостью несовершеннолетних, их возрастными, психическими и физическими особенностями. Кроме того, приобретенный ими новый статус «осужденного» вызывает сложности единоличного противостояния вызовам общества. М.Н. Садовникова констатирует, что только «... небольшая часть подростков имеет возможность вернуться к правопослушной жизни, т. е. справиться с данной задачей самостоятельно (имеется в виду без воздействия каких-то специализированных структур, причем относительно самостоятельно, потому как наши исследования показывают, что это возможно только в том случае, если у подростка есть благополучная, надежная опора — семья), но и это происходит скорее не благодаря общественному устройству, а вопреки ему» [11, с. 56]. Это обуславливает необходимость и значимость проведения работы по оказанию подростку помощи в его ресоциализации.

В ч. 2 ст. 117 УК РБ перечислены виды принудительных мер воспитательного характера. Самой мягкой из них является предостережение (п. 1 ч. 2), заключающееся в разъяснении несовершеннолетнему последствий повторного совершения преступлений, предусмотренных УК РБ. Представляется,

что данная мера должна применяться к несовершеннолетнему в том случае, когда, во-первых, не требуется особой корректировки его поведения, сформировавшихся моральных, нравственных установок, и, во-вторых, когда цель уголовной ответственности в виде исправления лица, совершившего преступление, уже достигнута. Соответственно требуется и минимальное воздействие, направленное на ресоциализацию подростка.

Принесение извинения потерпевшему (п. 2 ч. 2 ст. 117 УК РБ) состоит в обязанности несовершеннолетнего публично или в иной форме, определяемой судом, попросить прощение. Применение данной меры направлено на оказание нравственно-этического воздействия на осужденного посредством его взаимодействия с потерпевшим от преступления. Ресоциализации в таком случае способствует снижение напряженности в обществе, сглаживание личностной конфликтной ситуации, вызванной совершением преступления.

Возмещение причиненного ущерба (п. 3 ч. 2 ст. 117 УК РБ) выражается в обязанности несовершеннолетнего возместить своими средствами или устранить своим трудом причиненный ущерб. Суть данной меры заключается в том, что несовершеннолетний должен понести личные материальные затраты, приложить личные физические усилия для заглаживания причиненного преступлением вреда, у него должно появиться чувство вины и ответственности перед потерпевшим за причиненный ему ущерб [12, с. 204]. Ресоциализационный потенциал рассматриваемой меры заключается в вовлечении подростка в активное взаимодействие с обществом, направленное на восстановление нарушенных правоотношений либо на минимизацию причиненных преступлением последствий.

Ограничение свободы досуга (п. 4 ч. 2 ст. 117 УК РБ) направлено на определение порядка использования свободного от учебы и работы времени несовершеннолетним осужденным и обеспечивается посредством установления судом запретов на посещение несовершеннолетним определенных мест, использования определенных форм досуга, ограничения пребывания вне дома в определенное время суток и обязанности являться для регистрации в орган, осуществляющий контроль за поведением подростка. Перечисленные законодателем обязанности и запреты способствуют ресоциализации подростка, так как ограничивают общение несовершеннолетнего с отрицательно влияющим на него окружением.

При применении к несовершеннолетнему перечисленных видов принудительных мер воспитательного характера ресоциализация осуществляется в привычной подростку социальной среде, под влиянием которой у него приобретает жизненный опыт, формируются потребности, поведение, жизненные позиции, закладывается основа дальнейшего правопослушного поведения. Социальная среда, в которой находится несовершеннолетний, способна ослабить или даже нейтрализовать последствия

различных негативных явлений окружающей действительности. Однако, как отмечалось ранее, среда обитания может поставить подростка в такие условия, при которых положительные стороны социальных процессов и явлений окружающей действительности влияют гораздо слабее, чем нужно для позитивного формирования его личности [13, с. 219]. Как справедливо отмечают М. Н. Садовникова и А. С. Анищенко, «ресоциализация осужденных — это не только позитивные изменения личности, но и коррекция системы его общественных связей и отношений в микро- и макросреде» [14, с. 105].

Исполнение указанных видов принудительных мер воспитательного характера возложено на инспекцию по делам несовершеннолетних по месту жительства осужденного (ч. 1 ст. 182 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь). От качества и интенсивности работы ее сотрудников зависит и успешность ресоциализации подростка. Основу процесса ресоциализации должна составлять работа, направленная на восстановление и сохранение семейных взаимоотношений, формирование полезных социальных связей подростка, оздоровление его микросреды, создание условий для включения его в различные виды позитивной деятельности, разрешение явных или скрытых конфликтов [14, с. 105].

В случае максимальной запущенности несовершеннолетнего правонарушителя, но в то же время при сохранении целесообразности воздействия на него воспитательными мерами, подросток помещается в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение (п. 5 ч. 2 ст. 117 УК РБ). Реализация данного вида принудительных мер воспитательного характера заключается в изоляции несовершеннолетнего от общества и водворении его в одно из указанных учреждений.

Специальные учебно-воспитательные или специальные лечебно-воспитательные учреждения не относятся к учреждениям исправительной системы Республики Беларусь, а входят в систему учреждений образования, что и обуславливает специфику их деятельности. Пребывая в таком учреждении, подростки находятся под наблюдением педагогов, психологов, медицинских работников. В рамках указанных учреждений реализуется программа воспитания детей, нуждающихся в особых условиях воспитания, различного рода образовательные программы. Они имеют схожие цели и задачи: предупреждение правонарушений или иных антиобщественных действий, совершаемых несовершеннолетними; обеспечение права воспитанников на получение образования в соответствии с реализуемыми образовательными программами; социальная реабилитация воспитанников, нуждающихся в особых условиях воспитания; защита прав и законных интересов воспитанников. На достижение поставленных целей направлено решение комплекса задач: оказание социально-педагогической поддержки

и психологической помощи воспитанникам; реализация программы воспитания детей, нуждающихся в особых условиях воспитания; обеспечение условий для получения общего среднего образования и получения квалификации рабочего (служащего); формирование у воспитанников гражданской культуры, трудолюбия, ответственности, самостоятельности, творческой активности, стремления к самосовершенствованию; удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, нравственно-эстетическом развитии; обеспечение социальной защиты воспитанников. В дополнение к указанным задачам на специальное лечебно-воспитательное учреждение возлагается также комплексная реабилитация подростков. Решение поставленных задач и достижение обозначенных целей направлены в том числе на ресоциализацию подростка.

Таким образом, при применении принудительных мер воспитательного характера процесс ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей предполагает исключение их асоциальной направленности, формирование ценностно-нормативных представлений и навыков социально позитивного поведения, способностей к контролю своего поведения с позиции общечеловеческих норм и ценностей, а также встраивание подростков в систему положительно влияющих на них общественных отношений, исключающих последующее совершение ими преступлений. В основе ресоциализации несовершеннолетних осужденных лежат такие свойства личности, как способность к саморегуляции в системе значимых межличностных отношений, устойчивость к восприятию фрустрационных обстоятельств, социальный интеллект, определенные психолого-педагогические условия — информированность о социально одобряемых формах поведения в различных социальных ситуациях, включение в совместную деятельность по моделированию социально желаемого поведения в системе межличностных отношений, апробация социально одобряемого поведения в условиях группового психокоррекционного процесса, выработка стратегий совладающего поведения [7].

При ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей следует учитывать возрастные психологические особенности; правовое положение; половые различия; индивидуальные особенности; степень десоциализации; степень вероятности риска совершения повторного преступления или причинения самому себе или окружающим вреда; наличие зависимостей; семейную ситуацию и др. [8, с. 16]. При этом необходимо проведение комплекса мероприятий, требующих консолидации усилий специалистов в области психологии и педагогики подросткового возраста. Интенсивность и длительность применения ресоциализационных мер определяются индивидуально и зависят от степени нравственной запущенности личности, а также заинтересованности самого подростка в ресоциализации.

Свидетельством о недостаточности и неэффективности проводимых с несовершеннолетним ресоциализационных мероприятий является злостное уклонение осужденного от исполнения примененной к нему принудительной меры воспитательного характера. В таком случае суд может заменить назначенную меру на более строгую (ч. 5 ст. 117 УК РБ), а инспекции по делам несовершеннолетних следует пересмотреть содержание работы по ресоциализации подростка.

Анализ судебной практики подтверждает, что «поведение преступивших закон подростков со стороны органов правосудия корректируется в первую очередь воспитательными мерами. В данном случае преследуется цель не воздать карой за содеянное, а перевоспитать несовершеннолетнего, заставить его осознать пагубность выбранного пути» [15]. За более 20-летний период действия УК РБ количество осужденных к принудительным мерам воспитательного характера возросло фактически в 5,5 раза, и в последние 5 лет варьируется от 22,7 до 29,7 % от общего количества осужденных*. Это свидетельствует о том, что воспитательные, исправительные и ресоциализационные возможности принудительных мер воспитательного характера стали более востребованными правоприменительной практикой.

Ресоциализационная работа с несовершеннолетними, осужденными с применением принудительных мер воспитательного характера, проводится и на основании Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Так, индивидуальная профилактическая работа (ст. 5) включает социально-психолого-педагогическую реабилитацию, предупреждение совершения несовершеннолетними преступлений. Законом предусмотрен обширный перечень субъектов, которые в пределах своей компетенции осуществляют деятельность по профилактике правонарушений несовершеннолетних (ст. 4). Однако, как отмечалось ранее, такая работа не должна носить разрозненный характер и требует консолидации усилий субъектов профилактики для оказания системного и комплексного воспитательно-исправительно-ресоциализационного воздействия на несовершеннолетнего.

Заключение

Проведенное исследование законодательной регламентации и правореализации ресоциализационных начал освобождения несовершеннолетних от наказания позволяет сделать следующие выводы.

1. Совершение преступления — это отказ лица от признаваемых обществом ценностей и одобренных норм поведения. Ресоциализация — одна из ключевых задач в работе с несовершеннолетними осу-

* На основании данных Статистического ежегодника Республики Беларусь и сведений о судимости несовершеннолетних (http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/).

жденными. Ресоциализация последних представляет собой процесс их адаптации к новым условиям существования и усвоение навыков правомерного поведения при целенаправленном формировании субъектами исправительно-профилактического воздействия благоприятных социальных связей и социальной среды обитания, исключающей криминогенные факторы.

2. При применении принудительных мер воспитательного характера процесс ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей предполагает исключение их асоциальной направленности, формирование ценностно-нормативных представлений и навыков социально позитивного поведения, способностей к самоконтролю своего поведения с позиции общечеловеческих норм и ценностей, а также встраивание подростков в систему положительно влияющих на них общественных отношений, исключающих последующее совершение ими преступлений.

3. В принудительных мерах воспитательного характера ресоциализация, перевоспитание и исправление взаимосвязаны и взаимообусловлены и при применении в совокупности закладывают основу для дальнейшего правопослушного поведения подростка.

4. Для ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей необходимо проведение комплекса мероприятий, требующих консолидации усилий специалистов в области психологии и педагогики подросткового возраста (педагогов, психологов, воспитателей и т. д.).

5. Успешная ресоциализация несовершеннолетнего осужденного — это залог восстановления статуса подростка как законопослушного гражданина и снижения уровня рецидивной преступности.

Список цитированных источников

1. *Афонченко, Т. П.* Превентивный надзор и профилактическое наблюдение в системе мер постпенитенциарного контроля / Т. П. Афонченко ; под общ. ред. В. М. Хомича. — Гомель : Бел. торгово-экономич. ун-т потребит. кооперации, 2017. — 240 с.

2. *Крайнова, Н. А.* Противодействие преступности в контексте ресоциализации / Н. А. Крайнова. — М. : Юрлитинформ, 2023. — 320 с.

3. *Борсученко, С. А.* Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое / С. А. Борсученко // Юрид. вестн. Самар. ун-та. — 2018. — № 2, Т. 4. — С. 74–79.

4. *Рыбак, М. С.* Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / М. С. Рыбак ; Саратов. гос. акад. права. — Саратов, 2001. — 58 с.

5. *Зритнев, В. В.* Ресоциализация несовершеннолетних правонарушителей, не изолированных от общества, частными социальными институ-

тами : автореф. дис. ... канд. социолог. наук : 22.00.04 / В. В. Зритнев ; Северо-Кавказский гос. технологич. ун-т. — Ставрополь, 2008. — 23 с.

6. *Баранов, Ю. В.* Сущность ресоциализации осужденных к лишению свободы и лиц, освобожденных из мест лишения свободы [Электронный ресурс] / Ю. В. Баранов // Вестн. Чуваш. ун-та. — 2006. — № 4. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-resotsializatsii-osuzhdennyh-k-lisheniyu-svobody-i-lits-osvobozhdennyh-iz-mest-lisheniya-svobody>. — Дата доступа: 25.04.2024.

7. *Леус, Э. В.* Адаптационные технологии ресоциализации несовершеннолетних осужденных [Электронный ресурс] / Э. В. Леус, А. Г. Соловьев // Психология и право. 2012. № 3. — Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2012_n3/psylaw_2012_n3_54179.pdf. — Дата доступа: 15.11.2023.

8. *Садовникова, М. Н.* Ресоциализация несовершеннолетних осужденных (по материалам Восточной Сибири) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. Н. Садовникова ; Байкал. гос. ун-т эконом. и права. — Владивосток, 2011. — 30 с.

9. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных : моногр. / под ред. Т. В. Кленовой. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 432 с.

10. *Тит, А. А.* Ресоциализация как цель наказания (на примере Республики Беларусь) / А. А. Тит // Вестн. Кузбас. ин-та. — 2020. — № 2. — С. 113–122.

11. *Садовникова, М. Н.* Некоторые проблемы ресоциализации несовершеннолетних на пенитенциарной и постпенитенциарной стадиях / М. Н. Садовникова // Сибир. юрид. вестн. — 2005. — № 1. — С. 55–59.

12. Энциклопедия уголовного права : в 35 т. / отв. ред. В. Б. Малинин. — СПб. : Изд. Малинина, 2005–2017. — Т. 11 : Уголовная ответственность несовершеннолетних / Т. М. Чапурко [и др.]. — 2008. — 447 с.

13. Криминология и профилактика преступлений : учебник / В. А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В. А. Ананича ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. — Минск : Академия МВД, 2019. — 394 с.

14. *Садовникова, М. Н.* К вопросу о ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей: работа с семьей как основа профилактики преступности несовершеннолетних / М. Н. Садовникова, А. С. Анищенко // Сибир. юрид. вестн. — 2018. — № 4. — С. 104–112.

15. *Левченко, С. В.* К вопросу о назначении иных мер уголовной ответственности и принудительных мер воспитательного характера в отношении несовершеннолетних обвиняемых (по состоянию на 08.07.2014) [Электронный ресурс] / С. В. Левченко // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

Аннотация. Раскрывается понятие ресоциализации в контексте его применения в правоохранительной сфере. Доказывается значимость ре-

социализации не только применительно к несовершеннолетним, приговоренным к различным видам наказания, но и в отношении которых применены иные меры уголовной ответственности, в том числе принудительные меры воспитательного характера, раскрывается ресоциализационный потенциал последних. Отмечается тесное взаимодействие и взаимообусловленность воспитательных, исправительных и ресоциализационных процессов. Подчеркивается, что успешная ресоциализация несовершеннолетнего осужденного является залогом восстановления статуса подростка как законопослушного гражданина и снижения уровня рецидивной преступности.

RESOCIALIZATION PRINCIPLES IN COMPULSORY EDUCATIONAL MEASURES

Laptsevich I.I.

Keywords: resocialization of juvenile offenders, compulsory educational measures, alternative measures of criminal liability to punishment.

Abstract. The article reveals the concept of re-socialization in the context of its application in the sphere of law enforcement. The importance of re-socialization is proved in relation to minors sentenced to various types of punishment, as well as to whom other criminal liability measures, including compulsory educational measures, have been applied. The re-socialization potential of compulsory educational measures is revealed. The close interaction and interdependence of educational, correctional and re-socialization processes are noted. It is emphasized that the successful re-socialization of a juvenile convict is the key to restoring the status of a teenager as a law-abiding citizen and reducing the level of recidivism.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРИЧИНЕНИЯ СУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Лосев В. В.

Ключевые слова: персональные данные, незаконные действия в отношении персональных данных, уголовная ответственность, существенный вред, административная ответственность, должностное лицо, квалификация.

Введение

Среди проблемных вопросов правоприменения остается определение содержания существенного вреда как квалификационного последствия ряда преступлений, в том числе такого нового для уголовного закона, как «Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных» (ст. 203–1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ) [1]).

Понятие «существенный вред» относится к оценочным признакам состава преступления, вследствие чего установить его содержание сложно. Четких критериев разграничения существенного и незначительного вреда, т. е. преступного и непротивоправного поведения, нет. Это расширяет рамки усмотрения правоприменителя и на практике может приводить к неоправданному расширению или сужению уголовной репрессии, увеличивает вероятность квалификационных ошибок, что вызывает необходимость выработки общих подходов к оценке существенного вреда как криминально-образующего признака.

Основная часть

Право на защиту персональных данных приобрело статус конституционного права гражданина: в соответствии со ст. 28 Конституции Республики Беларусь «Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании» [2].

Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 «О защите персональных данных» (далее — Закон о защите персональных данных) [3] направлен на обеспечение защиты персональных данных, прав и свобод физических лиц при обработке их персональных данных.

Защиту персональных данных наряду с иными правовыми, организационными и техническими мерами обеспечивает установление уголовной

и административной ответственности за нарушение законодательства о персональных данных и незаконные действия в отношении них (ст. 203–1, 203–2 УК РБ, ст. 23.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) [4]. При этом четкой границы между уголовно-наказуемым нарушением законодательства о защите персональных данных и административным правонарушением нет, прежде всего по причине неопределенности содержания существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина как обязательного признака ст. 203–1 УК РБ.

Вопросы ответственности за незаконные действия в отношении персональных данных стали подниматься в Республике Беларусь недавно. К этим проблемам обращались, в частности, В.В. Вабищевич [5–7], Д.Г. Полещук [8–12], А.А. Пухов [13], Н.А. Саванович [14]. Автором также ранее уделялось внимание отдельным аспектам этой проблематики [15–18].

В ст. 203–1 «Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных» УК РБ (введена Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности») предусмотрена ответственность за умышленные незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных без согласия лица, если это повлекло причинение существенного вреда его правам, свободам и законным интересам, а именно: за сбор, предоставление такой информации (ч. 1), ее распространение (ч. 2), сбор, предоставление или распространение такой информации лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга (ч. 3).

Выделим для анализа два проблемных аспекта юридической оценки нарушений законодательства о персональных данных:

1) разграничение преступления и административного правонарушения по признаку «причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам» субъекта персональных данных;

2) квалификация незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных, совершенных должностными лицами организаций, предприятий, учреждений.

Определение существенного вреда как обязательного (квалификационного) последствия было и остается одним из проблемных вопросов правоприменения. Понятие «существенный вред» нормативно не определено, относится к оценочным признакам состава преступления, вследствие чего установление его содержания представляет сложность.

По мнению, устоявшемуся в теории уголовного права и признанному практиками, содержание оценочных признаков «в значительной мере определяется правосознанием юриста, применяющего закон, с учетом требований УК РБ и обстоятельств конкретного дела. Эти переменные признаки... приближены к изменяющейся обстановке, которую оценивают

органы следствия, прокуратура и суд» [19, с. 115]. На практике содержание оценочных признаков определяется с учетом положений УК РБ, разъяснений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, складывающейся судебной практики применительно к конкретным подлежащим оценке обстоятельствам.

Мы исходим из того, что существенный вред — это общественно опасное преступное последствие. Общественная опасность, как определено в ч. 1 ст. 11 УК РБ, закрепляющей понятие преступления, это обязательный признак любого преступления. При отсутствии общественной опасности, даже если деяние формально содержит признаки конкретного преступления, содеянное не может быть признано преступлением (ч. 4 ст. 11 УК РБ).

В теории и законодательстве понятия «вред» и «ущерб» соотносятся как общее (родовое) и частное. Поскольку в ст. 203–1 УК РБ отдельно имущественный ущерб в качестве последствия не выделяется, полагаем, что понятием «существенный вред» должны охватываться как материальные, так и нематериальные последствия, причиненные человеку — имущественный ущерб, физический вред (вред здоровью) и моральный вред.

Мы придерживаемся позиции, что при определении содержания понятия «существенный вред» следует идти по пути формирования примерных (ориентирующих) перечней обстоятельств, которые могут быть признаны такими последствиями преступлений. Поскольку практики по ч. 1 и 2 ст. 203–1 УК РБ почти нет, рассчитывать на разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь не приходится.

Задача теории — начать формировать такие перечни обстоятельств, свидетельствующих о существенности вреда, с выработкой рекомендаций о разграничении административных правонарушений и преступлений для практики.

По нашему мнению, определение существенности вреда должно иметь схожие подходы для всех преступлений. Применительно для незаконных действий с персональными данными и других преступлений, связанных с причинением такого последствия, прежде всего это преступления против компьютерной безопасности (гл. 31, ст. 349, 350, 352, 354, 355 УК) и преступления против интересов службы (гл. 35, ст. 424–426 УК РБ).

Для признания существенного вреда в результате незаконных действий с персональными данными необходимо установить:

- 1) в чем именно выразился вред, каким правам, свободам, законным интересам человека;
- 2) кому именно (какому/каким физическому (–им) лицу (–ам)) и какой точно вред причинен;
- 3) существенность вреда как преступного (т. е. общественно опасного) последствия.

Приведем справедливое утверждение В.Н. Кудрявцева: «Употребление оценочных понятий ни в коем случае не должно порождать произвола. Оценочные суждения должны основываться на реальных фактах, отражать требования закона, истолковываться во взаимосвязи с другими институтами и понятиями права ... Любое судебное решение, связанное с употреблением оценочных понятий и суждений, должно быть мотивировано, основано на законе и на доказанных по делу фактах и может подлежать проверке со стороны вышестоящих судебных органов» [19, с. 118].

Наша позиция заключается в следующем: несмотря на то, что понятие существенного вреда носит оценочный характер, причинение такого вреда должно подтверждаться объективными обстоятельствами — действительно наступившими последствиями совершенного деяния, а не выражаться только в нарушении прав и законных интересов гражданина. По этому пути стала идти и следственно-судебная практика.

Приведем пример. В сентябре 2024 г. судом Центрального района г. Минска осужден «блогер» по ч. 1 и 2 ст. 203–1 УК РБ за умышленные незаконные сбор и распространение информации о персональных данных другого лица без его согласия, повлекшие причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина. Назначено наказание в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа на срок 2 года со штрафом в размере 300 базовых величин. Установлено, что виновный произвел видеозапись на камеру мобильного телефона работников магазина с целью покритиковать их работу. Без согласия потерпевшей собрал информацию о ее персональных данных — фото- и видеоизображение, сведения о месте работы, после чего разместил эти данные в Telegram-канале, а также видеоролик в социальной сети TikTok, который сопровождал оскорбительными комментариями в адрес потерпевшей. После обращения потерпевшей в правоохранительные органы виновный из места распространения в Telegram-канале фамилию и инициалы потерпевшей со своими оскорбительными комментариями. Судом установлено, что эти противоправные действия причинили существенный вред правам, свободам и законным интересам потерпевшей, а именно повлекли дальнейшее негативное обсуждение ее личности в социальных сетях, поступление устных высказываний и сообщений от других лиц с оскорблениями и насмешками в адрес потерпевшей и ее близких. Несовершеннолетняя дочь женщины подверглась буллингу в школе и вынуждена была посещать психолога [20]. Тем самым конкретно установлено и приведено как в обвинении, так и в приговоре в чем именно выразился вред потерпевшей и почему он для нее является существенным.

Названные в ст. 203–1 УК РБ деяния — умышленные незаконные сбор, предоставление, распространение информации о частной жизни и персональных данных без согласия лица могут совершить не только обычные ра-

ботники, но и должностные лица с использованием своих служебных полномочий. Однако вопросы уголовной ответственности должностных лиц за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных должного отражения в научных исследованиях не нашли.

Обратим внимание на то, что ни в одной части ст. 203–1 УК РБ не называется такой специальный субъект преступления, как «должностное лицо», и даже не подразумевается, поскольку не упоминается и признак «использование служебных полномочий» (как это было ранее в исключенной из УК РБ ст. 179). Возникает вопрос: охватывается ли в таком случае содеянное должностным лицом только соответствующей частью ст. 203–1 УК РБ либо же требуется дополнительная квалификация как преступления против интересов службы.

В ч. 1 примечаний к гл. 35 «Преступления против интересов службы» УК РБ сказано: «должностное лицо, которое использовало свои властные или иные служебные полномочия для совершения преступления, не названного в настоящей главе, несет ответственность по совокупности преступлений. При этом совершение такого преступления признается существенным вредом, предусмотренным статьями настоящей главы. Правило о совокупности преступлений не применяется, если совершение должностным лицом преступления предусмотрено в качестве признака иного преступления».

В связи с этим содеянное в названном случае, по нашему мнению, следует квалифицировать по совокупности преступлений, поскольку должностное лицо, используя свои служебные полномочия, совершает преступление, предусмотренное в гл. 23 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» УК РБ, при этом ст. 203–1 УК РБ не указывает (ни прямо, ни косвенно) должностное лицо в качестве специального субъекта незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных. В таком случае налицо идеальная совокупность преступлений, а не конкуренция норм.

По нашему мнению, деяние должностного лица наряду с соответствующей частью ст. 203–1 УК РБ следует дополнительно квалифицировать как превышение служебных полномочий, повлекшее причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан, по соответствующей части ст. 426 УК РБ.

В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК РБ)» (далее — постановление № 12) [21] сказано, что существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан. Право гражданина на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь в соответствии со ст. 28 Конституции Республики Беларусь является конституционным правом, при

этом государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании.

Содеянное необходимо квалифицировать именно как превышение служебных полномочий (ст. 426 УК РБ), а не злоупотребление ими (ст. 424 УК РБ), поскольку совершение должностным лицом умышленного преступления, в том числе незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных, очевидно, является «действием, которое никто ни при каких обстоятельствах не вправе совершать», о чем как о признаке превышения власти или служебных полномочий прямо говорится в п. 14 постановления № 12.

Заключение

При определении содержания понятия «существенный вред» как оценочного признака состава преступления в ст. 203–1 УК РБ следует формировать примерные (ориентирующие) перечни обстоятельств, которые могут быть признаны такими последствиями преступлений. Разработка подобного перечня позволит давать адекватную юридическую оценку нарушений законодательства о защите персональных данных и разграничивать умышленные деяния как административные правонарушения и преступления по признаку «причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам» субъекта персональных данных.

Несмотря на то что понятие «существенный вред» носит оценочный характер, причинение такого вреда должно подтверждаться объективными обстоятельствами — действительно наступившими последствиями совершенного деяния, а не выражаться только в нарушении прав и законных интересов гражданина.

С учетом положений ч. 1 примечаний к гл. 35 «Преступления против интересов службы» УК РБ совершаемые должностными лицами с использованием служебных полномочий умышленные незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных, такие как сбор, предоставление или распространение названной информации без согласия лица, повлекшие причинение существенного вреда его правам, свободам и законным интересам, предлагается квалифицировать по совокупности преступлений — по соответствующим частям ст. 203–1 и 426 «Превышение власти или служебных полномочий» УК РБ.

Сформулированные автором выводы и предложения направлены на привлечение внимания к данной проблематике и активизацию дискуссии в этом направлении.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей

2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.07.2024 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : от 15 марта 1994 г. № 2875-ХП (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

3. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.06.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 2021 г., № 91-3: принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

5. *Вабищевич, В.* Посягательства на персональные данные: направления криминализации / В. Вабищевич // Юстиция Беларуси. — 2020. — № 12. — С. 68–73.

6. *Вабищевич, В. В.* Уголовно-правовая охрана персональных данных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Вабищевич ; Бел. гос. ун-т. — Минск, 2024. — 26 с.

7. *Вабищевич, В.* Уголовно-правовая охрана персональных данных в контексте обеспечения информационной безопасности / В. Вабищевич // Юстиция Беларуси. — 2020. — № 4. — С. 74–77.

8. *Полещук, Д.* Некоторые аспекты уголовно-правовой охраны информационной безопасности на примере защиты информации о частной жизни и персональных данных / Д. Полещук // Юстиция Беларуси. — 2020. — № 1. — С. 25–30.

9. *Полещук, Д.* Ответственность за незаконные действия с персональными данными: текущее состояние и перспективы / Д. Полещук // Законность и правопорядок. — 2020. — № 4. — С. 44–49.

10. *Полещук, Д. Г.* Уголовная ответственность за незаконные действия с персональными данными: новое в законодательстве и правоприменении [Электронный ресурс] / Д. Г. Полещук // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

11. *Полещук, Д. Г.* Уголовно-правовая охрана информационной безопасности (на примере отдельных аспектов охраны кибербезопасности и защиты информации ограниченного распространения) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. Г. Полещук ; Нац. Центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. — Минск, 2020. — 32 с.

12. *Полещук, Д. Г.* Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: актуальные проблемы теории и практики / Д. Г. Полещук ; под науч. ред. Д. В. Шаблинской ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. — Минск : Колорград, 2022. — 239 с.

13. *Пухов, А.* Уголовно-правовая защита неприкосновенности частной жизни и персональных данных в свете изменений уголовного закона / А. Пухов // Право.by. — 2021. — № 4. — С. 85–92.

14. *Саванович, Н. А.* Уголовная ответственность за незаконные действия с персональными данными [Электронный ресурс] / Н. А. Саванович. — Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obyavleniya/2021/june/65306/>. — Дата доступа: 10.09.2024.

15. *Лосев, В.* Квалификация незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных, совершенных должностным лицом / В. Лосев // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2022 г. — Минск : БГЭУ, 2022. — С. 442–443.

16. *Лосев, В.* Нарушение законодательства о защите персональных данных: административная и уголовная ответственность / В. Лосев // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / гл. ред. Н. Л. Бондаренко. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. — С. 65–80.

17. *Лосев, В.* Незаконные сбыт и приобретение баз персональных данных: ответственность должностных лиц предприятий [Электронный ресурс] / В. Лосев // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 нояб. 2022 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2022. — Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/293496>. — Дата доступа: 25.09.2024.

18. *Лосев, В.* Ответственность должностных лиц предприятий за незаконные сбыт и приобретение баз персональных данных [Электронный ресурс] / В. Лосев // Нормативка.by. — Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/115443?usclid=m3eghyt3fy786637579>. Дата доступа: 25.09.2024.

19. *Лосев, В.* Уголовная ответственность должностного лица за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных / В. Лосев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генерал. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2022. — Вып. 15. — С. 157–162.

20. *Кудрявцев, В. Н.* Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. — 2-е изд., перераб. и дополн. — М. : Юрист, 1999. — 304 с.

21. Распространил в социальных сетях и мессенджере персональные данные другого гражданина без его согласия: прокуратура Центрального района Минска поддержала государственное обвинение в суде [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-pro-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/rasprostranil-v-sots180924/>. — Дата доступа: 28.09.2024.

22. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424–428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12 : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 30.09.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

Аннотация. Поднимаются проблемы юридической оценки нарушений законодательства о защите персональных данных. Проведен анализ ст. 203–1 УК РБ и ст. 23.7 КоАП. Выработаны предложения по оценке существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина как обязательного признака преступления — незаконных действий в отношении персональных данных, а также рекомендации по квалификации таких деяний, в том числе совершенных должностными лицами.

LEGAL ASSESSMENT OF CAUSING SIGNIFICANT HARM BY ILLEGAL ACTIONS IN RELATION TO PERSONAL DATA

Loseu U. U.

Keywords: personal data, illegal actions in relation to personal data, criminal liability, significant damage, administrative liability, official, qualification.

Abstract. The article raises the problems of legal assessment of violations of the legislation on the protection of personal data. The analysis of Art. 203–1 of the Criminal Code of the Republic of Belarus and Art. 23.7 of the Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses is carried out. Proposals for assessing significant harm to the rights, freedoms and legitimate interests of a citizen as a mandatory feature of a crime — illegal actions in relation to personal data, as well as recommendations for the qualification of such acts, including those committed by officials, are developed.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Макеева М.Г.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, подкуп, коммерческий подкуп, коммерческая взятка, модельный Уголовный кодекс государств — участников СНГ.

Введение

После распада Советского Союза в 1991 г. его бывшие республики оказались перед необходимостью построения собственной системы законодательства, учитывающей особенности каждой из них. Несмотря на принятие в 1996 г. модельного Уголовного кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств (далее — модельный УК СНГ), государства — участники СНГ по-разному подошли к вопросу об уголовной ответственности за коммерческий подкуп.

Основная часть

В модельном УК СНГ ответственность за коммерческий подкуп установлена в ст. 271 гл. 29 «Преступления против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности» [1].

В первоначальной редакции ст. 271 модельного УК СНГ под коммерческим подкупом понималась передача служащему коммерческой или иной организации, третейскому судье, нотариусу, аудитору или адвокату денег, ценных бумаг, другого имущества, либо оказание услуги имущественного характера за совершение в интересах дающего незаконного действия (бездействия) в связи с занимаемым этими лицами положением либо получение служащим коммерческой или иной организации, третейским судьей, нотариусом, аудитором или адвокатом денег, ценных бумаг, другого имущества, либо пользование услугой имущественного характера за совершение в интересах дающего незаконного действия (бездействия) в связи с занимаемым этими лицами положением, а равно совершенное путем вымогательства за совершение законных действий, входящих в их полномочия.

Таким образом, в первоначальной редакции ст. 271 модельного УК СНГ специальными субъектами коммерческого подкупа являлись служащий коммерческой или иной организации, третейский судья, нотариус, аудитор, адвокат.

В ч. 1 примечаний к ст. 271 модельного УК СНГ указано, что служащими коммерческих и иных организаций в статьях гл. 29 признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие распорядительные или иные управленческие функции в коммерческих организациях независимо от формы собственности, а также в некоммерческих организациях, не являющихся государственными органами, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями.

В 2015 г. в ст. 271 модельного УК СНГ были внесены изменения, что вытекает из постановления Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ № 43–15 «Об изменениях в модельный Уголовный кодекс для государств — участников СНГ по вопросам борьбы с коррупцией». В соответствии с внесенными изменениями был расширен и субъектный состав ст. 271 модельного УК СНГ. К субъекту принятия предмета коммерческого подкупа отнесены: 1) служащие коммерческой или иной организации; 2) иные лица, приравненные к лицам, являющимся публичными служащими.

Согласно ч. 1 примечаний к ст. 271 модельного УК СНГ служащими коммерческих и иных организаций в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие распорядительные или иные управленческие функции в коммерческих организациях независимо от формы собственности, а также в некоммерческих организациях, не являющихся государственными органами, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями.

Частью 1 примечаний к ст. 301 модельного УК СНГ преступление, предусмотренное ст. 271, отнесено к коррупционным. В ч. 2 примечаний к ст. 301 сказано, что коррупционным преступлением признается деяние, совершенное публичным служащим либо лицом, приравненным к публичному служащему.

В ч. 4 примечаний к ст. 301 модельного УК СНГ предусмотрено, что к иным лицам, приравненным к лицам, являющимся публичными служащими, в соответствии с законодательством государства могут относиться:

- представители государства в органах управления акционерных обществ;
- руководители и иные служащие коммерческих и некоммерческих организаций, выполняющие управленческие и организационно-распорядительные функции;
- арбитражные управляющие;
- аудиторы;
- профессиональные оценщики, эксперты;
- нотариусы (в том числе частные);
- лица, зарегистрированные в установленном порядке в качестве кандидатов в депутаты законодательных (представительных) органов власти или органов местного самоуправления;

– адвокаты и члены международных парламентских собраний, а также лица, проходящие службу в коммерческих и общественных организациях, и лица, выполняющие управленческие функции.

Часть 2 примечаний к ст. 271 модельного УК СНГ устанавливает следующие условия для освобождения от наказания за коммерческий подкуп: лица, виновные в совершении подобных преступлений, освобождаются судом от наказания, если они добровольно заявили о совершенном преступлении органу, имеющему право возбудить уголовное дело, а получившие незаконное вознаграждение к тому же возвратили полученное или возместили его стоимость.

Уголовные законы Республики Армения, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан в значительной мере воспроизводят положения модельного УК СНГ, так или иначе устанавливая ответственность за коммерческий подкуп. В перечисленных государствах — участниках СНГ субъектами получения предмета коммерческого подкупа или коммерческой взятки выступают лица, выполняющие управленческие функции. В связи с этим коммерческий подкуп относят к числу коррупционных преступлений, поскольку присутствует признак лица, приравненного к лицам, являющимся публичными служащими, — осуществление управленческих функций.

В **УК Республики Армения** анализируемое преступление носит название «коммерческая взятка» (ст. 200); к субъекту получения предмета коммерческой взятки относится не только служащий коммерческой или иной организации, осуществляющий управленческие функции, но и третейский судья, аудитор, адвокат [2].

Согласно примечанию к ст. 200 УК Республики Армения от наказания подлежит освобождению не только лицо, давшее коммерческую взятку, но и лицо, получившее незаконное вознаграждение. Примечание сформулировано следующим образом: «Лица, виновные в преступлениях, предусмотренных в настоящей статье, освобождаются судом от наказания, если они добровольно заявили о совершенном преступлении органу, имеющему право возбуждать уголовное дело, а получившие незаконное вознаграждение одновременно с этим возвратили полученное или возместили его стоимость».

В **УК Республики Туркменистан** дифференцируется ответственность за «подкуп» (ст. 290) и за «получение незаконного вознаграждения» (ст. 291) [3].

Примечание к ст. 253 **УК Республики Казахстан** состоит из двух частей [4]. Часть 1 предусматривает, что лицо, совершившее незаконную передачу вознаграждения, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство, или если оно добровольно сообщило о подкупе в правоохранительные или специальные государственные органы. Часть 2 видится нам нацеленной на либерализацию уголовного закона.

По ее предписаниям не являются преступлением в силу малозначительности и преследуются в дисциплинарном или административном порядке передача или получение имущества, оказание услуг имущественного характера или пользование такими услугами в качестве подарка или вознаграждения при отсутствии предварительной договоренности за ранее совершенные законные действия, если стоимость имущества или услуг не превышает двух месячных расчетных показателей, т. е. законодатель дополнительно в примечании обращает внимание на то, что при подкупе всегда имеет место предварительная договоренность. В случае ее отсутствия не может наступать уголовная ответственность за коррупционное преступление. Описанный подход казахского законодателя видится неоднозначным, поскольку связан с размером вознаграждения.

Согласно примечанию к ст. 250 **УК Кыргызской Республики** [5] лицо освобождается от уголовной ответственности за передачу коммерческого подкупа, если в отношении него имело место вымогательство денег, ценных бумаг, иного имущества либо услуг имущественного характера, или если это лицо добровольно сообщило о подкупе следователю или прокурору.

В соответствии с примечанием к ст. 279 **УК Республики Таджикистан** [6] лицо, совершившее передачу коммерческого подкупа, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении него имело место вымогательство, и если это лицо добровольно сообщило о подкупе органу, имеющему право возбудить уголовное дело. Обращаем внимание на союз «и», указывающий на необходимость соблюдения одновременно двух условий: имевшее место вымогательство и добровольное сообщение о подкупе.

УК Азербайджанской Республики [7] не предусматривает обособленной ответственности за коммерческий подкуп, т. е. за подкуп работников частной сферы. В уголовно-правовых нормах **УК Азербайджанской Республики** установлена ответственность за получение взятки должностным лицом (ст. 311) и дачу взятки должностному лицу (ст. 312). Понятие должностного лица в **УК Азербайджанской Республики** в соответствии с примечанием к ст. 308 трактуется широко, в связи с чем не дифференцируется ответственность за подкуп работников организаций государственной или частной формы собственности.

Имеется примечание к ст. 312 **УК Азербайджанской Республики**, согласно которому лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если дача взятки имела место вследствие угроз со стороны должностного лица, или если лицо добровольно сообщило в соответствующий государственный орган о даче взятки.

УК Республики Молдова [8] разделяет коррупцию в публичном и частном секторах путем помещения таких преступлений в разные главы УК. Так, в гл. 16 **УК Республики Молдова** «Коррупционные преступления в частном секторе» содержатся ст. 333 и 334.

Преступление, предусмотренное ст. 333 УК Республики Молдова, устанавливает ответственность за получение взятки: «Притязание на получение, согласие принять или принятие, лично или через посредника, арбитром, избранным или назначенным для разрешения какого-либо спора путем арбитража, лицом, управляющим коммерческой, общественной или иной негосударственной организацией либо работающим для такой организации, участником спортивного мероприятия или мероприятия, предложенного для заключения пари, не полагающихся ему имущества, услуг, преимуществ или выгод в любой форме, для себя или для другого лица, а равно принятие предложения или обещания таковых за выполнение или невыполнение либо затягивание или ускорение выполнения действия, входящего в его служебные обязанности, или в нарушение своих обязанностей, а также в рамках спортивного мероприятия или мероприятия, предложенного для заключения пари».

Часть 4 ст. 333 УК Республики Молдова устанавливает ответственность за получение взятки в пределах 100 условных единиц, санкция которой предусматривает более мягкое наказание, чем основной состав получения взятки, предусмотренный ч. 1 ст. 333.

Дача взятки по УК Республики Молдова (ст. 334) представляет собой совершение альтернативных действий: «обещание, предложение или предоставление, лично или через посредника, арбитру, избранному или назначенному для разрешения какого-либо спора путем арбитража, лицу, управляющему коммерческой, общественной или иной негосударственной организацией либо работающему для такой организации, участнику спортивного мероприятия или мероприятия, предложенного для заключения пари, не полагающихся ему имущества, услуг, преимуществ или выгод в любой форме, для него или для другого лица, за выполнение или невыполнение либо затягивание или ускорение выполнения действия, входящего в его служебные обязанности, или в нарушение своих обязанностей, а также в рамках спортивного мероприятия или мероприятия, предложенного для заключения пари».

Как и в других рассмотренных нами уголовных законах имеется примечание, согласно которому лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если взятку у него вымогали или если оно явилось с повинной, не зная о том, что органам уголовного преследования известно о совершенном им преступлении.

УК Республики Узбекистан [9] в гл. 13.1 («Преступления, связанные с воспрепятствованием, незаконным вмешательством в предпринимательскую деятельность, и другие преступления, посягающие на права и законные интересы хозяйствующих субъектов») содержит в том числе ст. 192.9 («Коммерческий подкуп») и ст. 192.10 («Подкуп служащего негосударственной коммерческой или иной негосударственной организации»).

По ст. 192.9 ответственность наступает за заведомо незаконное предоставление должностному лицу негосударственной коммерческой или иной негосударственной организации материальных ценностей или имущественной выгоды за выполнение или невыполнение в интересах осуществляющего подкуп лица определенного действия, которое указанное должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своих полномочий либо за заведомо незаконное получение должностным лицом негосударственной коммерческой или иной негосударственной организации материальных ценностей или имущественной выгоды за выполнение или невыполнение в интересах осуществляющего подкуп лица определенного действия, которое указанное должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своих полномочий.

Лицо, осуществившее подкуп, освобождается от ответственности, если в отношении него имело место вымогательство материальных ценностей или имущественной выгоды, и это лицо в течение 30 суток после совершения преступных действий добровольно заявило о случившемся, чистосердечно раскаялось и активно способствовало раскрытию преступления.

По нашему мнению, достоинством нормы является указание на предельный срок заявления.

Статьей 192.10 УК Республики Узбекистан установлена ответственность за подкуп. Подкуп состоит в заведомо незаконном предоставлении служащему негосударственной коммерческой или иной негосударственной организации материальных ценностей или имущественной выгоды за выполнение или невыполнение в интересах осуществляющего подкуп лица определенного действия, которое служащий должен был или мог совершить с использованием своих полномочий, совершенное после применения административного взыскания за такие же действия. Караются также заведомо незаконное получение служащим негосударственной коммерческой или иной негосударственной организации материальных ценностей или имущественной выгоды за выполнение или невыполнение в интересах осуществляющего подкуп лица определенного действия, которое служащий должен был или мог совершить с использованием своих полномочий, совершенное после применения административного взыскания за такие же действия.

Учитывая различия в признаках субъекта преступлений, предусмотренных ст. 192.9 и 192.10 УК Республики Узбекистан, отметим, что материал ст. 192.9 относится к ряду коррупционных преступлений, поскольку ее субъектом является должностное лицо. Тогда как деяние, определенное ст. 192.10, не является коррупционным преступлением, поскольку субъект названной нормы не обладает признаками должностного лица.

УК Украины [10] в ст. 368–3 устанавливает ответственность за подкуп должностного лица юридического лица частного права независимо

от организационно-правовой формы. Уголовно наказуемыми признаются предложение или обещание должностному лицу юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы предоставить ему или третьему лицу неправомерную выгоду, а также предоставление такой выгоды или просьба ее предоставить за совершение указанных должностным лицом действий или его бездействие с использованием предоставленных ему полномочий в интересах того, кто предлагает, обещает предоставляет такую выгоду, или в интересах третьего лица. Принятие предложения, обещания или получение должностным лицом юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы неправомерной выгоды для себя или третьего лица за совершение действий или бездействие с использованием предоставленных ему полномочий в интересах того, кто предлагает, обещает предоставляет такую выгоду, или в интересах третьего лица также квалифицируются по соответствующей части ст. 368–3 УК Украины.

Условий для освобождения от уголовной ответственности как за активный, так и за пассивный подкуп в УК Украины не предусмотрено.

В **УК Республики Беларусь** [11] ответственность за коммерческий подкуп установлена в ст. 252 гл. 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности». Преступление не является коррупционным, поскольку совершается лицом, не являющимся должностным (по модельному УК СНГ — публичным служащим либо лицом, приравненным к публичному служащему).

Трактовка коммерческого подкупа белорусским законодателем предопределена максимально широким пониманием признаков должностного лица, когда к таковым, в частности, отнесены «лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности), в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий» (п. 3 ч. 4 ст. 4 УК Республики Беларусь).

Основной состав преступления, предусмотренного ст. 252 УК Республики Беларусь, выражается в получении работником индивидуального предпринимателя или юридического лица, не являющимся должностным лицом, либо лицом, выполняющим работы или оказывающим услуги индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу по гражданско-правовому договору, материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера за действие (бездействие) в интересах дающего, связанное с выполняемой этим лицом работой или оказываемой услугой и заведомо

способное причинить вред интересам собственника или его клиентов, либо предоставление такого вознаграждения.

Законодатель не дифференцировал ответственность за получение и предоставление вознаграждения путем установления отличных друг от друга санкций за эти деяния, однако предоставил такое право суду при назначении наказания, установив широкий перечень возможных наказаний в санкциях ч. 1 и ч. 2 ст. 252 УК Республики Беларусь: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, арест, ограничение свободы, лишение свободы.

Согласно примечанию к ст. 252 УК Республики Беларусь лицо, предоставившее вознаграждение, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении него имело место вымогательство такого вознаграждения либо если это лицо после предоставления вознаграждения добровольно заявило о содеянном и активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления.

Заключение

1. В большинстве постсоветских республик ответственность за активный и пассивный подкуп дифференцирована в зависимости от объекта посяательства: за преступления против государственной службы и службы в органах местного самоуправления (взятничество) и за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (коммерческий подкуп). Законодательство Республики Беларусь такой дифференциации не предусматривает.

2. Субъектом получения предмета коммерческого подкупа в УК ряда постсоветских государств выступают лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие распорядительные или иные управленческие функции в коммерческих организациях независимо от формы собственности, а также в некоммерческих организациях, не являющихся государственными органами, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями. В этом случае деяния, предусматривающие ответственность за коммерческий подкуп, являются коррупционными преступлениями. Обоснованное исключение составляет Республика Беларусь, где коммерческий подкуп не относится к числу коррупционных преступлений.

3. Удачно сформулированы условия освобождения от уголовной ответственности за коммерческий подкуп (коммерческую взятку) в УК Республики Армения: «Лица, виновные в преступлениях, предусмотренных в настоящей статье, освобождаются судом от наказания, если они добровольно заявили о совершенном преступлении органу, имеющему право возбуждать уголовное дело, а получившие незаконное вознаграждение одновременно с этим возвратили полученное или возместили его стоимость». Отсутствует условие, согласно которому освобождается от ответственности за предо-

ставление коммерческого подкупа лицо, в отношении которого имело место вымогательство. Такая конструкция согласуется с лексическим значением слова «подкуп», предполагающим сговор, т. е. взаимовыгодную и изначально незаконную сделку между несколькими лицами, основанную на совершении заранее оговоренных деяний со стороны одного субъекта в пользу другого субъекта. В этой связи подкуп не может быть совершен путем вымогательства.

Список цитированных источников

1. О модельном Уголовном кодексе для государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств № 7–5 (ред. от 27.11.2015) (принято в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996) // *ilex* : Информ.-правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

2. Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] : принят 18.04.2003. — Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show>. — Дата доступа: 07.05.2024.

3. Уголовный кодекс Республики Туркменистан [Электронный ресурс] : принят 12.06.1997, № 222-I : с изм. и доп.; по сост. на 25.11.2023. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&sub_id=2900000&pos=2665;-19#pos=2665;-19. — Дата доступа: 07.05.2024.

4. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : принят 03.07.2014, № 226-V : с изм. и доп.; по сост. на 01.05.2024. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&pos=3944;-43#pos=3944;-43. — Дата доступа: 07.05.2024.

5. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : введен в действие Законом Кыргызской Республики, 28 окт. 2021 г. : с изм. и доп. по сост. на 26.02.2024. — Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/3548/ru?anchor=st_122. — Дата доступа: 07.05.2024

6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : принят 21.05.1998, № 574 : с изм. и доп.; по сост. на 13.11.2023. — Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325#pos=2871;238. — Дата доступа: 07.05.2024.

7. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : утвержден Законом Азербайджанской Республики, 30 дек. 1999 г., № 787-IQ : с изм. и доп.; по сост. на 22.12.2023. — Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=3664;-39. — Дата доступа: 07.05.2024.

8. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : принят 18.04.2002, № 985-XV : с изм. и доп.; по сост. на 24.11.2023. — Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923#pos=4337;-41. — Дата доступа: 07.05.2024.

9. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : принят 22.09.1994, № 2012-ХІІ : с изм. и доп.; по сост. на 19.04.2024. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&sub_id=192090000&pos=2456;-19#pos=2456;-19. — Дата доступа: 07.05.2024.

10. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] : принят 05.04.2001, № 2341-III : с изм. и доп.; по сост. на 28.03.2024. — Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109#pos=3443;54&sdoc_param_s=text%3D%25D1%2583%25D0%25B3%25D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25BE%25D0%25B2%25D0%25BD%25D1%258B%25D0%25B9%2520%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25B4%25D0%25B5%25D0%25BA%25D1%2581%2520%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30418109%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0. — Дата доступа: 07.05.2024.

11. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

Аннотация. Проводится сравнительно-правовой анализ норм об уголовной ответственности за коммерческий подкуп в Республике Беларусь и постсоветских государствах. Исследовано использование положений модельного Уголовного кодекса для государств — участников СНГ в уголовных законах бывших республик Советского Союза. Рассмотрены вопросы наличия и отсутствия уголовной ответственности за коммерческий подкуп, формулирования условий освобождения от уголовной ответственности за коммерческий подкуп, особое внимание уделено вопросу субъектного состава рассматриваемого деяния.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE NORMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR COMMERCIAL BRIBERY IN POST-SOVIET STATES

Makeeva M. G.

Keywords: corruption, bribery, commercial bribery, commercial bribe, model Criminal Code of the CIS member states.

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of the rules on criminal liability for commercial bribery in the Republic of Belarus and post-Soviet states. The use of the provisions of the model Criminal Code for member states of the Commonwealth of Independent States in the criminal laws of the former republics of the Soviet Union has been studied. The issues of the presence and absence of criminal liability for commercial bribery, the formulation of conditions for exemption from criminal liability for commercial bribery are considered, special attention is paid to the issue of the subject composition of the act in question.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Филипец О. Б.

Ключевые слова: уголовное наказание, ограничение свободы, принудительный труд, преступление, осужденный.

Введение

Ограничение свободы как уголовное наказание предусмотрено в законодательстве многих государств и является одной из мер реагирования на совершенное преступление.

Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее — УК РК) от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК предусматривает ответственность за уголовный проступок и преступление и содержит систему наказаний (ст. 40 УК РК) с учетом вида уголовного правонарушения.

Ограничение свободы является основным наказанием, назначаемым исключительно за преступления. Впервые данный вид наказания был предусмотрен в УК РК 1997 г. (утратил силу), действующий уголовный закон сохранил и модернизировал это наказание, но многие аспекты его правовой природы требуют дальнейшего научного исследования. Мы солидарны с позицией ученых о том, что «действующий порядок назначения и исполнения наказания в виде ограничения свободы, а также анализ норм УК РК, предусматривающих в санкциях статей данный вид наказания, указывает на наличие резерва для его совершенствования, в т. ч. и расширения» [1, с. 335].

Актуальность научных исследований и необходимость законодательного реформирования ограничения свободы подтверждает позиция В.М. Хомича: «Проблематичен карательный и исправительно-трудовой потенциал наказания в виде ограничения свободы. Наказание ограничением свободы предусматривалось как промежуточное между лишением свободы и исправительными работами» [2, с. 85].

Целью статьи является изучение уголовно-правовых проблем законодательного регулирования ограничения свободы с выработкой предложений и рекомендаций по его дальнейшему совершенствованию.

Республика Казахстан принимает всесторонние меры по снижению количества «тюремного населения», что подтверждают данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры. Так, в 2021 г. было осуждено 28 746 человек, из них: к лишению свободы — 10 074 (35 %), к ограничению свободы — 11 367 (39,5 %); в 2022 г. осуждено

27 061 лиц, из которых: к лишению свободы — 8 854 (32,7 %), к ограничению свободы — 11 057 (40,8 %); в 2023 г. осуждено 29 248 лиц, из них: к лишению свободы — 9 774 (33,4 %), к ограничению свободы — 12 219 (41,8 %) [3].

Статистика доказывает, что в республике количество приговоров с назначением наказания в виде ограничения свободы неуклонно растет (от 39,5 % от общего количества осужденных в 2021 г. до 41,8 % в 2023 г.) и становится «лидирующим».

Основная часть

Ограничение свободы отбывается осужденным по месту жительства без изоляции от общества и заключается в установлении пробационного контроля за ним на весь срок назначенного наказания с привлечением его к принудительному труду по 100 ч ежегодно в течение всего срока отбывания наказания.

Особенность ограничения свободы в соответствии с национальным законодательством заключается в том, что осужденный находится в условиях свободы. Для сравнения: во многих государствах ограничение свободы исполняют в специализированных учреждениях (Грузия, Таджикистан). Интересен опыт Беларуси, где согласно ст. 55 («Ограничение свободы») Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее — УК РБ) предусмотрены альтернативные формы исполнения данного наказания с направлением в исправительное учреждение открытого типа или без направления в таковое.

Продолжительность ограничения свободы согласно ст. 44 УК РК составляет от 6 месяцев до 7 лет. Касаемо сроков рассматриваемого наказания продплагаются дискуссии. Так, В.А. Ломако отмечал: «срок посткриминального контроля за осужденным, находящимся на свободе, не должен превышать 5 лет» [4, с. 184]. О.В. Филимонов обосновывал, что «наиболее оптимальным для достижения целей уголовно-правового воздействия срок контроля составляет от 3 до 5 лет» [5, с. 81].

Мы полностью поддерживаем позицию К.Х. Рахимбердина, который справедливо отмечает: «продолжительность ограничения свободы до 7 лет является чрезмерной. Все эти годы осужденный должен находиться на учете в органах пробации, претерпевать правовые ограничения и подвергаться контролю со стороны государства. В этих условиях неизбежно возникают риски конфликтов, напряженности во взаимоотношениях между персоналом органов и осужденными. С другой стороны, слишком продолжительный пробационный контроль «стирает» первоначальный эффект уголовно-правового воздействия. Наказание превращается в привычную повседневность и уже не воспринимается осужденным так, как это было при его назначении. Таким образом, установленный в ст. 44 УК РК верхний предел ограничения свободы нецелесообразен и не оправдан в плане решения воспитательно-предупредительных задач» [6].

В связи с этим законодателю следует пересмотреть подходы к продолжительности ограничения свободы с возможным снижением максимального срока — до 5 лет. Возвращаясь к опыту белорусского законодателя, максимальный срок ограничения свободы составляет 5 лет (ч. 2 ст. 55 УК РБ).

В.М. Хомич, сравнивая нормы современного уголовного закона и нормы советского УК, верно отмечает: «по своим ограничениям и организационно-правовому режиму исполнения это не что иное, как закрепление бывшего условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 23–1 УК 1960 г.) в качестве самостоятельного вида наказания (ограничения свободы)» [2, с. 85], что особенно уместно для правовой природы ограничения свободы по казахстанскому законодательству, так как основным его компонентом является принудительный труд. Привлечение к принудительному труду преследует социально-полезные цели: исправить совершившего преступление через трудовую занятость; предупредить совершение новых уголовных правонарушений психологическим воздействием на осужденного, т. е. выполнением неоплачиваемых работ в общественном месте. Принудительный труд является эффективным инструментом воздействия на осужденных, но проведенный анализ обнаруживает недостатки, обусловленные неточным и недостаточным правовым обеспечением трудовой занятости осужденных.

Как отмечалось выше, ограничение свободы назначается на срок от 6 месяцев до 7 лет, при этом ежегодный объем принудительных работ составляет 100 ч (строго фиксированный объем, не содержащий минимального и максимального предела) и отбывается не более 4 ч в день (ч. 1 ст. 44 УК РК). Верховный Суд Республики Казахстан в нормативном постановлении от 25 июня 2015 г. № 4 «О некоторых вопросах назначения уголовного наказания» указывает: «Увеличение или снижение этого срока недопустимо. При назначении ограничения свободы на срок менее одного года или неполного количества лет, время принудительного труда исчисляется пропорционально сроку наказания по отношению к ежегодному сроку привлечения к труду (ста часам)» (п. 10–1).

Верховный Суд Республики Казахстан разъяснил что в случае, если срок ограничения меньше 1 года, то срок принудительных работ должен быть пропорционален назначенному сроку, например, осужденному назначили ограничение свободы на срок 6 месяцев, за этот период срок принудительных работ будет 50 ч.

Обращаем внимание на то, что вышеназванное нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан, действующее с 2015 г., было дополнено комментируемым выше п. 10–1 в 2021 г. Верховный Суд пошел по верному пути, дополнив нормативное постановление данным пунктом, так как в практике судов до декабря 2021 г. и в теории уголовного и пенитенциарного права возникал справедливый вопрос о соразмерности

объема принудительных работ (100 ч) со сроком ограничения свободы. Так, в 2021 г. К.Х. Рахимбердин верно указывал: «В соответствии со ст. 44 УК РК в несколько худшее положение ставится осужденный, которому ограничение свободы назначено на минимальный срок, так как бесплатно трудиться на объектах, определенных местными исполнительными органами, ему придется более интенсивно, чем осужденному, у которого данное наказание рассчитано на несколько лет» [6]. С внесением поправок эта несоразмерность устранена.

Одним из серьезных вопросов является то, что в УК РК, Уголовно-исполнительный Кодекс Республики Казахстан, профильном нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан, ведомственных приказах касательно порядка исполнения принудительного труда при ограничении свободы отсутствует указание на то, в какой последовательности следует отбывать часы осужденному.

Например, осужденному назначили 1 год ограничения свободы и 100 ч принудительного труда. Первый вариант — если осужденный отбывает их непрерывно, то управится в течение 25 рабочих дней ($100/4=25$). Второй вариант — если суд определяет осужденному ежемесячную отработку, то он будет это делать ежемесячно примерно по 8 ч в течение 12 месяцев ($100/12=8,3$).

Правовой регламентации алгоритма назначения судом принудительных работ в Республики Казахстан не предусмотрено, что считаем недопустимым.

Указанный выше расчет (отработка 100 ч за 25 рабочих дней или ежемесячная отработка по 8 ч в месяц в течение года) позволяет прийти к выводу о неэффективности объема часов, предусмотренных в УК РК. Принудительный труд направлен на достижение основных целей наказания, при двух названных выше «формулах» осужденный не сможет прочувствовать карательный потенциал наказания, и такие объемы принудительного труда не отвечают принципу справедливости. Объем принудительных работ законодателем необоснованно занижен. Для сравнения при лишении свободы трудоспособные осужденные с учетом режима отбывания наказания в обязательном порядке привлекаются к труду ежедневно с учетом норм и требований трудового законодательства; общественные работы за преступления устанавливаются на срок от 200 до 1200 ч. Почему промежуточный вид наказания — ограничение свободы — предусматривает более льготную по объему (количеству часов) трудовую занятость осужденного?

Полагаем целесообразным и справедливым увеличить время принудительного труда при ограничении свободы до 600 ч ежегодно, указав в законе на безвозмездность общественно полезных работ.

В случае ежегодного объема принудительного труда в 600 ч с их помесечной отработкой, осужденный будет отбывать их ежемесячно примерно

по 50 ч в течении 12 месяцев ($600/12=50$), что позволит «прочувствовать» карательное свойство ограничения свободы и усилит воздействие принудительного труда.

Касательно лиц, в отношении которых нельзя применять принудительный труд, мы остановимся на тех категориях, которые вызывают вопросы — осужденные, имеющие постоянное место работы или занятые на учебе, и женщины в возрасте 58 лет и старше. В отношении остальных категорий осужденных (несовершеннолетние; беременные женщины; женщины, имеющие малолетних детей в возрасте до 3 лет; мужчины, воспитывающие в одиночку малолетних детей в возрасте до 3 лет; мужчины в возрасте 63 лет и старше; лица с инвалидностью 1 или 2 группы; осужденные, которым наказание заменено на ограничение свободы сроком менее 6 месяцев) запрет обоснован, поскольку они в силу возраста, состояния здоровья, в связи с уходом за детьми не могут быть задействованы в принудительном труде.

Дискуссионным является положение УК РК о запрете применения принудительного труда к осужденным, имеющим постоянное место работы или занятым на учебе. Мы считаем, такое ограничение несправедливо и порождает неправомерные действия со стороны осужденных, которые во избежание принудительного труда могут фиктивно оформить трудовую занятость в коммерческой организации или оформиться как индивидуальный предприниматель, что породит запрет на назначение принудительного труда. Для сравнения, общественные работы, которые по своей юридической природе схожи с принудительным трудом, не содержат подобных ограничений. Более того, в ст. 43 УК РК («Привлечение к общественным работам») есть положением о том, что осужденный выполняет общественные работы с освобождением его на время их выполнения от трудовых обязанностей по месту основной работы либо в свободное от учебы время.

Руководствуясь логикой законодателя получается, что принудительный труд в большинстве своем должен назначаться безработным, т. е. такой осужденный к ограничению свободы с привлечением к принудительному труду ставится в худшие социально-экономические условия в сравнении с осужденным с постоянным местом работы. Безработный на момент осуждения, отбывающий по приговору ограничение свободы с принудительным трудом, будет фактически лишен возможности устроиться на работу с полной занятостью (8-часовой рабочий день). Такой осужденный, отбывая ограничение свободы, имеет риски остаться без средств существования; не следует забывать и о требовании закона в отношении этой категории лиц — исполнение обязанностей, предусмотренных ч. 2 ст. 44 УК РК, в частности, материальная поддержка семьи и иные обязанности, способствующие исправлению осужденного и предупреждению новых уголовных правонарушений (в том

числе обязанность трудоустроиться для безработного осуждаемого к ограничению свободы). Одни требования данной статьи противоречат другим положениям этой же нормы.

Следующая категория лиц, к которым закон запрещает применение принудительного труда при ограничении свободы — это женщины 58 лет и старше (гендерный признак). На момент принятия УК РК в 2014 г. пенсионный возраст для мужчин наступал по достижении 63 лет, женщин — 58 лет, именно это объясняет запрет. Законодатель не учел пенсионные реформы, тенденции увеличения пенсионного возраста для женщин. В соответствии со ст. 207 Социального кодекса Республики Казахстан от 20 апреля 2023 г. № 224-VII ЗРК пенсионный возраст женщин — «с 1 января 2023 года — по достижении 61 года; с 1 января 2028 года — по достижении 61,5 года; с 1 января 2029 года — по достижении 62 лет; с 1 января 2030 года — по достижении 62,5 лет; с 1 января 2031 года — по достижении 63 лет». Таким образом, запрет на применение принудительного труда к женщинам 58 лет является неправомерным и противоречит пенсионному законодательству страны. На 2024 г., по общим правилам, женщины до 61 года продолжают трудиться, и возраст до достижения этой планки не должен быть препятствием к назначению принудительного труда при ограничении свободы.

В связи с этим следует пересмотреть подходы к гендерному вопросу по установлению запрета к отдельным категориям и внести коррективы в ст. 44 УК РК.

Заключение

1. В рамках совершенствования правовых норм об ограничении свободы считаем необходимым и обоснованным реформировать нормы УК РК и положения нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан: предлагается внести изменение в части максимального срока ограничения свободы, сократив его с 7 до 5 лет; обосновывается целесообразность увеличения времени принудительного труда при ограничении свободы со 100 до 600 ч ежегодно с четким указанием в законе на безвозмездность общественно полезных работ и их выполнением равномерно в течение всего срока наказания (ежемесячно); аргументируется необходимость отмены запрета на применение принудительного труда к осужденным, имеющим постоянное место работы или занятым на учебе, и женщинам 58 лет.

2. С учетом указанного предлагаем ч. 1 ст. 44 УК РК изложить в редакции:

«1. Ограничение свободы состоит в установлении пробационного контроля за осужденным на срок от шести месяцев до 5 лет и привлечении его к принудительному труду *с выполнением бесплатных общественно полезных работ не требующих определенной квалификации по 600 ч* ежегодно в течение всего срока отбывания наказания *с исполнением принудительного*

труда ежемесячно. Ограничение свободы отбывается по месту жительства осужденного без изоляции от общества. Принудительный труд организуется местными исполнительными органами в общественных местах и отбывается не свыше 4 ч в день. К принудительному труду не привлекаются несовершеннолетние; беременные женщины; женщины, имеющие малолетних детей в возрасте до 3 лет; мужчины, воспитывающие в одиночку малолетних детей в возрасте до 3 лет; **женщины и мужчины, достигшие общеустановленного пенсионного возраста**; лица с инвалидностью 1 или 2 группы, а также осужденные, которым наказание заменено на ограничение свободы сроком менее 6 месяцев».

Соответствующие поправки необходимо внести в абзац второй п. 10–1 нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан «О некоторых вопросах назначения уголовного наказания» и изложить следующим образом: «Статья 44 УК также устанавливает срок привлечения к принудительному труду — **600 ч** ежегодно. Увеличение или снижение этого срока недопустимо».

Список цитированных источников

1. Касымова, А. С. Ограничение свободы: отечественный и зарубежный опыт правового регулирования / А. С. Касымова, А. Т. Байсеитова, А. А. Ескендилов // Ученые тр. Алматин. академии МВД Респ. Казахстан. — 2023. — № 3 (76). — С. 334–341.

2. Хомич, В. М. Совершенствование уголовной ответственности невозможно без оптимизации системы видов наказания / В. М. Хомич // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол. А. В. Барков [и др.]. — Минск : БГУФК, 2010. — С. 85–100.

3. Форма № 10. О числе лиц, в отношении которых вынесены судебные акты за 2020–2023 годы. Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz>. — Дата доступа: 29.05.2024.

4. Ломако, В. А. Применение условного осуждения / В. А. Ломако. — Харьков, 1976. — 273 с.

5. Филимонов, В. Д. Охранительная функция уголовного права / В. Д. Филимонов. — СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2003. — 173 с.

6. Рахимбердин, К. Х. Альтернативы лишению свободы в Республике Казахстан: современное состояние и перспективы [Электронный ресурс] / К. Х. Рахимбердин. — Режим доступа: https://bureau.kz/analiz/kommentarii_i_zaklyucheniya/alternativy-lisheniya-svobody. — Дата доступа: 21.05.2024.

Аннотация. Ограничение свободы в Республике Казахстан — один из суровых видов наказания, по карательному потенциалу он уступает только лишению свободы и является альтернативой ему. Этот вид наказания позволяет существенно снизить количество «тюремного населения» в стране, при этом данный уголовно-правовой инструмент несовершенен и требует дальнейшего реформирования. С учетом анализа правовой природы ограничения свободы выработаны и обоснованы рекомендации по совершенствованию уголовного закона и руководящего нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан в части продолжительности данного наказания, сроков принудительного труда и категорий лиц, к которым принудительный труд применяется.

Сформулированные выводы и предложения направлены на совершенствование уголовного законодательства Республики Казахстан о наказании в виде ограничения свободы.

***PROBLEMS OF CRIMINAL LAW REGULATION
OF RESTRICTION OF FREEDOM
IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN***

Filipets O.B.

Keywords: criminal punishment, restriction of freedom, forced labor, crime, a convict.

Abstract. Restriction of freedom in the Republic of Kazakhstan is one of the most severe types of punishment, in terms of punitive potential it is second only to imprisonment and is an alternative to it. This type of punishment can significantly reduce the number of «prison population» in the country, while this criminal law instrument is imperfect and requires further reform.

Considering the analysis of the legal nature of the restriction of freedom, the article develops and substantiates recommendations for improving the criminal law and the governing normative resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan regarding the duration of this punishment, the terms of forced labor and the categories of persons to whom forced labor is applied.

The conclusions and proposals formulated by the author are aimed at improving the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan on punishment in the form of restriction of freedom.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ПРИМЕНЕНИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

Шаблинская Д. В.

Ключевые слова: меры уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, превентивная и охранительная функции уголовного закона, цифровая трансформация, экологическая безопасность, экологическое благополучие людей.

Введение

Цифровая трансформация общества, являющаяся одновременно и следствием, и условием дальнейшего технического прогресса, предполагает новое видение проблем критического состояния экологии и природы, низкой экологической культуры, истощаемости природных ресурсов, сохранения биологического разнообразия (включая сохранение человека как биологического вида), обусловленных влиянием антропогенных причин. Мировым сообществом поставлена задача экологизации экономики в ходе ее модернизации, и, несомненно, указанные выше процессы предполагают эволюцию законодательных механизмов защиты окружающей среды, включая ответственность за результаты данной деятельности, в том числе и за совершение правонарушений.

С развитием общественных отношений видится значимым распространение уголовно-правового воздействия на юридических лиц. Отечественными учеными признается возможность общественно опасной деятельности коллективных образований (работы В. К. Ладутько [1, с. 343–351], Н. И. Козелецкой [1, с. 351–379] и др.), в том числе констатируется отсутствие алгоритмов ее предупреждения даже в случае привлечения должностного лица к уголовной ответственности. Необходимость проработки вопроса об уголовной ответственности юридических лиц в сфере экологии в рамках реформирования всей системы уголовного

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Тенденции совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения в условиях цифровой трансформации общества и защиты прав человека» задания «Правовое обеспечение противодействия преступности и правонарушениям в современных условиях развития общества и государства» подпрограммы «Право» ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (научный руководитель: доктор юрид. наук, проф. А. Л. Савенок, организация-исполнитель: Бел. гос. ун-т, № ГР 20212416).

законодательства при условии разработки теоретико-концептуальной основы, учитывающей тенденции развития зарубежного законодательства, международные стандарты, исторический опыт и правоприменительную практику, обозначила в своих работах Е. С. Бородулькина [2]. В целом среди сторонников применения уголовно-правовых мер в отношении юридических лиц необходимо отметить Н. И. Козелецкую [1], Б. В. Волженкина [3], С. Г. Келину [4], А. И. Лукашова [5], А. С. Никифорова [6], Н. В. Щедрина и А. А. Востокова [7] и др.

В данной статье предлагаем актуализировать тезис о необходимости распространения уголовно-правового воздействия на юридических лиц, что видится исключительно значимым в контексте обеспечения экологической безопасности и экологического благополучия граждан в условиях цифровизации; определить предпосылки; проработать и систематизировать аргументы «за» и «против» данного предложения.

Основная часть

Отмечая предпосылки распространения уголовно-правового воздействия на юридических лиц, следует указать на неоднократность постановки данного вопроса, в том числе и на уровне подготовки проектов нормативных правовых актов. Относительно периода разработки и принятия новых уголовных законов в государствах — участниках СНГ отметим, что еще в 1990-х гг. были проведены многочисленные исследования обусловленности уголовно-правового запрета общественно опасных действий юридических лиц и применения к ним уголовно-правовых мер, и разработаны модели институционализации данных положений. Так, предложения о введении уголовной ответственности юридических лиц нашли свое отражение в одном из проектов Уголовного кодекса Российской Федерации 1994 г. под редакцией С. Г. Келиной [4, с. 59].

23 марта 2015 г. в Государственную Думу вносился проект федерального закона № 750443–6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» [8], что вновь активизировало научные дискуссии по обозначенному нами предложению.

Одним из ключевых факторов реализации положений об ответственности юридических лиц за причинение общественно опасного вреда являются положения ряда международных договоров (например, Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. (ст. 10), Конвенции ООН против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г. (ст. 26) и др. [9]. В данном контексте примечателен опыт зарубежных стран, многие из которых, несмотря на различия в правовых системах, успешно реализуют меры уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц.

Обозначив предпосылки введения в уголовный закон мер, применяемых к юридическим лицам, систематизируем положения в части обоснования данного предложения на примере совершения экологических преступлений. Сложность реализации уголовной ответственности за совершение экологического преступления обусловлена тем, что весьма трудно устанавливать причинную связь между деятельностью конкретного должностного лица или работника юридического лица и конкретным видом ущерба, определить, какое из нарушений явилось причиной наступившего последствия, особенно в условиях автоматизации процессов управления. На выявление конкретных физических лиц и доказывание их вины, установление причинной связи между конкретным нарушением и причиненным вредом может быть затрачено время, превышающее сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Причем весь этот период другие должностные лица юридического лица могут продолжать совершать противоправную деятельность организации, суммарно приводящую к наступлению новых общественно опасных последствий. В связи с этим экологические преступления требуют неотложного реагирования на их совершение.

Более того, если физические лица посредством юридического лица совершают общественно опасные деяния, то и воздействовать на этих лиц посредством реализации уголовно-правовых мер следует через осуществление уголовно-правового воздействия в отношении юридического лица. Справедлива позиция А. С. Никифорова, приведенная в публикации С. С. Арбузова и С. П. Кубанцева: «Принципиальными основаниями признания за организацией статуса субъекта преступления и уголовной ответственности за него являются специфичные в таких случаях причинная связь и вина. Поскольку организация делегирует своему управляющему органу принятие и исполнение стратегических и оперативных решений, такие решения и основанное на них поведение по своей юридической сути являются решениями и поведением организации, поэтому она и должна нести ответственность» [10, с. 99].

Наиболее опасные экологические преступления не могут быть совершены одним физическим лицом и даже их группой. Н. В. Щедрин и А. А. Востоков верно отметили, что «именно юридические лица являются основными субъектами предпринимательской деятельности и именно их деятельность связана с наиболее значительными по разрушительным последствиям посягательствами на охраняемые объекты» [7, с. 30]. Полагаем, в правоприменительной практике нередки случаи, когда устанавливается, что отдельно взятое должностное лицо не причинило того вреда, который представляет собой последствия преступления. Однако суммарная деятельность нескольких работников и руководителей уже

причиняет уголовно-наказуемый вред от имени, в пользу и посредством юридического лица.

Полагаем, у уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц должен быть самостоятельный характер, оно не должно быть производным от ответственности конкретного физического лица. Данные меры особенно необходимы в тех случаях, когда имеет место неосторожное сопричинение последствий, комбинирующееся с умышленным нарушением тех или иных правил конкретными физическими лицами, не являющимися соучастниками. С учетом специфики экологических преступлений, а также того, что большая часть из них относится к неосторожным преступлениям, вести речь о соучастии и едином умысле по отношению к единому преступному результату не представляется возможным. В подобном случае уголовной ответственности может подлежать только один субъект в связи с тем, что деяния иных лиц отдалены от преступного результата и не находятся в прямой причинной связи с ним (т. е. опосредованы деяниями иных лиц).

Уголовно-правовое воздействие должно быть направлено на нейтрализацию причиняющей вред деятельности юридических лиц. Разумеется, мы можем говорить о других вариантах реагирования на подобные деяния и их общественно опасные последствия. Это может быть административная и гражданско-правовая ответственность, однако основанием применения подобных мер все равно является совершение общественно опасного деяния, причем такого, результат которого является скоординированным и закономерным итогом деятельности не просто конкретной группы лиц, а целого юридического лица, заменившего уставные цели своей деятельности на преступные либо избравшего преступный способ достижения легальных целей своей деятельности. Полученный преступный доход, например в случае экономии на очистных сооружениях, что впоследствии причинит ущерб окружающей среде, обращается в доход и в развитие конкретного юридического лица (в связи с чем исключается корыстная мотивация конкретного физического лица).

Преступная деятельность юридического лица может носить продолжаемый характер даже при смене субъекта преступления — конкретного физического лица, в связи с чем нет возможности получить требуемый для наступления уголовной ответственности ущерб в том случае, если привлекаться к ответственности будет одно физическое лицо, и не будет доказан групповой характер деятельности данных лиц. Например, нанимаются разные работники для осуществления единого процесса (например, по очистке воды) либо применяются автоматизированные системы управления, в том числе использующие технологии искусственного интеллекта.

В числе аргументов в пользу ответственности юридических лиц следует привести позицию С. Г. Келиной, которая отмечала, что «привлечение к уголовной ответственности руководителей или иных физических лиц, представляющих соответствующее юридическое лицо, как правило, связано, по существу, с объективным вменением, так как такое лицо, хотя и знало о незаконной деятельности предприятия, производящего, например, выбросы загрязненной воды, но своими силами изменить ничего не могло» [4, с. 52].

Как указывает Б. Б. Тангиев, «целью уголовно-правовых санкций, применяемых за экологические преступления, является сделать экономически невыгодным для всего предприятия, всех его работников занятие экологически вредной производственной деятельностью. Но существующие штрафные санкции, размер которых ничтожно мал, применяемые к конкретным должностным лицам, никоим образом не могут способствовать восстановлению нарушенного преступной деятельностью экологического баланса. Штрафы же, которые могли бы быть наложены на юридическое лицо в силу своего многократно большего размера, по мнению специалистов, были бы способны выполнять восстановительную функцию» [11, с. 252].

Подчеркнем, что применение уголовно-правовых мер всегда сочетается с криминологической профилактикой, что эффективно воздействует на детерминацию экологической преступности. Весьма значима роль частной превенции: при помощи уголовно-правовых мер юридическое лицо лишается возможности дальнейшего совершения новых преступлений. Реализация уголовно-правовых мер будет влечь существенные репутационные издержки и отразится на статусе юридического лица как субъекте хозяйствования, его конкурентоспособности, возможности участвовать в государственных закупках, получать льготы и преференции и т. п. Многократно усиливаются риски в случае противоправной деятельности и для должностных лиц данного юридического лица, что также оказывает существенный частнопревентивный эффект.

Предложение о том, что юридические лица должны подлежать мерам уголовно-правового воздействия, не может быть рассмотрено как окончательно обоснованное и доказанное без учета имеющихся научных положений, выступающих аргументами против данного предложения и указывающих на его уязвимые места. Ключевым препятствием введения в отечественное уголовное право представители уголовно-правовой науки обозначают принципиальную основу уголовной ответственности — личную виновную ответственность — и вину, которая характеризует психическое отношение физического лица к содеянному. Ученые отмечают, что «юридическое лицо — это особый социально-правовой феномен (инструмент гражданского оборота), который нельзя механи-

чески наделять субъективными признаками, свойственными человеку» [12, с. 24]. Утверждается, что юридическое лицо может действовать только посредством своих представителей, его деяние не является виновным, т. е. характеризуется интеллектуальным и волевым элементом.

Полагаем, основным контраргументом указанных выше умозаключений является следующий: «Признак самостоятельности ответственности является обязательным признаком юридического лица, т. е. последнее признается специфическим субъектом права, в принципе способным самостоятельно отвечать за правонарушения. Этот элемент обязательно включается в структуру его правоспособности (деликтоспособность)» [13, с. 35]. Следовательно, способность отвечать является конститутивным признаком юридического лица.

К числу существенных отрицательных моментов уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц можно отнести и то, что применяемые к ним меры, особенно связанные с ликвидацией, запретом участия в государственных закупках, не лучшим образом отразятся на его работниках, которые могут быть не только невиновны в совершении тех или иных деяний, но даже не осведомлены о них.

Среди аргументов противников уголовной ответственности юридических лиц приводится и такая позиция, что данное предложение лишено практического смысла, поскольку ответственность юридических лиц может быть гражданско-правовой или административно-правовой. Полагаем, что данный ключевой аргумент противоречит рассмотренному выше положению о деликтоспособности юридического лица: «И если юридическое лицо однозначно может подлежать такому виду юридической ответственности, как гражданско-правовая, значит, оно может подлежать и другим видам юридической ответственности, например административной или уголовной» [13, с. 35]. Более того, административной ответственности юридические лица подлежат в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Несмотря на озвученные недостатки, полагаем, что у мер уголовно-правового воздействия (в том числе применяемых к юридическим лицам) имеются существенные преимущества перед иными мерами. При их применении создается возможность для реализации восстановительной функции уголовного права. Ведь для восстановления социальной справедливости необходим соответствующий функционал и статус: уволенное физическое лицо, привлеченное к уголовной ответственности, не будет способно принять меры, направленные на восстановление социальной справедливости, возмещение ущерба, восстановление экологической безопасности и благополучия людей.

Заключение

Реализация уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц необходима в целях предупреждения экологических преступлений, что особенно важно в условиях автоматизации управленческих процессов, применения технологий искусственного интеллекта. Полагаем, без реализации подобных мер в ряде случаев невозможно обеспечить надлежащее реагирование на совершаемые общественно опасные деяния, для борьбы с ними следует использовать весь потенциал государственного правового принуждения.

Считаем, что положительный эффект от принятия такого решения принципиально существеннее, чем отрицательный, что обусловлено самим содержанием, функциями, целями и принципиальной основой уголовно-правового воздействия, имеющего качественно иной характер по сравнению с административно-правовым принуждением и мерами гражданско-правовой ответственности.

Применять иные виды юридической ответственности, иные меры правового принуждения в случае причинения ущерба, представляющего собой общественно опасное негативное изменение во внешнем мире (т. е. преступное последствие), видится крайне неэффективным. Уголовно-правовое воздействие носит публичный характер и характеризуется гласностью, что необходимо для восстановления причиненного экологическим преступлением вреда экологии и благополучию людей, а также решения охранительных и превентивных задач уголовного закона.

Список цитированных источников

1. Уголовно-правовое воздействие и его реализация в контексте современных тенденций уголовной политики / О. И. Бахур [и др.] ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; под ред. Д. В. Шаблинской. — Минск: Колорград, 2020. — 456 с.

2. Бородулькина, Е. С. Новеллы и перспективы дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в сфере борьбы с экологическими преступлениями [Электронный ресурс] / Е. С. Бородулькина. — Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=u02200626&q_id=11155905. — Дата доступа: 12.06.2024.

3. Волженкин, Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц / Б. В. Волженкин. — СПб. : С-петерб. юрид. ин-т Ген. прокуратуры РФ, 1998. — 40 с.

4. Келина, С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового Уголовного кодекса Российской Федерации / С. Г. Келина // Уголовное право: Новые идеи. — М. : ИГП РАН, 1994. — С. 50–60.

5. Лукашов, А. И. Новеллы административной ответственности юрлиц и ИП [Электронный ресурс] / А. И. Лукашов. — Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by>. — Дата доступа: 10.06.2024.

6. Никифоров, А. С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности / А. С. Никифоров. — 2-е изд. — М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. — 204 с.

7. Щедрин, Н. В. Организации как субъекты уголовно-правового воздействия / Н. В. Щедрин, А. А. Востоков // Криминологич. журн. ОГУЭП. — 2007. — № 1–2 (1). — С. 30–34.

8. Проект федерального закона № 750443–6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/70905458/>. — Дата доступа: 16.06.2024.

9. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru>. — Дата доступа: 14.06.2024.

10. Арбузов, С. С. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц / С. С. Арбузов, С. П. Кубанцев // Журн. рос. права. — 2012. — № 10. — С. 99–106.

11. Тангиев, Б. Б. Экокриминалогия (OIKOSCRIMENLOGOS). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения / Б. Б. Тангиев. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. — 430 с.

12. Богданов, Е. В. Антропоморфизм как одно из направлений российской цивилистики / Е. В. Богданов // Государство и право. — 2004. — № 4. — С. 23–27.

13. Качалов, В. В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против / В. В. Качалов // Lex russica. — 2016. — № 12 (121). — С. 32–40.

Аннотация. Отражены результаты научных дискуссий и авторская позиция в отношении применения мер уголовно-правового воздействия для юридических лиц. Обозначенное предложение обосновывается цифровой трансформацией общества и рассматривается на примере экологических преступлений, специфика которых требует новых подходов в реализации мер государственного правового принуждения за их совершение. Сделан вывод, что положительный эффект от институционализации мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц существеннее, чем отрицательный, что обусловлено самим содержанием, функциями, целями и принципиальной основой уголовно-правового воздействия, имеющего качественно иной характер по сравнению с административно-правовым принуждением и мерами гражданско-правовой ответственности.

***UPDATING THE PROPOSAL ON THE APPLICATION
OF CRIMINAL LAW MEASURES AGAINST LEGAL ENTITIES
IN THE CONTEXT OF ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY
IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION***

Shablinskaya D. V.

Keywords: measures of criminal law in relation to legal entities, preventive and protective functions of criminal law, digital transformation, environmental safety, environmental well-being of people.

Abstract. The article is reflected the results of scientific discussions and the author's position regarding the use of criminal law measures against legal entities. The indicated proposal is justified by the digital transformation of society and is considered using the example of environmental crimes, the specifics of which require new approaches to the implementation of measures of state legal coercion for their commission. It is concluded that the positive effect of the institutionalization of criminal law measures in relation to legal entities is more significant than the negative one, which is due to the very content, functions, goals and fundamental basis of criminal legal influence, which has a qualitatively different nature compared to administrative legal coercion and measures of civil liability.

4. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК34.343

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ КАК ИНСТРУМЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Амуртаева Д. Т.

Ключевые слова: социальная справедливость, восстановительное правосудие, преступление, цель, наказание, восстановление прав, уголовная ответственность.

Введение

В условиях глобализации и интеграции первостепенной задачей правовой политики не только Казахстана, но и всех постсоветских государств является охрана прав и свобод человека и гражданина. Так, Республикой Казахстан ратифицирована Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, в рамках которой реализуется идея защиты прав граждан [1]. Инструментами охраняемых прав и свобод является законодательство, призванное не только охранять, но и осуществлять правосудие, гарантирующее законность и справедливость. В правовой системе Республики Казахстан основная идеология законности и справедливости рассматривается через призму восстановительного правосудия, суть которого заключается в интеграции принципов восстановления справедливости, примирения и реабилитации в систему правосудия, создающего условия для активного вовлечения всех участников конфликта и обеспечения справедливого разрешения споров, способствуя при этом восстановлению нарушенных прав и предотвращению повторных преступлений.

Основная часть

Вместе с тем в национальной практике применения восстановительное правосудие сводится в первую очередь к наказанию, которое имеет одной из своих целей восстановление социальной справедливости, что является предметом нашего исследования.

Наказанием в уголовном праве принято считать меру государственного принуждения, применяемую к лицу, признанному виновным в совершении преступления. Наказание, таким образом, является своего рода социальным последствием преступления, т. е. его реализация рассматривается как возмездие за совершенное деяние. Однако, как утверждает Л. С. Осипкина,

«содержание наказания, его понятие и цели зависят от того, какая идеология господствует в обществе» [2, с. 13]. В теории наказание исследуется в двух направлениях: первое — это социальное определение наказания, второе — это правовое определение.

В правовом аспекте наказание выступает в роли основной формы реализации уголовной ответственности. Как было отмечено выше, уголовное законодательство Республики Казахстан предусматривает восстановление социальной справедливости как одну из целей наказания, что является одной из ключевых концепций в правосудии, направлено на восстановление баланса в обществе. В рамках такой концепции наказание служит не только средством возмездия за совершенное преступление, но и играет важную роль в укреплении общественных норм и моральных ценностей. Сущность данной цели заключается в том, что она представляет собой соразмерность между характером и степенью общественной опасности преступления и тяжестью наказания, а также возможностью восстановления нарушенных прав и интересов личности, общества и государства. Однако в практической деятельности цель восстановления социальной справедливости реализуется как не соответствующая сущности и ее правовой природе. Например, гражданин А. совершает кражу, при назначении наказания суд учитывает ущерб, причиненный преступным деянием, и определяет наказание в пределах установленной санкции данной статьи. Вместе с тем суд не учитывает интересы всех лиц данного дела, и тем более не берет во внимание вопрос о восстановлении нарушенных интересов потерпевших.

Кроме того, сомнительно в целом включение в число целей наказания восстановления социальной справедливости, поскольку, на наш взгляд, уголовное право не регулирует никакого восстановления прежнего положения вещей, потому что оно для этого не предназначено, в отличие от иных отраслей права, например гражданского. Считаем целесообразным согласиться с мнением Л. Ф. Бидамшина и В. Б. Поезжалова, которые утверждают, что «после совершения преступления невозможно восстановить нарушенное благо, например жизнь человека, его здоровье, иные не менее важные ценности» [3, с. 94].

Восстановление социальной справедливости, понимаемое как восстановление нарушенных прав и свобод человека, удовлетворение чувства справедливости, вызванного у граждан фактом совершения преступления, нельзя рассматривать как реализацию цели возмездия преступнику со стороны государства, воздаяния равным злом за причиненное зло, хотя в основе социальной справедливости как этической, нравственной категории и лежит идея равенства. На первый взгляд это представляется оценочным понятием, а данная цель носит скорее нравственно-этический характер, чем правовой. Справедливость — это нечто большее, чем просто одна из ценностей, так как не включает в себя никакого конкретного представления о благе. Она всегда является «не достигнутым» состоянием, поскольку разговор о ней возникает

только ввиду ее отсутствия, как реакция на несправедливость [4, с. 2127]. Таким образом, можно судить о размытости и условности оценки справедливости как нравственно-этической категории. История подтверждает, что в разные эпохи представления людей о справедливом и несправедливом существенно отличались между собой. Таким образом, можно сделать вывод о том, что реализация цели восстановления социальной справедливости с правовой точки зрения основана только на назначении и исполнении справедливого наказания. Например, когда лицу, совершившему преступное деяние, назначается наказание, соответствующее тяжести преступления, обстоятельствам совершения и личности виновного, и когда наказание не назначается повторно за одно и то же уголовное правонарушение (ст. 4, 52 Уголовного Кодекса Республики Казахстан (далее — УК РК)) [5].

Закрепленные в уголовном законе цели наказания нашли свое подтверждение и в нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 25 июня 2015 г. № 4 «О некоторых вопросах назначения уголовного наказания». В частности, судьям рекомендовано «обратить внимание ... на необходимость соблюдения общих правил назначения наказания, имея в виду, что справедливое наказание способствует решению задач и осуществлению целей, указанных в ст. 2 и ст. 39 УК РК [5; 6]. Требование восстановления социальной справедливости обращено к нескольким адресатам, в частности к государству. Именно государственные органы обеспечивают правопорядок и защиту прав и свобод граждан, а поэтому посягательство на них влечет за собой обязанность государства восстановить путем наказания нарушенную социальную справедливость. Очевидная несправедливость наказания, приводящая к явному недостижению цели уголовного наказания (например, слишком мягкое наказание в отношении опасного преступника), влечет за собой не только появление отрицательной оценки деятельности суда со стороны общества, но и негативное отношение к государству, его органам и структурам в целом. Таким образом, восстановление социальной справедливости — прерогатива государства, поскольку только суд вправе назначить уголовное наказание лицу, совершившему преступление. Для того чтобы приговор суда удовлетворял такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости, он должен соответствовать правовым принципам и требованиям нравственности. В то же время речь идет не об абстрактной идее справедливости, существующей вне времени и пространства, а о конкретной ситуации, конкретном лице, совершившем преступление, о потерпевшем и определенном ущербе, причиненном данным деянием. Морально оправданным, а значит, справедливым будет такое наказание, которое отвечает требованиям рациональности, целесообразности с точки зрения его соответствия всем установленным законодателем задачам и целям.

Исследуя данный вопрос, мы приходим к выводу, что восстановление социальной справедливости и восстановительное правосудие тесно связаны друг с другом. Восстановительное правосудие является одним из инструментов для достижения социальной справедливости, а последняя служит основной целью, которую стремится достичь восстановительное правосудие. Так, восстановление социальной справедливости предполагает паритетное и справедливое распределение прав, обязанностей и ресурсов среди всех членов общества. Реализуется такое распределение прав в основополагающих принципах правосудия:

- равенство перед законом, где все граждане должны быть равны перед ним и иметь одинаковые возможности для защиты своих прав, установления равновесия нарушенных общественных отношений [7, с. 272];

- равенство возможностей, при которых каждый человек должен иметь соответствующие возможности для достижения успеха и реализации своего потенциала;

- компенсация за ущерб: пострадавшие от преступлений или несправедливости должны получить равнозначную компенсацию и поддержку;

- восстановление общественного порядка, предусматривается, что противоправные деяния должны быть справедливо наказаны, чтобы восстановить общественный порядок и доверие к правовой системе.

Восстановительное правосудие как инструмент достижения социальной справедливости фокусируется на восстановлении ущерба и примирении между преступником, жертвой и обществом. Во-первых, основная идеология восстановительного правосудия заключается в решении конфликта через диалог и примирение, где восстановительное правосудие создает платформу для диалога между преступником и жертвой, что способствует взаимопониманию и примирению. Во-вторых, возмещение ущерба: восстановительные меры направлены на то, чтобы преступник возместил ущерб, причиненный жертве и обществу. В-третьих, реабилитация преступника: в данном случае преступникам предоставляются возможности для исправления и реинтеграции в общество через образовательные и реабилитационные программы. В-четвертых, укрепление социальных связей, где процесс вовлечения общества в восстановительное правосудие будет способствовать укреплению социальных связей и восстановлению доверия.

На наш взгляд, соотношение восстановления социальной справедливости и восстановительного правосудия сводится к нескольким идеологическим аспектам:

- 1) возмещение ущерба. Социальная справедливость требует, чтобы жертвы преступлений получали компенсацию и поддержку — восстановительное правосудие направлено на то, чтобы преступник возместил причиненный ущерб и участвовал в восстановлении справедливости;

2) примирение и реабилитация. Социальная справедливость включает примирение и реабилитацию преступников, чтобы они могли вновь стать полноценными членами общества — восстановительное правосудие предоставляет платформу для диалога и примирения, а также предлагает реабилитационные программы для преступников;

3) укрепление общественного порядка и доверия. Социальная справедливость требует справедливого наказания преступников и восстановления общественного порядка — восстановительное правосудие через свои восстановительные меры помогает восстанавливать доверие к правовой системе и укрепляет общественный порядок;

4) социальные связи и участие сообщества. Восстановление социальной справедливости невозможно без активного участия общества — восстановительное правосудие вовлекает сообщество в процесс правосудия, что способствует восстановлению социальных связей и поддержке жертв и преступников.

Заключение

Таким образом, восстановительное правосудие через свои принципы примирения, возмещения ущерба и реабилитации является эффективным инструментом для достижения социальной справедливости. Оно помогает восстановить равенство перед законом, возместить ущерб жертвам, реабилитировать преступников и укрепить общественный порядок, что, в конечном итоге, способствует созданию более справедливого и гармоничного общества.

Можно сделать вывод о том, что для достижения восстановления социальной справедливости как цели наказания необходимо восстановительное правосудие рассматривать как расширенную категорию инструментов, позволяющих осуществлять справедливое правосудие, при котором доверие и удовлетворенность граждан позволит построить правовую систему, соответствующую международным стандартам.

Список цитированных источников

1. О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, от 10 марта 2004 г., № 531. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000531>. — Дата доступа: 15.05.2024.

2. *Осипкина, Л. С.* Понятие наказания теории и законодательстве: история и современность / Л. С. Осипкина // Вестн. магистратуры. — 2015. — № 1 (40). — С. 13.

3. *Бидамшин, И. Д.* Восстановление социальной справедливости как цель наказания / И. Д. Бидамшин, В. Б. Поезжалов // Пробелы в рос. законодательстве. — 2013. — № 2. — С. 94.

4. *Шабуров, А. Г.* «Справедливое» и «несправедливое» в современном идеологическом дискурсе / А. Г. Шабуров // Без темы. — 2007. — № 2 (4). — С. 2127.

5. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : принят 3 июля 2014 г., № 226-V ЗРК. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>. — Дата доступа: 15.12.2023.

6. О некоторых вопросах назначения уголовного наказания [Электронный ресурс] : нормативное постановление Верховного суда Респ. Казахстан, 25 июня 2015 г., № 4. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P150000004S>. — Дата доступа: 12.05.2023.

7. *Tut, A. A.* Восстановительное правосудие в Республике Беларусь как новый этап реализации уголовной ответственности / А. А. Тит // V Международ. пенитенциар. форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тез. выст. и док. : в 9 т. — Рязань, 2021. — С. 272275. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47169836&pf=1>. — Дата доступа: 03.02.2024. — С.272–275.

Аннотация. Рассматривается сущность восстановительного правосудия как один из основных инструментов восстановления социальной справедливости. Отражаются вопросы дискуссионного характера о правовой природе справедливости как в социальном, так и правовом аспектах. Отмечается, что в уголовном законодательстве наказание осуществляется через призму восстановления социальной справедливости. Анализируется правовая природа данной цели, а также делаются выводы о том, реализуется ли восстановительное правосудие посредством вышеуказанной цели, которое имеет больше карательных функций и не заинтересовано защищать права и интересы потерпевших, не способно предотвращать правонарушения и не оказывает содействие в реабилитации и возвращения в общество правонарушителя, либо данный институт имеет более концептуальное расширительное понятие. Приводится соотношение социальной справедливости и восстановительного правосудия.

ON THE ESSENCE OF RESTORATIVE JUSTICE AS AN INSTRUMENT OF SOCIAL JUSTICE

Amurtaeva D. T.

Key words: social justice, restorative justice, crime, purpose, punishment, restoration of rights, criminal liability.

Abstract. In this article, the author examines the essence of restorative justice as one of the main tools for restoring social justice. Discursive questions about the legal nature of justice in both social and legal aspects are reflected. It is noted that in criminal law punishment is carried out through the prism of restoring social justice. The legal nature of this goal is analyzed, and conclusions are drawn about whether restorative justice is implemented through the above goal, which has more punitive functions and is not interested in protecting the rights and interests of victims, is unable to prevent offenses and does not assist in the rehabilitation and return of the offender to society or This institution has a more conceptually broad concept. Also, the relationship between social justice and restorative justice is given.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Библио В.Н.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд, прокурор, судебное разбирательство, ходатайство.

Введение

В целях обеспечения государственного обвинения участие прокурора в стадии судебного разбирательства является обязательным. На протяжении судебного разбирательства деятельность прокурора проявляется с учетом каждого из этапов данной стадии. Подготовительная часть — начало судебного разбирательства, организационно обеспечивающее последующую уголовно-процессуальную деятельность. По своей продолжительности кратковременна. Однако и на данном этапе деятельность прокурора значима и проявляется в следующих направлениях: 1) заявление ходатайств; 2) высказывание своего мнения по вопросу о целесообразности удовлетворения ходатайств, заявленных другими участниками уголовного процесса.

Основная часть

В стадии судебного разбирательства прокурор осуществляет функцию государственного обвинения, производную от базовой функции прокурора — осуществление надзора за соблюдением законодательства.

Судебное разбирательство является центральной стадией уголовного процесса. Именно здесь разрешаются вопросы виновности и наказуемости лица. Ее процедура подвергнута достаточно подробной правовой регламентации. Сложность и протяженность судебного разбирательства предполагает разделение его на строго следующие одна за другой части (этапы): подготовительная часть, судебное следствие, судебные прения, последнее слово обвиняемого, постановление приговора. Судья, председательствующий в судебном разбирательстве, организует процедуру рассмотрения конкретного уголовного дела в соответствии с законодательством.

Прокурор — неперенный участник стадии судебного разбирательства. Участвуя в подготовительной части судебного разбирательства, он должен использовать полномочия, предоставленные законом, в целях создания надлежащих правовых условий для дальнейшего рассмотрения уголовного дела. При этом на него возлагается решение следующих задач: уточнять обстоятельства, подлежащие доказыванию (предмет доказывания); способствовать предоставлению суду доказательств, необходимых для доказывания

главного факта — наличия преступления; пополнять систему доказательств путем заявления соответствующих ходатайств; устанавливать уголовно-правовую сущность преступления для его квалификации.

На прокурора возлагается функция осуществления государственного обвинения. Существует мнение, что кроме государственного обвинения он продолжает выполнять основную, базовую, функцию — прокурорский надзор. Одни авторы именуют ее правообеспечительной функцией [1, с. 92–103], другие — правоохранительной [2, с. 37, 60]. В последние годы получил распространение термин «правозащитная функция». Так, А.А. Тушев дифференцирует надзор прокурора, предназначенный для выявления готовящихся или совершенных преступлений, и правозащитную функцию прокурора, направленную на восстановление нарушенного права и привлечения к ответственности виновных лиц [3, с. 224–225]. Еще более широких позиций придерживался Ю.К. Якимович, отмечая: «Более логичным было бы решение о возвращении прокурору функции надзора за соблюдением законов при рассмотрении дел в судах, наделив, в том числе полномочием по возбуждению уголовного дела в отношении лиц, совершающих преступные действия во время судебного разбирательства» [4, с. 155]. Данная проблема заслуживает самостоятельного рассмотрения. Здесь же отметим, что функция надзора для прокурора является базовой. Ее проявления можно называть по-разному, например функция государственного обвинения. Важно то, что прокурор при обнаружении нарушений закона должен применять средства прокурорского реагирования. Вряд ли есть основания для уточнения наименования магистральной функции прокурора. Термин «надзор прокурора» (прокурорский надзор) является устоявшимся и традиционным [5, с. 86].

В подготовительной части создаются условия для дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности всех участников уголовного процесса. Достаточно активным участником начала судебного разбирательства является прокурор, на которого возложена функция государственного обвинения (п. 40 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК)). Он вправе отказаться от обвинения при наличии соответствующих условий, указанных в УПК (ч. 8 ст. 293 УПК).

Для поддержания государственного обвинения прокурор должен содействовать суду в обеспечении реализации требований УПК для проведения подготовительных уголовно-процессуальных действий судебного разбирательства: проверка явки в судебное заседание; разъяснение переводчику его прав и обязанностей; удаление свидетелей из зала судебного заседания; объявление состава суда и других участников судебного заседания; установление личности обвиняемого и своевременности вручения ему копий процессуальных документов; разъяснение прав и обязанностей обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям, а также разъяснение прав и обязанностей эксперту и специалисту;

разъяснение права отвода и разрешение заявленных отводов; заявление и разрешение ходатайств; разрешение вопроса о возможности рассмотрения уголовного дела в отсутствие кого-либо из участников уголовного процесса (ст. 311–323 УПК). При этом деятельность прокурора включает в себя прежде всего наблюдение, а в случае обнаружения несоответствия УПК — реагирование путем заявления ходатайств. УПК предоставляет сторонам, в том числе и прокурору, право заявления отводов. Последний в этом случае должен четко обосновать свою позицию.

Значительное место в деятельности прокурора в подготовительной части судебного разбирательства занимает заявление им ходатайств (например, о вызове новых свидетелей, экспертов, специалистов, истребовании вещественных доказательств и документов и т. д.), которые следует обстоятельно аргументировать. В процессе подготовки к судебному разбирательству при изучении материалов уголовного дела прокурор может выявить определенные ошибки и пробелы предварительного расследования. Они должны быть исправлены, а недочеты компенсированы в судебном разбирательстве. Именно для этого УПК предоставляет возможность прокурору заявлять ходатайства. Однако в любом случае «аргументы для заявленного ходатайства должны опираться на материалы изученного уголовного дела» [6, с. 56]. Особенно это касается ходатайств, связанных с неявкой в суд потерпевшего и свидетеля. Необходимо учитывать, что суд может отказать в удовлетворении ходатайства, что не исключает возможности заявить его в дальнейшем в зависимости от хода судебного разбирательства. При повторном заявлении ходатайства прокурор должен более развернуто и убедительно его мотивировать.

В подготовительной части стадии судебного разбирательства ходатайства могут заявлять и другие участники судебного заседания. По заявленным ходатайствам суд выслушивает мнение сторон. Прокурор также должен высказать свое мнение, основанное на законодательстве и материалах уголовного дела. Особенно следует обратить внимание на ходатайства защитника об исключении доказательств, вызове новых свидетелей, истребовании документов, рассмотрении дела в случае неявки кого-либо из намеченных к участию в деле лиц.

В некоторых случаях возможно отложить судебное разбирательство по причине неявки вызванного лица. Вместе с тем следует учитывать, что факт перенесения судебного разбирательства может вызвать недовольство, например, других свидетелей, поскольку им повторно придется являться в суд. К тому же заинтересованные лица могут провоцировать очередную неявку для срыва судебного процесса. Необходимо также учитывать, что в период действия срока отложения производства по уголовному делу могут произойти события, объективно делающие невозможность явки в суд вызванных лиц (смерть, тяжелая болезнь и т. п.). При формировании своего

мнения по данному вопросу прокурору следует учитывать, что отложение судебного разбирательства обычно неблагоприятно для стороны обвинения, что связано, во-первых, с завершением расследования уголовного дела и появлением системы собранных доказательств, во-вторых, наличием времени для противозаконного давления со стороны заинтересованных в исходе дела лиц в целях побудить их к изменению прежних показаний в отношении обвиняемого (шантаж, подкуп, угрозы насилием и т. п.). Отложение судебного разбирательства приводит к нежелательному отдалению начала отбывания наказания. Наличие незапланированного промежутка времени может привести к тому, что им воспользуется в своих интересах сторона защиты. Что касается стороны обвинения, то у нее таких возможностей, по сути, нет.

В случае, когда вопреки мнению прокурора суд удовлетворяет ходатайство другого участника судебного заседания, прокурор должен подумать об изменении тактики своей деятельности по рассматриваемому уголовному делу [7, с. 35]. Так, не исключается возможность опровержения показаний новых свидетелей, восполнение базы обвинения новыми доказательствами.

Прокурор может заявлять в подготовительной части судебного разбирательства ходатайства, не только связанные с рассматриваемым делом, но и организационного характера, например об объявлении перерыва судебного заседания.

Проблемным является вопрос о возможности прокурора заблаговременно, до начала судебного разбирательства, вызывать в прокуратуру ключевых свидетелей, экспертов, потерпевших, чьи показания будут представлены им в суде, для уточнения их позиции по уголовному делу. Некоторые авторы полагают, что предварительные беседы государственного обвинителя до начала судебного заседания с потерпевшими и свидетелями не противоречат требованиям уголовно-процессуального закона и даже более того — вытекают из принципа состязательности. Если же предположить обратное, то необходимо запретить такие встречи и защитнику. При этом беседа не должна преследовать цель настроить потерпевшего, свидетеля давать определенные, устраивающие обвинение, показания, а наоборот, убедить в необходимости достоверных показаний. Кроме того, государственный обвинитель обязан объяснить указанным участникам, какова процедура судебного разбирательства вообще и допроса в частности, т. е. подготовить их психологически. Сторонники данной позиции отмечают, что во время беседы необходимо также установить, не оказывалось ли давления на потерпевшего, свидетеля в целях изменения их показаний, и если оказывалось, то кем и когда, и принять меры государственной защиты этих участников уголовного процесса [8, с. 189–190].

С высказанным мнением нельзя согласиться. Такого рода действия государственного обвинителя не носят процессуального характера, противо-

речат закону и, как представляется, вовсе недопустимы. Любые действия прокурора должны носить официальный характер и подлежать документированию в виде, например протокола, который следует приобщать к материалам дела. Однако в данном случае это неприемлемо. Что касается упоминаемого авторами принципа состязательности, то он действует во время осуществления правосудия, т. е. при рассмотрении и разрешении уголовного дела, и обеспечивается судом. Кроме того, прокурор не должен подменять адвокатов и представителей названных участников уголовного процесса в целях в том числе и «психологической» подготовки их к предстоящему судебному процессу.

Таким образом, полномочий прокурора в подготовительной части судебного разбирательства уголовных дел, изложенных в УПК, достаточно для осуществления им функции государственного обвинения.

Заключение

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) прокурор является участником судебного разбирательства уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, а также дел частного обвинения, возбуждаемых прокурором (за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 455 УПК);

2) в стадии судебного разбирательства прокурор осуществляет функцию государственного обвинения, являющуюся производной от базовой функции осуществления прокурорского надзора за соблюдением законодательства;

3) термин «прокурорский надзор» является устоявшимся и традиционным;

4) в подготовительной части стадии судебного разбирательства уголовных дел участие прокурора осуществляется по следующим направлениям: а) заявление ходатайств; б) высказывание своего мнения по заявленным ходатайствам других участников судебного заседания.

Список цитированных источников

1. *Воронин, О. В.* Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением / О. В. Воронин. — Томск : Изд-во НТЛ, 2004. — 208 с.

2. *Ларин, А. М.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А. М. Ларин. — М. : Юрид. лит., 1986. — 160 с.

3. *Тушев, А. А.* Функция защиты и правозащитная функция в уголовном судопроизводстве России / А. А. Тушев // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью / под ред. В. Д. Зеленского. — Краснодар : КубГАУ, 2023. — С. 221–228.

4. *Якимович, Ю. К.* Участники уголовного процесса / Ю. К. Якимович. — СПб. : Юрид. центр, 2015. — 174 с.

5. Бибило, В. Н. Уголовно-процессуальное регулирование стадии исполнения приговора / В. Н. Бибило. — Минск : Право и экономика, 2022. — 152 с.

6. Руководство для государственного обвинителя : учеб. пособие / О. Н. Коршунова [и др.] ; под ред. О. Н. Коршуновой. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : Юстиция, 2023. — 628 с.

7. Мезинов, Д. А. Участие прокурора в рассмотрении дел судами : учеб. пособие / Д. А. Мезинов. — Томск : Изд-во НТЛ, 2008. — 100 с.

8. Балакшин, В. С. Поддержание государственного обвинения по уголовным делам об умышленных убийствах / В. С. Балакшин, В. В. Балакшин. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 328 с.

Аннотация. Разобрана деятельность прокурора в подготовительной части стадии судебного разбирательства уголовных дел, предназначенная для создания организационных условий осуществления судебного заседания. Отмечено, что она осуществляется по двум направлениям: 1) заявление ходатайств; 2) высказывание своего мнения по ходатайствам, заявленным другими участниками судебного заседания.

PROSECUTOR'S ROLE IN THE PREPARATORY PART OF THE TRIAL STAGE OF A CRIMINAL CASE

Bibilo V.N.

Keywords: criminal procedure, court, prosecutor, trial, motion

Abstract. The preparatory part of the trial stage of a criminal case is designed to create organizational conditions for conducting court sessions. In the preparatory part of the trial the prosecutor's activities have two focus areas: 1) filing motions; 2) responding to motions filed by other trial participants.

ГЕНЕЗИС ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Варавко Ю. В.

Ключевые слова: информационная аналитика, информационно-аналитическая деятельность следователя, криминалистическая регистрация, криминалистический анализ, криминальный анализ.

Введение

Неотъемлемой частью процессов предупреждения, раскрытия и расследования преступлений является информационно-аналитическая деятельность следователя (далее — ИАД следователя), выступающая в качестве инструмента оптимизации опосредованного познания преступной и иной уголовно-релевантной деятельности, а также процессов по ее расследованию. Результатом поэтапной реализации ИАД следователя является преобразование данных в новые знания, используемые при выдвижении и проверке следственных версий, принятии обоснованных уголовно-процессуальных и тактических решений, установлении причин и условий, способствовавших совершению преступления, обеспечении взаимодействия с субъектами, вовлеченными в процесс расследования преступлений.

Основная часть

Теоретическое описание современного состояния ИАД следователя, а также выработка механизмов совершенствования практики ее применения невозможны без исследования генезиса информационной аналитики как непосредственно в криминалистике, так и в иных областях, в том числе не связанных с правоохранительной деятельностью. При этом нами предлагается рассматривать развитие ИАД следователя в рамках определенных периодов (этапов), используя в качестве критерия тенденции, имевшие место в данной сфере и оказавшие влияние на исследуемое явление.

Аналитическая деятельность возникла и долгое время развивалась в качестве составляющей методологии философского и научного познания. Изначально термин «аналитика» введен в научный оборот древнегреческим философом Аристотелем Стагирским [1]. В период Нового времени Р. Декарт заложил основы дедукции [2], а Ф. Бэкон — каноны индуктивного исследования [3], усовершенствованные и систематизированные Дж. Ст. Миллем [4]. Впоследствии американский философ Ч. С. Пирс предложил новый вид познавательной процедуры — абдукцию, которая по своему содержанию максимально соответствует процессу выдвижения и проверки версий, осуществляемому в ходе предварительного расследования [5].

Первый период развития ИАД следователя — докриминалистический, связан с попытками создания и введения регистрации граждан, вызванной ростом мобильности населения, и наполнения различного рода учетов (XVIII–XIX вв.) [6, с. 21]. Необходимость использования аналитических методов в борьбе с преступностью появилась так же в связи с интеллектуализацией расследования при переходе от инквизиционного к состязательному процессу. Лица, занимавшиеся расследованием преступлений, отказавшись от признательных показаний в качестве основного источника доказательства вины, столкнулись с необходимостью поиска эффективных способов свести разрозненные факты, базирующиеся, как правило, на косвенных доказательствах, в единую стройную систему.

Следующий период становления аналитической деятельности лица, осуществляющего раскрытие и расследование преступлений, связан с возникновением научного знания в форме криминалистики и берет свое начало в первую очередь в системе криминалистической регистрации (конец XIX — первая половина XX в.). Выработанные принципы и алгоритмы систематизации, накопления и использования информации об антропологических признаках преступников, а также оставляемых ими следах стали одним из базовых элементов аналитической деятельности следователя.

В послужившем основой для формирования криминалистики труде «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» Г. Гросс обратил внимание на необходимость следователю постоянно упражняться в «способности к комбинации», т. е. в формировании мыслительного навыка по последствиям сделать умозаключение о предшествовавших событиях, а также применять методы анализа и синтеза к результатам своей деятельности и полученным по уголовному делу данным [7, с. 10].

В 1920–1930-е гг. в криминалистике предпринимается попытка разработать концепцию единого метода, в качестве которого должны были выступать законы формальной логики, а также такие методы познания, как индукция и дедукция [8].

Советский ученый В. И. Громов важнейшим условием, обеспечивающим рациональность и продуктивность всей работы органов расследования, считал логически правильное мышление, умение строить логически правильные суждения и делать правильные умозаключения [9, с. 432].

Авторы изданного в 1930-е гг. одного из первых советских учебников по криминалистике подвергли критике подходы зарубежных и ряда советских ученых, касающиеся возможности выработки единого метода расследования, а также использования для этого криминалистических законов логического мышления. Вместе с тем они обратили внимание

на существование доказательств, которые являются следствием анализа, сопоставления фактов, в результате глубокого изучения этих фактов. По этой причине одной из основных задач методики расследования преступлений, по их мнению, является обучение следователя анализу конкретных материалов уголовного дела, обучение его мыслить диалектически, а не только искать «на ощупь» определенные факты и обстоятельства [10, с. 15–16].

С 1950–1980-х гг. начался третий период развития ИАД следователя. В это время арсенал следователя по обработке информации помимо методов формальной и диалектической логики обогатился новыми технологиями опосредованного познания события преступления и иных фактов, имеющих значение для его предупреждения, раскрытия и расследования. В частности, данный процесс осуществлялся путем адаптированной трансляции в криминалистику результатов исследований кибернетики, теорий информации, систем и моделирования, системного анализа и т. п. Была обоснована позиция о том, что предварительное следствие по своей сути является одним из видов познавательной деятельности человека. Методами опосредованного познания, используемыми при формировании выводного знания в ходе следственной деятельности, являются анализ и синтез, выдвижение и проверка версий, моделирование [11]. Кроме того, в ряде исследований обоснована центральная роль информационной составляющей в процессе предупреждения, раскрытия и расследования преступлений [12; 13, с. 18].

Теоретические основы аналитической деятельности следователя с 1970–1980-х гг. стали предметом изучения в исследованиях, посвященных криминалистическому анализу [14; 15].

Модель, наиболее полно и цельно раскрывающая содержание, сущность и средства криминалистического анализа, была предложена А. В. Дуловым. Ученый полагал, что в основе данного метода, имеющего приоритетное значение для изучения каких-либо объектов криминалистики, лежит системный подход, подкрепленный познаниями в области криминологии, уголовного права, теоретических основ криминалистики, а также методами из неюридических областей знаний (психологии, социологии, технических наук и т. д.) [16; 17]. При этом отсутствие единого понимания существенных элементов рассматриваемого метода, а также разработанных алгоритмов и механизмов использования криминалистического анализа в практической деятельности следователя ограничивает возможности его применения для решения задач предварительного расследования.

Иная ситуация сложилась в практике зарубежных правоохранительных органов, где значительное внимание уделялось аналитической обработке информации в качестве средства борьбы с преступностью.

Формой реализации информационно-аналитической деятельности лиц, осуществляющих расследование преступлений в Великобритании, США и иных государствах, выступал криминальный анализ, который, по мнению А. Е. Гучка, является зарубежным аналогом криминалистического анализа [18, с. 117].

Предпосылкой формирования процедуры криминального анализа стало качественное изменение структуры преступности, связанное, в частности, с появлением ее организованной транснациональной формы. На первоначальном этапе в качестве предмета анализа преступлений выступал способ совершения преступления (*modus operandi*).

Успешность применения разработанной в 1960–1970-е гг. в США технологии по анализу данных, позволяющей систематизировать, аналитически обработать и представить их в максимально наглядном варианте, усиленная возможностью компьютеризации составляющих его основу процедур, привела к широкому распространению методов криминального анализа в мире. Однако в зарубежной криминалистике и практике работы правоохранительных органов отсутствуют единые подходы к определению понятия криминального анализа и его содержанию [19].

На постсоветском пространстве вопросам криминального анализа уделили свое внимание В. С. Овчинский [20], А. Е. Гучок [18], О. В. Рожко [21], которые, помимо описания самого метода, обосновывали возможность и необходимость его интеграции в практику досудебного уголовного производства правоохранительных органов Российской Федерации и Республики Беларусь.

В рассматриваемый период из криминалистики в качестве самостоятельной отрасли знаний выделена теория оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), в структуре которой стала активно развиваться аналитическая составляющая. В ходе формулирования и обоснования положений частной теории информационно-аналитической работы ученые, занимавшиеся исследованиями в области ОРД, определили объект, предмет, средства и методы, а также принципы ее осуществления. Кроме того, ими описано соотношение информационно-аналитической деятельности (работы) и криминалистики, а также уголовно-процессуальной деятельности по расследованию преступлений [22; 23].

При этом схожесть задач, разрешаемых органами дознания и предварительного следствия, а также частичное совпадение используемых при этом средств и методов порождают необходимость отграничения этих двух максимально близких по своей сути видов информационной аналитики.

На современном этапе развития ИАД следователя (начиная с 1990-х гг.) работа криминалистов по рассматриваемой проблематике определяется процессами цифровизации и компьютеризации различных сфер деятельности человека, а также возможностями адаптации для целей расследования достижений информационной и отраслевой аналитик, методологии науч-

ного и философского познания и иных областей познавательной деятельности.

Во второй половине XX в. усложнение и ускорение процессов в политической, финансово-экономической и иных сферах жизни потребовали разработки инструментов опосредованного получения новых знаний и обеспечения принятия обоснованных управленческих решений, что привело к формированию аналитики как особого вида познавательной деятельности и социальной активности. Выделяется отраслевая аналитика, представленная в первую очередь самостоятельными областями научных знаний и социальных практик, имеющих глубокую теоретическую проработку и накопленный богатый практический опыт в таких сферах, как политика, экономика и финансы, управленческая деятельность, библиотечное дело и информационные технологии [24–26]. Кроме того, аналитической обработке информации посвящены отдельные исследования в области обеспечения национальной безопасности [27], юриспруденции [28] и международных отношений [29].

Частичное совпадение предмета, функций, методов и иных составляющих информационно-аналитической деятельности, осуществляемой в различных сферах гуманитарного знания, на фоне лавинообразного увеличения количества фиксируемых и накапливаемых данных закономерно привело к формированию концепции аналитики (или информационной аналитики) как универсальной и междисциплинарной области знаний и социальной практики.

Исследования ИАД следователя как элемента предупреждения, раскрытия и расследования преступления начинают в 1990-е гг., что обусловлено формированием в этот период понимания необходимости выделения такой деятельности в качестве самостоятельной составляющей процесса расследования [30, с. 9].

Впервые определение информационно-аналитической работы, осуществляемой при расследовании преступлений, было сформулировано С. И. Цветковым. Им также обоснована значимость такой деятельности для исключения следственных ошибок и предложен ряд безмашинных и инструментальных способов собирания, систематизации и оценки информации [31].

Комплексному научному осмыслению информационно-аналитической работы (деятельность) следователя подвергнута Ю. И. Степурой. Ученым дано определение и раскрыто содержание данной составляющей процесса расследования преступлений, сформулирована система принципов, лежащих в основе такой деятельности. При этом им не в полной мере учтены современные тенденции по изменению подходов к процессу расследования, сложившиеся под влиянием цифровизации и информатизации, а также зарубежный опыт осуществления аналитической деятельности в ходе предупреждения,

раскрытия и расследования преступлений. Кроме того, исследование носит преимущественно теоретический характер и не содержит практических рекомендаций, направленных на совершенствование информационно-аналитической работы (деятельности) следователя [32].

Существенный вклад в формирование теоретических основ ИАД следователя внес Г.А. Густов, который предложил использовать, помимо методов субъективного анализа, методы научного анализа, к которым он отнес программно-целевой, факторный и экономический анализ, а также методы моделирования, комплексного подхода, статистических связей и аналогий [33].

Актуальные тенденции развития информационно-аналитической деятельности рассмотрены в публикациях российского ученого-криминалиста Е.П. Ищенко, в которых отражены вопросы организации аналитической деятельности в ходе группового расследования преступлений, предложен алгоритм анализа информации, извлекаемой из баз данных устройств и систем видеофиксации и мобильной сотовой связи, а также в целом раскрыты проблемные аспекты использования новых источников информации, фиксируемой и хранящейся в электронном (цифровом) виде [34; 35].

На современном этапе развития системы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений объемы сведений, получаемых в ходе использования источников данных, фиксирующих и сохраняющих информацию в цифровом виде, а также их уникальность в сравнении с иными источниками криминалистически значимой информации повлекли необходимость выработки механизмов их аналитической обработки. В связи с этим в исследованиях, посвященных криминалистическому использованию мобильной сотовой связи, систем видеонаблюдения, сети Интернет и ряда других технологий, имеются отдельные аспекты, которые могут быть включены в процедуры осуществления ИАД следователя [36]. При этом несмотря на порождаемую новыми источниками цифровых данных информационную избыточность, системно и полно вопрос их использования в ходе ИАД следователя не изучался.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно утверждать, что основы ИАД следователя стали формироваться с момента начала накопления данных, используемых в целях борьбы с преступностью (**докриминалистический период**). Дальнейшее совершенствование рассматриваемого направления в работе правоохранительных органов связано с активным применением знаний в области криминалистики. В этот же период начинается теоретическое осмысление познавательной деятельности субъекта расследования преступлений, выработка методов и средств анализа криминалистически значимой информации (**период становления криминалистики**, конец XIX — 40-е гг. XX в.). Основанием для генезиса

информационно-аналитической деятельности правоохранительных органов в середине XX в. стала адаптация теории информации и кибернетики, системного подхода, а также возможностей электронно-вычислительной техники для нужд выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений (**период формирования теоретико-прикладных основ аналитических процедур в криминалистике, 1950–1980-е гг.**). На современном этапе процессы информатизации привели к необходимости активного внедрения элементов информационно-аналитической деятельности в процесс предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а также выделения ее в качестве самостоятельной составляющей процесса расследования (**современный период развития ИАД следователя, начиная с 1990-х гг.**).

При этом несмотря на наличие в криминалистике отдельных исследований, затрагивающих вопросы осуществления аналитической деятельности как способа опосредованного познания следователем события преступления и иных фактов, имеющих существенное значение для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, комплексного и системного представления о данном виде деятельности следователя не имеется. Поэтому значимыми видятся выработка актуального определения понятия и раскрытие содержания ИАД следователя, установление критериев ее отграничения от информационной аналитики в иных сферах правоохранительной деятельности, формирование системы источников данных для ее осуществления, а также методов и средств их обработки. Кроме того, интерес представляют изучение состояния информационно-аналитической деятельности зарубежных правоохранительных органов и выработка подходов по возможной интеграции ее основ в практику отечественных органов предварительного следствия. Необходимо также сформулировать конкретные предложения по совершенствованию тактики проведения отдельных следственных действий и методики расследования преступлений с учетом возможностей использования ИАД следователя.

Список цитированных источников

1. *Аристотель. Аналитики* / Аристотель. — Минск : Современ. слово, 1998. — 448 с.
2. *Декарт, Р. Сочинения* : в 2 т. / Р. Декарт ; ред.-сост. В. В. Соколова ; пер. с лат. И фр. С. Я. Шейнман-Топштейн [и др.]. — М. : 1989. — Т. 1. — 654 с.
3. *Бэкон, Ф. Сочинения* : в 2 т. / Ф. Бэкон ; ред.-сост. А. Л. Субботина ; АН СССР, Ин-т философии. — М. : Мысль, 1972. — Т. 2. — 575 с.

4. Милль, Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Дж. Ст. Милль. — М. : ЛЕНАНД, 2011. — 832 с.

5. Рузавин, Г. И. Методология научного познания : учеб. пособие для вузов / Г. И. Рузавин. — М. : ЮНИТИ-ДАТА, 2012. — 287 с.

6. Голубовский, В. Ю. Теория и практика информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности подразделений криминальной милиции : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В. Ю. Голубовский ; С.-петерб. ун-т МВД РФ. — СПб., 2001. — 373 с.

7. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс ; науч. ред.: В. В. Крылов. — М. : ЛексЭст, 2002. — 1088 с.

8. Анушат, Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики / Э. Анушат. — М. : ЛексЭст, 2001. — 112 с.

9. Громов, В. И. Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений: Осмотр места преступления : сб. науч. тр. / В. И. Громов. — М. : ЛексЭст, 2003. — 544 с.

10. Криминалистика : учебник : в 2 т. / В. И. Громов [и др.]; под ред. А. Я. Вышинского. — 4-е изд., испр. — М. : ОГИЗ, 1935. —Т. 1. — 272 с.

11. Лузгин, И. М. Расследование как процесс познания / И. М. Лузгин. — М., 1969. — 178 с.

12. Колдин, В. Я. Информационные процессы и структуры в криминалистике / В. Я. Колдин, Н. С. Полевой. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. — 134 с.

13. Самыгин, Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности / Л. Д. Самыгин — М. : Изд. МГУ. 1989. — 180 с.

14. Соловьев, А. В. Криминалистический анализ показаний в системе следственной тактики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Соловьев; Саратов. юрид. ин-т. — М., 1980. — 23 с.

15. Криминалистический анализ уголовного дела об убийстве : задания к практическим занятиям по спецкурсу «Расследование убийств» / В. И. Шиканов [и др.]; отв. ред. В. И. Шиканов. — Иркутск : Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1986. — 49 с.

16. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. — Минск : Экоперспектива, 1998. — 415 с.

17. Дулов, А. В. Метод криминалистического анализа / А. В. Дулов // Вопросы криминологии, криминалистики и суд. экспертизы : сб. науч. ст. / Науч.-исслед. ин-та проблем. криминологии, криминалистики и судебной экспертизы М-ва юстиции Респ. Беларусь ; редкол.: А. В. Дулов (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 1996. — С. 107–117.

18. Гучок, А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления / А. Е. Гучок. — Минск : Тесей, 2012. — 228 с.

19. *Stanton, Anna E.* Crime analysis: an examination of crime prevention and reduecation strategies [Electronic resource] / Anna E. Stanton // Simon Fraser University. — Mode of access: <https://summit.sfu.ca/item/9550/>. — Data of access: 24.06.2024.

20. *Овчинский, В. С.* Интерпол в вопросах и ответах : учеб. пособие / В. С. Овчинский. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2015. — 368 с.

21. *Рожко, О. В.* Аналитическое обеспечение следственной деятельности / О. В. Рожко // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации : тез. выступ. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апр. 2018 г. / Следственный комитет Респ. Беларусь ; ред.: С. Я. Аземша [и др.]. — Минск, 2018. — С. 271–275.

22. *Овчинский, С. С.* Оперативно-розыскная информация / А. С. Овчинский, В. С. Овчинский. — М. : ИНФРА-М, 2000. — 367 с

23. *Яковец, Е. Н.* Основы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / Е. Н. Яковец. — М. : Щит-М, 2009. — 464 с.

24. *Курлов, А. Б.* Методология информационной аналитики : монография / А. Б. Курлов, В. К. Петров. — М. : Проспект, 2014. — 384 с.

25. *Конотопов, П. Ю.* Аналитика: методология, технология и организация информационно-аналитической работы / П. Ю. Конотопов, Ю. В. Курносов. — М. : РУСАКИ, 2004. — 512 с.

26. *Гордукалова, Г. Ф.* Технология анализа и синтеза профессиональной информации : учеб.-практ. пособие / Г. Ф. Гордукалова. — СПб. : Профессия, 2009. — 512 с.

27. *Евелькин, Г. М.* Информационно-аналитическая деятельность в условиях кризиса и конфликтного противоборства : монография / Г. М. Евелькин. — Минск : Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2021. — 408 с.

28. *Исаков, В. Б.* Правовая аналитика : учеб. пособие / В. Б. Исаков. — М. : Норма: ИНФРА-М, 2016. — 384 с.

29. *Демидов, В. В.* Информационно-аналитическая работа в международных отношениях / В. В. Демидов. — М. : ИНФРА-М, 2019. — 369 с.

30. *Ищенко, П. П.* Информационное обеспечение следственной деятельности : науч.-практич. пособие / П. П. Ищенко ; под ред. Е. П. Ищенко. — М. : Юрлитинформ, 2011. — 168 с.

31. *Цветков, С. И.* Информационно-аналитическая работа, версии и планирование при расследовании деятельности преступных структур : лекция / С. И. Цветков — М. : НИИРИО Моск. ин-та МВД России, 1994. — 31 с.

32. *Степура, Ю. И.* Использование информационно-аналитической работы следователя в организации расследования преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11; 12.00.09 / Ю. И. Степура ; Моск. гуманитар. ун-т. — М., 2011. — 186 л.

33. Густов, Г. А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Г. А. Густов ; НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. — М., 1993. — 63 с.

34. Ищенко, Е. Анализ информации из электронных баз данных в следственной группе / Е. Ищенко, В. Жуланов // Законность. — 2007. — № 4. — С. 26–29.

35. Ищенко, Е. Осмотр места происшествия с целью получения информации из электронных баз данных / Е. Ищенко, В. Жуланов // Законность. — 2006. — № 6. — С. 10–12.

36. Дусева, Н. Ю. Техничко-криминалистические основы использования глобальной навигационной системы в расследовании и предупреждении преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Н. Ю. Дусева ; Волгоград. Акад. МВД России. — Волгоград, 2015. — 193 л.

Аннотация. Рассматривается процесс формирования информационно-аналитической деятельности следователя на основе анализа исследований отечественных и зарубежных криминалистов, а также истории становления информационной аналитики в иных областях знаний и социальных практик в целом. Предложена периодизация развития ИАД следователя, а также обозначены направления исследования, представляющие интерес для системного описания такой деятельности.

GENESIS OF THE INFORMATIONAL AND ANALYTICAL ACTIVITY OF THE INVESTIGATOR

Varavko Y. V.

Keywords: information analysis, informational and analytical activity of the investigator, forensic registration, forensic analysis, criminal analysis.

Abstract. The article considers the process of formation of informational and analytical activity of the investigator on the basis of analysis of research of domestic and foreign forensics, as well as in general history of formation of information analytics in other fields of knowledge and social practices. Periodization of development of investigator's informational and analytical activity was proposed, as well as directions of research that are of interest for the system description of such activity were identified.

О НЕОБХОДИМОСТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОНФИСКАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Шняк С. В.

Ключевые слова: специальная конфискация, предварительное расследование, прекращение предварительного расследования, отказ в возбуждении уголовного дела, орудия и средства совершения преступления.

Введение

Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» из Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ) исключена конфискация имущества, ранее применявшаяся в качестве дополнительного наказания за совершение преступлений и состоявшая в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного.

Позитивно оценивая такое изменение законодательства, сходимся во мнении с И. С. Горбачевым относительно того что позиция, связанная с применением конфискации имущества (большинством ученых и правоприменителей называемая «общей»), не всегда являлась соразмерной мерой реагирования на совершение преступления, прямо противоречит основным началам собственности, а лишение преступника законно нажитого имущества также непосредственно нарушает принцип виновности, ведь члены семьи осужденного претерпевают материальные трудности и теряют возможность наследовать конфискованную собственность [1].

Исключение из УК РБ общей конфискации имущества правонарушителя, по нашему мнению, полностью соответствует положениям ст. 44 Конституции Республики Беларусь, согласно которым собственность, приобретенная законным способом, защищается государством [2].

Одновременно с исключением конфискации имущества (как дополнительного наказания) УК РБ вышеупомянутым Законом дополнен ст. 46–1, согласно требованиям которой при совершении преступления подлежат специальной конфискации, т. е. принудительному безвозмездному изъятию в собственность государства: имущество, добытое преступным путем или приобретенное на средства, добытые преступным путем; доход, полученный от использования этого имущества, а также предметы преступления, если они не подлежат возврату потерпевшему или иному лицу;

орудия и средства совершения преступления, принадлежащие лицу, совершившему преступление; вещи, изъятые из оборота; транспортное средство (независимо от права собственности, но за исключением транспортных средств, выбывших из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц), которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 317–1 УК РБ [3]. Законодателем предусмотрена также возможность взыскания денежной суммы, соответствующей стоимости отдельных объектов специальной конфискации, в случаях, когда это невозможно вследствие утраты, израсходования, уничтожения, реализации либо по иным причинам.

Основная часть

Рассматриваемый правовой институт соответствует общепризнанным нормам международного права. Так, в соответствии со ст. 8 Международной конвенции Организации Объединенных Наций (далее — ООН) о борьбе с финансированием терроризма каждое государство-участник принимает в соответствии с принципами своего внутреннего права надлежащие меры для конфискации средств, которые использовались или были выделены для целей совершения преступлений, отнесенных указанной конвенцией к категории террористических, и поступлений, полученных в результате таких преступлений [4].

Согласно ст. 12 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности государства-участники принимают в максимальной степени, возможной в рамках их внутренних правовых систем, такие меры, какие могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации: доходов от преступлений, охватываемых данной Конвенцией, или имущества, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов; имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначавшихся для использования при совершении преступлений, охватываемых Конвенцией. Если же доходы от преступлений были превращены или преобразованы, частично или полностью, в другое имущество, то соответствующие меры применяются в отношении такого имущества [5].

Аналогичные меры предписаны ст. 2 Конвенции Совета Европы № 141 об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS № 141) [6].

Вместе с тем в законодательстве различных государств и научной среде отсутствует единый подход к определению правовой природы специальной конфискации. Так, уголовные кодексы ряда зарубежных стран (например, Франции, США, Японии) определяют данный правовой институт в качестве основного и дополнительного видов наказания [1]. В российском же законодательстве специальная конфискация не вклю-

чена в систему наказаний, а отнесена к иным мерам уголовно-правового характера [7]. Уголовный закон Республики Молдова относит ее к мерам безопасности [8]. В уголовном законодательстве Республики Беларусь правовая природа специальной конфискации четко не определена, но норма о данной принудительной мере помещена в главу 8 УК РБ «Общие положения об уголовной ответственности», где, однако, содержится оговорка, что таковая применяется наряду с уголовной ответственностью (ч. 2 ст. 46 УК РБ).

Аналогичным образом разделились мнения и в правовой доктрине. Некоторые авторы склонны относить специальную конфискацию к видам наказаний [9].

Ю. И. Рутковский характеризует специальную конфискацию как уголовно-правовую меру, направленную на изъятие в доход государства вещей, имущества, полученных в результате преступной деятельности или использовавшихся в процессе совершения умышленного преступления, в целях недопущения их легализации, сохранения и содействия дальнейшей преступной деятельности [10].

В. М. Хомич относит специальную конфискацию к числу иных мер уголовно-правового воздействия, не относящихся по своим основаниям, содержанию и функциям к наказанию и иным мерам уголовной ответственности [11]. Аналогичного мнения придерживаются, например, Т. Г. Понятовская, А. И. Лукашов, С. В. Шевелева, Е. О. Яковлева [12–14].

Отдельные вопросы специальной конфискации довольно детально рассмотрены в научной литературе. Так, исторический аспект возникновения и становления института специальной конфискации на территории современной России изучен в работе А. А. Олейникова [15], а на территории, исторически относящейся к Республике Беларусь, — в работе А. И. Лукашова, С. В. Шевелевой и Е. О. Яковлевой [14].

И. С. Горбачев провел подробный анализ особенностей регламентации и правоприменения конфискации имущества в уголовно-правовых предписаниях зарубежных стран. По его результатам автор, помимо прочих, сделал вывод, что общемировые требования гуманизации уголовно-правовых отношений привели к постепенному отказу законодателя ряда стран от общей конфискации, а также конфискации, применяемой в качестве основного уголовного наказания, и предопределили приоритетное использование специальной конфискации имущества [1].

Итогом аналогичных исследований, проведенных Р. Р. Хайруллиным, а также А. В. Куликовым и Ю. А. Хибнерс, стало заключение о том, что, несмотря на сохранение отдельными странами общей и специальной конфискации как дополнительного наказания, в современном мире преобладает тенденция, связанная с осознанием неадекватности лишения виновного имущества, приобретенного законным путем [16; 17].

Н.В. Висков провел исследование по вопросу о процессуальных мерах обеспечения исполнения специальной конфискации [18].

Вопросы применения данного института в отношении предмета лизинга освещались в научных трудах С.В. Кравчука [19; 20], в отношении транспортных средств при осуждении обвиняемых по ст. 317–1 УК РБ — в работе В.Г. Шевцова [21].

Практика применения рассматриваемого средства уголовно-правового воздействия получила в Республике Беларусь широкое распространение, а его процедура непрерывно совершенствуется. Вместе с тем еще не исключены все недостатки нормативной регламентации уголовного процесса, связанные с использованием механизма специальной конфискации, прежде всего при досудебном производстве.

По результатам проведенного нами анкетирования 111 следователей и руководителей подразделений Следственного комитета Республики Беларусь большинство респондентов (51,4 %) высказались о необходимости расширения уголовно-процессуальных оснований для использования специальной конфискации. Каждый десятый из опрошенных сообщил, что сталкивался с проблемами при применении данного правового института при досудебном производстве.

Несмотря на довольно подробное освещение понятия специальной конфискации, правовой базы ее применения, ряда иных вопросов, связанных с этим явлением, детальный анализ концептуальных основ использования данного института при принятии органом уголовного преследования решений о прекращении предварительного расследования по уголовным делам, а также об отказе в возбуждении уголовного дела в белорусской и российской научной среде не проводился, что определяет актуальность настоящего исследования.

Действующим законодательством установлено, что обязательное применение специальной конфискации при совершении преступления, осуществляется судом как при вынесении обвинительного приговора, так и при прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности обвиняемого по основаниям, предусмотренным нормами Общей и Особенной частей УК РБ (ст. 20, 83, 86–89, 95, 118 УК, примечаниями к главам и статьям Особенной части УК) [22].

В ч. 5 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК РБ) закреплено, что при прекращении производства по уголовному делу в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 30, а также пп. 3, 4 и 7 ч. 1 ст. 29 УПК, и наличии оснований для специальной конфискации имущества, добытого преступным путем или приобретенного на средства, добытые преступным путем, дохода, полученного от использования этого имущества, либо денежной суммы, соответствующей стоимости имущества, добытого преступным путем или приобретенного на средства, добытые преступным

путем, и (или) размеру дохода, полученного от использования этого имущества, копия постановления о прекращении производства по уголовному делу направляется следователем, прокурором в суд для решения вопроса о применении специальной конфискации в соответствии со ст. 46–1 УК РБ [23].

В настоящее время выделено две ситуации, при которых может быть решен вопрос о применении специальной конфискации:

- при вынесении судом по уголовному делу обвинительного приговора;
- при прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности по вышеуказанным основаниям (возможность применения специальной конфискации связывается с формально-правовым фактом прекращения производства по уголовному делу).

Вместе с тем, как следует из положений ч. 2 ст. 46 УК РБ, а также основополагающих актов международного права по рассматриваемому вопросу, имплементированных Республикой Беларусь, применение специальной конфискации должно обуславливаться только фактом совершения преступления безотносительно к процедуре принятия решения об освобождении правонарушителя от уголовной ответственности. Ни уголовное законодательство Республики Беларусь, а также ни один из ранее упомянутых актов международного права не содержат предписаний, препятствующих применению специальной конфискации при освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности.

В связи с этим видится интересным зарубежный опыт применения специальной конфискации до принятия по уголовным делам окончательных процессуальных решений. Например, в соответствии со ст. 280 УПК Китайской Народной Республики по уголовным делам, связанным с коррупционными преступлениями, преступлениями террористической направленности, в случае неявки подозреваемого или обвиняемого по прошествии года после объявления его в розыск, если существует противозаконно приобретенное им имущество или иное имущество, имеющее отношение к делу, Народная прокуратура может обратиться в Народный суд с ходатайством о конфискации противозаконно приобретенного имущества [7].

В связи с этим видится нелогичным связывать возможность использования института изъятия имущества, входящего в перечень объектов специальной конфискации, исключительно с принятием решения о прекращении предварительного расследования по уголовному делу (уголовного преследования), поскольку освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности на основании норм Общей и Особенной частей УК РБ, а также УПК РБ допустимо на стадии досудебного производства и **путем принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела.**

Несовершенство существующего правового регулирования специальной конфискации усматривается при моделировании конкретных ситуаций

освобождения лиц от уголовной ответственности в ходе предварительного расследования и проведения доследственных проверок. Так, например, денежные средства, полученные взяточполучателем, умершим в ходе предварительного расследования, при принятии по возбужденному в отношении последнего уголовному делу решения о прекращении предварительного расследования на основании п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК РБ, подлежат специальной конфискации. Вместе с тем в случае принятия органом уголовного преследования в отношении такого лица в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК РБ решения об отказе в возбуждении уголовного дела правовые основания для применения специальной конфискации отсутствуют.

Также видится нелогичной невозможность применения при досудебном производстве специальной конфискации при принятии решений о прекращении предварительного расследования (уголовного преследования), отказе в возбуждении уголовного дела **по всем нереабилитирующим основаниям**, предусмотренным нормами Общей и Особенной частей УК РБ, например на основании примечания к ст. 432 УК в отношении виновного в посредничестве во взяточничестве либо соучастника в даче или получении взятки, выполняющего соответствующую преступную роль за незаконное материальное вознаграждение.

В связи с этим считаем целесообразным проведение корректировки уголовно-процессуального законодательства, позволяющей обеспечить обязательное применение специальной конфискации при совершении преступления в случаях принятия в отношении лица, его совершившего, решений как о прекращении предварительного расследования (уголовного преследования), так и об отказе в возбуждении уголовного дела по всем основаниям, отнесенным законодателем к категории нереабилитирующих.

Предлагаемая новация поддерживается и правоприменителями. При этом подавляющее большинство (66,7 %) из опрошенных в ходе проведенного нами анкетирования сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь считают целесообразным применять специальную конфискацию при прекращении уголовного преследования правонарушителя по любым нереабилитирующим основаниям. Также 47,7 % следственных работников полагают правильным распространение возможности применения данного правового института и на случаи принятия по аналогичным основаниям решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Рассматриваемое предложение не противоречит принципам уголовного права и уголовного процесса Республики Беларусь, поскольку в соответствии с разъяснениями п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2023 г. № 1 «О применении судами специальной конфискации (ст. 46–1 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» специальная конфискация не относится к наказанию, иным мерам

уголовной ответственности, применение которых возможно в отношении лица, совершившего преступление, лишь при осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда [22]. Это же обстоятельство подтверждается применением в настоящее время на практике судами специальной конфискации при прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 30, а также пп. 3, 4 и 7 ч. 1 ст. 29 УПК РБ.

Анализ приведенных выше норм закона (ст. 46–1 УК РБ и ч. 5 ст. 30 УПК РБ) по вопросу применения специальной конфискации свидетельствует о **«сужении» перечня объектов специальной конфискации** (по нашему мнению, необоснованном) при принятии по уголовным делам процессуальных решений о прекращении производства по вышеперечисленным реабилитирующим основаниям в рамках досудебного производства.

Так, при принятии упомянутых решений по уголовным делам, исходя из положений действующего уголовно-процессуального законодательства, из перечня объектов специальной конфискации исключены: предметы преступления (не подлежащие возврату потерпевшему или иному лицу); орудия и средства совершения преступления, принадлежащие лицу, совершившему преступление; вещи, изъятые из оборота; транспортное средство, которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 317–1 УК РБ (не выбывавшее из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц) (далее, если не указано иное, — имущество особой категории).

Данное обстоятельство в части невозможности применения рассматриваемой меры уголовно-правового характера к орудиям и средствам совершения преступления, принадлежащим лицу, его совершившему, а равно к предметам, запрещенным к обращению, противоречит не только положениям ст. 46–1 УК РБ, но и требованиям ч. 1 ст. 98 УПК РБ, в соответствии с которыми при разрешении уголовного дела объекты указанной категории подлежат конфискации или уничтожаются.

Обозначенное противоречие нормативных правовых актов, часто влекущее невозможность исполнения требований законодательства в части принятия мер в отношении вещественных доказательств при разрешении уголовного дела, подтверждено следственно-судебной практикой. Ввиду упомянутой коллизии законодательства в схожих следственных ситуациях судами принимаются противоположные решения. Например, орудием совершения преступления по уголовному делу, возбужденному в отношении О. по фактам покушения на незаконную охоту и причинения смерти по неосторожности, явилось принадлежащее фигуранту двустольное охотничье ружье модели «ТОЗ-34Р». Прекратив 19 декабря 2022 г. производство по

уголовному делу на основании п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК РБ, следователь направил копию соответствующего постановления в суд для применения к упомянутому имуществу специальной конфискации. Однако постановлением суда Новобелицкого района г. Гомеля от 12 января 2023 г. в применении данного правового института отказано, что обосновано ссылкой на «усеченный» перечень объектов специальной конфискации, закрепленный в ч. 5 ст. 30 УПК РБ. В результате этого единственным предусмотренным законом механизмом решения вопроса о судьбе вышеуказанного ружья, признанного вещественным доказательством по уголовному делу, в соответствии с положениями ст. 98 УПК РБ, оставалось его уничтожение.

Вместе с тем иное решение по вопросу о применении специальной конфискации в отношении предмета преступления принято судом Октябрьского района г. Минска по уголовному делу, возбужденному в отношении Б. по факту контрабанды наличных денежных средств в крупном размере. На основании постановления следователя о прекращении производства по данному уголовному делу и с указанием на ч. 1 ст. 46–1 УК РБ вышеуказанным судом 2 февраля 2023 г. решено принудительно безвозмездно изъять в доход государства денежные средства в сумме 30 282 долл. США, 9 060 евро, 155 турецких лир и 1 200 белорусских рублей, явившихся предметом преступления.

Необходимость изменения существующей регламентации применения института специальной конфискации по отношению к имуществу особой категории при прекращении производства по уголовному делу в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 30, а также пп. 3, 4 и 7 ч. 1 ст. 29 УПК РБ (а равно в иных случаях при положительном решении вопроса о ранее предложенном изменении уголовно-процессуального законодательства) обусловлена, прежде всего, целью обеспечения единообразного применения закона в аналогичных ситуациях при совершении уголовно наказуемых деяний.

Кроме того, в настоящее время по вышеуказанным причинам не во всех случаях возможно изъятие упомянутого имущества в порядке ст. 46–1 УК РБ в доход государства либо его использование для возмещения вреда, причиненного потерпевшему от преступления, а также ущерба, понесенного государством или юридическими лицами. Это свидетельствует о том, что действующий уголовно-процессуальный механизм в соответствующей части не в полной мере способствует восстановлению социальной справедливости и цели общей профилактики противоправного поведения, что, помимо прочего, должно обеспечиваться в том числе применением на практике института специальной конфискации.

Заключение

Принимая во внимание изложенное, видится целесообразным проведение перечня объектов, подлежащих специальной конфискации, от-

раженных в ч. 5 ст. 30 УПК РБ, в соответствие с перечнем таких объектов, закрепленным в ст. 46–1 УК РБ.

Одним из важнейших механизмов, обеспечивающих практическую реализацию принципов уголовного закона, является принудительное безвозмездное изъятие при совершении преступления объектов специальной конфискации.

Вместе с тем существующие недостатки правовой регламентации данного уголовно-правового механизма безосновательно ограничивают возможность использования института изъятия в интересах государства имущества, тем или иным образом связанного с совершением преступления.

Предложенный в настоящей статье способ корректировки уголовно-процессуального законодательства в части применения специальной конфискации при досудебном производстве, как представляется, будет способствовать соблюдению принципа справедливости при применении данной меры уголовно-правового воздействия, а соответствующие изменения приведут к гармонизации положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства по рассматриваемому вопросу.

Список использованных источников

1. Горбачев, И. С. Конфискация имущества в уголовно-правовых предписаниях зарубежных стран: особенности регламентации и правоприменения / И. С. Горбачев // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. — 2022. — Т. 8 (74), № 2. — С. 280–289.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г., в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.10.2021, Решения республиканского референдума от 04.03.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

4. Международная конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе с финансированием терроризма [Электронный ресурс] : заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

5. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] :

заключена в г. Палермо 15.11.2000 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

6. Конвенция Совета Европы № 141 об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS № 141) [Электронный ресурс] : заключена в г. Страсбурге 08.11.1990 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

7. Коробеев, А. И. Специальная конфискация имущества в уголовном праве России и Китая: компаративистское исследование / А. И. Коробеев, Ю. В. Аверьянова // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2015. — № 4. — С. 90–103.

8. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : принят 18 апр. 2002 г., № 985-XV (с изм. и доп.; по сост. на 24.11.2023) // Континент. — Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923#pos=128;-208. — Дата доступа: 04.01.2024.

9. Хомич, П. А. Специальная конфискация: проблемы применения и пути их решения / П. А. Хомич // Право.by. — 2016. — № 6 (44). — С. 93–97.

10. Рутковский, Ю. И. О применении судами при рассмотрении уголовных дел специальной конфискации (статья 46¹ УК) (по материалам обзора) / Ю. И. Рутковский // Судовы веснік. — 2023. — № 3. — С. 11–20.

11. Хомич, В. М. Специальная конфискация — уголовно-правовая мера безопасности в системе уголовной юстиции: сравнительно-правовой анализ / В. М. Хомич // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. — Гродно : ГрГУ, 2020. — Вып. 5. — С. 398–406.

12. Понятовская, Т. Г. Иные меры уголовно-правового характера / Т. Г. Понятовская. — М. : Юрист, 2012. — 186 с.

13. Лукашов, А. И. Конкурирующие нормы о конфискации имущества в уголовном и уголовно-процессуальном законе Республики Беларусь и Российской Федерации / А. И. Лукашов // Всерос. криминолог. журнал. — 2020. — Т. 14, № 6. — С. 914–926.

14. Лукашов, А. И. Правовая регламентация конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера в России и Республике Беларусь / А. И. Лукашов, С. В. Шевелева, Е. О. Яковлева // Вестн. Акад. МВД России. — 2019. — № 4. — С. 70–83.

15. Олейников, А. А. История становления законодательства России о конфискации имущества как уголовно-правовой меры воздействия на преступность / А. А. Олейников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — № 4. — С. 109–118.

16. Хайруллин, Р. Р. К вопросу о применении конфискации имущества / Р. Р. Хайруллин // Наука. Общество. Государство. — 2020. — Т. 8, № 1 (29). — С. 174–181.

17. Куликов, А. В. Проблемы назначения и применения конфискации имущества / А. В. Куликов, Ю. А. Хибнерс // Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки. — 2021. — № 1. — С. 39–46.

18. Висков, Н. В. К вопросу о процессуальных мерах обеспечения исполнения специальной конфискации / Н. В. Висков // Вестн. ВолГ У. — 2005. — № 7. — С. 108–112.

19. Кравчук, С. В. О необходимости внесения изменений в законодательство, регулирующее применение специальной конфискации предмета лизинга [Электронный ресурс] / С. В. Кравчук // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

20. Кравчук, С. В. Арест, конфискация и иные ограничительные меры, применяемые в отношении предмета лизинга [Электронный ресурс] / С. В. Кравчук // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

21. Шевцов, В. Г. Специальная конфискация транспортных средств при осуждении обвиняемых по ст. 317–1 УК: вопросы правоприменительной практики [Электронный ресурс] / В. Г. Шевцов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

22. О применении судами специальной конфискации (статья 46–1 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 июня 2023 г., № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

23. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

Аннотация. Описываются проблемные вопросы применения специальной конфискации на стадии досудебного уголовного производства. Анализируются нормы законодательства, правоприменительная практика, связанные с возможностью использования названного правового института в случаях освобождения от уголовной ответственности по различным основаниям. Рассматривается коллизия норм уголовного и уголовно-процессуального права Республики Беларусь, регламентирующих применение специальной конфискации при прекращении производства по уголовному делу с освобождением виновного лица от уголовной

ответственности. Представлен авторский вариант решения соответствующей проблемы. Обосновывается предложение по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

ABOUT THE NEED TO FURTHER IMPROVE SPECIAL CONFISCATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Shpak S. V.

Keywords: special confiscation, preliminary investigation, termination of the preliminary investigation, refusal to initiate a criminal case, instruments and means of committing a crime.

Abstract. The article describes the problematic issues of using special confiscation at the stage of pre-trial criminal proceedings. The norms of legislation and law enforcement practice related to the possibility of using the legal institution under consideration in cases of exemption from criminal liability on various grounds are analyzed. Is considered the conflict of norms of criminal and criminal procedural law of the Republic of Belarus, regulating the use of special confiscation upon termination of criminal proceedings with the release of the guilty person from criminal liability. The author's solution to the corresponding problem is presented. The proposal to improve criminal procedure legislation is substantiated.

5. ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ПОЛОЖЕНИЯМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аристархов А.Л.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, суд, прокурор, следователь, дознаватель, принципы уголовного судопроизводства, принцип состязательности сторон, стороны, сторона обвинения, сторона защиты, суд, уголовно-процессуальные функции.

Введение

Действующее правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности основано на предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ) началах [1], одним из которых является принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), в силу которого уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ч. 1 и 2 ст. 15 УПК РФ). Согласно п. 45 ст. 5 УПК РФ стороны — участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения.

Преимущественно рассматриваемое начало реализуется в судебных стадиях уголовного процесса. Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» судебное разбирательство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон; суд, рассматривая дело в общем порядке судопроизводства, обязан создать необходимые условия для осуществления сторонами имеющихся у них прав, в том числе по представлению доказательств, на основании которых суд постановляет приговор или иное итоговое решение по делу, а также для исполнения ими своих процессуальных обязанностей [2]. В досудебном производстве ситуация иная, сильны розыскные начала, в связи с чем регламентация полномочий прокурора имеет важное значение.

Основная часть

Говоря о процессуальном статусе прокурора, отметим, что положения ст. 37 УПК РФ регламентируют функции и полномочия прокурора. Согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. На основании ч. 3 ст. 37 УПК РФ в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность.

В соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование — процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Данные положения являются значимыми, поскольку полномочия прокурора преимущественно являются надзорными и касаются различных вопросов уголовного судопроизводства. При этом теоретически полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства можно определить как универсальные и иные.

В частности, на основании п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор также уполномочен выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства. Перечисленные полномочия можно классифицировать как универсальные. Универсальным также является полномочие прокурора требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия. Данное полномочие может быть реализовано как на этапе приема, регистрации и разрешения сообщения о преступлении, так и при осуществлении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Согласно подп. 1.3 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 23 октября 2023 г. № 730 «Об организации прокурорского

надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия» в целях недопущения неоднократных отмен постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе по результатам рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства, необходимо обеспечить действенный надзор за разрешением материалов с момента регистрации сообщения о преступлении до принятия законного и обоснованного процессуального решения [3].

К числу универсальных полномочий прокурора также следует отнести полномочия отменять незаконные или необоснованные постановления дознавателей и следователей об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 248 УПК РФ); о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), что предусмотрено ч. 1 ст. 214 УПК РФ; о приостановлении предварительного следствия (о производстве дознания), что следует из ч. 1 ст. 211, ч. 3 ст. 223 УПК РФ; возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования; об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). С учетом подп. 1.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» в соответствии с полномочиями, предусмотренными Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [4] и УПК РФ, необходимо обеспечить качественный и эффективный надзор за исполнением законов органами предварительного следствия независимо от их ведомственной принадлежности [5].

Безусловно, что перечисленные полномочия являются лишь частью полномочий прокурора, которые реализуются им в досудебном производстве.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на полномочия прокурора заключать досудебное соглашение о сотрудничестве. Подобную деятельность можно рассматривать в качестве уголовного преследования. Согласно ч. 5 ст. 21 УПК РФ прокурор вправе после возбуждения уголовного дела заключить с подозреваемым или обвиняемым досудебное соглашение о сотрудничестве. Законодательные особенности данного института раскрыты в гл. 40 УПК РФ. С учетом ч. 3 ст. 317 УПК РФ досудебное соглашение о сотрудничестве подписывается прокурором, подозреваемым или обвиняемым, его защитником. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 317 УПК РФ в нем должно быть описано преступление с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пп. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

На основании п. 1 ч. 1 ст. 317 УПК РФ прокурор в порядке и сроки, которые установлены ст. 221 УПК РФ, рассматривает поступившее от следователя уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а также материалы, подтверждающие соблюдение обвиняемым условий и выполнение обязательств, предусмотренных данным соглашением, и при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением в случае утверждения обвинительного заключения выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и оглашение судебного решения по данному уголовному делу. В представлении указываются характер и пределы содействия обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других участников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

В силу подп. 1.5 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» необходимо учитывать, что ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должно содержать указание на действия, которые подозреваемый (обвиняемый) обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других участников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (добровольно участвовать в следственных действиях, проводимых как по возбужденному в отношении лица уголовному делу, так и по другим уголовным делам; в проведении оперативно-розыскных мероприятий, способствующих выявлению готовящегося, совершаемого или совершенного преступления; сообщать о месте нахождения разыскиваемого лица, имуществе, добытом преступным путем, о структуре преступной организации, ее руководителях и др.) [5]. Согласно подп. 9.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» при проверке соблюдения условия, указанного в п. 1 ч. 2 ст. 317 УПК РФ, суду следует иметь в виду, что прокурор вправе подтвердить активное содействие обвиняемого следствию в изобличении и уголовном преследовании не только других участников преступления, в котором обвиняется это лицо, но и участников иного преступления, совершенного без участия подсудимого (п. 3 ч. 1 ст. 317, п. 3 ч. 4 ст. 317 УПК РФ) [6].

Совокупность данных полномочий имеет важное значение в правоприменительной практике. При этом хотелось бы обратить внимание на отсутствие законодательной дифференциации полномочий прокурора, что можно признать спецификой правового регулирования.

Заключение

На основании изложенного, можно сделать вывод, что с научной точки зрения полномочия прокурора как субъекта реализации уголовно-процессуальных функций могут быть дифференцированы на универсальные и иные. Кроме того, необходимо обратить внимание на преимущественно надзорный характер полномочий прокурора. Наряду с этим, деятельность прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве можно отнести к уголовному преследованию. В свою очередь отсутствие законодательной дифференциации полномочий является особенностью правового регулирования.

Список цитированных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 29 мая 2024 г. // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2024.

2. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2017 г. № 51 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. — 2018. — № 3.

3. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия [Электронный ресурс] : приказ Ген. прокурора Рос. Федерации от 23 окт. 2023 г. № 730 // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2024.

4. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 17 янв. 1992 г., № 2202-1 : в ред. Федерал. закона от 29 мая 2024 г., № 113-ФЗ // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2024.

5. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия [Электронный ресурс] : приказ Ген. прокурора Рос. Федерации от 17 сент. 2021 г. № 544 // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2024.

6. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2012 г., № 16 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. — 2012. — № 9.

Аннотация. Рассматривается регламентация особенностей правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности, полномочий прокурора при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, классификация полномочий прокурора на универсальные и иные. Раскрываются некоторые аспекты работы прокурора с точки зрения участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

***ON THE ISSUE OF REGULATING THE POWERS
OF THE PROSECUTOR IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS
UNDER THE PROVISIONS OF THE CODE OF CRIMINAL
PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION***

Aristarkhov A.L.

Keywords: criminal proceedings, court, prosecutor, investigator, inquirer, principles of criminal proceedings, the principle of adversarial parties, parties, prosecution, defense, court, criminal procedural functions.

Abstract. The article is devoted to the regulation of the specifics of the legal regulation of criminal procedural activities, the regulation of the prosecutor's powers in overseeing the procedural activities of the bodies of inquiry and preliminary investigation, the classification of the prosecutor's powers into universal and other, the disclosure of some aspects of the prosecutor's work from the point of view of a participant in criminal proceedings on the part of the prosecution.

АКТЫ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ ВНЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЫ В БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Магомедов Ш. М.

Ключевые слова: прокурорский надзор, акты прокурорского реагирования, меры прокурорского реагирования, сравнительное правоведение, надзор за исполнением законов.

Введение

Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» не излагает круг актов прокурорского реагирования, ограничиваясь их перечислением в конкретных отраслях надзора (включая надзор за исполнением законов, закрепленный ст. 21). Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» в гл. 10 «Акты прокурорского надзора» собирательно концентрирует нормативные положения о таких актах как: представление, протест, постановление, предписание и официальное предупреждение. Помимо этого, белорусский законодатель применяет и понятие «меры прокурорского реагирования», например в ст. 27 «Полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением законодательства».

В юридической литературе имеет место небеспочвенная дискуссия о том, какие именно документы прокурора обоснованно и целесообразно признавать актами реагирования. Можно выделить следующие подходы к систематизации последних: процессуальные и непроцессуальные акты прокурорского реагирования, акт прокурорского надзора и акт прокурорского реагирования, общие и специальные акты прокурорского реагирования, а также предупредительные, пресекательные и карательные акты прокурорского реагирования [1, с. 184].

С учетом этого известен доктринальный спор о соотношении актов прокурорского надзора и актов прокурорского реагирования, т. е. о том, какое из указанных понятий шире и охватывает другое, а также вопрос о природе (в рассматриваемой плоскости) искового заявления (административного искового заявления) [2, с. 5–6]. Существенным элементом данной дискуссии являются и терминологические расхождения: законодатель Республики Беларусь прямо называет все перечисленные акты именно актами прокурорского надзора (а не реагирования), тогда как российский законодатель их обобщенное наименование не приводит.

Основная часть

Понятия «акты прокурорского реагирования» и «акты прокурорского надзора», на наш взгляд, не могут быть соотнесены как часть и целое, потому что в данном случае имеет место исключительно их частичное пересечение, в связи с чем трудно согласиться с мнением отдельных авторов о поглощении одного понятия другим [3, с. 141]. Так, *акты прокурорского реагирования* — надзорные и ненадзорные правовые средства прокурора, связанные с реакцией на уже выявленные нарушения (например, представление и предписание, заявление в суд, информация органам власти). Отсюда вытекает понимание *мер прокурорского реагирования* как юридически значимых действий и решений прокурора по устранению выявленных нарушений [4, с. 36].

В свою очередь, *акты прокурорского надзора* — это надзорные правовые средства прокурорской деятельности, опосредованные всем спектром прокурорских полномочий не только по пресечению и устранению нарушений, но и по их выявлению, включая, например, требование о предоставлении документов, информации, объяснений (ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 27 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь»). Из этого логически вытекает пересечение понятий «акты прокурорского реагирования» и «акты прокурорского надзора» лишь в той части, в которой речь идет о мерах реагирования в результате осуществления прокурорского надзора за исполнением законов, к которым относятся (с учетом различного наименования на пространстве Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) представления, предписания, протесты, предостережения и постановления. Отсюда исковые заявления есть акты прокурорского реагирования [5, с. 241], поэтому прав профессор Е.Р. Ергашев, не только придерживающийся подобного мнения, но и дополнительно подчеркивающий их правовую природу в качестве *процессуальных* актов [6, с. 42]. Примечательно, что белорусские авторы обозначают эти акты в качестве «новых» или «нетипичных» актов прокурорского реагирования [7, с. 73].

Для точного определения круга актов реагирования в контексте исследования прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы их можно понимать как документальные правовые средства прокурора, направленные на устранение и пресечение выявленных в рамках реализации надзорных полномочий нарушений. В этой связи акты реагирования в рамках прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы, на наш взгляд, могут быть условно дифференцированы следующим образом:

- общие акты прокурорского реагирования, принимаемые по результатам надзорных мероприятий (в России — представление, протест; в Беларуси — представление, предписание, официальное предупреждение);

– процессуальные акты прокурорского реагирования, принимаемые по результатам надзорных мероприятий (например, заявление в суд, постановление или протокол о возбуждении дела об административном правонарушении, постановление о возбуждении дисциплинарного производства или о привлечении лица к материальной ответственности);

– специальные акты прокурорского реагирования, принимаемые по результатам надзорных мероприятий (например, постановление о направлении материалов в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предостережение).

Важно отметить некоторую дифференциацию в регламентации актов прокурорского реагирования в России и Беларуси.

Во-первых, законодательство Республики Беларусь, следуя положениям модельного закона СНГ от 16 ноября 2006 г. № 27–6 «О прокуратуре», регламентирует как представление, так и предписание в качестве актов прокурорского реагирования (ст. 27 модельного закона СНГ и ст. 41 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь»). Российская прокуратура в своем инструментарии имеет лишь представление, что, думается, не в полной степени способствует реализации потребности устранения выявленных нарушений закона различных форм: ординарных, с одной стороны, и явных нарушений, требующих незамедлительного устранения, с другой. В связи с этим в литературе предлагается ввести соответствующий акт, именуя его «требованием» по аналогии с требованием, используемым в рамках надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования [8, с. 22]. В. С. Шалковский считает такое отличие белорусского законодательства существенным преимуществом [9, с. 141]. Дело в том, что, как обоснованно подчеркивают Н. В. Субанова и О. В. Боброва, «само по себе представление прокурора не имеет абсолютного характера и силой принудительного исполнения не обладает» [10, с. 7], соответствующая правовая позиция была сформулирована Конституционным Судом Российской Федерации в Определении «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Моторичевой Ирины Ивановны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 24 Федерального закона от 24 февраля 2005 г. № 84-О «О прокуратуре Российской Федерации» и получила широкое распространение в правоприменительной практике.

Во-вторых, модельный закон СНГ «О прокуратуре» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляют такой акт реагирования, как «предостережение», который белорусским законодателем трансформирован в «официальное предупреждение». Однако отличие состоит не столько в наименовании акта, сколько в его содержании. В частности, помимо предупреждения готовящихся правонарушений, в ст. 42 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь» к целям объявления официального предупреждения отнесено и пресечение повторного совершения правонарушений (тем са-

мым в контексте модельных прототипов прокурорских документов речь идет о комбинации представления и предостережения). Так, если лицо совершило правонарушение в первый раз, то оно подлежит привлечению к установленной законом ответственности, для чего прокурор наделен достаточным спектром правовых средств реагирования. Кроме того, содержание официального предупреждения в определенной части может совпадать с содержанием представления, потому что оно направлено на устранение как нарушений закона, так и причин и условий, им способствующих (ст. 38 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь»). Очевидно, что наличие сведений о возможном совершении в будущем того же правонарушения повторно свидетельствует прежде всего о неустранении лицом причин и условий, способствующих таким нарушениям, т. е. лицо не утратило своей общественной опасности и может быть привлечено к ответственности за неисполнение законных требований прокурора иными средствами (через суд или путем привлечения к административно-деликтной ответственности).

Деятельность прокуратуры Российской Федерации в последние годы претерпела значительные изменения, отражающие как адаптацию к новым вызовам, так и тенденции в развитии правоприменительной практики. Основными направлениями остаются надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также противодействие коррупции и надзор за исполнением законодательства в сфере экономики. На основе анализа данных за 2019–2023 гг. можно выделить следующие ключевые показатели, которые позволяют отследить закономерности в деятельности прокуратуры [11]: так, в 2019 г. было выявлено 4 163 025 нарушений, в 2023 г. их количество составило 4 275 841.

В рамках прокурорского надзора вне уголовно-правовой сферы прокуроры Российской Федерации в 2019 г. внесли 856 411 представлений, в 2020 г. — 895 978 (4,6 %), в 2021 г. — 947 059 (5,7 %), в 2022 г. — 968 281 (2,2 %), 2023 г. — 1 002 890: наблюдается стабильная динамика повышения распространенности данной меры реагирования, сопровождающейся и привлечением виновных лиц к ответственности. Не снижается частота использования протеста, приносимого на противоречащие законам правовые акты (в 2023 г. принесен 438 571 протест). Остается актуальным предостережение о недопустимости нарушения закона, которое было направлено в 2023 г. 118 217 лицам [12, с. 9]. Анализ приведенных параметров показал устойчивую тенденцию нарастания распространенности применения отдельных актов прокурорского реагирования на выявленные и готовящиеся нарушения закона соответственно, включая представление (с 856 411 в 2019 г. до 1 002 890 в 2023 г.), протест (с 417 004 в 2019 г. до 438 571 в 2023 г.) и предостережение (с 84 726 в 2019 г. до 118 217 в 2023 г.).

В этом контексте также важно проанализировать результаты прокурорской деятельности в Республике Беларусь в 2022 и в 2023 гг. [13]. Так,

за 2023 г. по гражданским и экономическим делам прокуроры предъявили в суды свыше 7 тыс. исков на сумму почти 160 млн рублей. Проведено более 8 тыс. проверок (данный показатель идентичен результатам прокурорской деятельности и за 2022 г.). При этом в 2022 г. было:

- внесено 7 тыс. представлений (6500 — в 2023 г.);
- принесено 3 тыс. протестов (3400 — в 2023 г.);
- вынесено 6,5 тыс. предписаний (6400 — в 2023 г.);
- вынесено 5 тыс. постановлений (8 тыс. — в 2023 г.);
- объявлено 9 тыс. официальных предупреждений (10 тыс. — в 2023 г.);
- к дисциплинарной, административной и материальной ответственности привлечено более 32 тыс. физических и юридических лиц (более 33 тыс. — в 2023 г.);
- по требованиям прокуроров виновные лица во внесудебном порядке возместили причиненный ими ущерб в сумме свыше 21 млн рублей (свыше 45 млн рублей. — в 2023 г.).

Заключение

Исходя из вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Категории «акты прокурорского надзора» и «акты прокурорского реагирования» имеют лишь частичное пересечение и не поглощают друг друга.

2. Для российской прокуратуры востребованным может быть внедрение обязательного к исполнению акта реагирования, аналогичного «предписанию», имеющемуся в арсенале белорусской прокуратуры.

3. Требуется дополнительное исследование практика применения предусмотренного Законом «О прокуратуре Республики Беларусь» «официального предупреждения» (в части эффективности предотвращения повторных нарушений законодательства). Востребованным будет и сравнительный анализ использования сходных мер прокурорского реагирования в российской правовой системе.

4. Увеличение количества внесенных представлений, принесенных протестов и объявленных предостережений российскими прокурорами — объективный индикатор усиления внимания прокуратуры к устранению и пресечению нарушений, выявляемых в порядке реализации надзорных полномочий, путем непосредственного воздействия с перспективным элиминированием второстепенных (процессуальных) правовых средств прокурора, в известной степени обладающих «относительной императивностью».

5. Интенсивность применения актов реагирования белорусскими прокурорами в 2023 г. (по сравнению с 2022 г.) растет. Так, увеличилось количество протестов, постановлений, официальных предупреждений, привлеченных к ответственности физических и юридических лиц. Существенное (практически вдвое) повышение размера возмещенного ущерба по требованиям прокуроров во внесудебном порядке отражает рост результативности прокурорского вмешательства.

Список цитированных источников

1. *Ергашев, Е. Р.* О современных проблемах правовой регламентации и применения актов прокурорского реагирования в Российской Федерации и Республике Казахстан / Е. Р. Ергашев // Рос. юрид. журнал. — 2016. — № 6 (111). — С. 181–184.
2. *Кесарева, Т. П.* Акты прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов : учеб. пособие / Т. П. Кесарева. — М. : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2019. — 120 с.
3. *Филипенко, С. В.* Признаки актов прокурорского реагирования / С. В. Филипенко // Рос. юрид. журн. — 2014. — № 6. — С. 139–141.
4. *Крутиков, М. Ю.* Прокурорское реагирование как специфическая форма реализации правозащитной функции государства / М. Ю. Крутиков // Гос. власть и местное самоуправление. — 2009. — № 7. — С. 33–36.
5. *Кремнева, Е. В.* Исковое заявление (административное исковое заявление, заявление) как мера прокурорского реагирования / Е. В. Кремнева // Прокурорский надзор за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы: проблемы теории и практики / под ред. Н. В. Субановой. — М. : Проспект, 2023. — 400 с.
6. *Ергашев, Е. Р.* Правовые средства прокурора: проблемы осмысления, применения и правового регулирования / Е. Р. Ергашев, Е. А. Габышева // Российское право: образование, практика, наука. — 2018. — № 5. — С. 38–44.
7. *Гавриленко, А. В.* К вопросу о правовых средствах реагирования прокурора на нарушения законности / А. В. Гавриленко // Правовая культура как условие формирования правового государства : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 10–11 дек. 2010 г. — Витебск : Витебск. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2010. — С. 73–74.
8. *Багаутдинов, Ф. Н.* Эффективность прокурорского надзора в современных условиях / Ф. Н. Багаутдинов // Законность. — 2018. — № 7 (1005). — С. 20–22.
9. *Шалковский, В. С.* Акты прокурорского надзора: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации / В. С. Шалковский // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика : материалы науч.-практ. семинара, Минск, 15 февр. 2019 г. — Минск : Академия управления при Президенте Респ. Беларусь, 2019. — С. 138–141.
10. *Субанова, Н. В.* Вопросы судебной практики привлечения к административной ответственности за невыполнение законных требований прокурора / Н. В. Субанова, О. В. Боброва // Законность. — 2018. — № 7 (1005). — С. 7–13.
11. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ. — Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru>. — Дата доступа: 12.08.2024.

12. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2023 год : информ.-аналит. записка / под общ. ред. ректора Ун-та прокуратуры Рос. Федерации д-ра юрид. наук, проф. И. М. Мацкевича. — М. : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2024. — 202 с.

13. Генеральный прокурор выступил в Парламенте с ежегодной информацией о деятельности органов прокуратуры. — Режим доступа: <https://www.prokuratura.gov.by>. — Дата доступа: 08.09.2024.

Аннотация. Арсенал средств прокурорской деятельности с учетом объемного и разнообразного предмета прокурорского надзора вне уголовно-правовой сферы представляет собой совокупность актов прокурора, направленных на выявление, предупреждение и устранение нарушений. Их система, хотя и не существенно, но все же отличается в государствах СНГ. Оценивая доктринальную дискуссию и нормативную неопределенность, автор рассуждает о понятии актов прокурорского реагирования и надзора. На основе сопоставления и сравнения правовых текстов модельного закона, законов о прокуратуре России и Беларуси выделяются и обсуждаются отличия актов прокурорского реагирования, в том числе в регламентации представления и предписания, а также предостережения и официального предупреждения. Дополнительно демонстрируются показатели прокурорской деятельности и подчеркиваются ключевые тренды в применении актов прокурорского реагирования в России и Беларуси.

ACTS OF PROSECUTORIAL RESPONSE OUTSIDE THE CRIMINAL LAW SPHERE IN BELARUS AND RUSSIA

Magomedov Sh.M.

Keywords: prosecutorial supervision, acts of prosecutorial investigation, measures of prosecutorial response, comparative law, general supervision.

Abstract. The arsenal of prosecutorial activities, considering the voluminous and diverse subject of prosecutorial supervision outside the criminal law sphere, is a whole set of prosecutor's acts aimed at identifying, preventing and eliminating violations. Their system, although not significantly, still differs in the states in the Commonwealth of Independent States. Assessing the doctrinal discussion and normative uncertainty, the author discusses the concept of acts of prosecutorial response and supervision. Based on the comparison and comparison of the legal texts of the model law, the laws on the prosecutor's office of Russia and Belarus, the differences in acts of prosecutorial response are highlighted and discussed, including in the regulation of submission and order, as well as warnings and official warnings. In addition, the author demonstrates indicators of prosecutorial activity and emphasizes key trends in the application of acts of prosecutorial response in Russia and Belarus.

О НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ КАК БАЗОВОМ УСЛОВИИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Омельянович В. В., Корон А. Б.

Ключевые слова: прокурор, надзор, образовательная программа, компетентностный подход, подготовка прокурорских кадров, повышение квалификации.

Введение

Необходимость развития кадрового потенциала, обеспечения соответствующих условий для функционирования и совершенствования системы подготовки кадров, дополнительного профессионального образования работников органов и организаций прокуратуры определена приказами Генерального прокурора Российской Федерации от 20 февраля 2013 г. № 80 «Об основных направлениях работы с кадрами в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации», от 22 декабря 2021 г. № 774 «О системе подготовки кадров, дополнительного профессионального образования работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации». Качественная подготовка прокурорских кадров является стратегически важной задачей, успешное решение которой гарантирует надлежащее исполнение законов Российской Федерации посредством результативного осуществления прокурорского надзора [1, с. 131–137].

Статья 76 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет, что дополнительное профессиональное образование:

- направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды;
- осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки) (далее — ДПП).

Вместе с тем если программа повышения квалификации направлена на совершенствование и (или) получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышение профессиональ-

ного уровня в рамках имеющейся квалификации, то программа профессиональной переподготовки подразумевает получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации.

Подчеркнем, что именно компетентностный, практикоориентированный подход в рамках реализации ДПП обеспечивает формирование и (или) совершенствование соответствующих знаний, умений и навыков у проходящих обучение прокурорских работников. Таким образом, для системного (комплексного) повышения эффективности прокурорской деятельности необходимо принятие действенных мер, направленных в том числе на совершенствование реализации ДПП профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

Основная часть

Важно уточнить, что лекции нацелены на получение прокурорами знаний, а семинары, наряду со знаниями (в меньшей степени, нежели лекции), адресно — на формирование у обучающихся умений и навыков, без которых приобретение и (или) совершенствование компетенций невозможно. Таким образом, повышение эффективности проведения данного вида занятий обуславливает качество подготовки прокурорских кадров, осваивающих ДПП.

Отметим, что повышение качества образовательной деятельности — это результат комплексной работы всех представителей образовательной организации (например, руководство вуза — общее управление; кафедры — содержательные компоненты (разработка учебно-методических материалов ДПП, проведение занятий и др.); факультет профессиональной переподготовки и повышения квалификации (далее — ФПППК) — организация, координация, контроль и др.; учебно-методический отдел — составление расписания, планирование и др.; кадровое подразделение — оформление трудоустройства преподавателей и др.; отдел материально-технического обеспечения — материально-техническое обеспечение реализации ДПП; бухгалтерия — вопросы финансового обеспечения реализации ДПП; отдел технических средств обучения — обеспечение функционирования используемых в учебном процессе информационных технологий и др.).

Итоговый результат освоения прокурорскими работниками ДПП зависит от ряда коррелирующих компонентов, требующих командной работы всего коллектива организации высшего образования. Иными словами, для повышения эффективности проведения учебных занятий необходим системный подход к организации учебного процесса в рамках профессиональной переподготовки или повышении квалификации (далее — П (ПК)). Учет ключевых аспектов позволит оптимизировать этот процесс. Так, рассмотрение указанных вопросов и выработка соответствующих ре-

комендаций даст возможность повысить эффективность проведения всех видов занятий и, как следствие, рационализирует процесс П (ПК) прокурорских работников.

Рассмотрим подлежащие учету компоненты качественного проведения занятий семинарского и лекционного типа ДПП.

Организационные (планирующие) компоненты

Должно быть соблюдено равномерное распределение учебной нагрузки профессорско-преподавательского состава в течение всего учебного года [2, с. 197–201]. Если преподаватель ежедневно находится в режиме активного говорения (4–5 пар), то это повлияет на его ресурсность, а накопительный эффект от утомления может оказывать негативное воздействие на качество образовательного процесса.

Составление расписания должно осуществляться с учетом специфики конкретной тематики ДПП. Так, например, занятия по теме «Основы публичного выступления прокурора (ораторское мастерство)» нецелесообразно планировать сразу после обеда, так как на полный желудок ораторские дыхательные практики слушателям выполнять сложно и снижается их эффективность. Рекомендуется также планировать такие занятия на начальном этапе обучения, что позволит слушателям весь период освоения ДПП отрабатывать полученные умения на деловых играх и других семинарах, при этом имея возможность прийти на консультацию к преподавателю для дополнительного обсуждения возникающих вопросов, что будет способствовать достижению поставленной цели. Для обеспечения индивидуального подхода при проведении занятий по ораторскому мастерству необходимо проработать возможность их организации в учебных подгруппах численностью не более 10 слушателей.

Содержательные компоненты

С учетом ранее отмеченной особенности занятий семинарского типа, в рамках проведения которых даются не только знания, но и формируются умения и навыки обучающихся, рекомендуем при составлении учебно-тематических планов ДПП отдавать предпочтение занятиям именно данного типа, таким как:

– круглые столы с привлечением наиболее опытных представителей органов, обладающих в том числе должными для данного контингента обучающихся педагогическими компетенциями [3, с. 72–88]. Для этого необходима непрерывная инициативная работа кафедр с привлекаемыми к занятиям правоохранительными органами, органами власти, так как ротация кадров, смена поколений, отпуска, больничные листы, командировки вынуждают непрерывно работать с резервом. Так, например, Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом) Университета прокуратуры Российской Федерации в 2023 г. организовано участие в круглых столах ДПП представителей Администрации Ленинградской области

и Правительства Санкт-Петербурга, Управления федерального казначейства по Санкт-Петербургу, Уполномоченного по правам предпринимателей в Санкт-Петербурге, Северо-Западного таможенного управления, Межрегионального управления Росфинмониторинга по Северо-Западному федеральному округу, Северо-Западного межрегионального управления Росприроднадзора, Контрольно-счетной палаты Санкт-Петербурга, Управления федеральной антимонопольной службы по Ленинградской области, Конституционного Суда Российской Федерации;

– деловые игры с использованием современных профессиональных баз данных (далее — СПБД) в рамках поставленных учебных задач [4, с. 67–73]. Отметим, что формирование (совершенствование) компетенций у прокурорских работников по данному вопросу не должно ограничиваться лишь их ознакомлением на занятиях с техническими аспектами работы в автоматизированных информационных системах по извлечению определенной информации из СПБД. Фундаментальной составляющей является формирование у них знаний, умений и навыков применять полученную информацию для наиболее успешного достижения поставленной служебной цели в каждом конкретном случае. Для этого подготовка прокурорских кадров к работе с СПБД должна быть «растворена» по темам осваиваемой ДПП и проверена в рамках текущей успеваемости, а также при проведении итоговой аттестации. Это позволит достичь комплексного подхода в решении названной задачи [5, с. 147–151];

– семинары по обмену опытом с наиболее опытными преподавателями.

Необходимо обязательно обновлять ДПП, включать наиболее актуальные и вызывающие затруднения в практической деятельности темы [6, с. 122–139; 7, с. 132–137; 8, с. 16–20; 9, с. 13–16]. Ведь всесторонний анализ сложных ситуаций надзорной и ненадзорной практики, а также передача профессорско-преподавательским составом вуза слушателям ФПППК научно обоснованных рекомендаций позволят сформировать (усовершенствовать) у них необходимый перечень компетенций для более качественного и успешного выполнения должностных обязанностей.

Кроме того, преподавателям рекомендуется проводить предварительную экспресс-консультацию с учебными группами обучающихся прокуроров в целях определения вектора предстоящего занятия (в том числе для передачи духа планируемого учебного взаимодействия). Это позволит дополнительно сконцентрировать внимания обучающихся на наиболее сложных вопросах и выстроить наиболее эффективную траекторию контактной работы в учебной аудитории.

Кадровые компоненты

Необходимо укомплектовать штат вуза преподавателями, обладающими богатым практическим опытом. Несмотря на отсутствие обязательных требований к острепенности преподавателей, участвующих в реализации

ДПП, считаем рациональным и целесообразным максимально задействовать кандидатов и докторов наук, что позволит повысить качественный уровень проведения занятий.

Материально-технические компоненты

Для реализации ДПП требуется должное материально-техническое обеспечение:

- учебные полигоны для создания условий, приближенных к практическим;
- аудитории, оснащенные техническими средствами с возможностью работы в СПБД (например, иммуляторы). С учетом того, что реализация третьего (2021–2025 гг.) этапа Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации [10] предполагает «введение для государственных служащих органов прокуратуры механизма обязательного наличия базовых компетенций по цифровой экономике с использованием разрабатываемого онлайн-сервиса непрерывного образования взрослых для широких слоев населения», имеется необходимость продолжать активную и поступательную работу по наращиванию материально-технической и учебно-методической базы образовательных организаций;
- просторные аудитории для занятий «ораторским мастерством», позволяющие свободно размещаться стоя всей учебной группе с возможностью распределения на подгруппы, с хорошей слышимостью, наличие мультимедийного оборудования для демонстрации презентаций, видеофрагментов и др.

Стоит уделить внимание материально-техническому обеспечению, характеризующему дистанционные образовательные технологии (как в вузе, так и на местах), например:

- возможности проведения занятий в дистанционном формате с обеспечением устойчивой связи (слышимости и видимости преподавателя);
- должному обзору выступающего (во весь рост) для занятий ораторским мастерством, а также четкости визуализации его жестикуляции, артикуляции;
- читабельности демонстрируемых презентационных материалов.

Со стороны отдела технических средств обучения необходимо предварительно проверять связь с органами прокуратуры, откуда будут подключаться слушатели, как до начала реализации ДПП, так и перед каждым учебным днем.

Процедурные компоненты

Учебно-методические материалы ДПП должны обсуждаться на совместном заседании участвующих в ее реализации кафедр и представителей ФПППК, а также утверждаться в установленном порядке для дальнейшего использования в образовательном процессе. Ведь именно коллективная

разработка данных материалов является залогом успешного проведения учебных занятий.

Оформительские компоненты

Учебно-методические материалы для проведения учебных занятий ДПП должны быть систематизированы и, как любой документ органа (организации) прокуратуры, оформлены в соответствии с установленными требованиями, предъявляемыми к материалам данного вида [11]. Должны быть обеспечены своевременная актуализация и доступность этих материалов всем преподавателям при необходимости, например, экстренных замен.

Заключение

Сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Для повышения эффективности ДПП должен реализовываться комплексный, коллективный подход в работе всех представителей организации высшего образования.

2. Следует равномерно распределять учебную нагрузку профессорско-преподавательского состава в течение всего учебного года.

3. Составление расписания должно осуществляться с учетом специфики, свойственной конкретной тематике ДПП.

4. При составлении учебно-тематических планов ДПП рекомендуется отдавать предпочтение таким видам занятий семинарского типа как круглые столы, семинары по обмену опытом, деловые игры с активным использованием СПБД.

5. Учебно-методические материалы ДПП должны в обязательном порядке обсуждаться на совместном заседании участвующих в ее реализации кафедр и представителей ФПППК.

Отметим, что реализация системного подхода с одновременным учетом названных нами аспектов позволит повысить эффективность проведения учебных занятий в рамках реализации ДПП, что положительно отразится на результативности работы прокуроров.

Список цитированных источников

1. Омелянович, В. В. О совершенствовании подготовки прокурорских кадров (учебно-методический аспект) / В. В. Омелянович, А. Б. Короп // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. — 2024. — № 1 (99). — С. 131–137.

2. Омелянович, В. В. Об отдельных вопросах распределения учебной нагрузки между профессорско-преподавательским составом кафедр образовательных организаций высшего образования / В. В. Омелянович // Архитектура университетского образования: стратегические направления трансформации и новые модели развития : сб. матер. V нац. науч.-метод. конф. с междунар. участием, Санкт-Петербург, 1–4 июня 2022 г. / под ред.

проф. И. А. Максимцева, проф. В. Г. Шубаевой, проф. Л. А. Мизеринь. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2022. — С. 197–201.

3. Актуальные проблемы прокурорской деятельности. Защита прокурором конституционных ценностей: проблемы теории и практики / О. Н. Коршунова [и др.] ; под общ. ред. О. Н. Коршуновой. — М. : Русайнс, 2024. — 346 с.

4. Тимощук, К. И. Проблемы использования ведомственных информационных систем в практической и образовательной деятельности / К. И. Тимощук, П. В. Широкова // Правда и закон. — 2023. — № 4 (26). — С. 67–73.

5. Омелянович, В. В. Современные профессиональные базы данных как обязательный элемент подготовки прокуроров / В. В. Омелянович // Прокуратура: история и современность — 300 лет прокуратуре России (Сухаревские чтения) : сб. матер. VII всерос. науч.-практ. конф., Москва, 8 окт. 2021 г. / под общ. ред. О. С. Капинус, под науч. ред. А. Ю. Винокурова. — М., 2022. — С. 147–151.

6. Коршунова, О. Н. Противодействие экстремизму, терроризму и их финансированию как комплексное направление деятельности органов прокуратуры / О. Н. Коршунова // Вопросы российского и международного права. — 2020. — Т. 10., № 11–1. — С. 122–139.

7. Омелянович, В. В. Особенности прокурорской проверки исполнения законов о периодической аккредитации врачей в современных условиях / В. В. Омелянович, А. Б. Короп // Криминалист. — 2023. — № 1 (42). — С. 132–137.

8. Омелянович, В. В. Особенности прокурорской проверки подготовки спортивного резерва / В. В. Омелянович // Законность. — 2024. — № 4 (1074). — С. 16–20.

9. Омелянович, В. В. Прокурорская проверка подготовки научно-педагогических кадров / В. В. Омелянович // Законность. — 2023. — № 6 (1064). — С. 13–16.

10. Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс] : приказ Ген. прокурора Рос. Федерации от 14.09.2017 № 627 // Консультант Плюс. Россия. — М., 2024.

11. Инструкция по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ Ген. прокурора Рос. Федерации от 29.12.2011 № 450 // Консультант Плюс. Россия. — М., 2024.

Аннотация. Рассматриваются вопросы повышения эффективности подготовки прокурорских работников в рамках реализации дополнительных профессиональных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации в Университете прокуратуры Российской Федерации (включая филиалы). Поднимаются проблемные вопросы рассматриваемой сферы деятельности в части организационных, плани-

рующих, кадровых, содержательно учебных, материально-технических, информационно-технических, а также процедурных аспектов. На основе проведенного авторами анализа практики реализации исследуемых программ обучения прокурорских работников, а также изучения многочисленных точек зрения представителей научного сообщества: а) приводятся ориентирующие примеры для представителей образовательных организаций высшего образования; б) предлагаются практические рекомендации по оптимизации образовательного процесса в целях повышения эффективности прокурорской деятельности.

***ON THE DIRECTIONS FOR IMPROVING THE IMPLEMENTATION
OF ADDITIONAL PROFESSIONAL RETRAINING AND ADVANCED
TRAINING PROGRAMS AS A BASIC CONDITION FOR IMPROVING
THE EFFECTIVENESS OF PROSECUTORIAL ACTIVITIES***

Omelyanovich V. V., Korop A. B.

Keywords: prosecutor, supervision, educational program, competence approach, training of prosecutorial personnel, professional development.

Abstract. This article discusses the issues of improving the effectiveness of the training of prosecutors in the framework of the implementation of additional professional retraining and advanced training programs at the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (including branches). Problematic issues of the field of activity under consideration are raised in terms of organizational, planning, personnel, educational, logistical, information technology, as well as procedural aspects. Based on the analysis of the practice of implementing the studied training programs for prosecutors conducted by the authors of the article, as well as on the basis of studying numerous points of view of representatives of the scientific community, the text of the presented work: а) provides guiding examples for representatives of educational organizations of higher education; б) offers practical recommendations on optimizing the educational process in order to increase the effectiveness of prosecutorial activities.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ПРОКУРОРА В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Скобелев В. П.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, орган прокуратуры, должностное лицо органа прокуратуры, прокурор, компетенция, источники правового регулирования.

Введение

Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее — КГС), который вступит в силу с 1 января 2026 г. и заменит собой действующие Гражданский процессуальный кодекс (далее — ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс (далее — ХПК), сохранил в числе участников судопроизводства процессуальную фигуру прокурора. При этом качество правового регулирования в КГС статуса прокурора вызывает двойственные оценки. С одной стороны, КГС, будучи своеобразным симбиозом ГПК (в основном) и ХПК (в части ряда институтов и норм), в некоторых моментах позволил усовершенствовать регламентацию соответствующих вопросов в сравнении с каждым из данных кодексов (в сравнении с ГПК — за счет заимствования в КГС отдельных более удачных норм ХПК, в сравнении с ХПК — за счет имплементации в КГС более выгодного в целом нормативного материала ГПК). Однако многих проблем, связанных с участием прокурора в гражданском и хозяйственном процессах, КГС так и не решил. Более того, некритическое заимствование текста ГПК, а отчасти и ХПК привело к тому, что немалое количество старых ошибок оказалось воспроизведено и в КГС.

Основная часть

1. В п. 21 ст. 1 КГС закреплено определение термина «прокурор» — это «действующие в пределах своей компетенции Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры, в том числе транспортные прокуроры, их заместители, помощники по особым поручениям, старшие помощники и помощники, советники, начальники структурных подразделений органов прокуратуры и их заместители, старшие прокуроры по особым поручениям, старшие прокуроры и прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры». Определение заимствовано из п. 14 ст. 1 ГПК с той только разницей, что было дополнено упоминанием о таких должностных лицах, как «помощники по особым поручениям», «старшие помощники» и «старшие прокуроры по особым поручениям». Весьма сходная по своей

сути, но отличающаяся в редакционном плане дефиниция термина «прокурор» присутствует и в абз. 13 ст. 1 ХПК. С нормой п. 21 ст. 1 КГС связано несколько проблем.

Прежде всего из абз. 1 ст. 1 КГС вытекает (абзац гласит, что «для целей настоящего Кодекса применяются следующие основные термины и их определения», точно такое же содержание имеет и абз. 1 ст. 1 ГПК), что перечисленные в ст. 1 КГС термины по всему тексту КГС могут иметь исключительно лишь то значение, которое определено им данной статьей. Однако подобный подход (на что мы уже обращали внимание применительно к ГПК [1, с. 344–345]) не учитывает, что фактически в КГС термин «прокурор» (равно как и другие раскрытые в ст. 1 КГС термины) может использоваться в другом значении (значениях), и при уяснении содержания правовых предписаний такой подход способен не только приводить к курьезам, но и вообще к утрате смысла юридических норм.

Например, в ч. 5 ст. 555 КГС предусмотрено: «Прокурор или заместитель прокурора вправе принести протест на решение суда независимо от того, участвовали ли они в рассмотрении данного дела. Помощники по особым поручениям, старшие помощники и помощники прокуроров, начальники структурных подразделений органов прокуратуры и их заместители, старшие прокуроры по особым поручениям, старшие прокуроры и прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры вправе принести протесты на решения суда только по делам, в рассмотрении которых они участвовали» (аналогичные положения сейчас присутствуют в ч. 3 ст. 399 ГПК). Если в первом предложении ч. 5 ст. 555 КГС термин «прокурор» понимать в значении, которое ему придает п. 21 ст. 1 КГС, то это приведет к нелепому (противоречащему реальности) выводу, будто любое из перечисленных в п. 21 ст. 1 КГС должностных лиц имеет своего заместителя. Возникнет также вопрос о смысле второго предложения ч. 5 ст. 555 КГС, если названные в нем должностные лица уже в силу первого предложения ч. 5 ст. 555 КГС обладают правом на апелляционное опротестование решения суда независимо от участия в рассмотрении дела.

В действительности термин «прокурор» употребляется в ч. 5 ст. 555 КГС в совсем ином значении нежели то, о котором говорит п. 21 ст. 1 КГС. Так, в первом предложении ч. 5 ст. 555 КГС термином «прокурор» обозначается руководитель органа прокуратуры, а во втором предложении ч. 5 ст. 555 КГС термин «прокурор» используется как элемент (часть) наименования некоторых должностей в органах прокуратуры. В таком же отличном от п. 21 ст. 1 КГС смысле термин «прокурор» применяется и в первом предложении ч. 1 ст. 601 КГС: «Генеральный прокурор и его заместители, прокуроры областей, города Минска приносят кассационный протест непосредственно в соответствующий суд кассационной инстанции». Как видно, здесь с помощью термина «прокурор» законодатель указывает на руководителя Генеральной

прокуратуры Республики Беларусь, руководителей прокуратур областей и г. Минска.

Заметим, что подобного рода терминологические проблемы не характерны для ХПК, поскольку согласно абзаца первого ст. 1 ХПК применяемые в нем термины имеют раскрытое в ст. 1 значение, только «если из текста или содержания настоящего Кодекса не вытекает иное». Недостаток данной оговорки только в том, что вместо слова «содержания» (идентичного по смыслу слову «текста») здесь более правильно было использовать слово «смысла». Собственно, именно такая оговорка и присутствовала в абзаце первом ст. 1 ГПК до того, как данная статья была изложена (на наш взгляд, совершенно напрасно [2, с. 21–23]) в новой редакции Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь» от 4 января 2012 г. № 337-3: «Если из текста или смысла настоящего Кодекса не вытекает иное, применяемые в нем термины имеют следующие значения». Такой же вид, на наш взгляд, следует придать и абзацу первому ст. 1 КГС. Причем для этого существует и еще одна причина, помимо отмеченных выше. Дело в том, что в абзац первый ст. 1 КГС из нынешней редакции абзаца первого ст. 1 ГПК перешла неточность: о применении допустимо говорить только в отношении терминов, но не их определений; определения терминов не применяются, а лишь даются (приводятся, закрепляются) в самой ст. 1 КГС [2, с. 23]. В пользу этого свидетельствует и само наименование статьи — «Основные термины, применяемые в настоящем Кодексе, и их определения».

2. Другая проблема, касающаяся нормы п. 21 ст. 1 КГС, обусловлена тем, что перечень соответствующих должностных лиц органов прокуратуры предвещает важное уточнение «действующие в пределах своей компетенции» (такое же уточнение содержится в п. 14 ст. 1 ГПК, абз. 13 ст. 1 ХПК, абз. 3 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее — Закон № 220-3)), однако пределы компетенции данных должностных лиц в КГС (равно как и в ГПК, ХПК, Законе № 220-3) практически не урегулированы. В связи с этим возникает множество вопросов (данные вопросы и пути их решения уже анализировались нами в контексте положений ГПК [3, с. 273–274; 4, с. 290–293; 5, с. 349–355]) очевидно, что соответствующие наработки в полной мере сохраняют свою актуальность и для КГС):

– какие должностные лица из числа проходящих службу в конкретном органе прокуратуры вправе обращаться в суд первой инстанции с заявлением о возбуждении гражданского дела; поскольку в ч. 1–3 ст. 71, ст. 72 КГС (подобно ч. 1 ст. 81, ст. 82 ГПК) используется термин «прокурор» (употребляется и в тех процессуальных нормах, которые посвящены возбуждению производства по делу — ч. 5 ст. 238, п. 8 ч. 1 ст. 244 КГС), то с формальной точки зрения подобное право должно признаваться за любым из указанных в п. 21 ст. 1 КГС должностных лиц органа прокуратуры, что, однако, было бы во

всех отношениях не совсем верно; единственное исключение предусмотрено ч. 4 ст. 71 КГС для случаев защиты чести и достоинства Президента Республики Беларусь и президента, прекратившего исполнение своих полномочий по определенным основаниям, — соответствующее исковое заявление может быть подано в суд только Генеральным прокурором Республики Беларусь, его заместителями, прокурорами областей, г. Минска (тем самым здесь в несколько модифицированном виде воспроизведена норма ч. 3 ст. 81 ГПК);

– может ли должностное лицо органа прокуратуры подавать заявление о возбуждении дела в суд первой инстанции не «своего» уровня, например прокурор района — в областной суд, а прокурор области — в районный; предписания на данный счет в КГС отсутствуют, кроме уже упомянутой нормы ч. 4 ст. 71 КГС, которая позволяет некоторым должностным лицам вышестоящих прокуратур подавать исковое заявление в нижестоящий суд (исходя из норм § 1 гл. 6 КГС дела о защите чести и достоинства Президента Республики Беларусь и президента, прекратившего исполнение своих полномочий, подсудным районным (городским) судам); при этом стоит заметить, что КГС не воспринял положения ч. 3 ст. 66 ХПК, которая исчерпывающим образом определяет, какие должностные лица и органы прокуратуры какого уровня могут подавать иски (заявления) в суды каждого из уровней судебной системы — в Верховный Суд Республики Беларусь и экономические суды областей, г. Минска;

– вправе ли должностные лица органа прокуратуры подавать заявление о возбуждении дела в «чужой» (в территориальном плане) суд «своего» уровня, т. е. в суд, юрисдикция которого распространяется на другую (в сравнении с пространственными пределами компетенции органа прокуратуры) административно-территориальную или территориальную единицу, например прокурор Центрального района г. Минска — в суд Оршанского района и г. Орши, и наоборот, прокурор Оршанского района — в суд Центрального района г. Минска; данный вопрос в КГС не урегулирован, в Кодексе говорится просто о подаче заявления «в суд» (ч. 1–3 ст. 71, ч. 1 ст. 72 КГС), что позволяет сделать вывод об отсутствии корреляции между территориальными границами юрисдикции органа прокуратуры и соответствующего суда;

– могут ли должностные лица органа прокуратуры подавать заявления о возбуждении дел в интересах физических лиц и организаций, соответственно проживающих и находящихся на территории (административно-территориальной единицы или территориальной единицы), которая подконтрольна (поднадзорна) другому органу прокуратуры; из буквального содержания ч. 1–3 ст. 71, ч. 1 ст. 72 КГС напрашивается вывод, что заявления допустимо подавать в суды независимо от места проживания или нахождения соответствующих субъектов; однако было бы вряд ли правильно, если бы каждая районная прокуратура могла заниматься защитой прав и законных интересов граждан и юридических лиц, проживающих и находящихся в пре-

делах области (или даже страны) в целом — это не только дезориентировало бы физических лиц и организации в вопросе о том, какой орган прокуратуры должен заниматься защитой их прав и интересов, но и внесло бы хаос в работу органов прокуратуры;

– какие должностные лица органов прокуратуры вправе участвовать в рассмотрении гражданского дела в целях поддержания заявленных прокурором требований или же для изложения мнения по делу, которое было возбуждено по инициативе другого, нежели прокурор, субъекта; соответствующие нормы § 3 гл. 8 КГС (ч. 5 ст. 71, ст. 73, ст. 74) используют в таких случаях термин «прокурор»; термином «прокурор» оперируют и правила гл. 26 «Судебное разбирательство» КГС (ч. 5, 6 ст. 259, ч. 1 ст. 266, ч. 10 ст. 269, ч. 1 ст. 273, ч. 3, 4 ст. 278); с учетом содержания п. 21 ст. 1 КГС это позволяет заключить, что, во-первых, поддерживать иски в суде может иной прокурорский работник (в том числе из другого органа прокуратуры), а не тот, который их предъявил; во-вторых, участвовать в рассмотрении дела может прокурорский работник, занимающий любую из должностей, перечисленных в п. 21 ст. 1 КГС; в-третьих, не исключена возможность участия должностного лица прокуратуры в судебном заседании в суде не «своего» (т. е. более высокого или более низкого) уровня, а также в «чужом» (в территориальном плане) суде «своего» уровня.

3. Все приведенные выше вопросы относительно соблюдения пределов компетенции в равной степени актуальны и для случаев участия должностных лиц органов прокуратуры в предусмотренных КГС процедурах проверки судебных постановлений — апелляционном (гл. 55), кассационном (гл. 56), надзорном (гл. 57) производствах и производстве по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам (гл. 58). Так, например, ч. 5 ст. 555 КГС (подобно ч. 3 ст. 399 ГПК) хоть и называет те должности работников прокуратуры, которые дают право на апелляционное опротестование решений, однако ни слова не говорит о том, о какой именно прокуратуре (с точки зрения иерархии органов прокуратуры и их территориального деления) идет речь. Поэтому с формальной точки зрения не исключено, что на решение районного суда может быть принесен апелляционный протест должностным лицом областной и даже Генеральной прокуратуры, равно как и на решение областного суда — апелляционный протест прокурора района (в частности, если областным судом был рассмотрен предъявленный данным прокурором иск). Положения ч. 5 ст. 555 КГС (ч. 3 ст. 399 ГПК) также вполне допускают принесение апелляционного протеста на решение районного суда должностным лицом прокуратуры совсем другого района по той же самой причине — суд разрешил иск этого должностного лица. Далее, нормы КГС, ограничивая определенным образом круг должностных лиц прокуратуры, имеющих право инициировать пересмотр судебных постановлений в апелляционном (ч. 5 ст. 555), кассационном (ч. 1 ст. 599, ст. 601) и надзор-

ном (ст. 622) порядках, в то же время почему-то не устанавливают никаких ограничений применительно к участию прокурорских работников в каждом из данных видов пересмотра, оперируя термином «прокурор» (ч. 4, 7 ст. 576, ч. 5 ст. 605, ч. 5 ст. 624).

4. В ст. 70 «Законодательство, регулирующее деятельность прокурора в гражданском судопроизводстве» КГС закреплено, что «права и порядок деятельности прокурора в гражданском судопроизводстве определяются настоящим Кодексом и иными законодательными актами». Данная статья и по названию, и по содержанию дословно копирует ст. 80 ГПК, повторяя за последней все присутствующие ошибки (неточности), о которых мы уже писали [6, с. 247–249].

Во-первых, ст. 70 КГС не упоминает об обязанностях прокурора, которые у него, несомненно, есть. Это видно уже хотя бы из наименования и содержания ст. 74 «Процессуальные права и обязанности прокурора» КГС (ст. 74 КГС основывается на ст. 84 «Процессуальные права прокурора» ГПК, однако выгодным образом отличается от нее в том плане, что в наименовании ст. 74 КГС уже появилось упоминание об обязанностях прокурора). Про обязанности прокурора говорят и другие нормы § 3 гл. 8 КГС — ч. 4 ст. 71 (обязанность получать согласие действующего или бывшего Президента Республики Беларусь на подачу в его интересах иска), ч. 1 ст. 72 (обязанность выслать истцу (заявителю) копию заявления и копии приложенных к нему документов до подачи их в суд), ч. 1 ст. 73 (обязанность принимать участие в рассмотрении дела в соответствующих случаях). Множество обязанностей прокурора закреплено и в других (помимо § 3 гл. 8) структурных элементах КГС.

Во-вторых, порядок деятельности прокурора в гражданском судопроизводстве устанавливается через закрепление прав и обязанностей прокурора, определяющих, каким образом и в каких пределах ему позволено или следует действовать. Поэтому одно из двух: или в ст. 70 КГС должна идти речь только о порядке деятельности прокурора, без упоминания о его правах, или же в ст. 70 КГС должно говориться о правах прокурора вместе с его обязанностями, но тогда указание на порядок деятельности прокурора из данной статьи нужно будет исключить.

В-третьих, ст. 70 КГС фактически дублирует ст. 3 «Правовое регулирование гражданского судопроизводства» КГС (в аналогичном соотношении между собой сейчас находятся ст. 80 и ст. 2 «Законодательство о гражданском судопроизводстве» ГПК). Ведь прокурор является одним из участников гражданского судопроизводства, а это значит, что его деятельность регулируется всеми теми же источниками, которыми регламентируется и гражданское судопроизводство в целом. Не случайно поэтому в параграфах гл. 8 КГС (так же, как и в соответствующих главах раздела III ГПК), касающихся иных (кроме прокурора) участников судопроизводства, нет статьи, аналогичной ст. 70 КГС (ст. 80 ГПК).

В-четвертых, единственным источником правового регулирования, о котором стоило бы отдельно (в дополнение к тем, что перечислены в ст. 3 КГС) упомянуть в КГС применительно к деятельности должностных лиц прокуратуры в гражданском судопроизводстве, являются приказы Генерального прокурора Республики Беларусь, которые, не будучи нормативными правовыми актами [6, с. 248], тем не менее играют очень существенную роль в обозначенной сфере. В качестве примера можно привести приказ Генерального прокурора Республики Беларусь от 27 марта 2009 г. № 27 «Об организации надзора за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам» (далее — Приказ № 27), многие из положений которого нашли свое отражение в § 3 гл. 8 КГС.

В ГПК подобное отдельное упоминание о приказах Генерального прокурора Республики Беларусь в гл. 10 «Прокурор» не требуется, потому что такой источник правового регулирования фактически назван в ст. 23 ГПК, посвященной принципу прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве. Согласно ч. 3 ст. 23 ГПК «свои полномочия в гражданском судопроизводстве прокурор осуществляет независимо от каких бы то ни было органов и должностных лиц, руководствуясь только законодательными актами и подчиняясь указаниям Генерального прокурора» (данная норма берет свои истоки еще из ч. 3 ст. 13 Гражданского процессуального кодекса БССР 1964 г.). Ведь очевидно, что приказы Генерального прокурора Республики Беларусь являются разновидностью даваемых им указаний.

Но в КГС статьи, подобной ст. 23 ГПК, нет (то ли по причине того, что, формируя содержание гл. 2 «Цели, задачи и принципы гражданского судопроизводства» КГС, законодатель опирался на гл. 2 «Основные принципы судопроизводства в суде, рассматривающем экономические дела» ХПК, где принцип прокурорского надзора отсутствует; то ли в связи с тем, что, по мнению законодателя, прокурорский надзор охватывается принципом законности в судопроизводстве). А это значит, что приказы Генерального прокурора Республики Беларусь как важнейший источник регулирования деятельности прокурорских работников в гражданском судопроизводстве нормативным полем КГС полностью проигнорированы. Причем не спасает ситуацию даже тот факт, что многие положения Приказа № 27 в содержании § 3 гл. 8 КГС отражены, так как по данной тематике Генеральный прокурор может принять новые приказы.

В-пятых, ст. 70 КГС хоть и дублирует (по своей целевой направленности) ст. 3 КГС, однако серьезно расходится с ней по содержанию, так как не называет такой правовой источник регулирования гражданских процессуальных отношений, как международные договоры Республики Беларусь. Положения последних подлежат применению по гражданским делам с участием иностранных лиц (участие в подобных делах прокурора, как и в любых других гражданских делах, не исключено). Как указано в ч. 1 ст. 504 КГС,

«судопроизводство по делам с участием иностранных лиц осуществляется в соответствии с настоящим Кодексом, иными законодательными актами и (или) международными договорами Республики Беларусь» (попутно стоит отметить не совсем удачное наименование ст. 504 КГС – «Законодательство о судопроизводстве по делам с участием иностранных лиц»; поскольку международные договоры не относятся к законодательству Республики Беларусь, то более правильно эту статью было бы озаглавить «Правовое регулирование судопроизводства по делам с участием иностранных лиц»). Причем, как видно из ч. 3 ст. 3 КГС, правила международных договоров имеют приоритет над национальным законодательством о гражданском судопроизводстве.

В-шестых, ст. 3 и ст. 70 КГС имеют следующий общий недостаток: круг нормативных правовых актов, регламентирующих гражданское судопроизводство, они ограничивают только законодательными актами, хотя в данной сфере большую роль играют и другие нормативные правовые акты [7]. Применительно к деятельности в судебном процессе прокурора в качестве таковых нормативных правовых актов прежде всего стоит назвать постановления пленумов высших судов. Для экономических дел фундаментальное значение имеет постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 28 октября 2005 г. № 22 «Об участии прокурора в хозяйственном судопроизводстве», в котором решены в том числе и многие из описанных выше вопросов по поводу пределов реализации должностными лицами органов прокуратуры своей компетенции (пп. 3–5, ч. 2–4 п. 6, пп. 14, 18, 25–27, 32, 33, 36).

Применительно к гражданскому процессу такого единого комплексного правового акта нет, однако вопросы участия в гражданских делах прокурора разъяснены на уровне ряда постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь — от 28 сентября 2001 г. № 10 «О решении суда первой инстанции» (п. 15), от 29 июня 2006 г. № 4 «О практике рассмотрения судами заявлений в порядке приказного производства» (ч. 1 п. 3), от 25 июня 2009 г. № 4 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (п. 6, ч. 5, 7 п. 16), от 21 декабря 2012 г. № 9 «О практике рассмотрения судами дел в порядке заочного производства» (ч. 1 п. 14), от 31 марта 2021 г. № 1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (ч. 5 п. 4, ч. 1 п. 9, ч. 1, 5 п. 10, ч. 3 п. 12) и др.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Абзац первый ст. 1 КГС необходимо изложить в редакции, которую изначально имел абзац первый ст. 1 ГПК, что позволит подчеркнуть, что используемые по тексту Кодекса термины могут иметь значение, отличное от приведенного в его самой первой статье.

2. В КГС стоит подробно регламентировать пределы реализации компетенции различными должностными лицами органов прокуратуры применительно к каждой из стадий рассмотрения гражданского дела по первой инстанции, в апелляционном, кассационном, надзорном порядках и по вновь открывшимся обстоятельствам; реализация данной идеи позволит отказаться от дефиниции термина «прокурор» в ст. 1 КГС;

3. В § 3 гл. 8 КГС целесообразно вместо положений ст. 70 включить норму о том, что в своей деятельности прокурор руководствуется, помимо источников, указанных в ст. 3 КГС, также указаниями Генерального прокурора Республики Беларусь;

4. Наименование ст. 504 КГС нужно поменять на «Правовое регулирование судопроизводства по делам с участием иностранных лиц»;

5. Установленный ст. 3 КГС круг нормативных правовых актов, регулирующих гражданское судопроизводство, нужно расширить с законодательных актов до актов законодательства.

Список цитированных источников

1. Скобелев, В. П. О некоторых проблемах осуществления прокурорского надзора в апелляционном производстве по гражданским и экономическим делам / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Гос. учрежд. «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2020. — Вып. 13. — С. 340–348.

2. Скобелев, В. Гражданское процессуальное законодательство Республики Беларусь: проблемы совершенствования на современном этапе / В. П. Скобелев // Юстиция Беларуси. — 2012. — № 5. — С. 21–25.

3. Скобелев, В. П. О некоторых вопросах обращения прокурора в суд в порядке гражданского судопроизводства / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. М. Хомич [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2016. — Вып. 9, т. 2. — С. 269–275.

4. Скобелев, В. П. О совершенствовании правового статуса должностных лиц прокуратуры в судопроизводстве по гражданским делам / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2017. — Вып. 10. — С. 290–297.

5. Скобелев, В. П. Апелляционное производство в гражданском процессе и некоторые вопросы регулирования компетенции должностных лиц ор-

ганов прокуратуры / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2022. — Вып. 15. — С. 348–358.

6. Скобелев, В. П. Проблемные вопросы участия прокурора в гражданском процессе / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. М. Хомич (пред.) [и др.]. — Минск : РИПО, 2015. — С. 247–254.

7. Скобелев, В. П. Легальный перечень источников гражданского процессуального права требует расширения / В. П. Скобелев // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 окт. 2010 г. / редкол.: И. Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Позитив-центр, 2010. — С. 391–394

Аннотация. Показано, что КГС Республики Беларусь, будучи своеобразным симбиозом ГПК и ХПК Республики Беларусь, несколько улучшил правовое регулирование статуса прокурора в судопроизводстве. Вместе с тем многих проблем КГС не решил, а в некоторых моментах некритически воспринял из действующего процессуального законодательства уже имеющиеся ошибки. Так, в новом Кодексе не учтено, что термин «прокурор» по тексту Кодекса может иметь другое значение, нежели то, что приведено в ст. 1 Кодекса. Имеются также существенные пробелы в регламентации пределов реализации компетенции должностными лицами органов прокуратуры на разных стадиях процесса. Присутствуют недостатки и в определении круга источников правового регулирования судопроизводства. По результатам исследования сделаны предложения по совершенствованию положений КГС.

ON SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF THE PROSECUTOR IN THE CODE OF CIVIL PROCEDURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Skobelev V.P.

Keywords: civil proceedings, prosecutorial authority, official of the prosecutorial authority, prosecutor, competence, sources of legal regulation.

Abstract. The article shows that the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus, being a kind of symbiosis of the Civil Procedural Code of the Republic of Belarus

and the Economic Procedural Code of the Republic of Belarus, has somewhat improved the legal regulation of the status of the prosecutor in legal proceedings. At the same time, the Code of Civil Procedure did not solve many previous problems, and in a number of ways it uncritically adopted existing errors from the current procedural legislation. Thus, the new Code does not take into account that the term «prosecutor» in the text of the Code may have a different meaning than that given in the first article of the Code. There are also significant gaps in the regulation of the limits of exercise of competence by officials of the prosecutor's office at different stages of the process. There are also shortcomings in determining the range of sources of legal regulation of legal proceedings. Based on the results of the study, proposals were made to improve the provisions of the Code of Civil Procedure.

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В СФЕРЕ ПРАВОВОЙ СТАТИСТИКИ

Широкова П. В.

Ключевые слова: прокуратура, статистический учет, правовая статистика, эффективность.

Введение

Система государственной статистики Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» определена как федеральная информационная статистическая система, представляющая собой совокупность позволяющих осуществлять официальный статистический учет первичных статистических данных и административных данных, формируемой на их основе в соответствии с официальной статистической методологией официальной статистической информации и обеспечивающих формирование такой информации информационных технологий и технических средств.

Важной составляющей государственной статистики является правовая статистика, которая позволяет через специфические количественные показатели изучить и проанализировать содержание правовых явлений в их взаимосвязи между собой и с социально-экономическими, политическими, духовными процессами в стране.

Правовая статистическая информация, ее научное осмысление имеют важное значение в государственной жизни в связи с ориентацией на практическую деятельность в первую очередь правоохранительных органов. К сожалению, факты манипуляции такой информацией также всегда сопутствуют этой деятельности, что проявляется в искажении статистических показателей вследствие низкого качества работы на местах непосредственно субъектами учета, а в некоторых случаях и в фальсификации данных в целях завуалировать реальную картину о состоянии законности в том или ином направлении.

Основная часть

Генеральной прокуратурой Российской Федерации в соответствии со ст. 5 приведенного выше Федерального закона, ст. 51 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и организационно-распорядительным документами прокуратуры осуществляется работа по обеспечению полноты и достоверности государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях,

состояния преступности, раскрываемости преступлений, состояния и результатов следственной работы.

Такое направление деятельности у прокуратуры появилось в связи с закреплением в 2011 г. в ст. 51 названного выше ведомственного Федерального закона полномочий прокурора по ведению единого государственного учета данных [1, с. 240].

В связи с многогранностью целей деятельности прокуратуры, обозначенных в названном выше Федеральном законе, качество работы по сбору, накоплению, систематизации, анализу, использованию в работе, хранению и опубликованию информации такого рода всегда было актуальным. И сегодня деятельность по обеспечению прокуратурой достоверности, полноты и достаточности информации в сфере правовой статистики является одной из приоритетных.

В первую очередь это связано с объектом и предметом деятельности прокуратуры в указанном направлении, имеющими комплексный характер, поскольку в качестве объекта выступает деятельность государственных органов, статистические показатели о работе которых подлежат государственному учету (сфера государственной отчетности), и деятельность самих прокуроров при формировании показателей о собственной работе (сфера ведомственной отчетности). В качестве предмета деятельности традиционно выступает соблюдение Конституции Российской Федерации, исполнение законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, региональными представительными и исполнительными органами государственной власти, органами местного самоуправления, военного управления, контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия находящимся в них лицам, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций; законностью правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами (надзорная деятельность) и органами прокуратуры (ненадзорное направление деятельности).

Такой колоссальный объем данных, подлежащих тщательному анализу и обработке, объясняет возникающие в ходе реализации полномочий прокурора в сфере единого государственного учета данных проблемы.

Одной из ключевых проблем деятельности прокурора в указанной сфере выступают недостоверность и неполнота показателей отчетности, отрицательно влияющих на оценку эффективности деятельности субъектов статистического учета.

Принимая во внимание, что анализ результатов деятельности прокурора в сфере правовой статистики напрямую влияет на качество работы прокурора по выявлению закономерностей (причин и условий) правонарушений и преступлений, определение действенных методов их профилактики,

оценку эффективности работы уполномоченных государственных органов необходимо выработать такой правовой механизм, который бы позволял исключить в работе прокурора формализм, гонку за статистическими показателями, недостаточный уровень подготовки работников органов прокуратуры в сфере правовой статистики.

Указанная проблематика является предметом исследования ряда ученых. Так, И. С. Курышов обращает внимание на соотношение понятий «статистический учет» и «оценка деятельности прокуратуры», обоснованно указывая, что «объективная оценка позволяет составить верное представление о проблеме и путях ее устранения ... сама оценка деятельности предполагает наличие соответствующей законодательной базы и оценочных инструментов» [2, с. 179].

К. И. Амирбеков исследовал вопросы «комплексной оценки эффективности деятельности прокуратур», имеющей в качестве одного из методов внутрисистемной оценки эффективности деятельности органов прокуратуры статистический метод (анализ показателей ведомственной статистической информации анализа состояния законности и правопорядка) [3, с. 9].

С. Ю. Чудинов обоснованно делает вывод о «синергетическом значении правовой статистики» при оценке эффективности функционирования различных институтов власти, в том числе органов прокуратуры [4, с. 467].

Как отмечают многие исследователи прокурорской деятельности, действенным механизмом оптимизации работы прокуратуры в этом направлении является последовательная система мер, предпринятая Генеральной прокуратурой Российской Федерации за последние годы: это сокращение форм ведомственной прокурорской отчетности, ее автоматизация, введенная приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года» [5, с. 89].

Но несмотря на пристальное внимание к количественным показателям, характеризующим то или иное направление деятельности государственных органов и тщательный анализ полученной информации, в том числе ее достоверность, говорить о безусловной объективности статистических данных, используемых для повышения эффективности прокурорского надзора и ненадзорных направлений, пока не приходится.

На наш взгляд, решение такой проблемы и достижение цели повышения достоверности статистических показателей будут заключаться в решении ряда задач: совершенствование правовой базы (издание организационно-распорядительных документов, в том числе совместных с иными заинтересованными в достоверности показателей отчетности субъектами учета), организация работы в сфере правовой статистики

на постоянной основе (ежедневный мониторинг информационных ресурсов, базы Информационного Центра Министерства внутренних дел, средств массовой информации и т. д.), организация отлаженной работы по взаимодействию профильных подразделений правовой статистики с нижестоящими прокуратурами и поднадзорными органами для обеспечения своевременности и оперативности принятия мер по устранению выявленных нарушений, для исключения фактов искажения картины о состоянии преступности и о прокурорской работе и умышленной фальсификации статистической информации.

Заключение

Таким образом, полагаем абсолютно обоснованным утверждение о необходимости обоснованного, достаточного и достоверного информационного обеспечения органов прокуратуры, в первую очередь имея в виду статистические данные о состоянии преступности, ее динамике, структуре, закономерностях роста и снижения, работе органов предварительного расследования и собственно прокурорской деятельности во всех ее направлениях, их эффективности и результативности.

Список цитированных источников

1. Широкова, П. В. Основные этапы формирования уголовно-правовой статистики как направления деятельности прокуратуры / П. В. Широкова // Вестн. Костромского гос. ун-та. — 2024. — Т. 30, № 1. — С. 236–242.
2. Курышов, И. С. Соотношение понятий «статистический учет» и «оценка деятельности» в работе органов прокуратуры Российской Федерации / И. С. Курышов // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 5 (221). — С. 179–180.
3. Теоретические основы оценки эффективности деятельности органов прокуратуры / под общ. ред. Ф. М. Кобзарева ; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2016. — 300 с.
4. Чудинов, С. Ю. О значении правовой статистики для проведения анализа состояния законности и правопорядка органами прокуратуры Российской Федерации / С. Ю. Чудинов // Мы продолжаем традиции российской статистики : сб. докладов I Открытого рос. статистического конгресса, Новосибирск, 20–22 окт. 2015 г. / Рос. ассоциация статистиков ; Федерал. служба гос. статистик и РФ ; Новосибирск. гос. ун-т экономики и управления «НИНХ». — Новосибирск : Новосибирск. гос. ун-т экономики и управления «НИНХ», 2016. — Т. 4. — С. 462–471.
5. Горошко, И. В. О некоторых направлениях совершенствования ведомственной статистической отчетности в органах прокуратуры Российской Федерации / И. В. Горошко, С. С. Ямщикова // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. — 2021. — № 5 (85). — С. 86–91.

Аннотация. Правовая статистика как направление деятельности органов прокуратуры в последние годы имеет тенденцию к активному развитию, привлекая внимание научного сообщества и практикующих юристов к вопросам осуществления такой деятельности с максимально возможной степенью эффективности и результативности работы прокурора и в надзорной сфере, и в направлениях ненадзорного характера. Автором рассмотрен вопрос необходимости разработки мер по повышению таких показателей путем комплексного подхода к решению указанной проблемы.

***ON THE ISSUE OF THE EFFECTIVENESS
OF THE PROSECUTOR'S ACTIVITIES
IN THE FIELD OF LEGAL STATISTICS.***

Shirokova P. V.

Keywords: prosecutor's office, statistical accounting, legal statistics, efficiency.

Abstract. Legal statistics, as a field of activity of the prosecutor's office, has tended to actively develop in recent years, attracting the attention of the scientific community and practicing lawyers to the issues of carrying out such activities with the maximum possible degree of efficiency and effectiveness of the activities of the prosecutor's office and supervisory and non-supervisory nature. The author considers the need to develop measures to improve such indicators through an integrated approach to solving this problem.

6. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 343.97

ЭТАПЫ РАССЛЕДОВАНИЯ РАСКРАДАННЯЎ У СФЕРЫ РАСПРАЦОЎКІ І ЁДАСКАНАЛЕННЯ ПРАГРАМНАГА ЗАБЕСПЯЧЭННЯ

Каніца П. А.

Ключавыя словы: раскрадванні, праграмнае забеспячэнне, расследаванне злачынстваў, этапы расследавання.

Уводзіны

У Беларусі значныя аб'ёмы грашовых сродкаў выдаткуюцца на распрацоўку і ёдасканаленне праграмнага забеспячэння (далей — РПЗ). Гэтымі сродкамі могуць завалодаць нядобрасмуленныя распрацоўшчыкі праграмнага забеспячэння і асобы, якія ім садзейнічаюць. У такім выпадку магчыма сцвярджаць аб раскраданнях — махлярствах і раскраданнях шляхам злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі.

Практыка расследавання падобных злачынстваў толькі складаецца. Пры падрыхтоўцы публікацыі выяўлены:

- крымінальная справа ў адносінах да службовых асоб установы адукацыі Б., якія пад выглядам рэалізацыі дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў выдалі раней распрацаваную для іншага заказчыка камп'ютарную праграму за новую [1];
- крымінальная справа ў адносінах да службовай асобы прыватнага прадпрыемства, якая, атрымаўшы на стварэнне баракамеры і праграмнага забеспячэння да яе бюджэтныя грашовыя сродкі інавацыйнага фонда, наўмысна ніякіх распрацовак не ажыццяўляла [2];
- матэрыялы праверкі па звароце службовай асобы дзяржаўнай установы В. аб тым, што контрагенты — супрацоўнікі ўстановы адукацыі Б. наўмысна не выканалі свае абавязкі па РПЗ і завалодалі грашовымі сродкамі [3].

Разам з тым у цяперашні час сфарміраваўся даволі значны масіў грамадзянска-прававых спрэчак аб няякаснай РПЗ. За перыяд 2018–2023 гг. калегія Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь па справах інтэлектуальнай уласнасці разгледзіла 78 падобных спрэчак [4]. Пры правядзенні даследавання намі арганізавана ананімнае анкетаванне 200 рэспандэнтаў (141 супрацоўнік Следчага камітэта, 45 супрацоўнікаў падраздзяленняў па барацьбе з эканамічнымі злачынствамі органаў унутраных спраў і 14 адва-

катаї). Паказальна, што 7 (15,6 %) супрацоўнікаў органаў дазначэння заявілі, што праводзілі праверку па звароце аб раскраванні ў сферы РПЗ, і толькі 3 (2,1 %) апытаных следчых адзначылі, што расследавалі або прымалі ўдзел у расследаванні крымінальных спраў па такіх злачынствах. Гэта сведчыць аб тым, што ў значнай частцы выпадкаў праверкі па зваротах аб раскраванні ў сферы РПЗ завяршаюцца адмовай ва ўзбуджэнні крымінальнай справы.

Уяўляецца, што паводле філасофскага закону аб пераходзе колькасных змен у якасныя пры наяўнасці масіву грамадзянскіх спраў па спрэчках аб няякаснасці вынікаў РПЗ, а таксама значнай колькасці зваротаў у органы дачэння аб учыненых раскраваннях у сферы РПЗ, у бліжэйшай перспектыве аб'ём узбуджаных крымінальных спраў будзе ўзрастаць. Таму патрэбны навукова абгрунтаваны рэкамендацыі па расследаванні злачынстваў віду, які разглядаецца.

У сувязі з выкладзеным актуальнасць распрацоўкі асобнай крыміналістычнай метадыкі расследавання раскраванняў у сферы РПЗ вызначаецца неабходнасцю процідзеання гэтаму віду злачыннасці, які не толькі прычыняе эканамічную шкоду суб'ектам гаспадарання, але і запавольвае тэхналагічнае развіццё нашай краіны.

Прадметам даследавання, адлюстраванага ў публікацыі, з'яўляецца храналагічная структура расследавання раскраванняў у сферы РПЗ. Асноўная мэта працы — вызначыць этапы расследавання, іх асноўныя задачы. Гэта, ў сваю чаргу, дазволіць у далейшым сістэматызаваць рэкамендацыі па процідзеанні раскраванням у сферы РПЗ.

Навуковая навізна прадстаўленага даследавання вызначаецца тым, што ў крыміналістычнай літаратуры праблематыка расследавання раскраванняў у сферы РПЗ і яго перыядызацыі не разглядалася.

Асноўная частка

Пад этапам расследавання паводле слухнага сцвярджэння В. М. Логвіна варта разумець такі яго элемент, часавы перыяд у расследаванні злачынства, які вылучаецца ўмоўна і характарызуецца наяўнасцю разнастайных следчых сітуацый, вырашэннем спецыфічных задач, выкарыстаннем пры гэтым усяго арсеналу працэсуальных, крыміналістычных, аператыўна-вышуковых і іншых метадаў і сродкаў [5, с. 25].

У навуковай і вучэбнай літаратуры па метадыках расследавання злачынстваў асобных відаў магчыма сустрэць такія этапы, як:

- выяўленне рэчывага складу злачынства (заканчваецца ўзнаўленнем карціны злачынства), збіранне і выкарыстанне доказаў (заканчваецца выяўленнем асобы падазраванага) і абследаванне асобы, якая падазраецца ва ўчыненні злачынства [6, с. 168–171];

- пачатковы (заканчваецца прад'яўленнем абвінавачвання) і наступны (завяршаецца заканчэннем папярэдняга расследавання) этапы [7, с. 89];

– неадкладны (ад узбуджэння крымінальнай справы да правядзення апошняга неадкладнага следчага дзеяння або перадачы справы па падследнасці), першапачатковы (прысвечаны правядзенню ўсіх далейшых следчых дзеянняў і завяршаецца прад’яўленнем абвінавачання) і наступны (пачынаецца пасля допыту абвінавачванага і заканчваецца складаннем абвінавачвальнага заключэння (дакумент уласцівы для савецкага крымінальнага працэсу)) [8, с. 114–116];

– пачатковы (пачынаецца з агляду месца здарэння або прыняцця справы да свайго справаводства, момант заканчэння дакладна не вызначаецца), наступны (закрываецца ў правядзенні «разгорнутага, метадычнага даказвання» і заканчваецца прад’яўленнем абвінавачання) і заключны (звязаны з завяршэннем расследавання і правядзеннем пры неабходнасці дадатковых аб паўторных следчых дзеянняў пасля азнямлення зацікаўленых асоб з матэрыяламі крымінальнай справы) [9, с. 395];

– першапачатковы (ад узбуджэння крымінальнай справы да затрымання падазраванага і правядзення з ім неадкладных следчых дзеянняў), наступны (правядзенне іншых следчых дзеянняў і прад’яўленне абвінавачання) і заключны (працэсуальныя дзеянні на этапе заканчэння расследавання) [10, с. 14];

– этап узбуджэння крымінальнай справы (ад паступлення інфармацыі аб учыненні злачынства да прыняцця аднаго з рашэнняў, прадугледжанага ч. 1 арт. 174 Крымінальна-працэсуальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь (далей — КПК)), першапачатковы (ад узбуджэння крымінальнай справы да знікнення неадкладнага характару правядзення следчых дзеянняў (характарызуецца або прад’яўленнем абвінавачання, або планаваннем дадатковых следчых дзеянняў, накіраваных на выяўленне і даказванне віны абвінавачванага)), наступны (ад з’яўлення ўказаных акалічнасцей да прыняцця рашэння аб заканчэнні расследавання) і заключны (аналіз вынікаў расследавання, азнямленне зацікаўленых удзельнікаў крымінальнага працэсу з матэрыяламі справы, вырашэнне хадайніцтваў, правядзенне дадатковых працэсуальных дзеянняў і перадача справы пракурору для накіравання ў суд) [5, с. 28–29].

На нашу думку, паколькі вызначэнне пэўных меж у працэсе расследавання даволі ўмоўнае і не мае агульнапрынятых бясспрэчных крытэрыяў, этапы варта акрэсліваць зыходзячы з асаблівасцей учынення злачынства канкрэтнага віду і мэтазгоднасці выкладання рэкамендацый па правядзенні працэсуальных дзеянняў у пэўнай паслядоўнасці.

Прапаноўваючы храналагічную структуру расследавання менавіта раскраванняў у сферы РПЗ найперш неабходна адзначыць, што старт гэтага працэсу не варта звязваць з пачаткам стадыі папярэдняга расследавання ў крымінальна-працэсуальным значэнні, паколькі тады яго трэба адлічваць з моманту ўзбуджэння крымінальнай справы. У такім выпадку губляюцца крыміналістычныя рэкамендацыі па выяўленні злачынстваў, правядзенні

праверкі па заяве (паведамленні) аб раскраданні і арганізацый тактычных камбінацый следчага і супрацоўнікаў органаў дазнання напярэдадні ўзбуджэння крымінальнай справы. У сувязі з латэнтнасцю проціпраўнай дзейнасці па завалоданні грашовымі сродкамі пад выгляд РПЗ даследчая праверка па заявах (паведамленнях) аб такіх злачынствах адыгрывае важную ролю ў збіранні доказаў і ўплывае на поспех далейшага папярэдняга расследавання.

Правапрымяняльная практыка (узгаданыя вышэй крымінальныя справы і матэрыялы праверкі) таксама сведчыць аб тым, што пасля атрымання паведамлення аб учыненым злачынстве праводзілася працяглая даследчая праверка [1–3].

У сувязі з выкладзеным, пачатак расследавання у межах гэтага даследавання будзе адлічвацца з атрымання інфармацыі аб учыненым раскраданні ў сферы РПЗ. Заканчэнне расследавання варта звязваць з прыняццем следчым канчатковага рашэння па яго выніках (аб перадачы справы пракурору для накіравання ў суд або аб спыненні папярэдняга следства).

На падставе аналізу навуковых падыходаў да перыядызацыі расследавання, правапрымяняльнай практыкі ўяўляецца мэтазгодным прапанаваць тры асноўныя этапы расследавання раскрадання ў сферы РПЗ: узбуджэнне крымінальнай справы, пачатковы і заключны. Кожны з пералічаных часавых прамежкаў мае свае дакладна вызначаныя спецыфічныя задачы. Акрамя гэтага этапы адрозніваюцца паводле асноўных актараў — суб'ектаў, якія збіраюць доказы. На этапе ўзбуджэння крымінальнай справы галоўная роля належыць супрацоўнікам органаў дазнання (аператыўных падраздзяленняў органаў унутраных спраў, Дэпартамента фінансавых расследаванняў Камітэта дзяржаўнага кантролю). Толькі напрыканцы гэтага этапу ў расследаванні ўключаюцца супрацоўнікі Следчага камітэта, якія аналізуюць сабраныя органам дазнання матэрыялы, прымаюць рашэнне аб узбуджэнні крымінальнай справы, пры неабходнасці плануюць сумесныя з супрацоўнікамі органа дазнання працэсуальныя дзеянні і тактычныя камбінацыі. На пачатковым і заключным этапах расследавання асноўны актар — следчы. Супрацоўнікі органаў дазнання могуць толькі выконваць яго даручэнні аб правядзенні аператыўна-вышукowych мерапрыемстваў і следчых дзеянняў.

Этап узбуджэння крымінальнай справы мае наступныя часовыя межы — ад атрымання інфармацыі аб учыненым злачынстве да вынясення следчым пастанова аб узбуджэнні крымінальнай справы. Асноўная задача гэтага этапу — вызначыць, што атрыманая праваахоўным органам інфармацыя змяшчае прыкметы злачынства. Спецыфіка акалічнасцей, якія падлягаюць даказанню пры расследаванні раскрадання ў сферы РПЗ, вызначае, што даказанне факту ўчынення раскрадання непарыўна звязана з іншымі акалічнасцямі. Так, калі перад органам крымінальнага пераследу паўстае пытанне кваліфікацыі раскрадання ў юрыдычнай асобе не групай асоб, немагчыма

сцвярджаць аб учыненні злачынства без вызначэння памеру прычыненай шкоды. Акрамя гэтага нельга сцвярджаць аб наяўнасці грамадска небяпечнай дзеі — махлярства або раскрадання шляхам карыстання службовымі паўнамоцтвамі ў сферы РПЗ — без доказу намеру на іх учыненне. Таму ўжо на гэтым этапе павінен быць вызначаны не толькі факт раскрадання, але і асноўныя арганізатары і выканаўцы.

Для вырашэння акрэсленай вышэй задачы супрацоўнікі праваахоўных органаў могуць выкарыстоўваць інструментарый працэсуальных дзеянняў, прадугледжаны ч. 2 арт. 173 КПК, а таксама аператыўна-вышуковых мерапрыемстваў галоснага і негалоснага характару.

Пачатковы этап расследавання раскрадання ў сферы РПЗ ахоплівае ўзбуджэнне крымінальнай справы і правядзенне неадкладных следчых і іншых працэсуальных дзеянняў. Пад «неадкладнымі» варта разумець такія працэсуальныя дзеянні, неправадзеныя якіх у бліжэйшы тэрмін пасля ўзбуджэння крымінальнай справы пацягне за сабой страту доказаў або зніжэнне іх інфарматыўнасці. Гэта датычыцца як матэрыяльных, так і ідэальных слядоў раскрадання. Напрыклад, замаруджванне з правядзеннем вобыску ў памяшканнях арганізацыі, у якой працуюць нядобрасумленныя распрацоўшчыкі праграмага забеспячэння, апавешчаныя аб факце ўзбуджэння крымінальнай справы, можа дазволіць ім або асобам, якія ім садзейнічаць, знішчыць дакументы, матэрыяльныя носьбіты лічбавай інфармацыі і г.д. У сваю чаргу, калі неадкладна не дапытаць у якасці сведкаў супрацоўнікаў арганізацыі-распрацоўшчыка, якія не ўдзельнічалі ў злачыннай дзейнасці, то на іх могуць пэўным чынам уздзейнічаць падазраваныя або іншыя з імі звязаныя асобы. Пасля такога ўздзеяння сведкі могуць даць паказанні аб падзеях, якія не адпавядалі рэчаіснасці, або не паведаміць аб усіх вядомых фактах.

Да пачатковага этапу расследавання раскрадання ў сферы РПЗ адносіцца правядзенне таксама іншых працэсуальных дзеянняў, якія не патрабуюць неадкладнасці. Следчы можа арганізоўваць іх планава і метадычна, скрупулёзна прааналізаваўшы матэрыялы праверкі і вынікі правядзення неадкладных следчых дзеянняў. У прыватнасці, на гэтай стадыі пачатковага этапу расследавання ўвага павінна надавацца прымяненню спецыяльных ведаў у праграмаванні або іншых тэхналагічных працэсах, з якімі непасрэдна звязана РПЗ.

Асноўнымі задачамі пачатковага этапу расследавання раскрадання ў сферы РПЗ з'яўляюцца:

- праверка і аналіз сабраных на этапе ўзбуджэння крымінальнай справы доказаў;
- збіранне новых доказаў, выяўленне іншых удзельнікаў і эпизодаў злачыннай дзейнасці;
- ажыццяўленне следчай прафілактыкі.

Заклучны этап расследавання, як адзначана вышэй, многія даследчыкі звязваюць выключна з азнаямленнем удзельнікаў крымінальнага працэсу з матэрыяламі крымінальнай справы і перадачай апошняй пракурору для накіравання ў суд. На нашу думку, такі падыход абмяжоўвае часавыя межы заключнага этапу і пазбаўляе яго выніковай сутнасці.

У сувязі з гэтым заключны этап расследавання раскраданняў у сферы РПЗ павінен характарызавацца комплексным усебаковым аналізам сабраных па справе доказаў і падвядзеннем вынікаў расследавання. Фіналам гэтага працэсу з'яўляецца прыняцце рашэння аб прыцягненні асобы (асоб) у якасці абвінавачванага або спыненне расследавання або крымінальнага пераследу ў адносінах да асобных падазраваных, або спыненне крымінальнага пераследу ў частцы. У пачатку заключнага этапу расследавання следчы на падставе даследавання ўсіх сабраных доказаў рыхтуе пастанову аб прыцягненні ў якасці абвінавачванага ў канчатковай рэдакцыі. Пры гэтым на стадыі фармулявання абвінавачвання следчы можа прыйсці да высновы аб непаўнаце пэўных звестак, наяўнасці супярэчнасцей у сабранай інфармацыі. У сувязі з гэтым могуць быць праведзены дадатковыя следчыя дзеянні: допыты, вочныя стаўкі, допыты экспертаў і інш. Затым, у выпадку прад'яўлення абвінавачвання, праводзіцца допыт абвінавачванага. Пры адсутнасці новай інфармацыі, якая падлягае праверцы следчым шляхам, арганізуецца азнаямленне зацікаўленых удзельнікаў крымінальнага працэсу з матэрыяламі крымінальнай справы, разгляд заяўленых хадайніцтваў (пры іх наяўнасці) і правядзенне пры неабходнасці новых працэсуальных дзеянняў. Пасля гэтага праводзіцца паўторнае азнаямленне з матэрыяламі справы, і следчы прымае рашэнне аб перадачы яе пракурору для накіравання ў суд.

Галоўная задача, якая стаіць перад следчым на заключным этапе расследавання, заключаецца ў падвядзенні вынікаў расследавання і прыняцці па іх канчатковага рашэння.

Прыведзеная класіфікацыя этапаў расследавання не знаходзіць аналагаў у крыміналістычнай літаратуры. Яна некаторым чынам нагадвае названую вышэй перыядызацыю расследавання, вылучаную В.М. Логвіным. Аднак прапанаваны нам падзел мае карэнныя адрозненні ад яе: класіфікацыя трохзвенная, а не чатырохзвенная. Акрамя гэтага пачатковы і заключны этапы ў нашай храналагічнай структуры істотна адрозніваюцца па змесце ад аналагічных часавых прамежкаў, якія вызначыў навуковец. Таксама варта адзначыць, што падзел не ўніверсальны і носіць ўмоўны характар. Напрыклад, межы першых двух этапаў могуць размывацца ў выпадку правядзення тактычнай камбінацыі з удзелам следчага і супрацоўнікаў аператыўных падраздзяленняў органа даснавання, якая можа пачынацца да ўзбуджэння крымінальнай справы і заканчвацца пасля правядзення затрымання падазраваных і неадкладных следчых дзеянняў.

Заклучэнне

Падводзячы вынікі, неабходна адзначыць наступнае:

1) падзел расследавання злачынстваў на пэўныя дакладна вызначаныя перыяды не мае адназначных падыходаў у крыміналістычнай навуцы. Таму этапы расследавання раскраданняў у сферы РПЗ варта акрэсліваць, зыходзячы з асаблівасцей учынення злачынстваў гэтага віду і мэтазгоднасці выкладання рэкамендацый па правядзенні працэсуальных дзеянняў у пэўнай паслядоўнасці;

2) працэс расследавання раскраданняў у сферы РПЗ уключае крымінальна-працэсуальную стадыю праверкі па заяве (паведамленні) аб учыненым злачынстве. Яна, як правіла, носіць працяглы характар, і падчас яе правядзення збіраюцца асноўныя доказы не толькі факту ўчынення раскрадання і вінаватасці падазраваных. Гэта абумоўлена спецыфікай учынення злачынстваў і акалічнасцямі, якія падлягаюць даказванню;

3) уяўляецца мэтазгодным падзяліць працэс расследавання раскраданняў у сферы РПЗ на тры асноўныя этапы: узбуджэння крымінальнай справы, пачатковы і заключны. На этапе ўзбуджэння крымінальнай справы арганізуецца даследчая праверка, пры неабходнасці праводзяцца аператыўна-вышукковыя мерапрыемствы. Пачатковы этап варта адлічваць ад узбуджэння крымінальнай справы. Ён змяшчае правядзенне асноўных следчых і іншых працэсуальных дзеянняў. Заключны этап прысвечаны аналізу і ўсебаковаму даследаванню сабраных доказаў. На гэтым этапе фармулюецца абвінавачанне, прымаецца канчатковае рашэнне па выніках расследавання.

Спіс цытаваных крыніц

1. Архив Минского городского суда за 2016 г. — Уголовное дело № 2–15/6.
2. Архив суда Фрунзенского района г. Минска за 2020 г. — Уголовное дело № 1–593/20.
3. Архив Московского РУВД г. Минска за 2021 г. — Материалы проверки № 1780/21.
4. Решения Судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности: компьютерные программы [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Респ. Беларусь. — Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/comp/. — Дата доступа: 03.11.2023.
5. Логвин, В. М. Периодизация как принцип методики расследования преступлений / В. М. Логвин // Предварительное расследование. — 2022. — № 1. — С. 23–31.
6. Якимов, И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений / И. Н. Якимов. — М. : «Заготхоз» милиции Республики, 1924. — 210 с.

7. Лузгин, И. М. Методологические проблемы расследования / И. М. Лузгин. — М. : Юрид. лит., 1973. — 216 с.

8. Кузьменко, Н. К. Периодизация этапов в методике расследования преступлений / Н. К. Кузьменко // Методика расследования преступлений. Общие положения : материалы науч.-практ. конф., Одесса, нояб. 1976 г. — Одесса, 1976. — С. 114–116.

9. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: криминалистические средства, приемы и рекомендации : учебник : в 3 т. / Р. С. Белкин. — М. : Юристъ, 1997. — Т. 3. — 480 с.

10. Криминалистическая методика : учеб. пособие : в 2 ч. / М. П. Шруб [и др.] ; под общ. ред. М. П. Шруба ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. — Минск : Академия МВД Респ. Беларусь, 2018. — Ч. 1. — 295 с.

Аннотация. На підставі аналізу наукових праць і матеріялаў права-прымяняльнай практыкі прапануецца храналагічная структура рас-следавання раскраданняў у сферы распрацоўкі і ўдасканалення праграмага забеспячэння. Вылучаны наступныя этапы расследавання: узбуджэння крымінальнай справы, пачатковы і заключны. Кожнаму з этапаў уласцівы канкрэтныя задачы, для вырашэння якіх праводзіцца шэраг аператыўна-вышуковых мерапрыемстваў і працэсуальных дзеянняў.

THE STAGES OF INVESTIGATION OF EMBEZZLEMENTS IN THE FIELD OF SOFTWARE DEVELOPMENT

Kapitsa P. A.

Keywords: embezzlements, software, investigation of crimes, stages of investigation.

Abstract. Based on an analysis of scientific publications, legislation and practice, the article deals with stages of investigation of embezzlements in the field of software development. The stages are as follows: stage of criminal proceeding, first stage, final stage. Each stage is characterized by specific tasks, for the solution of which a number of operational investigative measures and procedural actions are carried out.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА ТРУПА И МЕСТА ЕГО ОБНАРУЖЕНИЯ ПРИ НАСТУПЛЕНИИ СМЕРТИ ПО МЕСТУ ПРОЖИВАНИЯ

Кухарьков Ю. В., Орехова Е. П.

Ключевые слова: осмотр трупа; осмотр места обнаружения трупа; смерть насильственная, ненасильственная, скоропостижная, прогнозируемая; обстоятельства наступления смерти.

Введение

Смерть человека может наступить по месту проживания, в местах отдыха, обстановке следования поезда и в других местах. В любом случае осмотр трупа является важным первоначальным действием. Следы на трупе и в обстановке его обнаружения несут информацию об обстоятельствах наступления смерти. В то же время возможно изменение следов на трупе и в обстановке как из-за влияния факторов окружающей среды, так и в результате действий людей, что определяет осмотр трупа как неотложное мероприятие.

В качестве основных актов законодательства, регулирующих проведение осмотра трупа и осмотра места и обстановки, где он находится, можно выделить:

- Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [1] (далее — УПК РБ);

- Инструкцию для подразделений Следственного комитета и органов внутренних дел о порядке рассмотрения информации, заявлений (сообщений) о смерти (гибели) граждан, выезда на места происшествий по указанным фактам и направления трупов на исследование от 25 сентября 2013 г. № 210/436/99 [2] (далее — Инструкция).

В указанных нормативных правовых актах приводятся общие принципы, которые будут определять проведение наружного осмотра трупа различными субъектами независимо от места его обнаружения. С учетом положений указанных выше актов законодательства, а также известных авторам случаев наступления смерти по месту проживания человека представляется возможным выделить основания и отдельные обстоятельства, которые будут определять осмотр трупа и места его обнаружения как следственное действие.

Основная часть

В ст. 203, ч. 1 ст. 205 УПК РБ в отношении осмотра места, где возможно наступила гибель человека и где находится труп, применяются термины «место происшествия», «место обнаружения трупа»; также используется тер-

мин «осмотр трупа». Осмотр трупа на месте происшествия может является частью осмотра последнего [1, с. 127]. Кроме того, наружный осмотр трупа также предусмотрен как отдельное следственное действие на месте его обнаружения (ч. 1 ст. 205 УПК). Представляется, что место обнаружения трупа всегда является местом происшествия.

Осмотр трупа и места его обнаружения (места происшествия) осуществляют следователь (лицо, производящее дознание), как правило, с участием специалиста в области судебной медицины, при необходимости — другие специалисты в составе следственно-оперативной группы (далее — СОГ). Осмотр места происшествия, осмотр трупа, как и все другие виды осмотра, выполняемые следователем, лицом, производящим дознание (далее — следственный осмотр), предполагают, что при проведении таких действий «могут быть обнаружены следы преступления и иные материальные объекты, выяснены другие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела» (ст. 203 УПК РФ). В соответствии с нормами УПК, результаты осмотра трупа оформляются либо как часть протокола осмотра места происшествия, либо отдельно как протокол осмотра трупа.

В Инструкции (п. 6, 7 и др.) так же, как и в УПК РФ, используются термины «место обнаружения трупа» и «место происшествия», причем как для случаев, когда имеется предположение о возможности преступления, так и для случаев, когда признаки преступления не обнаруживаются и его возможность не предполагается.

Инструкцией вместе с возможностью следственного осмотра предусматривается и иной вариант проведения осмотра трупа и места его обнаружения, при котором в качестве субъектов осмотра выступают: 1) сотрудник органа внутренних дел (далее — ОВД); 2) медицинский работник территориальной организации здравоохранения (учреждения здравоохранения — далее УЗ); чаще это врач бригады скорой медицинской помощи. Такая организация осмотра трупа и места его обнаружения следственным действием не является. В п. 6 Инструкции указывается, что сотрудник ОВД осуществляет визуальный осмотр места обнаружения трупа; медработник констатирует смерть и проводит осмотр трупа, результаты оформляет документом «посмертный эпикриз»; сотрудник ОВД данные осмотра трупа получает из посмертного эпикриза, приводит их вместе с другими установленными обстоятельствами смерти в рапорте. Таким образом, Инструкция прямо не предусматривает непосредственный осмотр трупа сотрудником ОВД, однако выполнение им такого действия представляется нам вполне правомерным, когда сотрудник ОВД имеет юридическое образование, знания по криминалистике и судебной медицине, практический опыт. В любом случае сотрудник ОВД осматривает одежду на трупе, содержимое карманов, признаки внешности и их соответствие фотографиям в документах, имеющих при умершем, для установления личности. Полагаем, что оптималь-

ным будет являться одновременное проведение осмотра трупа сотрудником ОВД и медицинским работником УЗ, хотя в Инструкции это не закреплено.

В качестве оснований проведения осмотра трупа как следственного действия в УПК РБ выделяется только сообщение о возможном совершении преступления. В Инструкции вместе с возможностью совершения преступления основания для проведения осмотра трупа и места его обнаружения определяются в зависимости от категории смерти в социально-правовой классификации: насильственной и ненасильственной.

Насильственная смерть подразумевает действие внешних причин (физических, химических, биологических и др.). Возникает травма (телесные повреждения), что приводит к смерти непосредственно (например, разрушение головного мозга при черепно-мозговой травме) либо опосредованно через возникающие осложнения (например, кровотечение и шок при ранах). В соответствии с юридической терминологией выделяются следующие ситуации (род) насильственной смерти — убийство, причинение смерти по неосторожности, несчастный случай, самоубийство и др.

Ненасильственная смерть наступает от старости или заболеваний. Смерть «от старости» констатируется для «лиц, умерших вне больничной организации в возрасте старше 80 лет, когда не проводится вскрытие и умерший в последний год жизни не обращался за медицинской помощью по поводу прогрессирования тяжелых заболеваний, способных вызвать смерть» [4].

Заболевания как нарушение нормальной жизнедеятельности организма являются реакцией организма на повреждающие факторы, а также следствием дефектов развития, врожденных или генетических факторов [5, с. 84]. Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» [6] в абзаце четыре ст. 1 определяет, что заболевание — это расстройство здоровья человека, нарушение нормальной жизнедеятельности его организма, в том числе в результате травм, ранений, увечий, контузий, врожденных дефектов и неотложных состояний. Соответственно, заболевание может являться осложнением телесного повреждения; смерть от таких заболеваний определяется как насильственная. Заболевания, не являющиеся следствием телесных повреждений (инфекционные, хронические заболевания сердечно-сосудистой системы, почек, печени и т. п.), будут причиной ненасильственной смерти.

Ненасильственная смерть от заболеваний может наступить: 1) скоропостижно — быстро, неожиданно для окружающих, на фоне кажущегося благополучия от скрыто или атипично текущего хронического заболевания (например, инфаркт миокарда при ишемической болезни сердца) или от острого заболевания (например, вирусной инфекции); 2) прогнозируемо — от тяжелых заболеваний с прогрессирующим ухудшением состояния здоровья (например, при онкологических заболеваниях, врожденных пороках у новорожденных) [5, с. 101].

Формулировка причин смерти осуществляется в соответствии с классификатором Статистического комитета Республики Беларусь 12.009–2016 «Причины смерти» [7]. Категория смерти прямо определяется ее причинами — состояниями, травмами, заболеваниями, которые сами по себе или через свои осложнения приводят к смерти. Предположение о причине смерти, соответственно, о факторах, вызвавших смерть, будет являться основанием для предположения о категории смерти.

Следует учитывать, что насильственная смерть не обязательно возникает в результате преступления. Так, самоубийство или несчастный случай сами по себе преступлением не являются, однако при этом смертельные травмы возникают от внешних факторов, потому смерть является насильственной.

Вместе с тем возможно наступление ненасильственной смерти в опосредованной связи с преступлением, когда последнее может спровоцировать наступление скоропостижной смерти. Например, человек пожилого возраста обнаруживает кражу имущества, испытывает сильные эмоции, от чего возникают повышение артериального давления и инфаркт миокарда, приводящие к смерти.

Представляется возможным выделить объективные признаки, которые при осмотре трупа могут указывать на наступление насильственной смерти. Это раны, кровоподтеки, деформации частей тела, другие телесные повреждения, которые отражают внешнее травматическое воздействие. Однако следует учитывать, что видимые признаки насильственной смерти при наружном осмотре трупа могут не определяться; их обнаруживают при проведении судебно-медицинской экспертизы трупа (далее — СМЭ трупа). Например, это возможно при отравлениях, некоторых других причинах. Помимо признаков на трупе, на возможность преступления и/или насильственной смерти может указывать обстановка на месте обнаружения трупа или информация, полученная от других лиц.

Логично предположить, что субъекты и способы установления насильственной или ненасильственной категории смерти могут соответствовать вариантам организации осмотра места обнаружения трупа (места происшествия) и наружного осмотра трупа. Так, при получении информации о возможности насильственной смерти осмотр места происшествия и трупа осуществляют как следственное действие. Во всех случаях следственного осмотра для установления причины смерти будет назначена СМЭ.

При отсутствии каких-либо данных о возможности совершения преступления и/или наступления насильственной смерти, когда осмотр трупа и места его обнаружения осуществляют сотрудник ОВД и медработник УЗ, факт и причина наступившей смерти оформляется амбулаторно-поликлиническим УЗ. Это закреплено п. 4.1 Инструкции о порядке заполнения формы 106/у-10 «Врачебное свидетельство о смерти (мертворождении)», утвержденной постановлением Министерства здравоохранения Республики

Беларусь от 16 декабря 2010 г. № 168 [8], где приводится условие: покойный при жизни страдал заболеванием, которое могло привести к смерти и в медицинских документах в течение последних 6 месяцев жизни об этом имеются записи. При отсутствии регистрации в медицинских документах заболевания, которое могло привести к смерти, возможно выбытие СОГ, проведение следственного осмотра, назначение СМЭ трупа.

В п. 11 Инструкции приводятся формальные обстоятельства, которые для случаев смерти по месту проживания определяют осмотр трупа и места его обнаружения как следственное действие. Такие обстоятельства могут определяться интересами родственников умершего: основанием для следственного осмотра может являться несогласие совершеннолетних близких родственников (законных представителей) на оформление факта смерти без проведения вскрытия. Также это обстоятельства, которые определяются статусом умершего: следственный осмотр проводится в случаях мертворождения или гибели новорожденного при родах, произошедших вне организации здравоохранения (т. е. при родах в домашних условиях); обнаружения трупа несовершеннолетнего, иностранного гражданина. Еще одним обстоятельством будут являться неизвестные паспортные данные умершего (неопознанный труп). Такое, например, возможно при проживании лица на съемной квартире без надлежащей регистрации и при отсутствии документов, удостоверяющих его личность.

Считаем необходимым подчеркнуть, что для указанных выше случаев, осмотр трупа и места его обнаружения как следственное действие проводится при отсутствии каких-либо признаков преступления или насильственной смерти: например иностранного гражданина с видом на жительство умирает по месту проживания от онкологического заболевания.

Также в п. 11 Инструкции выделяется обязательность проведения следственного осмотра в случае «наступления смерти (гибели) при «неясных обстоятельствах»; при этом содержание этого положения не раскрывается. Полагаем, что «неясные обстоятельства» в период до проведения осмотра трупа и места его обнаружения имеются лишь тогда, когда отсутствуют очевидцы наступления биологической смерти человека. Таковыми могут являться родственники умершего или другие лица, которые проживали с ним, в каких-то случаях — медицинские работники, например бригады скорой медицинской помощи, вызванной при ухудшении состояния здоровья человека (например, при инфаркте миокарда в случаях скоропостижной смерти).

Вместе с тем наступление смерти может произойти без очевидцев, когда родственники или другие лица, проживавшие с умершим, обнаруживают труп через относительно небольшой интервал времени после смерти (до развития трупных явлений). В такой ситуации усматриваются «неясные обстоятельства» наступления смерти. Однако в известных авторам нескольких случаях смерти людей по месту проживания следственный осмотр

не проводился. Сотрудник ОВД и медработник УЗ, выбывавшие на место обнаружения трупа, не установили возможность преступления и/или насильственной смерти, а в амбулаторно-поликлиническом УЗ в медицинской документации умершего за последние 6 месяцев имелись записи о заболевании, которое могло привести к смерти. Соответственно, не усматривалось оснований для выбытия СОГ и проведения осмотра трупа и места его обнаружения как следственного действия. Полагаем, что содержание понятия «неясные обстоятельства» требует отдельного анализа и разъяснения.

Еще одним основанием для проведения следственного осмотра в случаях смерти по месту проживания будет являться интервал времени после наступления смерти до обнаружения трупа, что определяется развитием трупных явлений [5, с. 101–115], которые существенно затрудняют выявление признаков телесных повреждений (например, кровоподтеков на фоне трупных пятен или изменений цвета кожи при гниении и т. п.). Для выявления признаков насильственной смерти необходимы знания специалиста в области судебной медицины, соответственно, необходимо проводить осмотр трупа как следственное действие.

Отдельно следует рассмотреть ситуацию, когда человек не имеет совершеннолетних близких родственников. В п. 11 Инструкции приводится, что основанием выбытия СОГ и осмотра трупа и места его обнаружения являются случаи «несогласия совершеннолетних близких родственников (законных представителей) на оформление факта смерти без проведения вскрытия». Соответственно, когда у умершего отсутствуют близкие родственники (законные представители) или их место нахождения неизвестно, присутствует формальное обстоятельство проведения осмотра трупа и обстановки его обнаружения как следственного действия.

Заключение

На основании изложенного в случаях смерти по месту проживания основаниями проведения осмотра трупа и места его обнаружения (места происшествия) как следственного действия являются:

- 1) информация (сообщения, заявления и т. п.) о возможном преступлении, когда допускается связь с наступлением смерти человека, в том числе ненасильственной категории;
- 2) возможность насильственной смерти, в том числе когда факт преступления исключается;
- 3) в случаях смерти от заболевания: отсутствие в медицинских документах амбулаторно-поликлинической УЗ в течение последних 6 месяцев жизни умершего записей о заболевании, которое могло привести к смерти (за исключением причины смерти «старость»);
- 4) законные интересы родственников — когда близкие родственники (законные представители) отказываются на оформление факта смерти без вскрытия трупа;

5) статус умершего — в случаях смерти иностранного гражданина, несовершеннолетнего и др.;

6) период времени до обнаружения трупа после наступления смерти, который определяется проявлением трупных явлений, изменяющих внешние признаки трупа;

7) когда умерший не имел совершеннолетних близких родственников (законных представителей) для получения согласия на оформление факта смерти (гибели) без проведения вскрытия.

Список цитированных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295–3 ; принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

2. Инструкция о порядке рассмотрения информации, заявлений (сообщений) о смерти (гибели) граждан, выезда на места происшествий по указанным фактам и направления трупов на исследование [Электронный ресурс] : утв. постановлением Следственного комитета Респ. Беларусь, М-ва внутренних дел Респ. Беларусь, М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 25 сент. 2013 г., № 210/436/99 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

3. Криминалистика : пособие / В. Л. Григорович [и др.] ; под ред. В. Б. Шабанова, В. Л. Григоровича. — Минск : БГУ, 2023. — 391 с.

4. Решения коллегии комитета по здравоохранению от 18 апреля 2012 г., № 12, утв. приказом комитета по здравоохранению Минского городского исполнительного комитета [Электронный ресурс] : 16 мая 2012 г., № 323 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

5. Гусенцов, А. О. Судебная медицина и судебная психиатрия : учебник / А. О. Гусенцов, М. Ю. Кашинский, Ю. В. Кухарьков. — Минск : Академия МВД, 2021. — 584 с.

6. О здравоохранении [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 25.10.2023 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

7. Статистический классификатор СК 06.009–2016 «Причины смерти» [Электронный ресурс] : утв. постановлением Нац. статистического комитета Респ. Беларусь, 23 дек. 2016 г., № 196 : в ред. постановления от 17.04.2020 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

8. Инструкция о порядке заполнения формы 106/у-10 «Врачебное свидетельство о смерти (мертворождении)» [Электронный ресурс] : утв. постановлением Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, 16 дек. 2010 г., № 168 : в ред. постановления от 17.03.2017 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

Аннотация. Исследуются ситуации наступления смерти по месту проживания, особенности организации проведения осмотра трупа и места его обнаружения (места происшествия). Определяются субъекты проведения осмотра трупа с учетом возможности совершения преступления, категории насильственной или ненасильственной смерти, других обстоятельств. Выделены основания, когда осмотр трупа проводится как следственное действие.

***CIRCUMSTANCES THAT DETERMINE THE CHARACTERISTICS
OF THE EXAMINATION OF THE CORPSE AND THE PLACE
OF ITS DISCOVERY UPON THE OCCURRENCE OF DEATH
AT THE PLACE OF RESIDENCE***

Kuharkov Y. V., Orekhova K. P.

Keywords: examination of the corpse; inspection of the place where the corpse was found; death is violent, non-violent, sudden, predictable; circumstances of death.

Abstract. The article examines the situations of death at the place of residence, the peculiarities of organizing the examination of the corpse and the place of its discovery (scene of the incident). The subjects of the examination of the corpse are determined, taking into account the possibility of committing a crime, categories of violent or non-violent death, and other circumstances. The grounds are highlighted when an examination of a corpse is carried out as an investigative action.

ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Лузгин И.И.

Ключевые слова: информация, криминалистически значимая информация, технико-криминалистическое обеспечение, криминалистика, информационные технологии, электронные технико-криминалистические средства.

Введение

Проблема исследования информации как криминалистически значимого объекта заключается в том, что криминалистически значимую информацию (далее — КЗИ) ранее получали в результате исследования носителей, непосредственно связанных с ней, но в настоящее время ситуация изменилась. В ряде преступлений исследуемым объектом стали сама информация и ее использование в противоправной деятельности в информационном пространстве. Различные аспекты данной проблемы рассматривались отечественными и зарубежными учеными (В.Б. Вехов, С.А. Ковалев, Д.А. Ефремов, В.О. Давыдов, А.А. Бессонов, Е.Р. Россинская, В.Ф. Прокофьев, Н.Н. Шумский, Г.Лебон, К.Хэднеги и др.).

Использование информационного пространства на основе информационно-коммуникативных технологий (далее — ИКТ) позволяет распространять различные виды как модифицированной, так и ложной информации, влияющей на систему государственных и социальных структур. Информации требуется правовая защита [1]. Возникновение и существование подлинной информации опирается на объективные законы. Данные о тех или иных событиях и фактах являются не опровержимым доказательством как в фактологической, так и в хронологической системе информационных координат [2].

Из информации, дискретно отраженной в информационном пространстве, более сложно получить электронную криминалистически значимую информацию (далее — ЭКЗИ), чем в физическом пространстве. Но изменение технологий не изменяет принципы решения криминалистических задач. Если для обеспечения диагностических и идентификационных задач на уровне получения материальных отображений КЗИ использовались технико-криминалистические средства (далее — ТКС), то на уровне их электронного отображения — электронные технико-криминалистические средства (далее — ЭТКС), обеспечивающие технологические возможности снятия ЭКЗИ. При изучении информационных взаимодействий очевидно, что ЭКЗИ имеет достаточный диагностический и идентификационный потенциал для ее использования в качестве доказательного средства.

Информация, добытая с помощью противоправных действий, финансируемых некоторыми государствами, и используемая как источник воздействия, становится реальностью [3, с. 30], чем и вызвана необходимость исследования электронной информации как криминалистически значимого объекта в информационном пространстве. При этом количество исследований в таком качестве будет только возрастать, имея как доказательный, так и предупредительный эффект.

Основная часть

Анализ научных работ свидетельствует, что понятие информации имеет широкую трактовку, зависящую от сфер его применения.

В теории под информацией подразумеваются связанные между собой сведения об объектах, изменяющие представления человека об объекте или явлениях [4, с. 7]. Ученые-криминалисты В.Б. Вехов и С.А. Ковалев информацию представляют в виде положений или характеристик явления, или факта, или их компьютерной модели [5, с. 51], что указывает на сложность понятия, имеющего многоаспектный формат. Информация как целостный объект является системой данных (сведений), выраженных в той или иной форме, получаемых в результате изучения и дающих новое представление о нем. Если считать, что сведения — это информация вне формы и вида, то диалектически это невозможно, так как отражаемое должно иметь форму, получаемую в видах отражения. Информация должна подчиняться законам диалектики, существуя в содержании, имеющем вид и форму.

В криминалистике в силу материальной основы ее теории, опирающейся на методологию диалектики об отражении объектов материального мира, данное свойство, как и процесс его проявления, без исключения применяется к взаимодействующим объектам, независимо от их характера и свойств. В ходе действия механизма следообразования и на уровне ЭКЗИ отражение как свойство не исчезает, различаясь лишь характером проявления, так как в силу фундаментальных законов природы не может не существовать, что справедливо как для объектов материального мира, так и считающихся виртуальными [6].

Содержательность информации отражает ее информационный потенциал, структура которого выражена в форме, в то время как вид информации — это способ ее бытия, несущий «технологические» характеристики ее источника. При этом получение информации представляет собой процесс, что позволяет рассматривать ее дуалистически — и как идеальный, и как материальный объект [7, с. 14]. В криминалистическом плане ЭКЗИ является не она сама, а ее вид и форма. Тем самым, ЭКЗИ — это информация, зафиксированная на электронных носителях, имеющая значение для установления обстоятельств совершенного преступления и использования в качестве доказательства. Для получения ЭКЗИ требуются специальные криминалистические методы и средства, позволяющие как получать ее, так и трансформировать в форму доказательств, что является условием их

формирования в рамках происходящей цифровизации информационной среды [8, с. 78].

Объективизация же процесса доказывания на уровне ЭКЗИ обеспечивается объективностью ее получения, базирующейся на фундаментальной методологической основе, на которую опирается система криминалистических знаний и используемых на практике ТКС и ЭТКС [9, с. 123–127], потому что в основе процесса доказывания лежит информационная основа. Это позволяет решать задачи следствия и на уровне использования электронной информации как объекта криминалистического исследования, противодействуя экстремистской информации [10, с. 253].

Так как в основе практики применения криминалистических знаний лежит процесс обеспечения расследования доказательственной информацией и тактикой ее получения, то, как указывал Р.С. Белкин, роль криминалистики заключается в совершенствовании способов получения информации, относимой к предмету доказывания [11, с. 344].

Отличие электронной информации как объекта криминалистического исследования от других видов информации заключается в том, что она, как и материальные формы КЗИ, содержит в себе лишь информацию, относимую к предмету доказывания, достаточную для доказывания. На эту особенность указывает Д.А. Ефремов [12, с. 30]. Как отмечает В.О. Давыдов, формирование КЗИ и ЭКЗИ происходит только в результате события преступления [13, с. 69].

В условиях цифровизации следственной деятельности изучение процесса получения электронной информации как объекта криминалистического исследования должно быть включено в раздел криминалистической техники в качестве отрасли «цифровая информация и электронные ТКС». Это обусловлено тем, что весь процесс получения и исследования ЭКЗИ должен включать изучение информации как объекта криминалистического исследования разнородными отображающими полями, имея в качестве предмета ЭКЗИ, а информационные технологии — в качестве средств ее исследования. Доказательства, обладая информационной природой, представляют собой сведения, имеющие криминалистическое и доказательственное значение в соответствии с законодательством. Тем самым, технологические формы электронной информации, имеющие доказательственное значение, в перспективе, при условии их надлежащей защиты от модификации и при закреплении их правового статуса, могут быть признаны допустимыми доказательствами.

С точки зрения исследования электронной информации как объекта криминалистического исследования в ее основе находится инфраструктура киберпространства с единой базой средств обработки и вычислительных возможностей, обеспечиваемых компьютерами в их локальном и сетевом форматах и их сетями, что отражает материальный характер как объектов, осуществляющих обработку (и их программного обеспечения), так и самой информации и сформированного на их основе киберпространства. Поэтому

при судебно-экспертном исследовании КЗИ с учетом уровней ее отражения и характера исследования (в рамках кибер- или информационного пространства) назначаются судебные экспертизы в сфере компьютерно-технических средств и технологий.

Отображающаяся ЭКЗИ в сетях (в информационном пространстве) на основе ИКТ имеет электронную форму отображения, но математически записана в двоичном коде в форматах и языках программирования, являясь, тем не менее, материальной, каким бы ни был уровень ее отображения, на что указывает Е.Р. Россинская [14, с. 168–176].

Касаясь вопросов исследования электронной информации как объекта криминалистического исследования, следует обозначить понятие инфраструктурных элементов информационного пространства, в рамках которых она используется. В частности, киберпространством можно считать работающие в сетевом формате технологические средства на основе собственных информационных программ, обрабатывающих, генерирующих и формирующих информацию (ЭКЗИ в частности), а также в некоторой степени хранящие ее. Информационным пространством можно считать размещенную в сетевом формате электронную информацию (ЭКЗИ в частности), системы ее передачи, пользования, воспроизведения, облачного хранения и целевого применения. Данные пространства являются мегатехнологиями глобализационного уровня, а их существование обеспечено информационно-технологической инфраструктурой и информационными технологиями [15, с. 30].

В силу развития научно-технического прогресса (далее — НТП) и технологий понимание сущности КЗИ не столько изменилось, сколько углубилось, на что указывает А.А. Бессонов, приводя определение КЗИ [16, с. 212]. Но во всех случаях ЭКЗИ неизменна по содержанию, в технологическом плане (при обработке) меняя не содержание, а технологически обусловленные форму и вид.

Используя технологические процессы обработки и передачи информации, ИКТ на основе сетевых устройств представляют собой не более чем передаточный ресурс между системами, генерирующими информацию, технологические и присоединенные к ней метаданные. При возможностях шифровки источников информации при ее передаче в сетевом формате, присоединенные к ней технические параметры и метаданные всегда отражают ее «производственную» сторону. Наличие этого факта позволяет решать задачи получения и трансформации ЭКЗИ в доказательства, что исключает ее обезличивание и обеспечивает в доказательных целях установление как ее источника в информационном пространстве, так и характер действий с ней. В свою очередь, это дает возможность использовать ЭКЗИ и как оперативно значимую, так и доказательственную, в целом позволяя осуществлять на технологическом уровне не только доступ к ЭКЗИ и ее исследование, но включить в состав ЭКЗИ и саму информацию, имеющую доказательственное значение, ее технические параметры и метаданные,

которые становятся идентификационными признаками, обнаруживаемыми технологическими средствами, что позволяет в наиболее полной мере выявлять любой вид ЭКЗИ и ее идентификационный ресурс.

С развитием НТП изменяются технологии, меняющие формы и виды взаимодействий, но законы и закономерности, лежащие в основе свойств и видов движения материи, которые использует криминалистика при решении своих задач, остаются неизменными. При сложностях с определением процессов изучения и получения ЭКЗИ следует обращаться к методологическим основам свойств материи, что позволяет понять систему работы с такого рода источниками и разрабатывать технологии, изучающие не только традиционные виды КЗИ, но и электронную информацию как объект криминалистического исследования на уровне, отвечающем современным требованиям решения следственных задач. Практически не изменилась суть применяемых методик, а процесс получения КЗИ лишь сместился в высокотехнологичную сферу. Если ранее применялись идентификационные средства, то в настоящее время используются идентификационные технологии, что позволяет эффективно применять традиционные криминалистические знания с использованием ЭТКС на новом технологическом уровне решения криминалистических задач.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Исследование электронной информации как КЗИ — это установление в информационном пространстве с помощью криминалистических мер источников информации, использующих ее как средство противоправных действий в целях доказательственного обеспечения принятия правовых решений по защите интересов граждан и государства.

2. Криминалистически значимая информация — это зафиксированная на различных видах носителей информация, имеющая значение для установления обстоятельств совершенного преступления, которая может быть использована в качестве доказательств.

3. Получение ЭКЗИ — это процесс изучения ее цифровых форматов на различных электронных носителях с использованием ЭТКС как основы формирования процессуальных доказательств в условиях цифровизации информационной среды.

4. Киберпространство — это работающие в сетевом формате технологические средства, обрабатывающие, генерирующие, формирующие электронную информацию, имеющую криминалистическое значение.

5. Информационное пространство — это размещенная в сетевом формате собственно сама информация, системы ее передачи, пользования, воспроизведения, облачного хранения и целевого применения, имеющая значение ЭКЗИ.

6. Электронные технико-криминалистические средства — это программные, системные и технологические средства, обеспечивающие технологи-

ческие возможности доступа и снятия ЭКЗИ и преобразования ее в форму, используемую в качестве доказательств.

Список цитированных источников

1. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P219s0001&p1=1>. — Дата доступа: 14.03.2024.

2. Геноцид белорусского народа : информационно-аналитические материалы и документы / Ген. прокуратура Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. — Минск : Беларусь, 2023. — 175 с.

3. Овсянникова, О. А. Информационные технологии дестабилизации внутриполитической ситуации и меры противодействия им в России / О. А. Овсянникова // Вести Акад. воен. наук. — 2023. — № 1 (82). — С. 26–30.

4. Теоретические основы информатики : учебник / Р. Ю. Царев [и др.] ; Сиб. федер. ун-т, Ин-т упр. бизнес-процессами и экономики. — Красноярск : СФУ, 2015. — 173 с.

5. Вехов, В. Б. Особенности компьютерного моделирования при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации / В. Б. Вехов, С. А. Ковалев. — М. : Буки-Веди, 2015. — 186 с.

6. Чегодаева, С. С. Становление и развитие криминалистического учения об отражении (исторический обзор) [Электронный ресурс] / С. С. Чегодаева // Бизнес в законе. — 2024. — № 1. — Режим доступа: <https://econpapers.repec.org/article/scn027818/15545212.htm>. — Дата доступа: 23.06.2024.

7. Гаухман, В. Б. Прикладная философия информации / В. Б. Гаухман. — Тверь : ТвГТУ, 2012. — 192 с.

8. Гучок, А. Е. Современные подходы моделирования процесса расследования преступлений / А. Е. Гучок // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НПЦ Гос. комитета суд. экспертиз Респ. Беларусь ; редкол. : А. С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Право и экономика, 2010. — Вып. 1 (27). — С. 77–82.

9. Лузгин, И. И. Теоретические аспекты криминалистических и специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений с точки зрения теории следовых систем / И. И. Лузгин // Эпомен. — 2021. — № 61. — С. 120–137.

10. Компьютерная информация в следственной деятельности: сборание, оценка, использование : учеб. пособие / Ю. Ф. Каменецкий [и др.] ; под общ. ред. Ю. Ф. Каменецкого. — 2-е изд., перераб. — Минск : Строй-МедиаПроект, 2023. — 384 с.

11. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов / Р. С. Белкин. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 837 с.

12. *Ефремов, Д. А.* Научные и правовые основы использования информации при расследовании преступлений / Д. А. Ефремов. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 168 с.

13. *Давыдов, В. О.* Методика расследования экстремистских преступлений, совершенных в компьютерных сетях / В. О. Давыдов. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 184 с.

14. *Россинская, Е. Р.* Информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности как частная криминалистическая теория / Е. Р. Россинская // Воронеж. криминалистич чтения. — 2017. — № 2. — С. 168–176.

15. *Лузгин, И. И.* Техничко-криминалистическое обеспечение как мегаинструментальная технология формирования единого криминалистического пространства / И. И. Лузгин // Эксперт-криминалист. Федерал. науч.-практич. журн. — 2010. — № 1. — С. 30–32.

16. *Бессонов, А. А.* Проблемы формирования частных методик на информационной основе криминалистической характеристики (вопросы теории и практики) / А. А. Бессонов. — Элиста : Джангар, 2014. — 286 с.

Аннотация. Представлена научная трактовка понятия «электронная информация» в значении объекта криминалистического исследования для получения доказательственной информации при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Обоснован вывод, что получение ЭКЗИ с использованием ЭТКС является важным фактором обеспечения расследования преступлений, в том числе и тех, в которых информация является средством их совершения. Раскрыта актуальность методологической основы технологического обеспечения данного процесса.

ELECTRONIC INFORMATION AS AN OBJECT OF FORENSIC RESEARCH

Luzgin I. I.

Keywords: information, electronic criminalistically significant information, technical and forensic support, criminalistics, information technology, electronic technical and forensic tools.

Abstract. The article presents a scientific interpretation of the concept of «electronic information» in the meaning of the object of forensic research for obtaining evidentiary information in the investigation of crimes committed using information technology. The conclusion is substantiated that obtaining electronic criminalistically significant information using electronic technical and forensic means is an important factor in ensuring the investigation of crimes, including those in which information is a means of committing them. The relevance of the methodological basis of the technological support of this process is revealed.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Середа А. Е.

Ключевые слова: распознавание лиц, правовое регулирование, оперативно-розыскная деятельность, регистрация, оперативное отождествление.

Введение

Процесс автоматического распознавания лиц занимает прочное место в жизнедеятельности современного общества, что обусловлено актуальными способами фиксации и обработки лицевых данных человека, а также многочисленностью материала, доступного для сравнения и дальнейшего отождествления [1, с. 734]. С одной стороны, обозначенные технологии движутся в сторону разветвления функционала и увеличения качества обработки, находя применение в том числе в расследовании преступлений и оперативно-розыскной деятельности; с другой, ставится вопрос правового регулирования таких способов отождествления и последующей идентификации личности на их основе.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99–3 «О защите персональных данных» (далее — Закон № 99–3) изображение лица человека является биометрическими персональными данными, в равной степени как и изображения папиллярных узоров пальцев рук. Правовую основу для фиксации последних формирует в том числе Закон Республики Беларусь от 4 ноября 2003 г. № 236–3 «О государственной дактилоскопической регистрации» (далее — Закон № 236–3).

Некоторые ученые относят лицо человека к так называемым трем «большим биометрикам» (папиллярные узоры пальцев рук, ретина глаз и лицо), а применение технологий его распознавания активно интенсифицируется. Таким образом становится дискуссионной перспектива введения Государственной регистрации биометрического изображения лиц граждан и формирования для нее правовой платформы в Республике Беларусь [2, с. 5].

Немаловажную роль распознавание лиц и регулирующие его нормативные правовые акты играют в оперативно-розыскной деятельности, в значительной степени влияя на оперативное отождествление. В данной связи целесообразным представляется рассмотреть возможность уточнения ст. 25 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307–3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон № 307–3) в целях отражения

современных аспектов работы технологий распознавания лиц в процессе оперативного отождествления.

Основная часть

Современное распознавание лиц представляет собой автоматическую цифровую визуальную регистрацию характерных особенностей элементов внешности с помощью фото- или видеосъемки с последующим конструированием уникальной системы признаков, обладающей достаточным набором характеристик для оперативного отождествления и последующей идентификации личности [3, с. 97].

В целях противодействия преступности и осуществления профилактики преступлений в Республике Беларусь системы распознавания лиц используются с 2017 г.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 187 «О Республиканской системе мониторинга общественной безопасности» (далее — РСМОБ) для повышения уровня общественной безопасности вводится система видеонаблюдения, оснащенная каналами связи единой республиканской сети передачи данных.

По решению Минского городского исполнительного комитета от 29 июля 2021 г. № 2268 «О перечне объектов, подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения» обязательному оборудованию с 2021 г. подлежат 1090 объектов.

До этого правовая платформа системы использования цифровых данных о лице человека в целях его распознавания, отождествления и идентификации включала в том числе: 1) постановление Совета Министров Республики Беларусь от 11 декабря 2012 г. № 1135 «Об утверждении Положения о применении систем безопасности и телевизионных систем наблюдения»; 2) Указ Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2013 г. № 527 «О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка» и др.

В соответствии с ч. 12 постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 2 июля 2019 г. № 181 «О единых технических требованиях к программному обеспечению видеоаналитики» в части функциональных возможностей технического решения применяемой системы обеспечения общественной безопасности указывается: 1) поиск похожих людей как по фотографии из базы данных, так и по фотографии, полученной с камеры видеонаблюдения; 2) настройка порога степени схожести изображения распознанных лиц с эталонными фотографиями из базы данных; 3) импорт фотографий в базу данных и экспорт фотографий распознанных лиц во внешние базы данных; 4) интеграция со сторонними информационными системами и базами данных, содержащими фотографии людей и др.

Согласно ст. 1 Закона № 99–3 сбор персональных данных, к которым относятся изображения лица человека, является одним из определяющих

действий в понятии «обработка персональных данных», однако, как указано в ст. 4, требуется согласие на ее осуществление. Статья 6 указывает на условия, согласно которым для расследования преступлений и осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) согласие не требуется. Наибольшую значимость имеют следующие условия: 1) для целей ведения административного и (или) уголовного процесса, осуществления ОРД; 2) для осуществления правосудия, исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов.

Однако в случае с РСМОБ не все однозначно: с одной стороны, для оптимизации времени, затрачиваемого на поиск необходимой информации, в функционал добавлена интеграция со сторонними системами и базами; с другой, работая с изображениями лиц граждан, сбором данных, как и их обработкой, система распознавания может выйти за «запретную линию», проведенную Законом № 99–3, где отмечено, что обработка персональных данных должна осуществляться с согласия субъекта персональных данных.

В частности, согласно ст. 18 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455–3 «Об информации, информатизации и защите информации» «сбор, обработка, хранение информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользование ими осуществляются с письменного согласия данного физического лица, если иное не установлено законодательными актами Республики Беларусь». Как результат, нет возможности предварительного полного и всеобъемлющего сбора изображений лиц граждан, хранящихся в единой базе данных для распознавания лиц без получения их согласия.

Примечательно, что Закон № 99–3 обозначает как биометрические персональные данные, требующие согласия субъекта персональных данных для их обработки, «отпечатки пальцев рук», но в то же время в Республике Беларусь действует Закон № 236–3, где осуществляется четкое разделение добровольной и обязательной дактилоскопической регистрации, а также правила сбора, хранения и обработки. В данной связи видится достаточно значимое преимущество уже существующей, единой, постоянно пополняющейся биометрической базы данных (папиллярных узоров пальцев рук), что позволит, во-первых, осуществить мощную защиту и поддерживать высокий уровень информационной безопасности, а во-вторых, оптимизировать время поиска необходимых данных при расследовании преступлений и ОРД.

По состоянию на 2024 г. существуют разнообразные базы данных биометрической информации в виде интернет-платформ, сайтов и социальных сетей, а также ведомственных и корпоративных баз данных. Проблемными аспектами такого многообразия выступают риски информационной безопасности и перегруз данных, выражающийся в многократном дублировании одной и той же информации. К примеру, наиболее распространенным

феноменом последней пятилетки является кража биометрических данных [4, с. 226].

Таким образом, очевидным становится превосходство консолидации над интеграцией данных, так как единая централизованная база биометрических персональных данных может быть защищена более эффективно и комплексно, нежели различные базы данных по отдельности.

Г.А. Кухарев отмечает, что распознавание человека по лицу во многом схоже с отождествлением и идентификацией его же по следам пальцев рук: как папиллярные узоры пальцев, так и совокупность признаков, составляющих структуру лица, уникальны для каждого человека, что позволяет использовать их для отождествления и идентификации [5, с. 64]. В.А. Ворона указывает, что папиллярные узоры пальцев рук, как и изображение лиц граждан, в виде, констатирующем биометрические персональные данные, существуют в коммерческих базах данных и используются в повседневной деятельности (разблокировка смартфона, обеспечение допуска и др.) [2, с. 6].

Таким образом, существует сходство между изображениями лица человека, по которым его можно отождествить и идентифицировать, и папиллярными узорами пальцев рук. Однако есть и ярко выраженные различия.

Согласно мнению В.А. Вороны системы распознавания лиц допускают мультимодальность — работу с несколькими признаками в совокупности, о которых речь будет идти далее [2, с. 122]. Нами предлагалось обозначать характерную совокупность признаков, обладающую уникальной для этой совокупности группой свойств, как один «полипризнак» [6, с. 28].

Как подчеркивает К. Хилл распознавание человека по лицу и следам пальцев рук различаются в отношении процесса: фиксация лица и отождествления в автоматическом режиме не требует совместной работы с объектом отождествления или идентификации [7, с. 296].

Отсутствие же законодательно закрепленной обязанности граждан проходить регистрацию биометрических данных лица в значительной степени выступает подспорьем сопротивления правозащитников и иных граждан, что может воспрепятствовать расследованию преступлений или проведению ОРД.

На основании вышеизложенного обоснованным было бы ввести в Республике Беларусь Государственную регистрацию биометрической информации о лицах людей и осуществлять сбор для баз данных систем распознавания консолидировано на основании соответствующего закона. Данное предложение подкрепляется эффективной практикой проведения Государственной дактилоскопической регистрации (регулируется Законом № 236–3).

Системы распознавания лиц влияют на такое следственно-оперативное мероприятие, как оперативное отождествление. Согласно ст. 25 Закона № 307–3 оно «представляет собой установление по индивидуальным признакам персональных данных гражданина или тождества гражданина, пред-

мета и документа, в отношении которых проводится оперативно-розыскное мероприятие ...». Однако данное определение не полностью раскрывает суть и содержание рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия в свете возникновения новых классификаций исследуемой информации и новых возможностей технического обеспечения, позволяющего фиксировать и анализировать гораздо более широкий массив данных.

К примеру, мы отмечали различные модуляции в системах распознавания, позволяющие комбинировать сразу несколько параметров для отождествления и идентификации [6, с. 28]. В данном случае речь идет не о признаках лица человека, которых Н.В. Терзиев в общей сложности насчитывал более 100, а В.А. Снетков — более 50, а о комплексном подходе к исследованию внешнего облика человека [8, с. 29; 9, с. 10]. К примеру, в рамках распознавания лиц может осуществляться:

- фиксация, обработка и сравнение биометрических данных лица человека в совокупности с антропометрическими признаками внешнего облика;
- фиксация, обработка и сравнение биометрических данных лица человека в совокупности с поведенческими признаками (повторяющиеся движения, поведенческие особенности и др.) и т. д.

Таким образом, ст. 25 Закона № 307–3 обозначает вышеперечисленные параметры как «индивидуальные признаки», что, однако, не охватывает в полной мере многообразие информации, используемой для оперативного отождествления по состоянию на 2024 г.; используется также такое понятие как «визуальное восприятие гражданина», что не раскрывает сути рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия.

Например, согласно постатейному комментарию к Закону № 99–3 следует различать физиологические и биологические особенности человека, которые могут использоваться для его уникальной идентификации [10]. Словарь русского языка определяет «физиологические особенности» как характерные аспекты жизненных процессов, происходящих в организме или его частях (к примеру, выражение лица и др.) [11].

Очевидно, к «биологическим особенностям» человека можно отнести кровеносную систему, внутренний скелет, расу и др. К примеру, О. Канун отмечала такой значимый признак, как сосудистую сетку на лице [12, с. 68]. В. Вейдlich также рассматривает в качестве биометрического признака термический портрет лица человека [13].

Другим аспектом выступает расхождение в понятиях, используемых в ст. 25 Закона № 307–3 и в Законе № 99–3: понятие «индивидуальные признаки» в последнем отсутствует, хотя при оперативном отождествлении в значительной степени для достижения целей ОРД используются именно персональные данные.

Далее, оперативное отождествление может проводиться в отношении граждан, предметов и документов путем не только «визуального восприя-

тия», так как современные системы, используя сенсоры и датчики, а также технологию искусственного интеллекта (далее — ИИ), фиксируют тот или иной биометрический параметр и преобразуют полученную информацию в цифровую модель, доступную для компьютера (что само по себе подразумевает несколько иной, нежели «визуальный», способ восприятия). Программные средства на основе нейросетей и иных технологий, оснащенных ИИ, обрабатывают эти данные, соотносят с базой и самостоятельно выносят решение относительно личности человека [2, с. 13].

Следовательно, формулировка ст. 25 Закона № 307–3 не в полной мере отражает суть оперативного отождествления в современных условиях в рамках Республиканской системы мониторинга общественной безопасности или же в общем с применением систем распознавания лиц.

Заключение

На основании вышеизложенного нам представляется целесообразным сделать следующие выводы:

1. В целях отражения современных аспектов работы технологий распознавания лиц в процессе оперативного отождествления, соблюдения однородности понятий и однозначности определений представляется возможным внести уточнения в ст. 25 Закона № 307–3 и изложить ее в следующем виде:

«Оперативное отождествление представляет собой установление по уникальным физиологическим, биологическим особенностям, индивидуальным признакам и иным персональным данным гражданина или тождества гражданина, предмета и документа, в отношении которых проводится оперативно-розыскное мероприятие, соответственно с гражданином, предметом и документом, о которых ранее получены сведения при осуществлении оперативно-розыскной деятельности органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности.

Оперативное отождествление проводится в отношении граждан, предметов и документов путем визуального восприятия и других способов исследования физиологических, биологических особенностей, индивидуальных признаков гражданина или особенностей предметов и документов, в отношении которых проводится оперативное отождествление: в натуре, по фотографиям, видеозаписям, фонограммам и иными способами в соответствии с законодательством Республики Беларусь».

2. Для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, оптимизации поиска информации, а также улучшения уровня информационной безопасности представляется целесообразным введение в Республике Беларусь Государственной регистрации биометрической информации о лице человека, или Государственной проспоскопической регистрации («проспоскоп» — биометрический портрет лица человека) [6, с. 28].

В целях формирования правовой платформы для Государственной регистрации биометрической информации о лице человека, а также в связи с необходимостью установления основных требований к получению, учету, использованию, хранению и уничтожению биометрической информации о лице человека в ее рамках в Республике Беларусь следует разработать закон «О государственной проспектопической регистрации».

Список цитированных источников

1. *Середа, А. Е.* Особенности криминалистического распознавания лиц: проблемы и перспективы / А. Е. Середа, И. Р. Веренчиков // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Колорград, 2022. — Вып. 17. — С. 733–742.

2. *Ворона, В. А.* Биометрическая идентификация личности / В. А. Ворона. — М. : Горячая линия — Телеком, 2022. — 228 с.

3. *Середа, А. Е.* Разграничение классических методов автоматического распознавания лиц и основанных на глубоком обучении / А. Е. Середа, И. Р. Веренчиков // Судебная экспертиза: теория и практика в современных условиях : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2023 г. / Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь ; редкол.: А. А. Волков [и др.]. — Минск, 2023. — С. 97–100.

4. *Середа, А. Е.* Минимизация угроз безопасности данных биометрических систем в криминалистике / А. Е. Середа // Тенденции развития криминалистической теории и практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 22 дек. 2023 г. / под общ. ред. М. Ш. Махтаева ; МГУ им. М. В. Ломоносова, юрид. факультет. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2024. — С. 223–229.

5. Методы обработки и распознавания изображений лиц в задачах биометрии / Г. А. Кухарев [и др.] ; под ред. М. В. Хитрова. — СПб. : Политехника, 2013. — 388 с.

6. *Середа, А. Е.* К вопросу об обозначении понятия биометрического изображения лица человека в расследовании преступлений / А. Е. Середа, А. П. Пацкевич // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь ; редкол.: А. С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Право и экономика, 2023. — Вып. 2 (54). — С. 23–30.

7. *Hill, K.* Your face belongs to us: A Secretive Start-up's Quest to End Privacy as We Know It / K. Hill. — New York : Random House, 2023. — 352 p.

8. *Терзиев, Н. В.* Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности : учеб. пособие / Н. В. Терзиев. — М. : ВЮЗИ, 1956. — 130 с.

9. Снетков, В. А. Криминалистическое описание внешности человека : учеб. пособие / В. А. Снетков [и др.] ; под ред. В. А. Снеткова. — М. : ВНИИ МВД СССР, 1984. — 128 с.

10. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» [Электронный ресурс] : по сост. на 14.03.2024 / А. А. Гаев [и др.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

11. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33831>. — Дата доступа: 29.04.2024.

12. Kanoun, O. Advanced Methods for Human Biometrics / O. Kanoun, N. Derbel. — New York : Springer, 2021. — 305 p.

13. Weidlich, V. Thermal Infrared Face Recognition / National Library of Medicine [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8021210/>. — Дата доступа: 24.09.2023.

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты правового регулирования распознавания лиц в криминалистике. Акцентируется внимание на имеющихся в правовом поле возможностях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, оптимизации поиска информации, а также улучшения уровня информационной безопасности систем распознавания лиц. Представляется целесообразным проведение государственной регистрации биометрической информации о лице человека и подготовка правовой платформы для ее осуществления. Внесено предложение о корректировке ст. 25 Закона Республики Беларусь от 15 июня 2024 г. № 307–3 «Об оперативно-розыскной деятельности».

ON SOME ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF FACIAL RECOGNITION IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Serada A.E.

Keywords: face recognition, legal regulation, covert investigative activities, registration, covert identification.

Abstract. The article discusses some aspects of the legal regulation of facial recognition in criminalistics. Attention is focused on the opportunities available in the legal field to increase the effectiveness of law enforcement agencies, optimize information retrieval, and improve the level of information security of facial recognition systems. It seems advisable to carry out state registration of biometric information about a person's face and prepare a legal platform for its implementation. A proposal has been made to amend Article 25 of the Law of the Republic of Belarus dated 06.15.2024 No. 307–3 «On operational investigative activities».

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Хлус А. М., Рудкевич Е. В.

Ключевые слова: расследование, злоупотребление властью, служебные полномочия, криминалистика, обстоятельства, предмет доказывания.

Введение

Злоупотребление властью или служебными полномочиями — наиболее распространенное преступление против интересов службы и одно из коррупционных преступлений. Уголовная ответственность за него предусмотрена ст. 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ), в которой данное деяние представлено как «умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам» [1].

Начиная процесс расследования любого уголовного дела, следовательно предстоит получить ответы на вопросы, относящиеся к криминальному деянию и его участникам, установить обстоятельства, необходимые для доказывания факта события преступления и виновности обвиняемого в его совершении.

В учебной литературе не упоминается методика расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями (далее — злоупотребление полномочиями) [2; 3], она рассматривается в научно-практическом пособии для следователей и оперативных работников правоохранительных органов [4, с. 96–113], но отсутствует раздел, посвященный обстоятельствам, подлежащим установлению и доказыванию. Возникшая на основе отсутствия научных рекомендаций практическая проблема установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, определяет актуальность проведения исследования.

Целью данной статьи является конкретизация обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию в процессе расследования злоупотреблений полномочиями, определение роли криминалистической науки в решении данной проблемы и обеспечение методического совершенствования расследования указанного вида преступлений.

Методологическую основу исследования составили методы: сравнения действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, иных нормативных и научных источников, анализа преступной деятельности в связи с совершением злоупотреблений полномочиями, синтеза, индукции и дедукции и др.

Основная часть

Объектом познания является преступная деятельность должностных лиц, злоупотребляющих полномочиями, для исследования которой использован метод криминалистического анализа.

По уголовному делу в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее — УПК РБ) необходимо доказать следующие обстоятельства: 1) наличие общественно опасного деяния (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения); 2) виновность обвиняемого; 3) обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер причиненного вреда; 5) обстоятельства, подтверждающие, что имущество приобретено преступным путем или является доходом, полученным от использования этого имущества (ст. 89 УПК РБ) [5].

Указанные в УПК обстоятельства являются наиболее типичными, образующими «обобщенную модель» предмета доказывания [6, с. 120].

Модель предмета доказывания не реализуема без знания обстоятельств, конкретизирующих преступное деяние. Они составляют следующее звено в системе устанавливаемых по делу обстоятельств. К ним относятся обстоятельства, отражающие: 1) признаки состава преступления; 2) причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 90 УПК РБ); 3) отношение к сфере действия иных отраслей права (конституционного, финансового и др.).

В ходе расследования отдельного уголовного деяния также подлежат выявлению его индивидуальные обстоятельства, составляющие предмет криминалистического исследования. Эти обстоятельства, образующие его нижестоящее звено, не менее значимы для объективного разрешения вопроса об ответственности подозреваемого лица.

В основе предмета доказывания по каждому уголовному делу о злоупотреблении полномочиями находятся нормы уголовного материального и процессуального законов.

С уголовно-правовой позиции обстоятельства, подлежащие установлению по делам, связанным со злоупотреблением полномочиями, рассматриваются следующим образом: 1) объект преступления, которыми являются общественные отношения в сфере служебных интересов, т. е. действиями обвиняемого «нарушаются требования законности или объективной необходимости при принятии решения в соответствии с возложенными на должностное лицо полномочиями» [7, п. 11]; 2) характер

и размер причиненного вреда; 3) время, место, способ и иные обстоятельства, характеризующие преступление; 4) совершение преступления конкретным лицом, которое при злоупотреблении полномочиями всегда является должностным; 5) виновность должностного лица, которая при злоупотреблении полномочиями всегда является умышленной; 6) мотивы и цели преступного деяния.

С уголовно-процессуальной точки зрения обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании злоупотребления полномочиями, рассматриваются следующим образом: событие преступления, т. е. время, место, способ совершения злоупотреблений полномочиями; форма вины обвиняемого в их совершении, мотивы и цель; обстоятельства, характеризующие личность должностного лица, обвиняемого в совершении злоупотреблений полномочиями; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность; основания для решения вопроса о наложении ареста на имущество в целях компенсации причиненного ущерба [8, с. 97–98].

Уголовные и уголовно-процессуальные нормы не содержат все обстоятельства, значимые для объективного разрешения конкретного уголовного дела о злоупотреблениях полномочиями. Это предполагает установление в ходе практической деятельности иных значимых обстоятельств, именуемых дополнительными.

Установление всех обстоятельств совершения преступления, как основных, составляющих «главный факт» [9, с. 122], так и дополнительных, основывается на криминалистических знаниях.

В криминалистике круг обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании злоупотреблений полномочиями, рассматривается значительно шире, чем уголовно-процессуальный предмет доказывания. В процессе расследования следователь устанавливает обстоятельства, которые выходят за пределы ст. 89 УПК РФ, но в совокупности с основными они обеспечивают полное раскрытие преступления и способствуют объективному представлению способа совершения злоупотреблений полномочиями.

Основываясь на уголовно-процессуальном предмете доказывания, рассмотрим обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании злоупотреблений полномочиями.

1. Наличие преступления, что предполагает установление времени, места, способа и иных обстоятельств его совершения. Эти обстоятельства касаются отдельного, единичного факта совершения преступления, установление которых основывается на заявлении или сообщении. Особенность совершения злоупотреблений полномочиями в том, что они часто совершаются неоднократно, а также сочетаются с иными криминальными деяниями. Это предполагает проведение анализа деятельности подозре-

ваемого должностного лица в целях выявления всех преступных деяний и обстоятельств их совершения. В итоге «расследуются все факты использования должностным лицом служебного положения вопреки интересам службы, которые имели место в определенный период времени (до выявленных преступных фактов и после их выявления), в конкретном месте» [10, с. 94].

2. Должностное положение (статус) лица, подозреваемого в злоупотреблениях полномочиями, его личностные характеристики. Устанавливаются его властные (служебные) полномочия, права и обязанности, предусмотренные различными нормативными актами. Предполагается составление перечня относящихся к должностному лицу и организации нормативных правовых актов (далее — НПА), что позволит уяснить их действие во времени.

Изучение личности должностного лица значимо для установления иных обстоятельств, составляющих предмет доказывания. Например изучение образа жизни обвиняемого и членов его семьи может указать на причины, подтолкнувшие его к совершению преступления.

3. Компетенция и компетентность должностного лица. Компетенция определяет круг вопросов, решаемых должностным лицом в процессе своей деятельности. В целях установления компетенции изучается перечень прав и обязанностей, предусмотренных НПА и локальными документами (положениями, инструкциями). Показателен пример, когда должностное лицо, пользуясь своим служебным положением, отдает распоряжение не подчиняющимся ему работникам. Выполнившие это распоряжение кассиры магазина «вносили по его указанию в приходные кассовые ордера заведомо ложные сведения» [11, с. 106], нарушая тем самым налоговое законодательство. Вменить в вину злоупотребление полномочиями в данном случае не представилось возможным по причине отсутствия у должностного лица компетенции, т. е. прав и обязанностей давать такое распоряжение не подчиняющимся ему лицам.

Обстоятельством, подлежащим установлению, может являться компетентность должностного лица, под которой понимается его качественная характеристика, состоящая в готовности и способности использовать на основании приобретенных знаний предоставленные права и обязанности в практической деятельности. Отсутствие компетентности может служить причиной совершения злоупотреблений полномочиями. Например, в целях скрыть свою некомпетентность должностное лицо допустило следующее злоупотребление властью: являясь оперативным работником «О., зная, что К., непосредственно участвовавший в оперативно-розыском мероприятии, проводимом в отношении Х., выдал наркотическое средство, которое в действительности у Х. не приобретал, умышленно не принял мер по документированию противоправных действий

К. Для реализации преступного умысла О. представил материалы проведенного в отношении Х. оперативно-розыскного мероприятия, которые содержали заведомо для него ложные сведения, в орган предварительного следствия» [11, с. 114].

4. Фактическая служебная деятельность должностного лица. Сведения об этом могут быть получены в результате изучения заключенного с ним контракта, документов, содержащих приказы, распоряжения, указания, резолюции. Данная информация может быть получена в результате допроса свидетелей, выполнявших устные распоряжения обвиняемого должностного лица.

5. Содержание конкретных действий при совершении злоупотреблений полномочиями: в чем они проявились и как были восприняты иными лицами, в отношении которых были совершены. Например, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь не усмотрела злоупотреблений полномочиями в действиях должностного лица, привлечшего работников руководимого им предприятия к уборке картофеля на личном участке, так как работники добровольно изъявили желание оказать помощь своему руководителю [11, с. 110–111].

6. Содержание злоупотреблений полномочиями: какие связи были задействованы, каким образом были оформлены противоправные действия.

7. Какие нормы и какого законодательства были нарушены должностным лицом.

8. Единоличное или групповое совершение преступления. В ходе расследования злоупотреблений полномочиями подлежат установлению круг их участников, характер взаимоотношений между ними, форма вины, роль каждого.

9. Мотивы и цели совершения злоупотреблений полномочиями. Мотив действий должностного лица, злоупотребляющего полномочиями, альтернативен. В одном случае противоправные действия совершаются из корыстной заинтересованности, а в другом — иной личной заинтересованности. Целевая направленность криминальных действий определяется выгодой, приобретаемой обвиняемым лично или его близким окружением.

10. Какое имущество приобретено должностным лицом либо его родственниками или иными лицами, состоящими с ним в отношениях, после совершенных действий, связанных со злоупотреблением полномочиями. Например, М., обвиняемый по ч. 2 и 3 ст. 424 УК РБ, из иной личной заинтересованности «заключил со своей матерью от имени ООО договоры создания объектов долевого строительства и дополнительные соглашения к ним, одним из условий которых в соответствии с графиком платежей являлся расчет за строительство после ввода дома в эксплуатацию, в результате чего строительство этих квартир осуществлялось за счет дру-

гих дольщиков, что повлекло причинение им существенного вреда» [11, с. 104–105].

11. Вред, причиненный в результате злоупотреблений полномочиями. От возможности доказать характер и размер вреда зависит квалификация преступления и, соответственно, мера наказания.

12. Причины и условия совершения злоупотреблений полномочиями.

Приведенный перечень не является исчерпывающим. При расследовании конкретных злоупотреблений полномочиями он может быть дополнен иными обстоятельствами, подлежащими установлению.

Заключение

На основании изложенного можно предложить следующие выводы.

1. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, закрепленные в ст. 89 УПК РБ, составляют основу процесса расследования любого вида или группы преступлений.

2. Обстоятельства, подлежащие установлению в процессе расследования злоупотреблений полномочиями, представляют собой систему взаимосвязанных элементов, обеспечивающих объективное раскрытие данного вида коррупционных преступлений.

3. Выявление обстоятельств совершения злоупотреблений полномочиями основывается на криминалистических знаниях. Они устанавливаются путем производства следственных действий (допросов, обысков, изъятия документов и т. д.).

4. В процессе расследования злоупотреблений полномочиями наиболее эффективной представляется реализация метода криминалистического анализа деятельности должностного лица и организации, в которой проходит его служба.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>. — Дата доступа: 11.06.2024.

2. Курс криминалистики : в 3 т. / под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. — СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2004. — Т. 3. Криминалистическая методика: Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений. — 573 с.

3. Криминалистика : пособие / В. Б. Шабанов [и др.] ; под ред. В. Б. Шабанова, В. Г. Григоровича. — Минск : БГУ, 2019. — 551 с.

4. Методика расследования коррупционных преступлений : науч.-практ. пособие для следователей и оперативных работников правоохранительных

органов / С. В. Войцеховская [и др.] ; под общ. ред. В. Х. Кадырова. — Минск, 2005. — 306 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16.07.1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: вред Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023. — Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295>. — Дата доступа: 11.06.2024.

6. *Смирнова, И. С.* Предмет доказывания по сложному уголовному делу / И. С. Смирнова // Вестн. Омской юрид. академии. — 2013. — № 2 (21). — С. 119–122.

7. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 16 дек. 2004 г. № 12. — Режим доступа: https://www.court.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/vsgov/6dfc7a79064c437d.html. — Дата доступа: 19.06.2024.

8. *Брянская, Е. В.* Предмет доказывания в квалификации преступного деяния / Е. В. Брянская // Сибир. юрид. вестн. — 2016. — № 4 (75). — С. 95–100.

9. *Лазарева, В. А.* Доказывание в уголовном процессе : учебник для бакалавриата и магистратуры / В. А. Лазарева. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Изд-во Юрайт, 2015. — 359 с.

10. *Бабаева, Э. У.* Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию при расследовании преступлений коррупционной направленности / Э. У. Бабаева, В. Н. Уваров // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 5. — С. 90–98.

11. *Конюк, А. В.* Прокурорско-судебная практика по уголовным делам о коррупционных и других преступлениях против интересов службы : практ. пособие / А. В. Конюк, В. В. Лосев ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. — 2-е изд., испр. и доп. — Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2019. — 472 с.

Аннотация. Рассматриваются обстоятельства, подлежащие установлению в процессе расследования злоупотреблений властью или служебными полномочиями. Сделан вывод, что выявление подлежащих доказыванию обстоятельств, закрепленных в УПК Республики Беларусь, не обеспечивает полное раскрытие преступления, но составляет основу процесса предварительного расследования любого вида или группы преступлений. В результате проведенного анализа обстоятельства, подлежащие установлению, представлены в виде системы взаимосвязанных элементов, обеспечивающих объективное раскрытие данного вида коррупционных преступлений. Выявление обстоятельств совершения злоупотреблений полномочиями основывается на криминалистических знаниях, способствующих конкретизации этих обстоятельств, устанавливаемых в каждом конкретном слу-

чае расследования. Авторы пришли к выводу, что в процессе расследования злоупотреблений полномочиями наиболее эффективной является реализация метода криминалистического анализа деятельности должностного лица и организации, в которой проходит его служба.

CIRCUMSTANCES TO BE ESTABLISHED IN INVESTIGATION OF ABUSE OF POWER OR OFFICIAL POWER

Khilus A. M., Rudkevich E. V.

Keywords: investigation, abuse of power, official powers, forensics, circumstances, subject of proof.

Abstract. The article examines the circumstances to be established in the process of investigating abuse of power or official authority. It is concluded that the identification of circumstances to be proven, enshrined in the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus, does not ensure full disclosure of the crime, but forms the basis of the preliminary investigation process of any type or group of crimes. As a result of the analysis, the circumstances to be established are presented as a system of interrelated elements that ensure objective disclosure of this type of corruption crimes. Identification of the circumstances of the abuse of power is based on forensic knowledge that helps to specify these circumstances established in each specific case of investigation. The authors came to the conclusion that in the process of investigating abuse of power, the most effective is the implementation of the method of forensic analysis of the activities of an official and the organization in which he serves.

7. ОБЩЕПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

УДК 340.122

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО НА СУД, СУДОУСТРОЙСТВО И СТАТУС СУДЕЙ

Антоненко С. Б.

Ключевые слова: суд, государство, Георгий Конисский, статус судей, реформирование, православие, власть.

Введение

Политические и правовые взгляды Георгия Конисского (1717–1795) рассматривали ученые как в дореволюционной России, так и современной Беларуси. Среди современных ученых изучением философских и общественно-политических взглядов Г. Конисского занимались М. Кашуба, В. Шинкарук, П. Шкуринов, Ю. Лабынцев, А. Миронович, Б. Носов, В. Протасевич и Я. Фощан. Однако все исследования в большей степени были посвящены его философским идеям. В современной Беларуси политико-правовые идеи Г. Конисского изучает А. Я. Лясков, однако единого исследования взглядов Г. Конисского на суд, судоустройство и статус судей до настоящего момента нет.

Взгляды Г. Конисского на судебную ветвь власти начали формироваться еще в период его обучения в Киево-Могилянской академии и развивались на протяжении всей его жизни. Кроме теоретических наработок в данной области, Г. Конисский сделал много практических: именно благодаря его усилиям на территории Беларуси в XVIII в. был образован и начал действовать смешанный суд *mixti iudicii*.

Основная часть

Первые политико-правовые идеи Г. Конисского о суде и судебной власти можно обнаружить в его произведении «Воскресение мертвых», поставленное студентами Киево-Могилянской академии в 1749 г. К моменту написания начались угнетение беднейшего крестьянства Гетманщины казацкой верхушкой, захват земель мелкого казачества. Казацкая верхушка пыталась всеми силами попасть в дворянское сословие, а для этого необходимо было иметь как можно больше крепостных и земли, поэтому с молчаливого согласия чиновников и судов творилось беззаконие даже в отношении простых вольных казаков, которые охранялись царским указом. В связи с этим критике Г. Конисского подверглись не только сама казацкая верхушка, но

и судьи, помещики, чиновники, занимавшиеся воровством и взяточничеством. В драме автор защищает угнетенных и обиженных, тех, кто не может отстоять свое доброе имя даже в суде, так как обидчик его «сам в суде восседает»:

«... И в вишшем суде маю патронов излишке;

Нехай только кто схощет правду защищати...» [1, с. 43].

Таким образом, Г. Конисский еще в академический период своей деятельности ставил вопрос о независимости судебной власти для избежания коррупции и покровительства со стороны судей, подчеркивая главный принцип правосудия — независимость судьи при разрешении дел.

Отслеживая хронологию развития политико-правовых взглядов Г. Конисского по вопросу различной подсудности дел для диссидентов (представители христианских конфессий, составлявшие меньшинство в стране) и католиков и его непосредственного участия в интеллектуальном и правовом сопровождении данного вопроса, можно выстроить следующую цепочку: проблему диссидентов Г. Конисский впервые поднял в своем мемориале, поданном на коронации Станислава Августа Понятовского (1764). Далее создание подобного суда было предусмотрено в непринятом проекте постановления Сейма о положении религии в Польше (1766), изложено в требованиях Слуцкой конфедерации (1767), в деятельности которой Г. Конисский принимал непосредственное участие.

Следующим важным этапом в развитии восприятия Г. Конисским судебной власти был период проведения Сейма Репнина в 1767–1768 гг., когда он стал одним из авторов судебной реформы Речи Посполитой. Одним из самых острых вопросов, рассматриваемых на Сейме, были диссиденты. Под давлением российских властей по завершению Сейма был принят Сепаратный акт, которым, кроме всего прочего, было предусмотрено, что православные и другие диссиденты, светские и духовные, освобождались от всякой церковной юрисдикции римской католической церкви. Никто из них не мог быть привлечен ни в одну из римских консисторий, ни в духовный трибунал Великого Княжества Литовского [2, с. 414]. Для реализации данного пункта в акте было предусмотрено создание «обостороннего» или смешенного суда.

В своем письме от 26 января 1768 г., т. е. еще до окончания Сейма, Конисский пишет епископу Геврасию: «Дела, касающиеся до Униатов, после Сейма не будут сужены, потому что суд новый *mixti iudicii*, в трактате определенный, разве в октябре начнется, и судьи назначены будут в июле. Однако суд оный будет только апелляционный; потому можно, и зараз по Сейме, позывать Униатов и всех обидчиков до городских судов... Новоучрежденный суд апелляционный так Униатам страшен, что известный мучитель Мокрицкий прибежал уже, без суда, примириться с нами ... Правда, и тягаться дело трудное и убыточное, хотя и суд будет

справедлив: однако естьли годиться с ними, то надобно нам конечно нынешние обстоятельства в пользу нашу употребить» [3].

Из данного письма становится понятно, что Г.Конисский дает свою оценку созданию подобного суда в том числе и как практик, понимающий дороговизну рассмотрения данной категории дел. Немаловажно и то, что для Г.Конисского создание такого суда было одной из форм реализации справедливости в отношении православных верующих. Принцип справедливости в осуществлении правосудия является фундаментом его правовых взглядов в отношении судебной власти. Он не отрицал, что возможность примирения униатов и православных реальна и вне суда, т. е. в досудебном порядке, однако мириться он предлагал с наибольшей пользой именно для православных.

Еще раньше Г.Конисский написал письмо митрополиту Киевскому Арсению, в котором в общих чертах указывал как и в каком составе будет работать данный суд: «все такие дела определено трактатом, разбирать новому суду, состоящему из членов, одною частию Римско-Католической, другою частию диссидентской, в том числе и нашей Православной Религии, и те члены разве в Июле от Его Королевского Величества назначены будут; а самый суд начнется не прежде Октября» [4].

В Сепаратном акте были подробно расписаны состав, подсудность и основные принципы работы смешанного суда. В него входили 17 судей, 8 из которых были католиками, 8 — православными и 1 — Епископ греческой (православной) церкви Белорусский, 2 писаря, причем один — православный, а другой — католик: при председательстве католика писарем должен был быть православный, а при председательстве православного — католик. Также должны были входить в состав суда 2 дворянина, необходимые «для присмотра архива» [5].

Была определена и подсудность данного суда. К ведению смешенного суда относились дела, связанные с религией: об оскорблении религии, убийства духовной особы, насилия над духовными и церковными особами, о церквях фундациях, школах, больницах, кладбищах, домах духовных и другие категории [5]. Важно отметить, что открытый перечень дел, которые рассматривал данный суд, давал определенную свободу и людям, и судьям, так как если дело было связано с религией, то оно направлялось в этот суд. Подходы к его формированию были направлены на создание условий для более объективного и всестороннего рассмотрения дела. Для обеспечения независимости судей денежное довольствие всех участников обеспечивалось за счет казны [5].

Интересным с точки зрения политико-правовой мысли Г.Конисского является текст присяги, которую, в том числе и ему, следовало произносить вначале каждой каденции суда: «судить каждое дело справедливо, по совести и законам Речи Посполитой, не взирая на разницу в вере, на богатого и бед-

ного, приятеля, родственника и неприятеля, сообразно с тяжбой, пробацией и документами, не брать даров и не выдавать секретов судебной избы и мнений членов» [2, с. 425]. Данная присяга полностью отображала представления Г.Конисского о судебной власти и суде. Теоретические представления о суде, заложенные в стенах Киево-Могилянской академии, были воплощены им на практике и закреплены законодательно решением Сейма в 1768 г.

Кроме теоретических наработок Г.Конисского, касающихся вопросов правосудия, он был еще и практиком, так как являлся судьей епископского суда, который рассматривал дела, связанные с преступлениями против общественной нравственности, а также затрагивал споры в брачно-семейных правоотношениях [6, с. 57].

В письме от 4 июня 1771 г. № 68 Г.Конисский писал: «дело ... бывшее, хорошо, когда окончено примирием» [7, с. 446]. Он положительно отзывался о примирении как о способе урегулирования спора. Отметим, что идеи о примирительных процедурах прослеживались у Г.Конисского и ранее. Примером тому может служить письмо о желании примирения униатов с православными после Сейма 1767–1768 гг. Идеи Г.Конисского о примирении как способе разрешения конфликтов можно назвать довольно новаторскими, однако в большей степени они носят «национальный» характер. Приверженность к примирительному характеру разрешения споров существовала на территории Гетманщины и войска Запорожского. Как отмечает Г.М. Барац: «По присоединении войска Запорожского к Московскому государству, центральное русское правительство, снисходя к ходатайствам малороссийского народа, дорожившего означенными судами (речь шла о примирительных судах, а также ином сокращенном, лишенном всякого формализма, судопроизводстве), как соответствующими вполне «древним добрым малороссийским порядкам и обыкновениям», оставило эти суды под именем третейских, на прежних основаниях» [8, с. 3]. Важно, что через 4 года после написания письма в 1775 г. совестные суды были узаконены в «Учреждениях о губерниях» Екатериной II [9, с. 60]. Таким образом, можно сказать, что правовые взгляды Г.Конисского на судебную власть и суд как институт разрешения споров были не сугубо институциональные, он допускал наличие внесудебных способов разрешения спора, что было связано в первую очередь с его происхождением и влиянием обычного национального права на правосознание.

Следующим этапом развития правовых взглядов Г.Конисского на суд и судебную власть был период после первого раздела Речи Посполитой, когда земли Могилевской епархии перешли к Российской империи. Интересна его речь перед новоизбранными судьями, отображающая взгляды Г.Конисского на сущность власти судьи, его полномочия и функции. Начинается она с обращения к «благородному Дворянскому сословию Белорусскому». По этому можно сделать вывод, что речь была сказана после 1775 г., когда в результате

судебной реформы формирование судебного корпуса происходило двумя способами: выборным от сословий и назначением, причем первый значительно преобладал над вторым [10, с. 91]. По результатам реформы дворянству было разрешено избирать из своего сословия кандидатов на должности председателей палат гражданского и уголовного суда, заседателей совестного суда, заседателей и судей уездного суда [10, с. 91].

В своей речи Г.Конисский сравнивал судебную власть в «державе Польской» и Российской империи, указывая, что несмотря на то, что в Речи Посполитой каждый год избирали судей, а в России один раз в 3 года, избрание в Польше не «гроздия приносили обществу, а терние колючее. Довольно известно вам самим, что трибунал Радзивилловский был тернием для партии Князей Чарторыйских; а Чарторыйский трибунал взаимно колол партию Радзивилловскую. Одни других язвили, грызли, взаимно одни от других и снедаемы были» [4]. Можно предположить, что сравнение Российской империи с Речью Посполитой было необходимо для более красочного, эмоционального примера. Скорее всего год произнесения речи варьируется с 1775 по 1778, когда с момента первого раздела Речи Посполитой прошло не так много времени, и люди, проживающие на территории современной восточной Беларуси, еще помнили судебные органы Речи Посполитой. Сущность избрания судейского корпуса Г.Конисский формулирует так: «... избрание их происходит, не в духе партий, раздельных и враждебных, а в духе общего всех единомыслия, на общую пользу» [4]. Он подчеркивал необходимость самостоятельности судей, их обособленного статуса и независимости. Таким образом Конисский говорил о важности принципа независимости судей.

Как приверженец божественной теории власти, говорил о том, что избрание судей управляется Богом. Важно, что и ответственность за свои решения в качестве судьи, избранные судьи несут именно перед Богом. Говоря о том, какими должны быть судьи, Г.Конисский определял, что не государство и не избиратели этих судей предъявляют к ним подобные требования, а Бог: «И от Судей также ожидает Бог плодов добрых. Какие же это плоды? Основательное познание законов, деннонощное прилежание к делам, многоочитая осмотрительность и рассуждение всех обстоятельств, правосудие и верность своему долгу. Судия добросовестный не зрит на лица, не боится Сильных; ненавидит лихоимства, не пленяется сродством и дружбою, гремит на льстецов и притеснителей, снисходит только кающимся, веры от правды, как сестер родных, не разделяет, и даже готов пострадать за правду. Сии-то плоды в судиях суть самые сладчайшие Богу и вечно пребывающие» [4].

Кроме ответственности перед Богом, Г.Конисский сформулировал основные требования к судье. Интересным, на наш взгляд, является его требование, предъявляемое в части «основательного познания законов». Как

отмечает Т. Н. Ильина, среди требований к судьям от дворянства не было обязательного юридического образования. Во многом, по мнению исследователя, это было связано с отсутствием в России во второй половине XVIII в. профессиональных юристов [10, с. 92]. На наш взгляд, требование Г. Конисского напрямую не связано с получением специализированного юридического образования, он указывал на необходимость более глубокого изучения философско-правовых дисциплин и наличия хотя бы минимального практического опыта. Однако осознание необходимости «основательного знания законов» от лиц высшей духовной иерархии может говорить о том, что государство медленно, но верно двигалось к профессиональному юридическому образованию для судей. В целом, не думаем, что Г. Конисский предъявлял к лицам, избранным на судейскую службу, какие-либо особые требования. Основа его понимания статуса судьи — знание норм Священного Писания, положений основных законов Российской империи и его юридический опыт, полученный им в период пребывания в Варшаве и Смоленске (1765–1772).

В это же время проходила Губернская реформа Екатерины II. Свои идеи на новоучрежденные судебные органы Г. Конисский высказал в Слове на торжественное открытие Могилевского наместничества 29 мая 1778 г. Большая часть речи была посвящена государственным органам, которые начинали свою работу на территории Беларуси. В первую очередь Г. Конисский высказался о судебных органах власти: Земском, Вышнем, уездном и Нижнем суде, Главном и Городовом магистрате, Верхней и Нижней Расправе. В своей речи он уверен, что «в Белоруссии не будет больше места судьям дремлющим, которые убеждены до сентенции обыкли соглашаться с сидящим при боку товарищем своим» [11]. Кроме вышеназванных судов, Г. Конисский также приветствует создание Совестного Суда. Он отмечает, что в данном суде «в число судящих самого повинного совесть приобщает», что «Суд изыскует все обстоятельства греха, даже намерения согрешимого. Милосердие заключает приговор по правилам человеколюбия, с рассуждением на слабость человеческую, раскаяние грешниче и предложение исправления» [11]. Создание подобных судов в целом шло в ногу со временем, когда Екатерина II пыталась в государственном управлении применять идеи эпохи Просвещения. Такие идеи были свойственны Г. Конисскому еще в период служения в Речи Посполитой. Важно отметить, что учреждение подобных судов было достаточно новаторским шагом, ведь основной их целью было примирение, а не наказание. Это, как считает Д. В. Липка, может являться одной из сходных черт данного суда с институтом медиации [12, с. 23].

Заключение

На основании вышеперечисленного можно сделать следующие выводы.

1. Взгляды Г. Конисского на суд, судоустройство и статус судей формировались на протяжении всей его интеллектуальной деятельности. Можно

выделить три основных периода: академический (1728–1755), когда начали формироваться его взгляды на судоустройство и статус судьи как человека справедливого и независимого; служение в Речи Посполитой (1755–1772), когда Г.Конисский участвовал в реформировании судебной системы, пытался посредством интеллектуального и правового обоснования убедить в необходимости создания смешанного суда в правозащитных целях; российский (1772–1795), когда Г.Конисский активно участвовал в разрешении различных споров, а также обосновывал и высказывал свое видение реформирования судебной ветви власти.

2. В основу понимания Г.Конисским статуса судьи были положены такие понятия, как справедливость и независимость. Идея справедливости была реализована им на практике в смешанном суде, где вопросы диссидентов рассматривались не только католиками, но и православными. Кроме того, справедливость была основой взглядов Г.Конисского на право, которую он считал высшей добродетелью. Важно, что теоретические наработки Г.Конисского в период служения в Речи Посполитой нашли свое отражение в реформировании судебной системы государства. Принцип независимости судьи теоретически обосновывался Г.Конисским еще в его драме «Воскресение мертвых», а позднее не единожды формулировался в многочисленных письмах и речах, однако наиболее точно и емко данный принцип он раскрыл следующими словами: «Судия добросовестный не зрит на лица, не боится Сильных...» [4]. В основу власти судьи Г.Конисским была положена божественная теория происхождения власти, поэтому и ответственность судьи, вне зависимости от способа получения своей власти, лежала перед Богом. Подобная парадигма властных отношений была свойственна Г.Конисскому еще со времен преподавания в Киево-Могилянской академии. Совмещая божественную концепцию власти и естественно-правовую теорию, он закладывал совершенно новое понимание статуса судьи и суда в целом.

3. В качестве судьи Г.Конисский соответствовал всем тем требованиям, которые адресовал судьям в своих речах. Он был внимателен к деталям, пытался устанавливать справедливые решения, основанные на правовых и церковных нормах, общих принципах морали. Кроме того, в его речах прослеживалась идея необходимости получения судьями профессионального юридического образования. Подобная идея, вероятно, происходила из его многочисленного практического опыта участия в судебных процессах. Важно отметить, что она была достаточно новаторской и во многом опережала время.

4. Интересными являются идеи Г.Конисского о примирительных процедурах как о способе разрешения конфликта. Важно, что подобные идеи являются «национальными». Той местности, из которой происходил Г.Конисский, было свойственно разрешать споры в досудебном порядке, что стало

правовым обычаем, который позже был инкорпорирован в деятельность судебной системы Российской империи.

Список цитированных источников

1. *Конисский, Г.* Воскресение мертвых / Г. Конисский // *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Н. Тихонравовым: в 5 т. — М., 1861. — Т. 3. — 1861. — С. 39–58.

2. *Беднов, В. А.* Православная Церковь в Польше и Литве (по voluminal legum) / В. А. Беднов. — Екатеринбург : Тип. С. И. Барановского, 1908. — 511 с.

3. К Преосвященному Гервасию, Епископу Переяславскому [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Konisskij/sobranie-sochinenij/#0_34. — Дата доступа: 16.09.2024.

4. *Собрание сочинений Георгия Конисского* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Konisskij/sobranie-sochinenij/#0_11. — Дата доступа: 16.09.2024.

5. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года: 1767–1769. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=80&regim=3. — Дата доступа: 16.09.2024.

6. *Смыкалкина, А. С.* Судебная система Российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II (XV–XVIII вв.) / А. С. Смыкалкина // *Вопросы истории*. — 2004. — № 8. — С. 49–70.

7. *Конисский, Г.* Письмо № 68 / Г. Конисский // *Могилев. епарх. ведомости*. — 1894. — 11 июл. — С. 446–447.

8. *Барац, Г. М.* Очерк происхождения и постепенного затем упразднения в России совестных судов и суда по совести / Г. М. Барац. — С.-Петербург : Типограф. правительственного Сената, 1893. — 40 с.

9. *Дремова, Е. В.* Примирительное правосудие в дореволюционной России / Е. В. Дремова // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. — Курск : Курский гос. ун-т. — 2019. — № 1. — С. 58–65.

10. *Ильина, Т. Н.* Государственная политика в сфере формирования судебного корпуса в России в XVIII — первой половине XIX века: этапы, тенденции, подходы / Т. Н. Ильина // *Историко-правовые проблемы: Новый ракурс*. — 2018. — № 4. — С. 88–95.

11. Слово на торжественное открытие Могилевского наместничества [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://archive.org/details/1380-georgii-konisskii-1780-slovo-na-torzhestvo-mira-s-ottomanskoiu-portoiu-skaz>. — Дата доступа: 16.09.2024.

12. *Липка, Д. В.* История развития института медиации в России / Д. В. Липка // *Право и управление*. — 2023. — № 2. — С. 22–27.

Аннотация. Рассмотрены правовые и политические взгляды Георгия Конисского на суд и судебную власть. Представлены его теоретические разработки в данной области, а также практическая деятельность по реформированию судебной системы Речи Посполитой. Отображены политико-правовые взгляды Г.Конисского на статус судьи, природу его власти и отношение к досудебным способам разрешения дел. Взгляды Г. Конисского на суд, судоустройство и статус судей не исследовались ранее, именно этим и обусловлена актуальность работы.

***POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF GEORGE KONISKY
ON THE COURT, JUDICIAL SYSTEM AND THE STATUS OF JUDGES***

Antonenko S.B.

Keywords: court, state, George Konissky, status of judges, reform, Orthodoxy, power.

Abstract. The article is devoted to the legal and political views of George Konissky on the court and judicial power. The article considers his theoretical developments in this field, as well as his practical activity on reforming the judicial system of the Rzeczpospolita. In addition, the political and legal views of G. Konissky on the status of the judge, the nature of his authority and his attitude to pre-trial methods of case resolution are presented. G. Konissky's views on the court, judicial system and the status of judges have not been researched before, and this is the reason for the relevance of the work.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ ИНСПЕКТОРОВ МИЛИЦИИ ПРИ ВЕДЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Башкевич Ю. Д.

Ключевые слова: административный процесс, видеорегистратор, информационные технологии, участковый инспектор милиции, электронная цифровая подпись, электронное дело

Введение

На современном этапе развития общества все более актуальным становится вопрос о внедрении информационных технологий во все сферы его жизнедеятельности. Государственные органы и организации активно используют научные технические достижения для оптимизации деятельности своих сотрудников, исключения искажения и укрывательства информации, упрощения порядка, сокращения экономических расходов и времени при осуществлении подведомственных функций.

Одним из основных направлений деятельности участкового инспектора милиции является ведение административного процесса. В большинстве случаев при поступлении в органы внутренних дел (далее — ОВД) сообщений об административных правонарушениях на место совершения противоправного деяния выбывает дежурный участковый инспектор милиции. Граждане обращаются с заявлениями об административных правонарушениях к своему участковому инспектору милиции и в ходе личного приема. Нередко участковый инспектор милиции самостоятельно выявляет факты совершения административных правонарушений во время отработки жилого сектора и при обследовании административного участка. Осуществляя свои обязанности в составе дежурного наряда на общественном пункте охраны правопорядка либо на обслуживаемой территории, участковому инспектору милиции затруднительно предусмотреть иметь при себе все необходимые бланки процессуальных документов. Кроме того, на месте совершения административного правонарушения у участкового инспектора милиции не всегда имеется доступ к информационным ресурсам ОВД, необходимым для установления личностей участников процесса, уточнения информации о привлечении их к уголовной и административной ответственности.

Принимая во внимание потенциально возможные ситуации, в которых оказываются участковые инспектора милиции при несении службы, перед

нами ставится цель разработать теоретические и практико-значимые положения о создании единой цифровой платформы (далее — ЕЦП), которая будет содержать типовые бланки процессуальных документов и обобщенную на основе сведений из банков данных автоматизированную информационную систему со сведениями об участниках административного процесса [1, с. 76]. Функционирование подобного сервера должно обеспечиваться необходимыми техническими средствами.

Основная часть

В настоящее время в Республике Беларусь в соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами каждый участковый инспектор милиции, задействованный в системе единой дислокации, экипируется персональным видеорегистратором. Участковым инспекторам милиции рекомендуется вести видеозапись при исполнении ими служебных обязанностей в целях обеспечения личной безопасности. На наш взгляд, персональный видеорегистратор можно использовать и в качестве средства цифровизации административного процесса. Так, при непосредственном обнаружении административного правонарушения должностные лица, уполномоченные вести административный процесс, используя персонального видеорегистратор смогут более объективно оценить то или иное событие. Кроме того, отпадет необходимость в проведении дополнительного осмотра места совершения административного правонарушения, так как обстановка будет зафиксирована техническим средством (видеоизображение). Следует предусмотреть возможность составления отдельного протокола осмотра места совершения административного правонарушения как исключение в случаях, если средство записи не способно по своим техническим характеристикам зафиксировать значимый для дела объект, при возникновении технической неисправности. В настоящий момент такие виды осмотра, как осмотр жилища и иного законного владения, помещений юридического лица или индивидуального предпринимателя в установленных процессуальными нормами случаях проводятся по постановлению органа, ведущего административный процесс, с санкции прокурора или его заместителя и с участием не менее двух понятых [2]. На наш взгляд, при возможности использования средств видеозаписи при проведении указанных видов осмотра участие понятых необязательно. Лицо, ведущее административный процесс, уделяет много времени поиску понятых (отказ граждан, в связи с временем суток, отсутствие граждан вблизи места совершения административного правонарушения), часто вынуждено отлучаться от места проведения осмотра или места, где располагается предмет осмотра, а в это время могут возникнуть его изменения из-за внешних независимых факторов и третьих лиц, в том числе причиненные и неумышленно. Так, формулировки в ч. 4 и ч. 5 ст. 11.10 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об ад-

министративных правонарушениях (далее — ПИКоАП) «с участием двух понятых» следует заменить на «в присутствии не менее двух понятых либо с применением звуко- и видеозаписи с соблюдением условий, предусмотренных частью 2 настоящей статьи».

Не менее актуально использовать персональный видеорегистратор и для проведения опроса участников административного процесса. Часто при подготовке дела об административном правонарушении в ходе устной беседы участники административного процесса описывают истинные события административного правонарушения, но при даче пояснений под запись просят не указывать отдельные аспекты либо вовсе отказываются от опроса. Лицо, ведущее административный процесс, при записи пояснений на бумажный носитель также способно исказить либо сокрыть значимую информацию по причине невнимательности к деталям либо личной заинтересованности. При этом следует уточнить, что мы предлагаем использование видеорегистратора при проведении опроса участников административного процесса по усмотрению должностного лица, ведущего административный процесс, как дополнительное средство фиксации в целях последующего использования видеозаписи в спорных ситуациях, например при возникновении противоречия в объяснениях участников административного процесса, полученных в ходе подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению и при его рассмотрении. Законодательное закрепление указанного положения сегодня уже содержится в ст. 6.12 ПИКоАП.

Использование персонального видеорегистратора в начале административного процесса и при подготовке дела об административном правонарушении к рассмотрению позволит оптимизировать проведение не только таких процессуальных действий как опрос участников административного процесса и осмотр места совершения административного правонарушения, но и освидетельствования, применения мер обеспечения административного процесса, минимизирует возможность искажения событий. Участковый инспектор милиции при подготовке дела об административном правонарушении к рассмотрению получает информацию не только от участников административного процесса, но и иных граждан. Например, в ходе разбирательства по факту семейного скандала, произошедшего в квартире многоквартирного жилого дома, участковый инспектор милиции отрабатывает смежные квартиры, общается с иными жильцами. Часто соседи сообщают, что слышали крики, угрозы, просьбы о помощи, звуки падающих предметов, могут указывать на системность подобных ситуаций, однако они отказываются давать пояснения под запись ввиду опасения из-за последующих действий лица, совершившего административное правонарушение, в отношении них, ссылаются на то, что не являются «фактическими» свидетелями произошедшего. При этом пояснения таких «формальных» свидетелей не редко имеют

значение для принятия того или иного процессуального решения. Вместе с тем участковый инспектор милиции вправе вести видеозапись на персональный видеорегистратор при осуществлении им служебной деятельности, не предупреждая об этом иных граждан. Для реализации полученных при осуществлении служебных полномочий видеозаписей в процессе доказывания требуется их процессуальное закрепление в качестве источника доказательств. В настоящий момент запись с персонального видеорегистратора в соответствии с ч. 2 ст. 6.11 ПИКоАП относится к понятию «другой носитель информации» [2]. Приобщить запись с персонального видеорегистратора к материалам дела об административном правонарушении возможно при помощи протоколов изъятия и осмотра видеозаписи.

Посредством сбора цифровых доказательств в ЭЦП, о которой говорилось выше, будет формироваться электронное дело об административном правонарушении (далее — ЭДоАП). Судьи, должностные лица органов, ведущих административный процесс, будут иметь доступ к записям с видеорегистраторов, записям, изъятых с камер видеонаблюдения, в связи с чем отпадает необходимость в отдельном осмотре видеозаписи и составлении протокола осмотра. Из этого следует, что целесообразно исключить из ч. 2 ст. 11.10 ПИКоАП следующие слова «фоно- и видеограмма которой приобщается к делу».

Для корректного сбора ЭДоАП следует предусмотреть в системе единой цифровой платформы наличие типовых электронных бланков всех предусмотренных ПИКоАП процессуальных действий и решений (в качестве примера может служить программа электронного производства по уголовным делам, разработанная в Грузии). В случае необходимости приобщения неэлектронных процессуальных документов они подлежат сканированию и добавлению в ЭДоАП в формате PDF [3, с. 71]. Для минимизации необходимости в сканировании документов следует рассмотреть вопрос об использовании электронной цифровой подписи (далее — ЭЦП) всеми участниками административного процесса, но внедрение подобного положения требует популяризации и масштабной агитации на приобретение ЭЦП физическими лицами [2]. Как правило, ЭЦП размещается на флеш-накопителе, вставляемом непосредственно в персональный компьютер, планшет, иное техническое устройство. На сегодняшний момент в Республике Беларусь существует более оптимальный вариант носителя ЭЦП — sim-карта. Хранение личного ключа мобильной ЭЦП на sim-карте значительно упрощает процедуру подписи электронных документов. Доступ пользователя к компьютеру не обязателен, документ может быть подписан повсеместно в любое время. Данный процесс представляет собой отправку специальных зашифрованных сообщений — бинарных SMS — и подтверждается вводом PIN-кода. В настоящий момент услуги мобильной ЭЦП оказывают унитарное предприятие «А1» и ООО «Мобильные ТелеСистемы». Воспользоваться услугой могут физиче-

ские, юридические лица и индивидуальные предприниматели — резиденты Республики Беларусь [4].

Для обработки, хранения, передачи, предоставления информации и формирования дела об административном правонарушении участковых инспекторов милиции необходимо обеспечить персональными компьютерами либо планшетами, сканирующими устройствами, персональными видеорегистраторами. В настоящее время участковые инспекторы милиции оснащены такими информационными ресурсами Министерства внутренних дел Республики Беларусь, как ИС «Паспорт», ЕГБДПоП, АИС «ГАИ-Центр». Для упрощения заполнения однотипной информации об участниках административного процесса и автоматического заполнения данных в бланки ЭДоАП стоит рассмотреть вопрос о синхронизации имеющихся информационных ресурсов с ЕЦП, предусматривая необходимость в разработке мер по обеспечению безопасности персональных данных. В целях повышения эффективности деятельности участкового инспектора милиции в обеспечении вовлечения участников административного процесса в производстве процессуальных действий, ознакомления с делом об административном правонарушении следует предоставить участковым инспекторам милиции доступ к базам Медицинской Информационной Автоматизированной Системы (МИАС), Фонда социальной защиты населения (ФСЗН), пассажиропотока, что позволит снизить тенденцию к приостановлению подготовки дел об административных правонарушениях к рассмотрению по п. 4 ч. 2 ст. 11.1 ПИКоАП и последующего прекращения по п. 3 ч. 1 ст. 9.6 ПИКоАП (истечение сроков наложения административного взыскания).

Следует выделить два основных подхода к обеспечению работы ЕЦП. В первом случае на рабочих местах должностных лиц, ведущих административный процесс, в том числе и участковых инспекторов милиции, их руководителей, органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, прокурорских работников персональные компьютеры и планшеты должны быть подключены к единой локальной сети. Каждый субъект пользования иметь свои логин и пароль, которые используют для выхода на ЕЦП, тем самым идентифицируя себя в системе. Субъектам пользования ЕЦП представится доступ ко всему ЭДоАП, однако внести или изменить какую-либо информацию в ЭДоАП субъект сможет только в пределах своих полномочий по данному делу в зависимости от своего статуса. Преимуществом локальной сети является высокий уровень защищенности, недостаток — отсутствие доступа к материалам ЭДоАП у участников административного процесса [5, с. 69]. Для устранения указанного нюанса можно рассмотреть разработку ЕЦП как информационного портала, доступ к которому смогут иметь все автоматизированные на платформе участники процесса для ознакомления с материалами ЭДоАП и заявления

ходатайств на определенных стадиях. Через информационный портал появится возможность обеспечить рассмотрение дела и проведение ряда иных процессуальных действий дистанционно [5, с. 95].

Заключение

Цифровизация деятельности участковых инспекторов милиции при ведении административного процесса, а также иных должностных лиц, уполномоченных вести административный процесс, имеет следующие перспективы:

- экономия служебного времени, затрачиваемого на производство процессуальных действий и их оформление;
- исключение фальсификации и укрывательства;
- обеспечение полноты и достоверности сбора доказательств;
- проведение ряда процессуальных действий дистанционно;
- дистанционный доступ должностных лиц, ведущих административный процесс, руководителей соответствующих органов, судов и органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, надзирающих и контролирующих органов к ЭДоАП.

Список цитированных источников

1. *Девятовская, К. В.* Актуальные вопросы цифровизации в административном процессе Республики Беларусь [Электронный ресурс] / К. В. Девятовская, Г. А. Василевич // Трансформация государственного управления и местного самоуправления в условиях развития информационного общества : электрон. сб. ст. Междунар. круглого стола, Новополоцк, 16 апр. 2021 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Шахновская, П. В. Соловьев. — Новополоцк, 2021. — С. 76–79.

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3: принят Палатой Представителей 18 дек. 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.04.2024 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

3. *Гридюшко, П. В.* Об электронной форме ведения уголовного процесса / П. В. Гридюшко, Н. С. Бушкевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2017. — № 2. — С. 67–73.

4. Национальный центр электронных услуг [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nces.by/>. — Дата доступа: 20.05.2024.

5. *Качалова, О. В.* Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства / О. В. Качалова, Ю. А. Цветков // Российское правосудие. — 2015. — № 2. — С. 95–101.

Аннотация. Предлагается оптимизировать ведение административного процесса путем внедрения информационных технологий. Автор, основываясь на анализе законодательства и правоприменительной практики (с учетом опыта работы в должности участкового инспектора милиции), предлагает ввести электронный документооборот; создать единую цифровую платформу, обеспечивающую оформление и использование электронного дела об административном правонарушении; применять видеорегистратор при производстве процессуальных действий (для сбора доказательств). Освещается вопрос об использовании электронной цифровой подписи участников административного процесса. Обращается внимание на потребность оснащения участковых инспекторов милиции техническими средствами и информационными ресурсами как необходимого условия цифровизации административного процесса.

***PROSPECTS FOR DIGITALIZATION
OF THE ACTIVITIES OF DISTRICT POLICE INSPECTORS
IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS***

Bashkevich Y. D.

Keywords: administrative process, video recorder, information technology, district police inspector, electronic digital signature, electronic file.

Abstract. In the article the author proposes to optimize the administrative process by introducing information technology. Based on the analysis of legislation and law enforcement practice (taking into account the experience of work as a district police inspector), the author proposes to introduce electronic document management; to create a unified digital platform that ensures the registration and use of electronic case on administrative offence; to use a video recorder in the production of procedural actions (to collect evidence). The author also highlights the issue of the use of electronic digital signature of participants of administrative proceedings. Attention is drawn to the need to equip district police inspectors with technical means and information resources as a necessary condition for digitalization of the administrative process.

НЕЗАКОННОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ОТ ИМЕНИ ИЛИ В ИНТЕРЕСАХ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: СОСТАВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Василевский А. В.

Ключевые слова: коррупция, взятка, подкуп должностного лица, интерес юридического лица, административное правонарушение.

Введение

В 2021 г. по результатам продолжительной экспертной работы был принят обновленный Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП РБ). Кодифицированный законодательный акт в числе прочих изменений впервые дополнен статьей, устанавливающей административную ответственность за незаконное вознаграждение от имени или в интересах юридического лица [1; 2]. Введение данной статьи было обусловлено ростом количества выявленных правонарушений коррупционной направленности в интересах или с использованием юридических лиц. Правовые предписания ст. 24.59 КоАП РБ разработаны с учетом положительного зарубежного опыта и соответствуют положениям Конституции Республики Беларусь и Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. [3; 4] В п. 2 ст. 26 Конвенции предусматривается возможность установления в национальном законодательстве административной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления, признанные международными нормами уголовными преступлениями (вымогательство, подкуп, взятка и др.) [4].

Во многих зарубежных правовых порядках административная ответственность за подобное противоправное деяние юридического лица существует уже продолжительное время. В частности, среди государств – членов ЕАЭС соответствующие положения закреплены в 2001 г. в ст. 534 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 30 января 2001 г. № 155 (ст. 678 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V) и в 2008 г. в ст. 19.28 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ).

В развитие правовых предписаний ст. 24.59 КоАП РБ на основе формируемой правоприменительной практики в 2022 г. скорректированы положения Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе

с коррупцией» (далее — Закон № 305-3), а в 2024 г. — Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-3 «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» и постановления Совета Министров Республики Беларусь от 15 июня 2019 г. № 395 «О реализации Закона Республики Беларусь „О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь от 15 июня 2019 г. № 395 „О государственных закупках товаров (работ, услуг)“».

В юридической литературе, несмотря на динамичное развитие законодательства, вопросам привлечения юридических лиц к административной ответственности по ст. 24.59 КоАП РБ уделяется недостаточное внимание. В работах Р. А. Авласовича [1], А. И. Лукашова [2], Р. В. Киени [5], В. В. Хилюты [6] и других рассматриваются лишь отдельные практические аспекты применения данной статьи. Из-за недостаточности аналитического материала, направленного на правовое просвещение по вопросам содержания и смысла вносимых в законодательство изменений, в правоприменительной практике могут возникнуть разночтения при толковании новых или обновленных нормативных правовых предписаний. На основании изложенного в целях формирования единообразной правоприменительной практики настоящее исследование посвящено комплексному рассмотрению оснований и порядка привлечения юридических лиц к ответственности за незаконное вознаграждение от их имени или в их интересах.

Основная часть

Вознаграждение от имени или в интересах юридического лица квалифицируется как административное правонарушение при совокупном наличии признаков противоправного деяния, предусмотренных КоАП РБ и образующих юридический состав правонарушения. В теории административно-деликтного права элементами юридического состава любого правонарушения традиционно признаются объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. В свете классической модели исследования рассмотрим юридический состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 24.59 КоАП РБ.

Объект правонарушения.

Положения ст. 24.59 КоАП РБ направлены на защиту установленного законодательством порядка управления от коррупционных посягательств от имени или в интересах юридического лица. Так называемая корпоративная коррупция подрывает основы свободной конкуренции, ухудшает деловой климат, повышает риск легализации доходов, полученных преступным путем и др. [7]. Коррупция как негативное социально-правовое явление известна с давних пор. Тем не менее и сегодня она распространена в государствах мира, а масштабы ее разрушительного воздействия на общество, как и прежде, значительны. В Беларуси коррупция расценивается как одна

из основных угроз национальной безопасности, что отражено в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5.

Объективная сторона правонарушения.

Внешнее проявление правонарушения выражается в незаконной передаче материальных ценностей (вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права и т. п.) либо предоставлении выгод имущественного характера (различного вида работы и услуги, оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, и т. п.) от имени или в интересах юридического лица должностному лицу для него самого или его близких. В юридической литературе такие действия условно обозначаются как «подкуп должностного лица от имени или в интересах ... юридического лица» [5], «взятка в интересах юрлица» [6]. Б. В. Асаенко отмечает, что «объективная сторона данного административного правонарушения практически полностью совпадает с объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 431 Уголовного Кодекса (дача взятки)» [8].

Передача материальных ценностей или предоставление выгод имущественного характера в соответствии с ч. 1 ст. 24.59 КоАП РБ признаются противоправными только при совокупном (одновременном) наличии следующих обстоятельств:

1) названные действия осуществляются в отношении должностного лица для него самого или его близких и связаны исключительно с занимаемым этим должностным лицом служебным положением. Термин «близкие» согласно примечанию 1 к рассматриваемой статье используется в значении, определенном п. 3 ч. 2 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ). Таким образом, в содержании ч. 1 ст. 24.59 КоАП РБ для целей правового регулирования под близкими следует понимать близких родственников и членов семьи должностного лица, либо иных лиц, которых это должностное лицо обоснованно признает своими близкими;

2) названные действия осуществляется в целях:

а) благоприятного решения вопросов, входящих в компетенцию должностного лица;

б) выполнения или невыполнения в интересах юридического лица кого-либо действия, которое должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий;

3) названные действия образуют состав преступления, предусмотренного ст. 431 УК РБ (дача взятки), что установлено одним из следующих процессуальных решений:

а) вступившим в законную силу приговором суда;

б) решением об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных

статьями Особенной части УК РБ (в частности, в примечании к ст. 431 УК указано, что лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки либо если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о содеянном и активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления);

в) решением о прекращении предварительного расследования по уголовному делу, уголовного преследования или производства по уголовному делу по следующим основаниям:

- истечение сроков давности;
- вследствие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное общественно опасное деяние, а также акта амнистии либо иного акта иностранного государства, если они устраняют применение наказания за общественно опасное деяние, совершенное на его территории лицом, уголовное преследование которого осуществляется на территории Беларуси по просьбе органа иностранного государства;

- при наличии оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части УК РБ;

г) решением об освобождении от уголовной ответственности по следующим основаниям:

- привлечение к административной ответственности в порядке ст. 86 УК РБ;

- утрата деянием или лицом общественной опасности в порядке ст. 87 УК РБ;

- деятельное раскаяние в порядке ст. 88 УК РБ;

- примирение с потерпевшим в порядке ст. 89 УК РБ;

- добровольное заявление о существовании преступной организации или банды и содействие их изобличению в порядке ст. 20 УК РБ;

- передача несовершеннолетнего под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, в порядке ст. 118 УК РБ;

- добровольное возмещение причиненного ущерба (вреда), уплата дохода, полученного преступным путем, в порядке, установленном ст. 88–1 УК РБ.

Передача материальных ценностей или предоставление выгод имущественного характера при описанных обстоятельствах признаются противоправными в силу самого факта их совершения. На квалификацию административного правонарушения не влияет наступление либо не наступление отрицательных последствий от совершения таких действий, а также факт совершения либо не совершения должностным лицом действий в интересах юридического лица. В теории административно-деликтного права такая характеристика объективной стороны правонарушения свидетельствует о формальном характере его юридического состава. Соответственно, административное правонарушение, предусмотренное ст. 24.59 КоАП РБ, считается

оконченным в момент передачи материальных ценностей или предоставления выгод имущественного характера как в полном договоренном объеме, так и в его части.

В правоприменительной практике передача материальных ценностей или предоставление выгод имущественного характера от имени или в интересах юридического лица может быть пресечена на стадиях покушения или приготовления к даче взятки. При этом действующим административно-деликтным законодательством не предусматривается ответственность за покушение на административное правонарушение или приготовление к его совершению. В отличие от ч. 1 ст. 24.59 КоАП РФ диспозиция ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ предусматривает внешнее проявление правонарушения не только посредством «предоставления», но и «предложения или обещания» материальных ценностей или выгод имущественного характера. Таким образом, в Российской Федерации обеспечивается привлечение юридических лиц к административной ответственности на стадии покушения или приготовления к даче взятки.

Субъект правонарушения.

Субъектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 24.59 КоАП РФ, формально-юридически признается юридическое лицо. Между тем в теории права последнее рассматривается как один из классических примеров юридической фикции, т. е. условного, абстрактного понятия, существующего в сознании людей и служащего исключительно для удобства понимания и оформления правоотношений с объединениями граждан как субъектами права. Реальными (фактическими) участниками общественных отношений как «внутри» самого юридического лица, так и в отношениях с другими лицами, выступают физические лица.

Передача материальных ценностей или предоставление выгод имущественного характера от имени или в интересах юридического лица могут совершаться как его работниками (например, руководителем, его заместителями, начальниками структурных подразделений, специалистами, менеджерами, консультантами и проч.), так и лицами, не состоящими с ним в трудовых отношениях, однако в отношении которых возможно разумно предполагать, что они обладают соответствующими полномочиями действовать в интересах этого юридического лица (например, учредитель (участник) хозяйственного общества, налоговый консультант, агент и проч.). Здесь важен не столько правовой статус физического лица, сколько его правомочие действовать от имени и в интересах юридического лица.

Субъективная сторона правонарушения.

В теории административно-деликтного права распространены два подхода к характеристике субъективной стороны правонарушения, совершенного юридическим лицом:

1) установление условий привлечения юридического лица к административной ответственности;

2) установление вины юридического лица.

Первый из подходов реализован в законодательстве, а также превалирует в доктрине и правоприменительной практике. В соответствии с ч. 2 ст. 4.6 КоАП РБ юридическое лицо несет административную ответственность, если оно не приняло все меры по соблюдению норм (правил), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность. При этом в ч. 3 ст. 5 Закона № 305-3 закреплена обязанность юридических лиц по недопущению в своей деятельности нарушения требований законодательства о борьбе с коррупцией, в том числе осуществления в любой форме от их имени или в их интересах подкупа государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц. В случае если физическим лицом от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного, осуществлялся подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица, это юридическое лицо согласно ст. 38 Закона № 305-3 несет ответственность в соответствии с законодательными актами, т. е. по ст. 24.59 КоАП РБ.

Второй подход пока не отражен в нормах законодательства и реализации на практике, а в доктрине считается новаторским. Отметим, что в рамках названного подхода сложилось две позиции в установлении круга лиц, чье психическое отношение к содеянному влияет на определение вины юридического лица. В соответствии с одной из них вина юридического лица определяется через отношение всего коллектива, а по другой — через отношение только должностных лиц, уполномоченных на принятие мер по соблюдению законодательства (руководитель, его заместители, начальники структурных подразделений и т. д.) [6].

Состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 24.59 КоАП РБ, сформулирован с учетом положений ст. 430 и 431 УК РБ, в которых установлена уголовная ответственность за получение и дачу взятки соответственно.

Протокол об административном правонарушении, предусмотренном ст. 24.59 КоАП РБ, в силу п. 4 ч. 2 ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП) имеет право составлять прокурор при осуществлении им надзорных функций. Поводом к началу административного процесса по ст. 24.59 КоАП РБ является обнаружение прокурором признаков административного правонарушения. Обратим внимание, что в диспозиции ст. 24.59 КоАП в числе признаков последнего указано, что по выявленной даче взятки должен быть начат уголовный процесс и принято одно из процессуальных решений, предусмотренных ч. 2 примечания к названной статье. В правоприменительной практике органы прокуратуры в случае

не привлечения взяткодателя к ответственности по ст. 431 УК РФ, т. е. при отсутствии в отношении него приговора суда, составляют протоколы по ст. 24.59 КоАП в отношении юридических лиц, от имени или в интересах которых дана взятка, лишь после вступления в законную силу приговора в отношении взяткополучателя. Обозначенная правоприменительная практика обусловлена стремлением к процессуальной экономии и отсутствием необходимости доказывания дачи взятки от имени или в интересах юридического лица. Вступивший в отношении взяткополучателя приговор суда в соответствии с ч. 3 ст. 6.2 ПИКоАП имеет преюдициальное значение по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 24.59 КоАП. Однако распространение такой практики чревато пропуском сроков привлечения юридического лица к административной ответственности [9]. В этой связи в целях своевременного принятия мер по привлечению юридических лиц к ответственности при отсутствии вступившего в законную силу приговора суда в отношении взяткодателя, однако при наличии другого процессуального решения, предусмотренного ч. 2 примечаний к ст. 24.59 КоАП, предлагается начинать административный процесс по данной статье вне зависимости от вынесения и вступления в силу приговора суда в отношении взяткополучателя.

Заключение

В завершении настоящего исследования сделаем основные выводы.

Положения ст. 24.59 КоАП РФ направлены на защиту установленного законодательством порядка управления от коррупционных посягательств, совершаемых от имени или в интересах юридического лица. Внешнее проявление правонарушения выражается в незаконной передаче материальных ценностей либо предоставлении выгод имущественного характера должностному лицу для него самого или его близких. Названные действия могут совершаться как работниками юридического лица, так и лицами, не состоящими с ним в трудовых отношениях, однако в отношении которых разумно предполагать, что они обладают соответствующими полномочиями действовать от имени или в интересах этого юридического лица. Правонарушение признается оконченным в момент передачи материальных ценностей или предоставления выгод имущественного характера как в полном договоренном объеме, так и в его части. Юридическое лицо привлекается к административной ответственности по рассматриваемой статье в силу непринятия им всех мер по соблюдению законодательства.

В целях предупреждения несправедливого освобождения юридических лиц от административной ответственности за покушение или приготовление к даче взятки от имени или в интересах юридического лица представляется целесообразным на основе положительного опыта нормотворческой деятельности и правоприменительной практики Российской Федерации

в ч. 1 ст. 24.59 КоАП слова «передача материальных ценностей либо предоставление выгод имущественного характера» заменить словами «передача (предоставление), предложение или обещание материальных ценностей либо выгод имущественного характера».

В целях своевременного принятия мер по привлечению юридических лиц к ответственности при отсутствии вступившего в законную силу приговора суда в отношении взяткодателя, однако при условии наличия другого процессуального решения, предусмотренного ч. 2 примечаний к ст. 24.59 КоАП РБ, предлагается начинать административный процесс по данной статье вне зависимости от вынесения и вступления в силу приговора суда в отношении взяткополучателя.

Список цитированных источников

1. Авласович, Р. А. Новый КоАП: правонарушения в сфере таможенного регулирования, порядка управления и общественного порядка [Электронный ресурс] : по сост. на 26.01.2021 / Р. А. Авласович // Онлайн-сервис готовых правовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

2. Лукашов, А. И. Новеллы административной ответственности юрлиц и ИП [Электронный ресурс] : по сост. на 12.04.2021 / А. И. Лукашов // Онлайн-сервис готовых правовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

3. О соответствии Конституции Республики Беларусь Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 28 дек. 2020 г., № Р-1247/2020 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : заключена в г. Мерида 31.10.2003 // ЭТАЛОН. Международные договоры / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

5. Киеня, Р. В. Обязанности руководителей организаций в сфере борьбы с коррупцией: действующие требования и планируемые изменения [Электронный ресурс] : по сост. на 01.08.2022 / Р. В. Киеня // Онлайн-сервис готовых правовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

6. Хилjuta, В. В. Вина юрлица в административном праве (часть 2): применим ли гражданско-правовой подход [Электронный ресурс] : по сост. на 27.01.2021 / В. В. Хилjuta // Онлайн-сервис готовых правовых ре-

шений илех / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

7. Материалы интернет-конференции по актуальным вопросам экономического правосудия [Электронный ресурс] / Верховный Суд Респ. Беларусь. — Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/8395b4a8a5ac4df4.html. — Дата доступа: 13.08.2024.

8. Асаенко, Б. В. Незаконное вознаграждение от имени или в интересах юридического лица: ст. 24.59 КоАП [Электронный ресурс] : по сост. на 27.05.2021 / Б. В. Асаенко // Онлайн-сервис готовых правовых решений илех / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

9. Срок наложения административного взыскания за незаконно вознаграждение (взятку) [Электронный ресурс] : по сост. на 14.06.2024 // Онлайн-сервис готовых правовых решений илех / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

Аннотация. Коррупция негативно влияет на все сферы общественной жизни и поэтому признается одной из основных угроз национальной безопасности во многих государствах. В правовых системах государств всего мира осуществляется поиск эффективных инструментов противодействия названному негативному социально-правовому явлению, разрабатываются и применяются различные меры правового воздействия. В числе таких мер, в том числе в отдельных государствах — членах ЕАЭС (Российская Федерация и Республика Казахстан), широко распространено привлечение юридических лиц к административной ответственности за так называемую корпоративную коррупцию, когда физическим лицом от имени или в интересах юридического лица осуществляется подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица. В Республике Беларусь соответствующая административная ответственность впервые введена по итогам масштабного осовременивания положений административно-деликтного законодательства в 2021 г. В республике активно формируется правоприменительная практика по привлечению юридических лиц к административной ответственности по ст. 24.59 КоАП РБ (незаконное вознаграждение от имени или в интересах юридического лица). В целях формирования комплексного представления о названном административном правонарушении рассматривается его юридический состав.

**ILLEGAL REMUNERATION ON BEHALF
OF OR IN THE INTEREST OF A LEGAL ENTITY:
LEGAL COMPOSITION OF AN ADMINISTRATIVE OFFENCE**

Vasileuski A.V.

Keywords: corruption, bribery, bribery of a public official, interest of a legal entity, administrative offence.

Abstract. Corruption has a negative impact on all areas of public life and, in this respect, is recognised as one of the main threats to the national security of many states. The legal systems of states all over the world are searching for effective tools to counteract this negative social and legal phenomenon, developing and applying various measures of legal effect. Among such measures abroad, including in some EAEU member states (the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan), it is common to hold legal entities administratively liable for so-called corporate corruption, when an individual bribes a public official or an equivalent person on behalf of or in the interests of a legal entity. In the Republic of Belarus, such administrative liability was introduced for the first time in the CAO in 2021 as a result of a comprehensive update of the provisions of domestic administrative law. The country is actively developing the law enforcement practice of administrative liability of legal entities under Article 24.59 of the CAO (illegal remuneration on behalf of or in the interest of a legal entity). In order to provide a comprehensive view of the above-mentioned administrative offence, the article considers its legal composition.

ПРАВОВОЙ СТАТУС КРИПТОВАЛЮТ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ОБОРОТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Гулятьева Н.Н.

Ключевые слова: криптовалюты, токены, рынок криптовалют, цифровые знаки, криптовалютные операции.

Введение

Ряд правоведов на территории Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) в своих публикациях поднимают вопросы незаконного оборота криптовалют [1—3], однако до настоящего времени только Российская Федерация и Республика Казахстан сделали попытки определить правовой статус криптовалют. В свою очередь, Республика Беларусь стала одной из первых стран в мире, признавших законной работу с криптовалютами. Согласно положениям Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» физические лица на территории Республики Беларусь вправе владеть токенами и с учетом особенностей, установленных национальным законодательством, совершать следующие операции: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарить и завещать токены. Данный список операций для физических лиц на территории Республики Беларусь является исчерпывающим. Совершение физическими лицами иных операций с цифровыми знаками (токенами) на территории Республики Беларусь будет противоречить действующему законодательству. При этом остается не урегулированным вопрос использования криптовалюты физическими лицами за пределами Республики Беларусь, что создает негативные последствия в виде нарушений национального законодательства. В законодательстве Республики Беларусь отсутствует исчерпывающий понятийный аппарат, который позволит отрегулировать операции на внутреннем и внешнем рынке, происходящие с криптовалютами.

Основная часть

Правовой статус криптовалют в Республике Беларусь определяется следующими нормативными правовыми актами:

- Декрет Президента Республики Беларусь от 2 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»;
- Декрет Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 «О Парке высоких технологий»;

- Уставные документы Парка высоких технологий (далее — ПВТ);
- Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2022 г. № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты»;
- Указ Президента Республики Беларусь от 28 марта 2023 г. № 80 «Об отдельных вопросах налогообложения»;
- Закон Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения»;
- постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 6 марта 2018 г. № 16 «О бухгалтерском учете цифровых знаков (токенов)».

Необходимо помнить, что некоторые действия, в том числе купля-продажа цифровых активов, разрешены только индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам после получения специальных разрешений, а физические лица при купле-продаже цифровых активов действуют только через официально зарегистрированных профессионалов.

К профессиональным участникам рынка криптовалют в Республике Беларусь относят:

- ПВТ — имеет особые разрешения на проведение операций с цифровыми активами, имеет право толковать технические и иные практические аспекты обращения с криптовалютами;
- криптобиржу (оператор криптоплатформы) — предоставляет услуги по купле-продаже и обмену токенов между пользователями, а также от своего имени может организовывать торги токенами;
- криптообменник (оператор обмена валют) — осуществляет только обмен одних токенов на другие, а также покупку и продажу токенов за фиатные деньги;
- организатора ICO — оказывает услуги по созданию, размещению и продвижению токенов для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
- криптоброкера — совершает сделки с токенами от имени клиентов через криптобиржи и предоставляет консультации.

Майнинг, деятельность оператора криптоплатформы, оператора обмена криптовалют, иная деятельность с использованием токенов не признаются банковской деятельностью.

При этом операторы криптоплатформ, операторы обмена криптовалют, иные организации, осуществляющие деятельность с использованием токенов, отражают в бухгалтерском учете совершаемые ими операции, а также составляют бухгалтерскую и (или) финансовую отчетность в по-

рядке, установленном в постановлении Министерства финансов Республики Беларусь от 6 марта 2018 г. № 16 «О бухгалтерском учете цифровых знаков (токенов)».

Возможны и другие виды деятельности с использованием криптовалют, если они одобрены Наблюдательным советом ПВТ.

Кроме того, физические лица наряду с юридическими лицами по согласованию с государственным учреждением «Администрация Парка высоких технологий» имеют право в соответствии с подп. 4.5 п. 4 Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее — Декрет № 8) организовывать и (или) проводить конференции, семинары, лекции, обучающие и иные аналогичные мероприятия по вопросам создания и (или) использования технологии реестра блоков транзакций (блокчейн), иных технологий, основанных на принципах распределенности и безопасности совершаемых с их использованием операций, токенов.

Физическим лицам (гражданам Республики Беларусь) запрещено в отношении криптовалют:

- осуществлять майнинг и делать домашние настройки для майнинга для третьих лиц;
- продавать готовый продукт майнинга (криптовалюту) напрямую другим физическим лицам без привлечения профессиональных участников рынка;
- оказывать платные услуги по производству криптовалюты или ее перепродаже третьим лицам.

Законодательство Республики Беларусь запрещает физическим лицам оказывать любые услуги, связанные с криптовалютами и токенами от имени или по поручению других лиц.

В связи с этим контролирурующие органы могут посчитать нарушением:

- размещение рекламы операций токенами в публичных чатах, на форумах и других площадках;
- предоставление третьим лицам доступа к учетным записям на криптобиржах для покупки, продажи или обмена токенов;
- использование банковских счетов и платежных карт третьих лиц для операций с токенами;
- регулярный обмен наличных на криптовалюту также может быть расценен как незаконная предпринимательская деятельность.

Вызвать подозрение у контролирурующих органов может также получение криптовалюты от третьего лица, даже если этим лицом является родственник. При попытке обменять криптовалюту, полученную от третьего лица, на обычные деньги может понадобиться объяснение для контролирующих органов об источнике происхождения средств, так как транзакция выглядит как перевод от постороннего лица. В сфере обо-

рота криптовалют родственные связи не имеют значения, все третьи лица считаются посторонними.

Также Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2022 г. № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты» (далее — Указ № 48) устанавливает правила ведения реестра неблагонадежных криптовалютных кошельков. Информация из этого реестра имеет закрытый характер, а ее передача третьим лицам запрещена. Согласно п. 3 Указа № 48 владельцем и оператором данного реестра является государственное учреждение «Администрация Парка высоких технологий», а пользователями реестра выступают:

- Генеральная прокуратура, Комитет государственной безопасности, Комитет государственного контроля, Министерство внутренних дел, Национальный банк, Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь, Служба безопасности Президента Республики Беларусь, Следственный комитет;

- резиденты ПВТ, осуществляющие виды деятельности, предусмотренные в части четвертой ст. 16 Закона Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения».

Согласно п. 11 Положения о порядке ведения и применения реестра адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков, использовавшихся (используемых) для осуществления противоправной деятельности, утвержденного Указом № 48, резиденты ПВТ после 24 часов дня, в котором они получили от оператора реестра актуализированную версию реестра, отказывают в осуществлении финансовых операций с использованием адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков, внесенных в реестр. При отказе в осуществлении финансовой операции резиденты ПВТ в течение рабочего дня, следующего за днем такого отказа, информируют заинтересованный государственный орган, ранее направивший сведения об адресах для внесения в реестр, об отказе в осуществлении финансовой операции с указанием ее суммы, даты и участников. Поэтому использование криптовалют вне официальных платформ существенно повышает риски, и граждане, не преследующие преступных целей, могут случайно пострадать, совершив обмен криптовалюты с неблагонадежным кошельком.

Расчеты в криптовалюте на территории Республики Беларусь запрещены. Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее — ГК РБ), Закон Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. № 226-З «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее — Закон № 226-З), акты Национального банка Республики Беларусь, Декрет № 8 не упоминают криптовалюты

в качестве средства платежа. В отдельных случаях разрешается использование иностранной валюты (часть первая п. 1 ст. 141 ГК). Официальным платежным средством на территории Республики Беларусь является белорусский рубль.

При этом белорусское законодательство не ограничивает физических лиц в операциях с криптовалютой за границей. Криптовалюты можно использовать в качестве средства платежа за пределами страны, если такое использование будет разрешено в стране пребывания. Если физическое лицо использует криптовалюту для расчетов или обмена в другой стране через Интернет онлайн, то необходимо помнить, что при необходимости данное лицо вынуждено будет подтвердить официальные источники происхождения приобретенной криптовалюты для контролирующих органов, а также необходимо помнить, что все происходящее в сети Интернет невозможно с полной уверенностью отнести к конкретной юрисдикции, поскольку в виртуальном мире часто используются системы (например, VPN), которые затрудняют определение официального месторасположения абонента, невозможность соотнесения происходящего с конкретным государством, законодательной системой. Подобный порядок вещей предоставляет неограниченную свободу, в том числе финансовую, избавляет от многих ограничений, а с другой стороны, лишает правовой защиты. При этом на территории СНГ действуют такие документы, как Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, заключенное в Душанбе 28 сентября 2018 г. [4]. Однако международных документов, которые касаются непосредственно оборота криптовалют, до настоящего времени нет.

Необходимо отметить, что в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 28 марта 2023 г. № 80 «Об отдельных вопросах налогообложения» криптовалютные операции до 1 января 2025 г. не признаются объектами налогообложения.

Несмотря на множественность нормативных правовых актов в сфере обращения криптовалют в Республике Беларусь, правовое регулирование данной сферы остается поверхностным.

Для регулирования оборота криптовалют как на внутреннем рынке Республики Беларусь, так и на внешнем, недостаточно понятийного аппарата, предусмотренного в приложении 1 к Декрету № 8.

Так, определение термина «размещение цифровых знаков (токенов)», которое предполагает совершение гражданско-правовых сделок либо иных юридически значимых действий, направленных на передачу цифровых знаков (токенов) их первым владельцам на условиях, определенных лицом, создавшим через резидента ПВТ такие цифровые знаки (токены), в том числе в целях привлечения от первых владельцев белорусских рублей, иностранной валюты, электронных денег, цифро-

вых знаков (токенов) другого вида, не охватывает в полной мере все сделки, совершаемые с криптовалютами на внутреннем и внешнем рынках цифровых знаков.

По мнению автора, стоит провести сравнительную характеристику Закона № 226-З с нормативными правовыми актами, регулирующими вопросы обращения криптовалют, и рассмотреть возможность введения в законодательство Республики Беларусь таких правовых терминов и их определений, как «криптовалютные операции» или «операции с токенами», «криптообменные операции», «криптовалютный договор», «внутренний криптовалютный рынок», «иностранный оператор криптоплатформы», «иностранный оператор обмена криптовалют».

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Множественность нормативных правовых актов в сфере регулирования криптовалют (токенов) требует сведения норм, регулирующих криптовалютные операции на внутреннем и внешнем рынках цифровых знаков в один нормативный правовой акт, имеющий силу закона.

2. Необходимо детально урегулировать вопросы использования криптовалюты физическими лицами за пределами Республики Беларусь, а также на внутреннем рынке цифровых знаков.

3. Следует провести сравнительный анализ законодательства о валютном регулировании и валютном контроле с законодательством об обращении криптовалют (токенов) в Республике Беларусь в целях выработки системного правового регулирования обращения криптовалюты на внешнем и внутреннем рынке цифровых знаков.

4. Целесообразно рассмотреть возможность введения в законодательство об обращении криптовалюты на рынке цифровых знаков новых понятий и их определений, что позволит более широко охватить сделки, совершаемые с криптовалютой (токенами) на внешнем и внутреннем рынках цифровых знаков и юридически защитить участников крипторынка цифровых знаков.

Список цитированных источников:

1. Чукреев, В. А. Противодействие легализации цифровых валют с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / В. А. Чукреев, Н. В. Семенов // Законность. — 2021. — № 10. — С. 33–36.

2. Федорова, И. А. Киберпреступность в сфере финансовых технологий / И. А. Федорова, А. И. Яговкина // Безопасность бизнеса. — 2023. — № 1. — С. 78–82.

3. Ахраменка, Н. Ф. Преступления против информационной безопасности: краткий реестр проблем / Н. Ф. Ахраменка // Право и демократия : сб. науч. тр. / Бел. гос. ун-т. — Минск, 2007. — Вып. 18. — С. 239–248.

4. Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий [Электронный ресурс] : заключено в г. Душанбе 28.09.2018 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

Аннотация. Рассматриваются вопросы правового регулирования рынка цифровых знаков в Республике Беларусь, ключевые понятия и определения рынка криптовалют, вносятся предложения по совершенствованию законодательства в сфере обращения криптовалют, уточнению правовых терминов и их определений.

***LEGAL STATUS OF CRYPTOCURRENCIES
AND FEATURES OF THEIR CIRCULATION
IN THE REPUBLIC OF BELARUS***

Hultsiaeva N.N.

Keywords: cryptocurrencies, tokens, cryptocurrency market, digital signs, cryptocurrency transactions.

Abstract. The article discusses issues of legal regulation of the market for digital signs in the Republic of Belarus, examines key concepts and definitions of the cryptocurrency market, and makes proposals to improve legislation in the field of circulation of cryptocurrencies, clarify terms and their definitions.

ЗАКОННОСТЬ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ломакина И. Б.

Ключевые слова: законность, режим законности, право, конституирующий принцип.

Введение

Проблема понимания законности — одна из важнейших в юриспруденции. Законность обеспечивает самосохранение общества, государства, поэтому ее теоретическое осмысление актуально с практической точки зрения. В то же время современная юридическая наука, несмотря на устоявшийся инструментарий, не выработала универсальных смыслов (коннотаций) основных понятий. По-прежнему смысл тех или иных юридических концептов зависит от исходных методологических посылок, которых придерживается автор. Это, в свою очередь, актуализирует проблематику понимания законности в различных политико-правовых дискурсах.

Существует большое количество работ по проблемам законности, однако вопрос о содержании данного понятия до сих пор остается дискуссионным, в основном между сторонниками позитивизма и юснатурализма. Противоречия между ними в сфере понимания законности вполне успешно, как нам представляется, разрешаются при использовании постклассической методологии. Поэтому появление одноименного подхода можно считать новой вехой в осмыслении рассматриваемого феномена, так как он предлагает разрабатывать модель воплощения закона в реальность, начиная от фиксации общественной потребности в нем и до практической реализации в правоприменении, что предполагает возможность корректировки содержания, исходя из изменений в указанной потребности.

Подобный способ создания правовой нормы является наиболее эффективным способом гарантии соблюдения режима законности, который не может поддерживаться исключительно мерами репрессивного характера [1]. И все же в условиях продолжающейся дискуссии реальную значимость сохраняет практическая деятельность субъектов права, прямо направленная на обеспечение законности. И ведущая роль среди них, исходя из уровня полномочий, значимости нормативных предписаний, организационных возможностей, продолжает принадлежать органам государственной власти [1]. В материале статьи законность рассматривается

в механизме правового регулирования с точки зрения постклассической методологии. Мы полагаем, что при таком подходе основной акцент должен делаться на том, что законность как фундаментальная скрепа правовой жизни всегда имеет контекстуальный характер, несмотря на то что некоторые ученые приписывают ей универсальный характер. Содержание законности зависит от материальных условий жизни и менталитета народа. В законности отражается правопорядок, который, в свою очередь, выступает ее индикатором. Законность в ряде культур может являться метанарративом и, как и правопорядок, базируются на конституирующих ценностях.

Институционализация конституирующих ценностей предполагает их закрепление в принципах, которые, в свою очередь, доктринально и юридически оформляются в долженствования правовой культуры и выводят нас на более высокий уровень теоретического осмысления правовой действительности — правовую традицию.

Таким образом, законность — это нарратив правовой жизни, который в совокупности с другими конституирующими ценностями генерализируется в основу развития государственно-организованного общества.

Основная часть

Рассмотрим аспекты существования законности. Так, например, социальный аспект понимания законности в широком смысле предполагает социальную обусловленность данного феномена, поэтому общество всегда является его контекстом. Законность конструируется народом (статусными группами), обществом, наделяется смыслом и легитимируется. Более того, специфика каждого народа задает основные характеристики правовой реальности, обозначает взаимную ответственность членов общества (статусных групп) и государства.

Законность в данном ключе формирует «замиренную» (термин М. М. Ковалевского) среду, в которой безопасность и устойчивое развитие обеспечиваются совместными действиями всех участвующих в правовом общении субъектов. Представленный разворот проблемы не предполагает рассмотрение законности только через призму органов государственной власти. Главными акторами законности выступают сами субъекты права, носители соответствующих статусов, и не только государственные служащие. Хотя за ними, возможно, и остается приоритет.

Политический аспект понимания законности подразумевает необходимость принятия и выполнения таких решений, которые способствуют исполнению предписаний правовых норм большинством населения.

Психологический аспект законности выявляет мотивы понимания и осознания необходимости исполнения, соблюдения, использования и применения правовых долженствований, а также переживаний императивно-атрибутивных эмоций (по Л. И. Петражицкому) по по-

воду их претворения в жизнь. Психологический аспект можно усмотреть и в чувстве долга и ответственности. При этом долг имеет как условное, так и обязательное значение. В последнем случае он, как правило, закреплён в норме права в виде юридической обязанности, что способствует формированию системы требований, предъявляемых обществом к поведению своих граждан в интересах их же собственного благополучия.

Другое психологическое основание законности имеет при ощущении субъектами правового общения чувства справедливости. Такая оценка, как полагают некоторые ученые, «ведет к доминированию в законности двух начал: обязательности (справедливости) и желательности (полезности). Это относится и к деятельности субъектов, и к последствиям применения норм права правоприменителем» [2, с. 453]. Таким образом, с психологических позиций законность представляет собой субъективные переживания субъектами права долга, ответственности, справедливости и полезности.

Исторический аспект законности показывает ретроспективу, в которой законность сформировалась как конструкт в контексте существовавших материальных условий жизни и менталитета народа, породившего ее.

Юридический аспект законности усматривается в правотворческой и правоприменительной деятельности не только органов государственной власти, хотя они, безусловно, имеют приоритет в данном направлении, но и общества в целом, поскольку в конечном итоге законность призвана обеспечить порядок, в котором каждый человек находит «свое место под солнцем».

Таким образом, законность как социальный феномен в широком смысле выступает результатом взаимодействия различных факторов, которые и определяют ее природу, социальное значение и характер. Поэтому теоретическая концепция законности должна быть некоторым эмпирическим обобщением правового опыта отдельного этноса, народа, нации, а не быть идеологическим трафаретом, под который подводится вся правовая действительность народов, попавших под либеральную аккультурацию. Это, в свою очередь, подчеркивает необходимость изучения законности с новых методологических позиций, поскольку они высвечивают междисциплинарный характер, многозначность и многомерность правовой жизни и главное — актуализируют человека в мире права как творца, а не только как творение системы.

Значит, отказывая классическому позитивизму и юснатурализму в эвристическом потенциале, мы полагаем, что постклассический антрополого-правовой подход может быть достойной альтернативой им в понимании правовых феноменов [3]. Новое видение правовых феноменов иначе

показывает законность, а именно как процесс, а не как данность суверена (государства).

Законность конструируется народом (статусными группами) в соответствии с материальными условиями жизни и менталитетом, о чем говорилось выше. Она предполагает процесс конструирования нормативно-правовой системы и ее реализацию в практиках людей — носителей статуса субъектов права. Поэтому законность следует рассматривать и как принцип, и как режим, в котором воспроизводятся ценности культуры, а их позитивация и доктринальное закрепление генерализируются в магистральную линию развития общества.

Стоит иметь в виду, что «ценности в силу их абстрактности становятся регулятивной силой, мотивирующей людей к соответствующей деятельности, только если они конкретизируются в социальные институты и нормы. Последние же входят в социальный порядок (и правопорядок), преломляясь в ментальные и поведенческие практики. При этом следует иметь в виду, что ценности в силу их абстрактности и неоднозначности могут быть истолкованы разными способами, поэтому практики не вытекают из ценностей (и норм) автоматически» [4, с. 150–151].

Как видим, новое прочтение законности через ее контекстуальность, темпоральность, ценностную и деятельностную составляющие выглядит более адекватно по сравнению с тем устоявшимся в науке представлением, что «законность» — это всегда неуклонное соблюдение закона. Не претендуя на истинность мы полагаем, что законность содержит в себе диалектическое сочетание: с одной стороны, следование закону, с другой допускается некий люфт для отрицания старых отживших норм в повседневных поведенческих практиках всех тех, кто создает и применяет право. Это, в свою очередь, дает основание для приемлемого механизма адаптации к той системе, в которой человек реально живет, реализует свои социальные статусы, в том числе в сфере права.

Законность как правовая категория всегда контекстуальна и не универсальна, т. е. она релятивна [5, с. 37, 38], что вытекает из самобытности правовых культур. Все культуры в процессе своего развития формировали разные нарративы [6, с. 25], в которых закон и законность интерпретировались по-своему. Так, например, для догосударственных (общинных) культур закон — это правда рода (коллектива), для религиозных культур — веление Бога, в монархической политико-правовой традиции — приказ суверена, а в республиканской — воля народа.

Англо-саксонская правовая традиция в законности усматривает принцип верховенства права, в котором идея справедливости через прецедентную природу долженствований обретает доктринальное закрепление. Такое положение сформировало особое отношение судей к закону, который

можно «сломать б колено» (жаргон английских судей), если он не соответствует реальному положению дел в монархии.

Континентальная традиция иначе мыслит законность, допуская существование различных форм права в правовой жизни, но все же возвела в абсолют именно закон. Последний воплощал волю народа, большинства. «Закон суров, но это — закон!» (лат. *dura lex, sed lex*) — принцип, на тысячелетия предопределивший его непререкаемое положение в общественной жизни. «Законность как принцип правовой жизни прошла длительный путь в своем развитии, но в качестве современной доминанты правовой жизни сформировалась только в XVII–XVIII вв.» — полагает Н. П. Герасимова [7, с. 77]. И причины этого понятны, так как развитие капитализма требовало единообразия применения закона. Принцип формального равенства должен был сформировать конкурентную среду, а формальная определенность — закрепить четкие правила игры, не предполагающие широкого плюрализма в применении закона. Таким образом, в процессе развития права закон и законность в континентальной традиции права обрели в общественном сознании форму нарратива, мало чем отличающегося от религиозной максимы. Буржуазные революции только упростили веру в право.

По этому поводу Г. Дж. Берман в работе «Западная традиция права» отмечал, что последнее воспринималось широкими народными массами как способ преобразования мира. В ряде случаев оно превращалось даже в светскую религию [8, с. 125]. Отсюда вытекал идеал правового государства, идеального мироустройства, основанного на праве. Правовой романтизм, базировался на вере в сверхвозможности права. Новый мир, построенный на праве, якобы был более справедлив и более гуманен. Гуманистическая идеология закрепила за законностью универсализм, наделив ее принципом всеобщности. Таким образом, очевидно, что законность как принцип, конституирующий правопорядок, фактически превращается в правовую аксиому, которая находила свое закрепление в идеологии.

Какое же значение имеет правовая аксиома в правовой жизни и как она реализуется на практике? Нам представляется, что ее проявление на практике требует конкретизации, а для этого необходимо рассматривать законность уже не столько как принцип, а как режим. Представляется, что режим законности, во-первых, должен формировать предсказуемую, устойчивую среду, а во-вторых, обеспечивать безопасность всем членам правового общения, наделяя их правами и обязанностями в той мере, в которой предполагают правовая культура и правовая традиция. Также мы полагаем, что режим законности открывает горизонт для действий участников общественных отношений, который, конечно, не безграничен, ведь право и закон — это всегда границы, в которых осуществляется правовая коммуникация. И, конечно, режим законности предполагает превентивные меры воздействия на

возможные правонарушения и эффективное реагирование на имеющиеся факты нарушения закона.

Рассматривая законность и как принцип, и как режим, в котором реализуется правопорядок, стоит актуализировать значение ценностей. Проблема понимания законности с точки зрения ее наполняемости конституирующими ценностями выводит нас на признание правового плюрализма и на идею многополярного мира, в котором каждый народ имеет свою судьбу и свое право на существование.

Заключение

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что законность — это сложный многогранный феномен общественной жизни, несводимый только к закону и его неукоснительному соблюдению. Постклассический подход рассматривает законность всегда контекстуально. Содержание законности зависит от правовой традиции, ценностей, лежащих в ее основе. Законность выступает фундаментальной скрепой правовой жизни. Ее можно рассматривать и как конституирующий принцип, и как режим, в котором реализуется правопорядок.

Законность можно рассматривать и в более узком значении, однако оно характерно для позитивистских конструкций, видящих в законности лишь способ, средство, с помощью которого осуществляется надзор за реализацией текущего законодательства. Поэтому постклассический подход предлагает разрабатывать теорию законности как модель воплощения закона в реальность, начиная от фиксации общественной потребности в нем и до практической реализации в правоприменении, что предполагает возможность корректировки содержания, исходя из изменений в указанной потребности. Представленное видение законности в условиях продолжающейся дискуссии актуализирует необходимость смещения акцентов с догматики права на его реальное изучение в практиках субъектов — носителей правового статуса. Вместе с тем мы признаем, что в осуществлении правопорядка ведущая роль принадлежит субъектам права, наделенным властными полномочиями, исходя из их организационных возможностей. Поэтому законность необходимо рассматривать как режим, в котором реализуется правопорядок.

Список цитированных источников

1. Ломакина, И. Б. Некоторые противоречия в теоретических подходах к пониманию законности / И. Б. Ломакина, Г. Н. Глуздак // Вестн. Рос. правовой Академии. — 2023. — № 1. — С. 84–94.
2. Вопленко, Н. Н. Очерки общей теории права / Н. Н. Вопленко : М-во образования и науки Рос. Федерации, гос. образоват. учреждение высш. проф.

образования «Волгоградский гос. ун-т». — Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2009. — 896 с.

3. Ломакина, И. Б. Законность как юридическая данность или социальный конструкт / И. Б. Ломакина // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та МВД России. — 2023. — № 3 (99). — С. 48–54.

4. Bekker, H. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance / H. Bekker. — New York : Free Press, 1991. — 224 p.

5. Ломакина, И. Б. Понимание первичных источников права: антрополого-правовой подход / И. Б. Ломакина // Криминалист. — 2020. — № 4 (33). — С. 37–43.

6. Ломакина, И. Б. Нарративная природа и направления правовой идеологии / И. Б. Ломакина // Закон. Право. Государство. — 2021. — № 2 (30). — С. 25–31.

7. Герасимова, Н. П. Правовой закон — основа правовой законности / Н. П. Герасимова // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Серия: Право. — 2018. — Т. 18, № 2. — С. 77–82.

8. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. — М. : Изд-во МГУ, 1998. — 623 с.

Аннотация. Поднимается проблема понимания законности, не сводимой только к четкому и неукоснительному следованию закону. Законность мыслится как конструкт, а не данность суверена (государства), поэтому с точки зрения нового методологического подхода предлагается данный феномен общественной жизни рассматривать комплексно: как конституирующий принцип, как режим, как способ, средство осуществления надзора за исполнением законодательства в широком смысле. Предлагается разработка теории законности, в которой предполагается конструирование модели воплощения закона в реальность, начиная от фиксации общественной потребности в нем и до практической реализации в правоприменении, что, в свою очередь, предполагает возможность корректировки содержания закона, исходя из изменений материальных условий жизни и менталитета народа. Подобный способ создания правовой нормы является наиболее эффективным приемом гарантии соблюдения режима законности, который не может поддерживаться исключительно мерами репрессивного характера. Отмечается реальная значимость практической деятельности субъектов права, так как от нее зависит обеспечение законности.

LEGALITY IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

Lomakina I.B.

Keywords: legality, legal regulation, the rule of law, law, the mechanism of the state.

Abstract. In this article, the author poses the problem of understanding legality, which is not limited only to clear and strict adherence to the law. Legality is thought of as a construct, not a given of the sovereign (state). Therefore, from the point of view of a new methodological approach, it is proposed to consider this phenomenon of public life comprehensively as a constitutive principle, as a regime, and as a way, a means of overseeing the implementation of legislation in a broad sense. Therefore, the author proposes the development of a theory of legality, which assumes the construction of a model for the implementation of the law into reality, starting from fixing the public need for it and up to practical implementation in law enforcement. This, in turn, implies the possibility of adjusting the content of the law based on changes in the material conditions of life and the mentality of the people. Such a method of creating a legal norm is the most effective way to guarantee compliance with the rule of law.

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Моисеева И. А.

Ключевые слова: кибербуллинг, клевета, оскорбление, глобальная компьютерная сеть Интернет, честь, достоинство, деловая репутация, потерпевший, ответственность.

Введение

Современные информационные технологии существенно меняют не только организацию функционирования экономики, но и образ жизни, мышление людей, механизмы взаимодействия общественных институтов и институтов государственной власти. Они становятся эффективным фактором общественного развития. Деятельность по обеспечению информационной безопасности призвана защитить законные интересы граждан, общества и государства в информационной сфере.

Распространение информационных технологий способствует возникновению новых угроз конституционным правам и свободам граждан и безопасности государства в целом. Они могут быть использованы для воздействия на психику человека, информационную сферу общества и государства, что может привести, прежде всего, к утрате информационного суверенитета личности. Сказанное предопределяет актуальность проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации в глобальной компьютерной сети Интернет.

Автор исследует общественные отношения в сфере обеспечения информационной безопасности личности, ее прав и свобод, их отражение и регулирование в законодательстве Республики Беларусь и в правоприменительной практике (кейс-анализ рассмотренных судом дел).

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что полученные по его результатам положения и выводы могут быть использованы в целях развития и дополнения отдельных норм конституционного, административного и уголовного права, способствовать осмыслению предмета правового регулирования в сфере информационной безопасности на современном этапе, определению места права и законодательства в сфере информационной безопасности в общей системе права и законодательства Республики Беларусь, а также роли юридической науки в этом.

Основная часть

Среди различных социальных сетей концепция открытости и доступности информации для всех пользователей становится еще более реали-

стичной. Социальные сети позволяют получать самые свежие новости, общаться с различными интересными людьми независимо от их местоположения, способствуют изменению взаимодействия между людьми и т. д.

Социальная сеть — это виртуальная среда, в которой человек устанавливает, расширяет и углубляет социальные связи, формируя специфическую структуру отношений, социализирует, самостоятельно реализует, генерирует и потребляет любую интересующую информацию через различные каналы связи в определенных формах.

Социальные сети способствуют формированию новой культуры, т. е. культуры виртуальной реальности и в определенном смысле влияют на социализацию личности.

Однако благодаря общей компьютеризации был значительно упрощен доступ к личной информации того или иного лица через интернет, что поставило под угрозу его безопасность. Наряду с проблемами авторского права и детской порнографии, общество стали беспокоить такие проблемы, как вирусное видео, информационная война, внушение взглядов и изменение мировоззрения.

Широкое проникновение интернета в повседневную жизнь порождает новые типы проблем, например, преследование и оскорбление человека в социальных сетях и на других платформах, интернет-мошенничество, киберпреступления, взлом аккаунтов и рост киберзапугивания. Говоря о последнем, тенденция развития интернет-преследований (кибербуллинга) становится все более популярной. Кибербуллинг — это издевательства с использованием цифровых технологий. Это может происходить в социальных сетях, мессенджерах, игровых платформах, приложениях и мобильных телефонах.

Для кибербуллинга используются следующие платформы и возможности: мобильная связь (короткие сообщения), мобильные приложения и мессенджеры, чаты и форумы в интернете, электронная почта (расылка), социальные сети, услуги видеохостинга, игровые сайты и виртуальные игровые миры.

Структурный анализ кибербуллинга является эффективным методом исследования, поскольку способствует пониманию мотивации действий виновного лица, не всегда очевидных на первый взгляд, и выработке эффективной системы мер противодействия. В данном контексте представляется убедительным, что «право должно выполнять превентивную функцию. Оно должно быть направлено на управление рисками и их снижение: его цель — предотвратить преступление или, по крайней мере, смягчить ущерб, причиненный преступлением» [1, с. 66].

Выделяют следующие виды кибербуллинга:

1) оскорбления — агрессор публикует нелицеприятные комментарии;

2) домогательство — целенаправленная сексуальная кибератака со стороны неизвестных лиц или людей из ближайшего реального социального окружения;

3) распространение нелегитимной ложной информации, порочащей другое лицо, путем размещения фотографий или видео на интернет-страницах, форумах, в новостных группах, по электронной почте;

4) олицетворение, т. е. выдавание себя за другое лицо;

5) публичное раскрытие личной информации;

6) распространение личной информации, например фотографий, финансовых положений, рода деятельности;

7) преследование или открытая угроза физического насилия.

Жертвой кибербуллинга может стать как подросток, так и взрослый человек. Однако первые являются наиболее уязвимой группой в силу своего возраста. Чаще всего это несовершеннолетние, которые заменяют непосредственное общение со сверстниками общением в глобальной компьютерной сети Интернет. В последнее десятилетие интернет-сайты социальных сетей стали чрезвычайно популярными во всем мире и число их пользователей растет экспоненциально. С учетной записью социальной сети пользователи могут размещать массив личной информации и связывать свой профиль с профилем других пользователей, формируя виртуальные сообщества.

Рост числа и масштабов нарушений частной информации абонентами сайтов социальных сетей заставил исследователей сосредоточиться на использовании мер конфиденциальности и безопасности среди пользователей социальных сетей. Предыдущие исследования показывают, что пользователи, которые занимались рискованным онлайн-поведением, например, добавляя незнакомцев в качестве друзей, с большей вероятностью становились жертвами онлайн.

В. М. Харзинова и Г. Г. Небратенко выделяют следующие условия, при наличии которых информацию следует считать клеветой [2, с. 146]:

1) установлено распространение заведомо ложных сведений;

2) сведения обязательно должны быть заведомо ложными, а лицо, распространяющее их, заведомо знает, что они ложные. Однако если лицо добросовестно заблуждается при распространении ложных сведений, думает, что эти сведения правдивы, такое распространение не считается клеветой. Например, если кто-то увидел в интернете видеоролик и поверил, что это правда, а затем публично прокомментировал его, это не является клеветой. Но если ложь комментируется и распространяется сознательно, это клевета;

3) информация должна быть порочащей. Порочащими считаются только сведения, наносящие ущерб чести и достоинству лица, подрывающие его репутацию. Например, клеветническими являются обвинения в нечестно-

сти, проступках, нарушении деловой этики, правил поведения в личной, общественной, политической жизни;

4) наличие прямого умысла. Это означает, что лицо заранее знало, что распространяет ложные сведения и наносит ущерб чести, достоинству и репутации другого лица, но все равно опубликовало или разгласило информацию.

А.А. Безуглая и С.Н. Безуглый выделяют следующие требования к распространяемой информации, необходимые для квалификации ее как порочащей честь и достоинство: 1) носит негативный характер; 2) представлена в форме утверждения о факте (проверяема на соответствие действительности), а не мнения; 3) позволяет идентифицировать конкретное лицо (например, размещена под фотографией лица); 4) является заведомо ложной (лицо, распространяющее ее, достоверно знает о ее ложности). Кроме того, по мнению данных авторов, «ссылки на известность информации от третьих лиц или на анонимные источники снимают ответственность с распространителя информации» [3, с. 90].

В связи с этим возникает вопрос о субъекте совершения преступления. К лицам, ответственным за распространение ложных, позорящих другое лицо сведений в информации, распространяемой в глобальной компьютерной сети Интернет, можно отнести лиц, опубликовавших клеветнические сведения, сфабриковав факты, а также лиц, переславших ложную информацию другим лицам.

Как отмечает А.В. Чигилейчик, имеет значение форма выражения распространяемых сведений: «была ли она категоричной, излагалась в виде актов либо оценочных суждений, основанных на предположении» [4]. Могут ли считаться оскорбительными оценочные суждения, сформулированные в виде вопросительных предложений? Ведь в некотором смысле «использование вопросительных предложений позволяет автору передать негативную информацию с определенной степенью безопасности для себя. Вредоносность оценочных суждений в отдельных случаях может быть очевидной, им может быть присущ потенциально деструктивный характер» [4]. Действительно, распространение информации осуществляется посредством утвердительных высказываний (повествовательных и побудительных). Однако в одной сложной синтаксической конструкции может быть несколько высказываний. Приведем пример: «Можно ли доверять Т. — лицемеру, вору и мошеннику?». На логическом уровне можно выделить два высказывания: вопросительное («Можно ли доверить Т.?») и повествовательное («Т. — лицемер, вор и мошенник»). Второе, по мнению А.А. Лавицкого, будет соответствовать фактологическому параметру, так как является утвердительным речевым актом, сообщающим факты [5, с. 58].

М.С. Тарская и В.В. Радченко считают, что если распространенные сведения носят оценочный характер и не содержат фактических сведений,

соответствие которых может быть проверено, и представляют собой субъективное мнение лица, его суждение о личности потерпевшего и его деятельности, в силу чего данные высказывания не могут быть ни объективно подтверждены, ни опровергнуты, то эти сведения не являются клеветническими [6, с. 419].

Таким образом, клеветнический текст должен содержать публично распространяемую информацию, негативно характеризующую кого-либо. Содержание текста должно адресно негативно представлять потерпевшего (морально-нравственные, этические характеристики, оценка профессионально-трудовой деятельности, сведения о противоправном или аморальном поведении потерпевшего).

А. А. Лавицкий выделяет следующие формы распространения информации в правовом поле: «сведения» и «мнение». И если «сведения» являются объектом правового контроля, то «мнение» не подлежит оценке, исходя из конституционного принципа свободы мнения [5, с. 58]. Добавим, что свобода мнения может быть ограничена в том случае, если она не касается информации, посягающей на нормы общественной безопасности и общественной нравственности. Кроме того, содержание этих спорных сведений может носить оскорбительный характер и быть квалифицировано как оскорбление.

Распространение же достоверных сведений, но порочащих другое лицо (например, о наличии у потерпевшего заболевания или судимости), не образуют ни состава оскорбления, ни состава клеветы, однако не исключается административная (ч. 3 ст. 23.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях или уголовная ответственность (ч. 2 или 3 ст. 203 (1) Уголовного Кодекса (далее — УК РБ)) за распространение информации о частной жизни и персональных данных.

Возбуждение уголовного или административного дела в отношении ответчика за клевету или оскорбление возможно только по заявлению потерпевшего. Исключение составляют клевета и оскорбление Президента Республики Беларусь (ст. 367 и 368 УК РБ) и оскорбление представителя власти (ст. 369 УК РБ). Если же речь идет о клевете в отношении государственного служащего, то в соответствии с п. 1.11 ст. 24 Закона Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе» государственный служащий имеет право потребовать проведения служебного расследования для опровержения любой информации, которая наносит ущерб его чести и достоинству [7]. В соответствии с п. 6 «Общих требований служебной этики государственных гражданских служащих» (приложение к Закону Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З) при исполнении своих обязанностей государственные служащие должны способствовать укреплению политической и экономической стабильности в стране, единству белорусского народа; своими действиями укреплять авторитет государственной службы и предотвращать действия, способные ее дискредитировать; поддерживать и укреплять

доверие и уважение граждан и общества к органам государственной власти, в том числе государственной службе [8].

Более того, прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о возбуждении гражданского, административного или уголовного дела о защите чести, достоинства и деловой репутации, если это необходимо для защиты прав и охраняемых законом интересов Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц, а также юридических лиц и граждан, несмотря на наличие или отсутствие их желания. Следовательно, привлечение лица к ответственности за клевету и оскорбление в отношении представителя власти наступает вне зависимости от желания потерпевшего ввиду защиты государственных интересов.

Выбор способа защиты чести, достоинства и деловой репутации принадлежит гражданину. Рассмотрение судом уголовного или административного дела в отношении ответчика за клевету или оскорбление не является препятствием для возбуждения против потерпевшего гражданского дела о защите чести, достоинства или деловой репутации [9].

Приведем пример из судебной практики о рассмотрении гражданского дела о распространении сведений, не соответствующих действительности, посредством глобальной компьютерной сети Интернет. Пример объемный, но фабула его интересна с правовой точки зрения.

В заявлении суду и в суде Л. указал, что М. посредством сайта, размещенного в глобальной компьютерной сети Интернет, распространила в отношении его (Л.) сведения, которые не соответствуют действительности и порочат его честь и достоинство. Л. просит признать эти сведения не соответствующими действительности и обязать ответчика в срок не позднее 14 календарных дней со дня вступления решения в законную силу разместить на интернет-сайте <https://В. их опровержение>.

*Решением суда постановлено признать не соответствующими действительности и порочащими честь и достоинство Л. сведения, распространенные М., изложенные в статье «Издевался, сломал нос, угрожал убить. У жертвы домашнего насилия М. могут отобрать ребенка» от **.*.*.**** на интернет-сайте Б. следующего содержания: «Когда забеременела, он сказал делать аборт, но я отказалась, так как хотела ребенка. Во время беременности у него начались взрывы агрессии»; «Муж намеренно провоцировал конфликтные ситуации»; «Мы с сыном уже были в дверях, он забрал сына, развернул меня к себе и ударил кулаком в лицо»; «Ругался, что я испачкала дом кровью, поэтому до приезда скорой мне пришлось ползать на коленях и ее смывать. Но ему не хватило этого, он бежал за мной и хотел еще ударить. Не раз случалось, что он кричит на меня, а я должна была извиниться перед ним, что испортила ему настроение»; «Ему не нужен сын, но он хочет его забрать, чтобы уничтожить меня морально».*

Суд обязал М. не позднее одного месяца со дня вступления решения суда в законную силу разместить в районной газете Ж. опровержение.

В апелляционной жалобе М. указывает о несогласии с решением суда, просит его отменить, принять новое решение и в удовлетворении исковых требований Л. отказать. Ссылается на то, что она ****.*.*.*.*** встречалась с корреспондентами интернет-сайта и рассказывала о различных фактах своей семейной жизни с Л., однако автором статьи не являлась. Отмечает, что корреспондентами опрашивалась ее родная сестра Т. и соседи. Изложенные в статье цитаты — это результат воспроизведения редакцией полученной информации, они не свидетельствуют о буквальном воспроизведении этих фраз именно ею.

Изучив материалы дела, судебная коллегия считает, что, разрешая спор, суд правильно руководствовался ст. 153 Гражданского Кодекса Республики Беларусь, постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации» от 23 декабря 1999 г. № 15 и установил наличие правовых оснований для удовлетворения иска Л. о защите чести и достоинства. В соответствии с постановлением Пленума № 15 ответственность за распространение таких сведений наступает независимо от вины лица, их распространившего.

Судом установлено, что Л. и М. состояли в зарегистрированном браке, который расторгнут решением суда. От брака у сторон имеется сын. На протяжении нескольких лет между сторонами сложились неприязненные отношения, обусловленные судебными спорами, касающимися раздела имущества, воспитания общего ребенка, возмещения морального вреда. Стороны неоднократно подвергались административным взысканиям за совершение правонарушений на почве семейных разногласий.

****.*.*.*.*** на интернет-сайте Б. в разделе «Новости» была опубликована статья, в которой содержатся сведения, изложенные М. в отношении бывшего супруга Л. с приложением фотографий и документов. Автор вышеназванной статьи не обозначен.

Факт общения с корреспондентом интернет-сайта Б. по поводу взаимоотношений с бывшим супругом с последующей публикацией своего интервью М. не отрицала. Ответчица пояснила, что указывала корреспонденту различные факты своей семейной жизни с истцом, подтверждая их фотографиями и документами. Также судом верно отмечено в решении, что М. ознакомилась со статьей, несогласия с ее содержанием не выражала, с опровержением опубликованной от ее имени информации в редакцию интернет-сайта не обращалась.

Судом верно отвергнуты как ничем не подтвержденные доводы М. о том, что в статье были опубликованы пояснения ее сестры Т. и соседей. Из текста статьи усматривается, что в ней приведена прямая речь ответчицы от первого лица. По тем же основаниям судебная коллегия признает несостоятельными доводы апелляционной жалобы М. о том, что она не произносила

фразы, опубликованные в статье. Доказательств того, что изложенную в публикации информацию указывали какие-либо иные лица, по делу не добыто. Кроме того, в суде ответчица не привела убедительных доказательств, подтверждающих достоверность указанных сведений.

Анализ гражданских дел и дел об административных правонарушениях, а также обращений в компетентные органы свидетельствует о том, что конфликтные ситуации являлись следствием противоправных действий обеих сторон.

Обстоятельства причинения М. телесных повреждений (закрытого перелома костей носа, ушиба спинки носа, ушибленной раны верхней губы) исследовались судом в ходе рассмотрения другого гражданского дела по иску М. к Л. о взыскании компенсации морального вреда. В ходе судебного разбирательства доказательств доводов истца о нанесении Л. удара рукой в область лица М. не добыто. Суд отказал М. в иске о возмещении морального вреда, не установив связи между имевшимися у ответчицы телесными повреждениями и какими-либо действиями истца. Поскольку приведенным М. доводам судом уже была дана оценка как необоснованным, повторному доказыванию эти факты по настоящему делу не подлежат.

Изложенные в апелляционной жалобе М. доводы о том, что по делу не представлена аудиозапись ее интервью корреспонденту, на законность принятого судом решения не влияют, поскольку совокупностью собранных по делу доказательств достоверно доказаны как факт распространения сведений, так и их порочащий характер.

С учетом всего вышеизложенного судебная коллегия не находит оснований для отмены решения суда по доводам апелляционной жалобы М.

Акцентируем внимание на определенных моментах из приведенного примера:

1) выбор способа защиты чести, достоинства и деловой репутации принадлежит гражданину;

2) поскольку в глобальной компьютерной сети Интернет информацию, которая не соответствует действительности, могут в кратчайшее время увидеть миллионы пользователей, то под распространением понимается ее опубликование, так как с этого момента сведения, содержащиеся в ней, становятся доступными неограниченному количеству лиц;

3) в случае, если дело рассматривается в гражданском порядке, обязанность по предоставлению доказательств, необходимых для установления истины, лежит на самих сторонах (ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь). В соответствии со ст. 13 Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь участник гражданского процесса предполагает добросовестным, пока не доказано обратное. Следовательно, порочащие человека сведения считаются не соответствующими действительности, если не установлено иное (презумпция добропорядочности);

4) если доводам, на которые ссылается сторона в суде, уже была дана оценка как необоснованным, повторному доказыванию эти факты по другому делу не подлежат.

В ч. 1 ст. 46 (1) УК РБ говорится о том, что одновременно с привлечением к уголовной ответственности применяется специальная конфискация орудия и средства совершения преступления, принадлежащих лицу, совершившему преступление. Если преступление совершено посредством использования компьютерной глобальной сети Интернет, то специальной конфискации подлежит мобильный телефон или компьютер.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Объективная и критическая оценка современной глобальной компьютерной сети Интернет позволяет охарактеризовать эту информационную систему как с положительной, так и с отрицательной стороны. Деструктивное поведение, возникающее под влиянием негативной информации, распространяемой в интернете, связано с комплексом психологических и поведенческих факторов риска и действий, разрушающих внешние и внутренние структуры личности и ее гармонию. Об этом свидетельствует значительная доля преступлений, совершаемых в интернет-пространстве.

2. В глобальной компьютерной сети Интернет угрозой личной безопасности в первую очередь несовершеннолетних, а также фактором криминогенного характера является распространение информации террористического, экстремистского, порнографического, суицидального характера, а также пропаганды рискованного поведения и потребления запрещенных веществ.

3. Учитывая, что информационная безопасность занимает одно из первых мест в системе национальной безопасности, разработка и реализация единой государственной политики в этой области требует первоочередного внимания. Информационная среда стала определяющим фактором политического, социально-экономического и культурного развития социума. Решение государственных, международных и глобальных проблем не может не учитывать ее состояния. Эти новые тенденции должны быть приняты во внимание при определении основных направлений развития законодательства в области информационной безопасности личности в глобальной компьютерной сети Интернет.

4. Для построения целостной правовой системы в области информационной безопасности необходимо выделить следующие объекты защиты в качестве основных:

- защита информации и прав на нее (в том числе право на доступ к информации);
- защита личности и общества от воздействия информации, затрагивающей честь, достоинство и деловую репутацию.

5. Содержание права на неприкосновенность частной жизни определяется путем установления пределов допустимого вмешательства в частную жизнь человека при осуществлении им своей личной свободы, которая включает, в частности, право на неприкосновенность частной жизни (включая личную тайну, семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений) и право на личную защиту (включая защиту своего имени, чести, достоинства и деловой репутации).

6. Под распространением информации понимается доведение информации до всеобщего сведения (если она становится известна хотя бы одному третьему лицу). Однако если речь идет о распространении сведений в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, то под ним следует понимать размещение информации в форме видео- или аудио- графического либо текстового файла в сети Интернет как на собственной странице пользователя, так и на страницах других пользователей вне зависимости от того, создан материал лицом, его разместившим, или другим лицом.

Возможные количественные показатели клеветы (число просмотров контента, количество пересылок контента другим интернет-пользователям) может быть учтено при индивидуализации наказания виновному и размера взыскиваемого денежного возмещения морального вреда в рамках гражданского иска в уголовном процессе.

Список цитированных источников

1. *Моисеева, И. А.* Уголовно-правовая охрана безопасности личности в условиях цифровизации общества / И. А. Моисеева // Конституционное право в условиях цифровизации: проблемы науки и образования (к 30-летию образования кафедры конституционного и международного права) : тезисы докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 27 мая 2022 г. — Минск : Академия МВД Респ. Беларусь, 2022. — С. 65–68.

2. *Харзинова, В. М.* Некоторые аспекты умышленного распространения заведомо ложной информации в средствах массовой информации и телекоммуникационных сетях / В. М. Харзинова, Г. Г. Небрятенко // Вестн. УЮИ. — 2022. — № 4. — С. 145–149.

3. *Безуглая, А. А.* Свобода слова в киберпространстве: уголовно-правовые меры борьбы с клеветой / А. А. Безуглая, С. Н. Безуглый // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2021. — № 8 (135). — С. 89–93.

4. *Чигилейчик, А. В.* Об актуальных вопросах реализации права на защиту чести, достоинства и деловой репутации [Электронный ресурс] / А. В. Чигилейчик // Электронная библиотека Академии М-ва внутрен-

них дел Респ. Беларусь. — Режим доступа: https://elib.amia.by/bitstream/docs/7253/1/teoria_i_praktika_obespechenia_konf_2021-132.pdf. — Дата доступа: 25.06.2024.

5. *Лавицкий, А. А.* Судебное лингвистическое исследование материалов, имеющих признаки распространения ложной информации (на примере методики параметрической тиангуляции) / А. А. Лавицкий // Вестн. Полочк. гос. ун-та. Сер. 4. — 2024. — № 2 (70). — С. 57–62.

6. *Тарская, М. С.* Речевая агрессия в интернет-коммуникации как форма речевого поведения / М. С. Тарская, В. В. Радченко // Филологические науки в XXI веке : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Якутск, 23–25 марта 2021 г. / отв. ред. Е. А. Антонова. — Якутск : Издат. дом СВФУ, 2021. — С. 416–420.

7. О государственной службе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 июня 2022 г., № 175-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 07.02.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

8. Общие требования служебной этики государственных гражданских служащих [Электронный ресурс] : приложение к Закону Республики Беларусь от 01.06.2022 г. № 175-З «О государственной службе» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

9. О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 23 дек. 1999 г., № 15 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.

Аннотация. Актуальность темы исследования тесно связана с обострением правовых проблем распространения в глобальной компьютерной сети Интернет материалов, содержащих порочащие, посягающие на честь, достоинство, репутацию и доброе имя граждан сведения. Исследуются общественные отношения в сфере обеспечения информационной безопасности личности, ее прав и свобод, их отражение и регулирование в законодательстве Республики Беларусь и правоприменительной практике. На основе кейс-анализа рассмотренных судом гражданских дел анализируются особенности наступления ответственности за клевету и оскорбление посредством использования глобальной компьютерной сети Интернет. Цель исследования — теоретико-правовое изучение и выявление особенностей становления и развития основ информационной безопасности в системе национальной безопасности страны как системы правовой охраны и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства в глобальной компьютерной сети Интернет.

FEATURES OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION PROTECTION ON THE INTERNET

Maiseyeva I. A.

Keywords: cyberbullying, libel, insult, Internet, honor, dignity, business reputation, victim, liability.

Abstract. The relevance of the topic of the study is closely related to the aggravation of legal problems of dissemination of information in the global computer network Internet materials containing defamatory, infringing on the honour, dignity, reputation and good name of citizens. Public relations in the sphere of ensuring information security of an individual, his/her rights and freedoms, their reflection and regulation in the legislation of the Republic of Belarus and in law enforcement practice are examined. Based on the case analysis of civil cases considered by the court, the features of liability for libel and insult through the Internet are analyzed. The aim of the research is theoretical and legal study and identification of the peculiarities of formation and development of the foundations of information security in the system of national security of the country as a system of legal protection and defence of vital interests of an individual, society and the state in the global computer network Internet.

АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА, ЕГО ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ

Пантелеева Н. В.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, молодежное предпринимательство, молодежная инициатива, субъект молодежного предпринимательства, занятость, юридическое лицо.

Введение

Активность молодежи и реализация ее трудового, творческого, интеллектуального потенциала является одним из значимых направлений осуществления молодежной государственной политики и социально-экономического развития Республики Беларусь, что находит свое подтверждение в ст. 32 Конституции Республики Беларусь. Немаловажное значение в этом процессе имеет поддержка и стимулирование инициативы, проявляемой молодыми людьми, в том числе в предпринимательской сфере. Это полностью коррелирует с положениями Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», в соответствии с которой создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности является одним из основных стратегических факторов устойчивого социально-экономического развития республики.

В Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 июня 2021 г. № 349 (далее — постановление Совета Министров № 349) предусмотрено понятие, согласно которому молодежное предпринимательство — это предпринимательская деятельность, осуществляемая молодежью индивидуально или в составе учредителей коммерческой организации, в том числе стартапа.

С одной стороны, определение ограничивает понимание предпринимательства, сводит его исключительно к деятельности, не отражает всей сути предпринимательства как объективно существующего институционального явления. С другой — закрепление молодежного предпринимательства на законодательном уровне свидетельствует о его значимости для государства, обусловленной необходимостью формирования и развития конкурентной среды, создания и внедрения новых производственных и управленческих технологий, развития деятельности, направленной на создание инноваций,

повышения уровня удовлетворения потребительского спроса в целом, а для многих молодых людей — старт становления их профессиональной карьеры, где молодежная, а равно и предпринимательская инициатива представляет собой эффективный ресурс для дальнейшего развития. Это находит подтверждение и в Государственной программе, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 57 «Образование и молодежная политика на 2021–2025 годы» (далее — Государственная программа на 2021–2025 гг.), в гл. 15 которой профессиональная самореализация, карьерный рост, молодежное предпринимательство определены как ключевые направления.

Так, основным критерием отнесения предпринимательства к молодежному является возраст его субъекта — это представители социально-демографической группы молодых людей, осуществляющих предпринимательство индивидуально или в составе учредителей юридического лица в возрасте до 31 года.

Однако ни Закон Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-3 «Об основах государственной молодежной политики» (в редакции от 05.10.2022), ни иные нормативные правовые акты Республики Беларусь не содержат четких критериев правового положения молодежи как субъекта предпринимательства в целом и отдельно взятого субъекта. Отсюда круг субъектов существенно обобщен одним критерием — «молодежь», которая на самом деле содержит спектр отдельно взятых участников предпринимательства, имеющих свое правовое положение, например, самозанятые лица, ремесленники, и поэтому сужен, так как сведен к предпринимательству, осуществляемому индивидуально и только юридическими лицами, исключая организации без создания юридического лица, общественные объединения и др. Также не ясна взаимосвязь субъекта молодежного предпринимательства и инициатора молодежных инициатив. На этой основе, несмотря на то, что молодежному предпринимательству посвящен ряд нормативных правовых актов, в том числе закреплено отдельное его понятие, целесообразность отнесения предпринимательства к молодежному, исходя из существующего правового регулирования, неочевидна, как и критерии выделения его в отдельную категорию.

Таким образом, в данной статье будут исследованы:

- 1) понятие и условия формирования молодежного предпринимательства;
- 2) критерии молодежного предпринимательства как предмета правового регулирования в рамках государственной молодежной политики и воздействие на его становление и объективное существование в системе правоотношений социально-демографической группы «молодежь».

Основная часть

Молодежное предпринимательство начинается с молодежной инициативы, а значит, с начала реализации новых идей. Немаловажную роль в этом

процессе играет предприимчивость, которая через предпринимательскую инициативу и предпринимательскую деятельность ведет к предпринимательству. Однако конкретное место и роль предпринимательства в рамках реализации молодежной государственной политики не однозначны. Так, среди направлений государственной молодежной политики, перечисленных в ст. 12 Закона Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики» (далее — Закон № 65-З), указано лишь направление в содействии реализации права на труд и молодежных общественно значимых инициатив. Предпринимательство молодежи ни в контексте этого направления, ни в качестве отдельной позиции не предусмотрено. Одновременно из ст. 16 Закона № 65-З исходит, что государство реализует систему мер, направленных на содействие в профессиональной ориентации и трудоустройстве молодежи, в том числе по экономической, организационной, правовой поддержке ее предпринимательской деятельности.

Вместе с тем предпринимательство — это исторически сложившееся, обладающее автономным понятием, содержанием, признаками и иными аспектами институциональное явление, гораздо более глобальное, нежели профессиональная ориентация или осуществление труда и трудовой деятельности. Трудоустройство и обозначенная законом предпринимательская деятельность некорректно соотносить как единое целое, так как они имеют разные способы реализации различных потенциалов и функций. При реализации трудовой функции на основе трудового контракта или договора предпринимательская инициатива, как правило, полностью отсутствует так как неуместна либо проявляется, если это сопряжено с осуществлением работодателем предпринимательской деятельности, в виде сопутствующих основной трудовой функции действий по организации, управлению или развитию предпринимательской деятельности работодателя. Более того, подход к формированию правоотношений при трудоустройстве и предпринимательстве принципиально различный, как и конечная цель. Слияние предпринимательства с категорией занятости вызвано отсутствием в законодательстве четких критериев, его обозначающих, смешением субъектного состава и правовых режимов предпринимательства.

Вместе с тем предпринимательство содействует занятости посредством создания рабочих мест в процессе осуществления и развития предпринимательской активности ее субъектами. И в данном алгоритме сначала идет предпринимательская инициатива, построение концепции реализации предпринимательства и уже затем создание рабочих мест как следствие ее осуществления.

Функционируя таким образом, предпринимательство, особенно молодежное, частично перемещает процессы занятости в свою сферу, поскольку

они давно уже вышли за пределы трудового права, фактически создавая еще одну его форму занятости, понижая тем самым степень абсолютной ответственности государства.

В 2022 г. в экономике Республики Беларусь были заняты 921,8 тыс. молодых граждан. Основная доля трудящейся молодежи относится к сфере услуг (65,4 % от общего количества занятых) и промышленности (19%). Одним из самых «молодежных» подвидов экономической деятельности являются «информационные технологии», где более трети от общей численности занятых в этой сфере (37,5 %) — именно молодые люди. Постепенно формируются условия для осуществления деятельности, направленной на создание инноваций, либо результат которой может выражаться в создании инноваций, где основная роль отводится молодежи.

Таким образом, очевидна целесообразность в развитии и поддержке деятельности субъекта молодежного предпринимательства, однако четко выстроенной системы правового регулирования молодежного предпринимательства, понятия, отражающего его специфику, в законодательстве на данный момент не предусмотрено [1].

Определение молодежного предпринимательства, данное в постановлении Совета Министров № 349, не дает ответа на поставленные вопросы о предмете и правовом положении субъекта, осуществляющего молодежное предпринимательство, и о правовом режиме его деятельности. Более того, замыкание предпринимательства исключительно на деятельности существенно сужает значение молодежного предпринимательства. И здесь целесообразно обратиться к определению предпринимательства, предложенному Н.Л. Бондаренко и Ю.Г. Конаневичем: «это любое активное волевое поведение физических лиц и организаций, направленное как на достижение экономического эффекта в чистом виде (т. е. обусловленное целью систематического извлечения прибыли), так и на достижение социального эффекта, факультативно сопряженного с получением дополнительного дохода (воплощающегося в факультативный экономический эффект)» [2, с. 23]. Предпринимательство молодежи включает не только действия, но и такие элементы, как идеи, предприимчивость, инициативу, организационный подход к деятельности, непредпринимательские действия, мотив, ресурс, цель, достигаемый эффект и иное.

Основным направлением воплощения идей и предприимчивости в системе общественных отношений является создание условий для поддержания активного участия молодых граждан в реализации предпринимательской инициативы. Постановление Совета Министров № 349 одной из приоритетных задач Стратегии развития государственной молодежной политики видит содействие развитию молодежного предпринимательства, в том числе в социальной сфере. В механизме реализации данной задачи на законодательном уровне предусмотрено:

- расширение инвестиционных механизмов и возможностей получения инвестиций на ранних стадиях развития бизнес-проектов;
- расширение практики организации занятости молодежи в свободное от учебы время в сфере предпринимательства;
- обучение молодежи основам финансовой грамотности, самозанятости, социального предпринимательства, правового регулирования предпринимательской деятельности, теоретическим и практическим основам осуществления предпринимательской деятельности, механизмам использования инвестиционных возможностей, правовой грамотности. Так, на основе Государственной программы на 2021–2025 гг. в учреждениях высшего образования выстраивается инновационная инфраструктура для внедрения и экспорта собственных научно-технических разработок и создания предпринимательской среды. Для этого особое внимание уделяется решению вопросов инновационной и изобретательской деятельности, развитию у студентов компетенций и навыков, необходимых для ведения предпринимательской деятельности, реализации стартапов в бизнес-инкубаторах, командного выполнения высокотехнологичных проектов.

Например, для решения перспективных задач экономики в 11 учреждениях высшего образования реализуется проект по созданию интегрированной образовательной, научно-исследовательской и предпринимательской среды «Университет 3.0», который направлен на развитие компетенций и навыков, необходимых для ведения инновационной и предпринимательской деятельности, создание инновационной инфраструктуры для коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности;

- развитие системы льготного кредитования и микрокредитования для поддержки и реализации молодежных бизнес-проектов;
- реализация механизма поддержки бизнес-инициатив и малого бизнеса посредством стимулирования деятельности частных инвесторов и венчурных фондов, предоставления налоговых и иных льгот для выпускников или впервые получающих предпринимательский опыт молодых людей, развитие иных условий ведения бизнеса и др.

Подобного рода меры развития молодежного предпринимательства являются эффективной финансовой и организационной поддержкой, призванной побудить молодежь к активности, в том числе без отрыва от образовательного процесса. Так, Государственная программа на 2021–2025 гг. предусматривает, что финансовое обеспечение образования и молодежной политики на 2021–2025 гг. составляет 49 133 118 065 руб, в том числе: средства республиканского бюджета — 7 083 411 008 руб, средства местных бюджетов — 37 869 060 477 руб.

Опираясь на исследование регуляторной функции государства Н. Л. Бондаренко и Ю. Г. Каноневича, механизм государственной поддержки в рамках исследуемого вопроса можно определить как «фискаль-

ное стимулирование» и установление преференциальных режимов [3]. В данном случае преференциальные режимы установлены в отношении налогообложения, кредитования, сферы получения образования, специальных навыков и повышения квалификации молодых предпринимателей. Это, в свою очередь, указывает на социальную значимость молодежного предпринимательства.

Отсюда, учитывая право и дееспособность, а также деликтоспособность субъектов молодежного предпринимательства, поддержку государства в реализации молодыми предпринимателями прав и обязанностей, а также гарантии свобод и интересов молодежи как стратегически значимого для будущего страны ресурса, правовой режим осуществления деятельности молодыми предпринимателями можно определить как преференциальный. При этом его преференциальность проявляется именно в случае действия механизма государственной поддержки. Нельзя не учесть тот факт, что многие предприниматели в возрасте до 31 года не пользуются ресурсами этого механизма и осуществляют свою деятельность на общих основаниях. В большей степени это относится к лицам, которые входят в состав учредителей организации и осуществляют свою деятельность от ее имени и под ее ответственность. Отсюда преференциальный режим молодежного предпринимательства не абсолютен, его можно отнести к смешанному.

Представляется, что преференции в части поддержки государством актуальны не только из-за «молодежности» предпринимательства, но и в силу начального этапа его осуществления, в связи с чем преференциальный режим имеет временный и целевой характер. В последующем, при апробации идей, укреплении навыков, получении соответствующего эффекта, в том числе в финансовом эквиваленте, последующего рефинансирования и дальнейшего развития предпринимательской деятельности, вектор от преференциального режима, например преференций в области налогообложения, совершенно закономерно трансформируется в формат предпринимательства на общих основаниях.

Заключение

На основе вышеизложенного молодежному предпринимательству присущи следующие критерии, его характеризующие:

- критерий «молодежности»: молодежное предпринимательство является таковым в силу возраста его субъекта (в нашей стране это от 14 до 31 года). Но в отношении осуществления предпринимательства необходимо сделать поправку по нижнему возрастному пределу в сторону его повышения, так как полноценная предпринимательская деятельность может осуществляться только при полной правосубъектности, а это значит — с 18 лет, в случае эмансипации — с 16;
- механизм реализации приоритетных задач, обозначенный стратегией развития государственной молодежной политики, предусматривает

ряд направлений в поддержку молодежного предпринимательства, поэтому режим осуществления молодежного предпринимательства является преференциальным. В частности, это проявляется в установлении данного режима в сферах налогообложения, кредитования, получения образования, инноваций и др.;

- стимулирование к осуществлению предпринимательства на этапе обучения в учреждениях высшего образования путем создания предпринимательской среды для развития предприимчивости, формирования навыков конкурентоспособности и высокой квалификации специалистов;

- социальный характер, выражающийся в повышении уровня занятости населения с двух позиций:

- 1) молодежь получает возможность реализовать свой потенциал в сфере предпринимательства, осуществляя занятость самостоятельно;

- 2) в создании уже состоявшимися молодыми предпринимателями рабочих мест. При этом ответственность и нагрузка государства по решению вопроса трудоустройства и занятости закономерно понижается;

- ориентация молодых людей на создание как материальных, так и нематериальных благ как для удовлетворения потребностей, так и для достижения экономического эффекта, что, в свою очередь, повышает благосостояние общества и экономики;

- характер молодежного предпринимательства требует от субъекта, его осуществляющего, оперативности, гибкости, адаптивности к быстро изменяющимся обстоятельствам.

Отсюда молодежное предпринимательство невозможно ограничить каким-либо одним критерием, если только не рассматривать его в контексте конкретного вопроса. С одной стороны, молодежное предпринимательство является частью предпринимательства как институционального явления, на которую распространяются признаки общего понятия предпринимательства. Отсюда молодежное предпринимательство — это также объективное явление, в силу которого физические лица и организации на основе собственного волеизъявления вступают в правоотношения по производству материальных и нематериальных благ, оказанию услуг, выполнению работ и осуществлению иной активности, сопряженной с получением максимально высокой прибыли, достижением экономического и социального эффекта.

С другой стороны, молодежное предпринимательство обладает критериями, относящими его в отдельную категорию. Превалирующим из них является возрастной диапазон социально-демографической группы «молодежь» и правовое положение субъекта молодежного предпринимательства, что наделяет его признаками:

- «молодежности»: преференциями в поддержку предпринимательства молодежи могут пользоваться лица в период от 18 до 31 года. Этот признак

придает молодежному предпринимательству преференциальный правовой режим и одновременно ограничивает его достижением предельно допустимого возраста;

– социальной значимости. В силу того, что молодежь — это стратегический ресурс страны, от которого зависит развитие социальных, политических и экономических процессов, для государства имеет огромное значение развитие ее потенциала, в том числе через реализацию молодежной и предпринимательской инициатив. При этом, развиваясь в процессе осуществления предпринимательства, в том числе предпринимательской деятельности, молодые люди сами становятся работодателями, решая таким образом вопросы занятости населения;

– инновационности: представляется, что молодежи в большей степени свойственно генерировать новые идеи и вырабатывать новую стратегию и результат при осуществлении предпринимательства. Отсюда в законодательстве акцент сделан на стартапы и молодежную инициативу, так как в перспективе это может привести к предпринимательству более высокого уровня с учетом трансформации общественных отношений на данный момент и созданию нового спектра услуг, работ, товаров, иных материальных и нематериальных благ с инновационными характеристиками.

Список цитированных источников

1. О положении молодежи в Республике Беларусь в 2022 году: Национальный доклад, Минск 2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://xn—d1acdremb9i.xn-90ais/upload/npa.pdf>. — Дата доступа: 9.04.2024.

2. *Бондаренко, Н. Л.* Методологический подход к пониманию предпринимательства и предпринимательской деятельности и определению методики преподавания учебных дисциплин, формирующих знания о них / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права : науч. журнал / Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО». — 2022. — № 1 (19). — С. 9–23.

3. *Бондаренко, Н. Л.* Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторной функции государства в данной сфере [Электронный ресурс] / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-i-organizatsionnaya-priroda-protssosov-tsifrovizatsii-i-regulyatornoy-funktsii-gosudarstva-v-dannoy-sfere>. — Дата доступа: 9.04.2024.

Аннотация. Стратегия развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 г., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 июня 2021 г. № 349, обозначила мо-

лодежь как активный субъект преобразования общества, драйвер развития и лидерства страны, а также объект социализации, ценнейший ресурс экономического роста и обеспечения благосостояния поколений. Молодежь — это социально-демографическая группа населения, способная развивать предпринимательство, генерирование и последующую реализацию идей через молодежную инициативу. Эти и иные факторы послужили основанием для фактического закрепления правового положения молодежи как субъектов предпринимательства. Статья посвящена молодежному предпринимательству, его понятию и критериям, выделяющим его в системе правового регулирования общественных отношений.

ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF YOUTH ENTREPRENEURSHIP, ITS DISTINCTIVE CRITERIA

Panteleeva N. V.

Keywords: youth, state youth policy, youth entrepreneurship, youth initiative, subject of youth entrepreneurship, employment, legal entity.

Abstract. The Strategy of Development of the State Youth Policy of the Republic of Belarus until 2030, approved by the Decree of the Council of Ministers of the Republic of Belarus on June 19, 2021, № 349 has designated youth as an active subject of society transformation, a driver of development and leadership of the country, as well as an object of socialization, the most valuable resource of economic growth and welfare of generations. Youth is a socio-demographic group of the population capable of developing entrepreneurship, the generation and subsequent realization of ideas of which is possible through youth initiative. These and other factors have served as a basis for the actual consolidation of the legal status of young people as subjects of entrepreneurship. The article is devoted to youth entrepreneurship, its concept and criteria that distinguish it in the system of legal regulation of public relations.

МЕРЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ КОММЕРЧЕСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ- РЕЗИДЕНТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЗА РУБЕЖОМ

Самойлов Э.И.

Ключевые слова: коммерческое представительство, экономическая безопасность, риски посреднической деятельности, пределы правового воздействия, меры правовой защиты.

Введение

В последние годы эффективность предпринимательской деятельности белорусских субъектов хозяйствования за рубежом становится самостоятельным детерминантом экономического развития. В соответствии с п. 54 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, защита от внешних угроз национальной безопасности обеспечивается путем государственной информационно-юридической поддержки субъектов хозяйствования в продвижении продукции на новых рынках сбыта и поиске партнеров для производственной кооперации.

Республика Беларусь стремится развивать стратегическое партнерство и особые отношения с дружественными странами. Ускоренное развитие внешней торговли и экономической интеграции в современной политической обстановке предопределяет необходимость совершенствования правового регулирования коммерческого представительства и обеспечения экономической безопасности.

Кроме того, в современных условиях прослеживается возрастание количества рисков, препятствующих эффективному осуществлению посреднической деятельности, а также необходимость сосредоточения основных усилий государства на защите от внутренних и внешних угроз.

При выборе направления работы были проанализированы выводы, представленные в диссертациях российских специалистов в области правового регулирования коммерческого представительства, а также изучались работы ведущих ученых в области гражданского права и смежных отраслей права Республики Беларусь.

К осознанию необходимости дальнейшего развития коммерческого представительства привели именно потребности субъектов хозяйствования, так как возможность заключения сделок без физического присутствия, увеличение количества операций на рынках, скорость их совершения чаще всего предопределяют успешность осуществления данной

деятельности [1, с. 3]. Коммерческое присутствие в основном положительно сказывается на улучшении экономических показателей и помогает стимулированию деловой активности белорусских предприятий за рубежом. На первый план выходят вопросы приоритета государственной политики в области создания благоприятных правовых условий для осуществления коммерческого представительства, а также улучшения качества предпринимательской деятельности.

Изучение источников, относящихся к исследуемой проблеме, позволяет выявить неразрешенные вопросы. В качестве общей концепции определяется выработка целостной перспективной модели совершенствования законодательства Республики Беларусь в области осуществления посреднической деятельности, основанной на обеспечении ее системного единства, непротиворечивости, полноты и актуальности регулирования. Цель работы согласуется с Программой социально-экономического развития на 2021–2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292, а также с Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года.

Основная часть

Институт посредничества имеет долгую историю развития. Его возникновение было обусловлено потребностью людей в установлении экономических отношений через третьих лиц [2, с. 50]. Сегодня посредническая деятельность является неотъемлемой частью современного гражданского оборота и развитого рынка, поскольку услуги посредников позволяют уменьшить транзакционные издержки, возникающие при совершении сделок, опосредующих имущественный оборот.

Возникшая необходимость включения в гражданское законодательство Республики Беларусь коммерческого представительства обусловлена достаточно большим присутствием фигуры посредника в отношениях с участием предпринимателей. Так, С. М. Гришин выделяет в качестве существенных признаков коммерческого представительства следующие:

- 1) особый статус представляемого и представителя;
- 2) совершение представителем юридических действий в виде договоров (торговых сделок);
- 3) возмездность;
- 4) особый характер и объем полномочий представляемого и представителя;
- 5) договорное основание возникновения коммерческого представительства;
- 6) содержательный объем прав и обязанностей представляемого и представителя [3, с. 28–30].

Несмотря на распространенность посреднических отношений в различных сферах деятельности, в юридической науке отсутствует единообразное представление об институте посредничества, до сих пор не решен вопрос о его правовой природе.

Коммерческое представительство как юридическая категория рассматривается цивилистами в узком и широком смысле. Под коммерческим представительством в узком юридическом смысле понимается деятельность лица по осуществлению услуг фактического характера, которые не связаны с изъятием посредником своей воли в сделке. Если же под коммерческим представительством понимается осуществление фактических действий и действий юридического характера, то в данном случае имеет место понятие такого представительства в широком юридическом смысле. Современная ситуация такова, что посредники не могут осуществлять только заключение договоров в сфере предпринимательской деятельности (ст. 185 Гражданского Кодекса Республики Беларусь (далее — ГК РБ)), поскольку это сужает сферу их деятельности и препятствует удовлетворению потребностей участников гражданского оборота наилучшим образом.

Способы осуществления коммерческого представительства не совпадают в государствах, принадлежащих к различным правовым системам. В условиях глобализации это неизбежно привело к попыткам унификации данных норм и конструкций как на региональном уровне, так и в международном масштабе. В свою очередь, такого рода попытки привели к сближению правовых систем в вопросах понимания коммерческого представительства.

Современные тенденции развития белорусского законодательства свидетельствуют об увеличении интереса к ранее не исследованным договорам, правовым институтам и инструментам. В настоящее время получает большое распространение так называемый агентский договор.

Вместе с тем не вызывает сомнения вывод Г.А. Василевича о том, что «работа по унификации законодательства в рамках Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) должна быть гибкой, в одних случаях целесообразно принять унифицированный акт, в других — ограничиться гармонизацией законодательства стран СНГ. Однако польза от модельных законодательных актов состоит в том, что в них часто содержатся принципы, которые становятся концептуальной основой для подготовки национальных актов» [4, с. 25].

Таким образом, потенциальная необходимость правового регулирования агентского договора обусловлена достаточно большим присутствием фигуры коммерческого посредника (агента) в отношениях с участием предпринимателей. В связи с этим считаем оправданным включение главы, посвященной регулированию вопросов заключения и исполнения агентского договора, в ГК РБ.

Кроме того, в сфере коммерческого представительства существует особый институт субагентов, которые своими действиями не заменяют агентов, но выполняют не только вспомогательные действия, а то же самое, что предусмотрено в агентском договоре, и несут ответственность перед агентом. Данный правовой институт также должен быть закреплён в ГК РБ.

Не следует забывать о комплексе рисков, влияющих на осуществление посреднической деятельности, таких как: воздействие международных экономических санкций; обострение конкуренции за контроль над рынками; продвижение цифровых технологий, искусственного интеллекта; нарастание угроз экономической безопасности; снижение или потеря конкурентоспособности отечественных товаров; отсутствие устойчивости мировой экономики и др.

Значительное количество рисков, с учетом которых прогнозируется постоянный рост препятствий для осуществления посреднической деятельности, главным образом, связан с возрастанием количества внутренних и внешних угроз для государства.

Классификацию пределов правового воздействия на экономические отношения следует учитывать при совершенствовании гражданского права и права национальной экономической безопасности, а также при рассмотрении вопросов по оценке состояния национальной безопасности.

Классификацию пределов правового воздействия на экономические отношения следует рассматривать, исходя из объективных и субъективных пределов воздействия. Необходимо также отметить, что все государственные органы и организации должны принимать активное участие в их предупреждении и устранении.

Так, к примеру, под председательством Генерального прокурора Республики Беларусь А. И. Шведа состоялось заседание коллегии Генеральной прокуратуры, на котором подведены итоги работы ведомства в 2023 г. По профилю внешнеэкономической деятельности было отмечено: «мероприятия по сокращению внешней просроченной дебиторской задолженности по-прежнему находятся на постоянном контроле органов прокуратуры. Образованию такой задолженности способствовало предоставление контрагентам беспроцентных товарных кредитов, а при покупке импортного оборудования — авансы, которые порой были необоснованными» [5].

Как видим, разграничение объективных и субъективных пределов правового воздействия на экономические отношения может быть установлено в зависимости от закономерностей в политической, экономической и социальной сферах (выявление причинно-следственных связей), а также уровня представляемых интересов (государственного или частного).

Кроме того, следует выделять и разграничивать степень необходимости правового воздействия в интересах белорусского государства, общества

и граждан (минимальная, средняя, высокая), профессиональной подготовленности (коммерческие представители, специализирующиеся на разных отраслях экономики, лица, проводящие маркетинговые исследования, торговые агенты и др.).

Проанализировав монографию представителей школы хозяйственного права Белорусского государственного университета «Страновой маркетинг» выяснилось, что в основе идеи странового маркетинга лежит продвижение и защита национальных интересов Республики Беларусь в экономической сфере [6, с. 14]. В данном контексте можно рассматривать возможность использования коммерческого представительства как средства продвижения и защиты национальных интересов Республики Беларусь в экономической сфере.

Меры правовой защиты интересов коммерческих представителей — резидентов Республики Беларусь должны иметь комплексный характер, распространяться на всех субъектов хозяйствования, осуществляющих или планирующих осуществлять свою деятельность на территории иностранного государства. В системе этих мер должны учитываться все уровни и возможные направления деятельности, включая правовые (реализация предложенного комплекса теоретико-правовых основ в области осуществления посреднической деятельности, а также совершенствование нормативных правовых актов, регулирующих внешнеэкономическую деятельность и гражданское законодательство), организационные (предоставление возможности участия коммерческих представителей субъектов хозяйствования в гражданском и хозяйственном судопроизводстве по их делам, разработка стандартов в сфере осуществления коммерческого представительства (правил профессиональной этики коммерческих представителей)), технические (обеспечение цифровой модернизации посреднической деятельности, создание условий, позволяющих использовать электронную цифровую подпись в процессе осуществления посреднической деятельности), образовательные (внедрение в образовательные программы высшего образования по специальности «Правоведение», «Международное право», «Экономическое право», «Мировая экономика» и «Внешнеторговая и коммерческая деятельность» дисциплины «Коммерческое представительство», создание «Школы коммерческого представительства» как идеи развития предпринимательского посредничества), информационные (повышение правовой и информационной осведомленности, просветительская работа с участниками внешнеэкономической деятельности и др.).

В данную работу должны быть вовлечены как профессиональные участники (государственные органы и организации и др.), так и общественные и образовательные структуры, гражданское общество, средства массовой информации.

Заключение

Сформулируем следующие выводы и предложения:

1) коммерческое представительство является разновидностью коммерческого присутствия, под которым следует понимать направление предпринимательской деятельности, складывающееся по поводу оказания посреднических услуг резидентам Республики Беларусь при заключении ими договоров, совершении иных юридических и фактических действий на территории иностранного государства;

2) разработанная система мер правовой защиты интересов коммерческих представителей — резидентов Республики Беларусь за рубежом основана на:

а) учете комплекса рисков, влияющих на осуществление посреднической деятельности: воздействие международных экономических санкций; обострение конкуренции за контроль над рынками; продвижение цифровых технологий, искусственного интеллекта; нарастание угроз экономической безопасности; снижение или потеря конкурентоспособности отечественных товаров; отсутствие устойчивости мировой экономики и др.;

б) разграничении объективных и субъективных пределов правового воздействия на экономические отношения:

- объективные пределы правового воздействия на экономические отношения зависят от закономерностей в политической, экономической и социальной сферах, степени необходимости правового воздействия в интересах белорусского государства, общества и граждан;

- субъективные пределы правового воздействия на экономические отношения зависят от: профессиональной подготовленности, а также уровня представляемых интересов;

в) направлениях деятельности:

- правовое (реализация предложенного комплекса теоретико-правовых основ в области осуществления посреднической деятельности, а также совершенствование нормативных правовых актов, регулирующих внешнеэкономическую деятельность и гражданское законодательство);

- организационное (предоставление возможности участия коммерческих представителей субъектов хозяйствования в гражданском и хозяйственном судопроизводстве по их делам, разработка стандартов в сфере осуществления коммерческого представительства (правил профессиональной этики коммерческих представителей));

- техническое (обеспечение цифровой модернизации посреднической деятельности, создание условий, позволяющих использовать электронную цифровую подпись в процессе осуществления посреднической деятельности);

- образовательное (внедрение в образовательные программы высшего образования по специальности «Правоведение», «Международное право»,

«Экономическое право», «Мировая экономика» и «Внешнеторговая и коммерческая деятельность» дисциплины «Коммерческое представительство», создание «Школы коммерческого представительства» как идеи развития предпринимательского посредничества);

– информационное (повышение правовой и информационной осведомленности, просветительская работа с участниками внешнеэкономической деятельности и др.).

Список цитированных источников

1. Овчаренко, М. Д. Коммерческое представительство в гражданском праве: основные виды и регуляторы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. Д. Овчаренко ; Моск. гор. уни-т упр. — М., 2014. — 205 л.

2. Самойлов, Э. И. Трансформация института представительства (на примере адвокатуры в Республике Беларусь) / В. И. Берестень, Э. И. Самойлов // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2021. — № 2 (72). — С. 50–55.

3. Гришин, С. М. Коммерческое представительство и посредничество в правовых порядках Российской Федерации и стран континентальной Европы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. М. Гришин ; Рос. ун-т дружбы народов. — М., 2011. — 162 л.

4. Василевич, Г. А. Обеспечение гармоничного развития правовых систем Союзного государства и его государств-участников / Г. А. Василевич // Актуальные проблемы строительства и развития Союзного государства : материалы науч.-практ. конф., г. Москва, 5–6 июля 2018 г. / редкол.: С. В. Калашников [и др.]. — М. : ООО «Принт», Секретариат Парламентского Собрания Беларуси и России. — С. 23–30.

5. На коллегии в Генеральной прокуратуре подвели итоги работы ведомства за 2023 год [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/february/76872/>. — Дата доступа: 15.06.2024.

6. Страновой маркетинг / сост.: Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич. — Минск : Ковчег, 2022. — 652 с.

Аннотация. Рассмотрен комплекс рисков, влияющих на реализацию посреднической деятельности. Акцентируется внимание на современных проблемах обеспечения коммерческого представительства. Выявлены причины необходимости совершенствования посреднической деятельности внутри страны и за рубежом. Рассмотрена возможность использования коммерческого представительства как средства продвижения национальных интересов Республики Беларусь в экономической сфере. Определено, что деятельность белорусских коммерческих представителей на террито-

рии иностранного государства является разновидностью осуществления коммерческого присутствия. Предложена система мер правовой защиты интересов коммерческих представителей — резидентов Республики Беларусь за рубежом. Определен комплекс рисков, влияющих на осуществление посреднической деятельности, а также пределы правового воздействия на экономические отношения. Сформулированы основные направления деятельности в вопросе комплекса мер правовой защиты (правовое, организационное, техническое, образовательное и информационное).

**MEASURES OF LEGAL PROTECTION OF INTERESTS
OF COMMERCIAL REPRESENTATIVES-RESIDENTS
OF THE REPUBLIC OF BELARUS ABROAD**

Samoilov E. I.

Keywords: commercial representation, economic security, risks of intermediary activity, limits of legal impact, legal protection measures.

Abstract. The article considers a set of risks affecting the implementation of mediation activities. The attention is focused on the modern problems of ensuring commercial representation. The reasons for the need to improve mediation activities within the country and abroad have been identified. The possibility of using a commercial representative office as a means of promoting the national interests of the Republic of Belarus in the economic sphere is considered. It is determined that the activity of Belarusian commercial representatives on the territory of a foreign state is a kind of commercial presence. A system of legal protection measures for the interests of commercial representatives-residents of the Republic of Belarus abroad is proposed. A set of risks affecting the implementation of intermediary activities, as well as the limits of legal impact on economic relations, has been determined. The main directions of activity in the issue of a set of legal protection measures (legal, organizational, technical, educational and informational) are formulated.

ЦИКЛИЧНОСТЬ ПРАВА КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Худяков А. В.

Ключевые слова: циклический подход, циклическое развитие права, конституционные циклы, политические циклы.

Введение

Цикличность является одним из главных универсальных принципов эволюции общества. Ее истоки в контексте динамики развития окружающего мира лежат в Античности (Гераклит, Платон, Аристотель, Полибий). В дальнейшем вклад в развитие теоретических основ циклистики внесли Ж. Вико, Н. Макиавелли, Н. Кондратьев, А. Тойнби, Й. Шумпетер и др.

Среди отечественных юристов проблематику цикличности (циклов) в своих работах в той или иной мере затрагивал Ю. Каменецкий [1].

В общественных науках, прежде всего в экономике и политологии, это направление имеет крепкие исследовательские традиции, последователи которых отмечают устойчивое развитие политических и экономических процессов, их переплетение, синхронизацию.

При всей очевидности связи политических процессов не только с экономическими, но и правовыми, последние не стали предметом исследования представителей права.

Право и политика неразрывно связаны со всеми сферами жизнедеятельности общества, поэтому для эффективного осуществления социальных функций они должны адекватно реагировать на происходящие изменения. Наиболее чувствительным к общественным флуктуациям является право, которое первым воспринимает изменения в политике.

Циклический подход позволяет рассмотреть качественные изменения, которые происходят в процессе развития права, а также его связь с политическими и иными процессами, происходящими в обществе.

Представляется справедливым такое мнение В. Чурсина: «Цикличность как метод исследования права способствует углублению его познания и раскрытию сущности права» [2, с. 5–6].

Основная часть

Цикличность как феномен представляет собой малоисследованное направление отечественной и зарубежной правовой науки и носит, преимущественно, фрагментарный характер.

Так, А. Медушевский описал эволюционные и революционные модели конституционной цикличности [3]. Через призму циклического подхода Ю. Тихомиров рассмотрел тему развития публичного и частного права [4].

О. Онуфриенко исследовал отдельные аспекты циклического применения правовых норм при регулировании общественных отношений [5]. Циклическую природу правовых систем проанализировал Е. Скурко [6]. Попытки отдельных ученых обратиться к этой проблематике не только не исчерпали тематику, но и не привлекли внимание научного сообщества к ней.

В целом исследователи исходят из того, что цикличность в сфере права взаимосвязана с различными факторами, которые условно можно разбить на три группы: 1) экономические, политические, идеологические; 2) социальные; 3) собственно правовые. По степени влияния на динамику изменений указанные факторы могут «ранжироваться», т. е. в зависимости от ситуации приобретать большее или меньшее влияние. Вместе с тем в ситуации флуктуации решающее значение могут приобрести и «миноритарные» факторы.

Под влиянием разных факторов система права способна переходить от устойчивого к неустойчивому состоянию. В отличие от естественных систем, где возмущение от незначительного фактора со временем затухает, в сфере права они, накладываясь на другие, способны привести к потрясениям. Усиление амплитуды цикла может наступить не только как следствие наложения правового и политического цикла, но и как результат взаимодействия двух и более правовых циклов различной природы.

Можно согласиться с мнением В. Чурсина: «В обществе существует не один правовой цикл, а целая система взаимосвязанных циклов. Из этого следует, что общество имеет не один правовой цикл, а целую систему правовых циклов, где один цикл органически входит в другой правовой цикл, более широкий» [2, с. 53].

Соотношение политики и права образует отдельную сложную проблему, в рамках которой продолжают дискуссии по поводу их соотношения. Вместе с тем очевидно, что право должно «обслуживать» политические процессы, обеспечивая юридическое оформление политических отношений. Об этом свидетельствует и то, что одним из важнейших компонентов политической системы является нормативный: «социально-политические и правовые нормы, регулирующие политическую жизнь общества и процесс осуществления политической власти» [7, с. 48–49].

Упреждающее или стимулирующее влияние права на развитие политических отношений также возможно, но оно ограничено регулятивным потенциалом, которому противостоит нелинейное развитие политических процессов.

Природе циклического развития права вполне релевантна теория циклов Н. Кондратьева, которая успешно применяется для описания политических процессов и может служить методологической основой для постижения изменений в праве. Открытые ученым волнообразные циклические колебания указывают на постоянную динамику системы, они происходят

в процессе перехода от фазы восходящего к фазе нисходящего движения. Для юриста циклические изменения политических процессов позволяют использовать возможности нормативных правовых средств для поддержки восходящего тренда и замедления нисходящего, т. е. осуществлять функцию обеспечения политической стабильности. Побочным, но необходимым результатом стабилизирующего влияния права на политику должно быть поддержание стабильного правового порядка в обществе.

Траектория развития права происходит в соответствии с законами диалектики: перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания, единства и борьбы противоположностей. Траектория является синтезом, с одной стороны, поступательного линейного движения вперед, а с другой — движения по разомкнутому кругу, в направлении к старой системе права. Вместе с тем в своем развитии право возвращается не в исходную точку, а на качественно новый уровень, где обретает новые ценностные ориентиры. В соответствии с циклическим подходом право в своем развитии проходит четыре фазы, которые приводят к периодически сменяющимся этапам усиления и ослабления правового регулирования общественных отношений.

В рамках первой фазы происходит разрушения того несовершенного, что не отвечало дальнейшему развитию права, препятствовало появлению нового, т. е. отживших форм правовых отношений, не способных регулировать процессы в политической сфере, трансформация отдельных составляющих системы права. Собственно, это и есть кризис как термин и явление, содержащее противоположную сторону, определяемую как возможности, рост или эволюция права. Так наряду с борьбой старого и нового постепенно обновляются законодательство, структура законодательных, исполнительных и судебных органов и т. д. В системе происходят количественные изменения, постепенно переходящие в качественные эволюционные трансформации.

Стоит отметить, что кризис в системе права неразрывно связан с кризисом в политической системе. Кризис в системе права влияет и на политические процессы, поскольку право пронизывает все процессы в обществе и является их регулятором. Однако бывает и наоборот — кризис в политической системе ведет к кризису права, когда новые общественные отношения, формируемые в обществе, не находят отражение в действующих нормах права.

В рамках второй фазы происходит совершенствование формы и становление содержания системы права на основе эффективного внедрения в правоприменительную практику новых правовых норм, порядка взаимодействия органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

В рамках третьей фазы происходит стабильное развитие и достижение сбалансированного управления системой права, это вершина развития.

В четвертой фазе зарождается новое, появляются противоречия, которые еще не несут антагонистического характера. Правовая форма становится консервативной, не успевая реагировать на происходящие в общественных отношениях изменения. К завершению данной стадии в самой системе права обостряется борьба между новым и старым, еще достаточно сильным. В старой, инертной системе права уже утвердились новые нормы, появились первые признаки кризиса, а система права начинает уходить в новый цикл развития.

Все начинается сначала по-новому кругу развития, где количественные преобразования в праве постепенно переходят в качественные, в результате чего происходит выход на новый виток спирали развития права. Другими словами, фазы представляют собой периоды зарождения, становления, расцвета, старения и прекращения определенной системы права.

Используя циклический подход, можно определять приоритеты развития права в разных сферах жизни общества. Так, циклизируя законодательство, можно видеть динамику его развития по отдельным периодам, общую динамику, активные и пассивные фазы законотворческого процесса, целенаправленность (антикризисное, избирательное), связь между политическими и правовыми циклами.

Связь политических и правовых циклов четко прослеживается в работе законодателя в периодах между избирательными кампаниями. Каждый законодатель, желая быть переизбранным на следующий срок, стремится принимать законы, максимизирующие эти шансы. Его законодательная стратегия, выбор инструментов, приоритетность одних законопроектов перед другими — все это будет зависеть от конъюнктуры интересов определенных групп избирателей, так называемого «электорального поля». По факту представители власти через принятие законов реализуют свою предвыборную политическую программу. Граждане, голосуя за ту или иную политическую программу, влияют на формирование законодательной стратегии. Именно они выступают заказчиками «услуги» под названием «законы».

Экстраполяция политических процессов на право позволяет объяснять определенные конфигурации голосования избирателей как наполненный конкретным содержанием и ожиданиями социальный заказ, который должен удовлетворяться, в том числе и средствами законодательства. Следовательно, каждый избирательный цикл — это, вероятно, и новый цикл законодательной стратегии.

Наиболее ярко связь политических и правовых циклов прослеживается на примере Конституции, которая: 1) является определяющим фактором правового развития в стране; 2) выступает самостоятельным фактором циклических процессов в правовой сфере; 3) отражает изменения в политической системе.

Так, Конституция 1919 г. заложила правовые основы построения новой политической системы взамен ранее действовавшей в Российской империи. Основной закон при своем несовершенстве и яркой идеологической направленности позволил решить главный вопрос: организация власти в республике.

Конституция 1927 г. закрепила новую политическую реальность: включение отечественной политической системы в политическую систему нового государственного образования. Основной закон отразил изменения в организации власти республики, закрепил за гражданами демократические права и свободы, а также обязанности перед государством.

Конституция 1937 г. закрепила создание новой политической системы, главенствующую роль государственно-правовых институтов, порядок взаимоотношений государства и гражданского общества, новую избирательную систему.

Конституция 1978 г. стала вершиной развития отечественной политической системы, закрепив в ней ведущую роль партии. Изменения и дополнения, внесенные в 1989–1994 гг., по сути, являлись попытками вывести политическую систему из кризиса, придать ей новый импульс развития.

Конституция 1994 г. заложила правовые основы построения новой политической системы, нового государства. Изменения и дополнения, внесенные в 1996, 2004 и 2022 гг., способствовали дальнейшему развитию и совершенствованию как политической системы, так и системы права республики.

Исследование отечественного конституционного развития дало основания для вывода, что оно повторяется, в частности, это проявляется в закономерностях принятия и внесения изменений в Конституцию.

Стоит отметить, что повторяемость выступает базой для сценарного прогнозирования развития системы права, который можно рассматривать как системную модель будущей эволюции права. Понимая циклическую природу правовых процессов, можно устанавливать их последовательность, моделировать вариации развития. Циклический подход позволяет видеть, на какой стадии находится система права, как ее динамика развития корреспондируется с динамикой развития политической системы, которая должна выступать в качестве ориентира совершенствования, модернизации законодательства, государственно-правовых институций.

Прогнозы в сфере законодательства, изучение его тенденций на основе анализа политических, экономических, социальных, идеологических процессов являются основой разработки планов законодательной деятельности и стратегических законодательных актов на долгосрочную перспективу.

Заключение

Циклический подход в современном праве проявляет себя как одно из познавательных средств, способствующих дальнейшему постижению сложных процессов в правовой сфере, их природы и динамики развития. Цикличность является основой трансформационных процессов в системе права, обеспечивает ее целостность и стабильность. На примере избирательных процессов, отечественного конституционного развития рассмотрена связь политических и правовых циклов.

Циклическая парадигма представлена как методологическая основа для прогнозирования развития права, служит основой для сценарного его видения. Определение и обоснование стадий цикла позволяет продемонстрировать развертывание конкретного цикла и движущие механизмы этого преобразования — законы диалектики, в частности единства и борьбы противоположностей в праве, перехода количества в качество, отрицания старого новым и т. д.

Список цитированных источников

1. *Каменецкий, Ю. Ф.* Следственная профилактика: актуальность проблемы и перспективы научного исследования в Республике Беларусь / Ю. Ф. Каменецкий // Предварительное расследование. — 2000. — № 2. — С. 29–36.
2. *Чурсин, В. Д.* Цикличность в праве (вопросы методологии) / В. Д. Чурсин. — Ставрополь : Ставропол. ун-т, 1998. — 278 с.
3. *Медушевский, А. Н.* Теория конституционных циклов / А. Н. Медушевский. — М. : ГУ ВШЭ, 2005. — 574 с.
4. *Тихомиров, Ю. А.* Циклы правового развития / Ю. А. Тихомиров // Журн. рос. права. — 2008. — № 10. — С. 15–22.
5. *Онуфриенко, О. В.* Алгоритмическая природа норм права и нормативно-правовых актов: опыт прослеживания аналогий / О. В. Онуфриенко // Украинское право. — 2000. — № 1. — С. 152–159.
6. *Скурко, Е. В.* Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: теория и практика / Е. В. Скурко // Известия высш. учеб. заведений. Серия: Правоведение. — 2006. — № 2. — С. 55–61.
7. *Антанович, Н. А.* Теория политических систем / Н. А. Антанович. — Минск : ТетраСистемс, 2008. — 206 с.

Аннотация. Рассматриваются вопросы цикличности как одной из важных закономерностей развития правовой сферы. Данные изменения права раскрываются в контексте взаимосвязи права и политики. Экстраполируются положения известных циклических концепций на процессы, связанные с трансформацией права. Делается вывод о перспективности циклического подхода для постижения природы и генезиса явлений и процессов в правовой сфере, дается их описание и прогнозирование.

THE CYCLICAL NATURE OF LAW AS A FACTOR OF CHANGE IN THE POLITICAL SPHERE

Khudyakov A. V.

Keywords: cyclical approach, cyclical development of law, constitutional cycles, political cycles.

Abstract. The article discusses the issues of cyclicity as one of the important patterns of development of the legal sphere. Cyclical changes in the field of law are revealed in the context of the relationship between law and politics. The author extrapolates the provisions of well-known cyclic concepts to the processes associated with the transformation of the legal system. The problem of interrelation of various cycles within the framework of the development of the legal system is posed. The conclusion is made about the prospects of a cyclical approach for understanding the nature and genesis of phenomena and processes in the legal sphere, their description and forecasting.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ: СУЩНОСТЬ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Шутицкая О. Н.

Ключевые слова: законность, конституционная законность, конституция, конституционные принципы, обеспечение конституционной законности.

Введение

В условиях конституционных реформ, реализующихся в Республике Беларусь на современном этапе ее развития, возрастает значение конституционной законности как одной из целей и, соответственно, желаемого результата названных трансформаций. Конституционная законность — сложное явление, относительно сущности, признаков и требований, о которой в юридической литературе продолжают споры. Анализом вопросов конституционной законности в том или ином аспектах, способов ее обеспечения занимаются такие российские и белорусские исследователи, как С. А. Авакьян, Г. А. Гаджиев, Ю. А. Тихомиров, Г. А. Василевич, Т. В. Воронович, А. В. Марышкин, П. П. Миклашевич, А. Г. Тиковенко и др. Между тем необходимость исследования ряда аспектов данного феномена сохраняет свою актуальность.

Цель настоящей работы заключается в раскрытии сущности конституционной законности, установлении соотношения между законностью и конституционной законностью, определении институтов белорусского государства и общества, деятельность которых в современных условиях связана с формированием конституционной законности.

Основная часть

Законность — комплексное явление, имеющее, говоря словами профессора С. С. Алексеева, различные грани. По мнению ученого, законность есть аспект общеобязательности права, идея и режим общественно-политической жизни [1, с. 266–267]. Опираясь на данный подход, можно утверждать, что и конституционная законность имеет несколько аспектов. Она выступает как принцип конституционности, ее идея и особое состояние общественных отношений, т. е. режим государственной и общественной жизни.

В научной литературе у исследователей до настоящего времени нет единства взглядов относительно не только определения конституционной законности, но и ее существования. Ряд ученых исходит из того, что о конституционной законности не имеется оснований говорить, поскольку в противном случае следует признать наличие отраслевой законности [2, с. 30]. Сторонники конституционной законности указывают на существование данного феномена. По их мнению, — это «действующая система конститу-

ционализма», воплощение требований правовой конституции [3, с. 58–70]; «реальное состояние конституционности» [4, с. 67]; верховенство конституции в правотворческой и правоприменительной деятельности, прямое действие ее принципов и норм [5].

Белорусский законодатель признает наличие конституционной законности, о чем свидетельствуют положения Конституции белорусского государства [6] и иных нормативных правовых актов.

Статья 7 Конституции Республики Беларусь показывает связь законности и конституционной законности, разграничивая указанные явления. Верховенство права — конституционный принцип, закрепляемый частью первой ст. 7 Конституции. Законность, понимаемая как общеобязательность права, предполагает и признание принципа верховенства права. Соответственно, данное положение относится к законности. Вместе с тем верховенство права является и идеей конституционализма. Воплощение этой идеи в жизнь обеспечивает признание явлений конституционными, в аспекте законности — конституционной законности.

Часть вторая ст. 7 Конституции, на первый взгляд, имеет отношение к законности, которая предполагает иерархичность правовых норм; подчиненность нижестоящих нормативных правовых актов вышестоящим и соответствие всех их Конституции, имеющей высшую юридическую силу. В то же самое время принцип прямого действия данного Основного Закона — новация обновленной Конституции — имеет непосредственное отношение к более высокому уровню законности, которым и является конституционная законность.

Обеспечение в условиях белорусского государства и общества конституционной законности как режима государственной и общественной жизни предполагает и такой нормативный правовой акт, как Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей. Согласно части первой ст. 6 названного акта одной из задач Конституционного Суда Республики Беларусь является утверждение конституционной законности в нормотворчестве и правоприменении. Тем самым законодатель не только признает существование анализируемого явления, но и определяет государственный орган — судебное учреждение, деятельность которого связана с ее обеспечением.

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» в числе принципов нормотворческой деятельности на первое место ставит «конституционность (законность)» (ч. 1 ст. 6). Указанная позиция, как представляется, свидетельствует о наличии связи между конституционностью и законностью. Более того, использованная в Законе формулировка позволяет говорить о том, что для белорусского законодателя данные категории являются синонимами. Рассуждая о воплощении принципа конституционности в нормотворческой деятельности (да и в правоприменении)

менительной), следует признать, что такой порядок нормотворчества, будучи частью всего порядка общественных отношений, является конституционным. Законность как режим общественно-политической жизни, включающий в себя и деятельность, связанную с изданием правовых предписаний, и деятельность по их толкованию, и механизм реализации и применения правовых правил, таким образом приобретает качество (иначе — характер, уровень) конституционности.

Конституционная законность Конституционным Судом Республики Беларусь рассматривается как реально существующее явление. В своем послании «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2005 году» белорусский орган конституционной юстиции определил конституционную законность как «состояние общественных отношений, при котором право как важнейший социальный регулятор содействует достижению целей и задач, которые определены в Основном Законе» страны, подчеркнув, что она не является «умозрительной категорией» [7]. При этом в качестве ее требований Конституционный Суд указал на необходимость повышения благосостояния граждан, развитие демократии, утверждение основ правового государства.

Такой же подход к пониманию конституционной законности орган конституционной юстиции белорусского государства сохраняет и на протяжении всех лет своего функционирования. В послании 2024 г. Конституционный Суд следующим образом формулирует определение режима конституционной законности: «государство, все его органы и должностные лица, а также организации и граждане действуют на основе и в соответствии с Конституцией, а право как важнейший социальный регулятор обеспечивает достижение целей и решение задач, определенных Основным Законом государства» [8]. В качестве требований конституционной законности органом конституционной юстиции определяются, исходя из названного послания, верховенство Конституции, выработка правовых механизмов развития и защиты конституционных ценностей; достижение конституционно значимых целей; неукоснительное соблюдение конституционных положений (норм и принципов) и их реальное обеспечение.

Таким образом, белорусский орган конституционной юстиции, являющийся одним из основных звеньев обеспечения верховенства Конституции Республики Беларусь, признавая конституционную законность, нацеливая на ее укрепление, тем самым подчеркивает особую роль Основного Закона в обеспечении законности и правопорядка.

Новый импульс деятельности, связанной с обеспечением конституционной законности в условиях белорусской правовой системы, был предан республиканским референдумом 27 февраля 2022 г., на котором граждане проголосовали за внесение изменений и дополнений в Конституцию. Все это направлено на дальнейшее укрепление конституционной законности

и несколько по-новому определяет те пути и методы, с помощью которых данная деятельность должна осуществляться.

Обеспечение конституционной законности в условиях белорусской правовой системы связано с достижением двух основных целей: укрепление суверенитета белорусского государства и формирование социально справедливого общества.

В аспекте развития независимого белорусского государства следует рассматривать изменения и дополнения Конституции относительно реализации конституционного принципа народовластия, изменения принципов внешней политики, повышения ответственности граждан за то, что происходит в государстве и обществе. В части нормативного обеспечения достижения названной цели в последние годы законодательство Республики Беларусь пополнилось новыми законодательными актами, среди которых Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5; Закон Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О Всебелорусском народном собрании»; Закон Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З «Об основах гражданского общества»; Концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, и др.

На укрепление положения личности в государстве, обществе, формирование социально справедливого общества ориентируют такие новые или обновленные нормативные правовые акты, как Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З, последние изменения и дополнения в который были внесены Законом Республики Беларусь от 3 апреля 2024 г. № 363-З, Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 233-З «О внешней трудовой миграции», Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2023 г. № 318-З «Об изменении законов по вопросам социального обслуживания и социальных выплат».

Укрепление конституционной законности — важная задача государственных органов и должностных лиц на современном этапе развития белорусского государства. От ее выполнения зависит уровень доверия населения к властным структурам, который, в свою очередь, является составляющей конституционной законности. Ключевую роль в обеспечении конституционной законности в Республике Беларусь призваны сыграть такие субъекты, как Всебелорусское народное собрание, Президент Республики Беларусь, Национальное собрание Республики Беларусь, судебные учреждения.

Одна из задач новаций, внесенных в Конституцию Республики Беларусь в 2022 г., заключалась в перераспределении полномочий между государственными органами для повышения эффективности управления делами государства и общества. Значимыми компетенциями согласно Конституции стало обладать Всебелорусское народное собрание — высший представи-

тельный орган народовластия, которое на сегодняшний момент является органом, утверждающим основные направления внутренней и внешней политики, программы социально-экономического развития республики, обладающим правом вводить в стране чрезвычайное или военное положение, избирать председателя и членов Конституционного Суда, председателя и членов Верховного Суда, Председателя и членов Центральной избирательной комиссии и др. В апреле 2024 г. состоялся первый после принятия обновленной Конституции Республики Беларусь созыв Всебелорусского народного собрания. Делегаты всебелорусского форума, получившие свои полномочия в соответствии с обновленными процедурами, обсудили военнополитическую обстановку в Восточноевропейском регионе, утвердили Концепцию национальной безопасности Республики Беларусь (решение от 25 апреля 2024 г. № 5) и Военную доктрину Республики Беларусь (решение от 25 апреля 2024 г. № 6).

Гарантом Конституции Республики Беларусь, а соответственно, и важным институтом, обеспечивающим конституционную законность в государстве, является Президент Республики Беларусь. На сегодняшний момент изменены конституционные требования к кандидату на пост Президента, связанные с возрастом, местом проживания, гражданством кандидата, уточнен правовой статус главы белорусского государства, оптимизированы полномочия, в том числе охраны государственного суверенитета, национальной безопасности и территориальной целостности Республики Беларусь, обеспечения функционирования высших судебных органов и Центральной избирательной комиссии, обращений в Конституционный Суд.

Роль Национального собрания Республики Беларусь в обеспечении конституционной законности заключается в принятии законов как нормативных правовых актов высшей юридической силы, даче согласия на назначение некоторых должностных лиц государства (Премьер-министра, Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля, Председателя и членов Национального банка), проведении заслушиваний отчетов некоторых должностных лиц.

Верховный Суд Республики Беларусь, получивший конституционно-правовой статус, возглавляет систему судебных органов Республики Беларусь, которые посредством различных форм судопроизводства (гражданского, административного, уголовного и др.) осуществляют защиту прав и интересов граждан и организаций.

В целях обеспечения конституционной законности Конституционный Суд Республики Беларусь обладает полномочиями толковать Конституцию белорусского государства, давать заключения о конституционности нормативных правовых актов, рассматривать индивидуальные конституционные жалобы.

Заключение

Таким образом, сформулируем следующие выводы:

- 1) конституционная законность — явление, относящееся к системе общественных отношений, режим государственной и общественной жизни, при котором обеспечиваются верховенство Конституции и ее прямое действие, неуклонно соблюдаются и реализуются всеми субъектами права конституционные положения (принципы и нормы);
- 2) конституционная законность — это особый уровень, качество законности, целью которой является обеспечение конституционных ценностей;
- 3) обеспечение конституционной законности в условиях современного белорусского государства предполагает, с одной стороны, укрепление суверенитета, развитие государственности, а с другой, — обеспечение благосостояния человека.

Список цитированных источников

1. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. — М. : Изд-во БЕК, 1995. — 320 с.
2. Еременко, Ю. П. Советская Конституция и законность / Ю. П. Еременко. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982.
3. Витрук, Н. В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.) / Н. В. Витрук. — М. : Городец-издат, 2001. — 507 с.
4. Марышкин, А. В. О понятии конституционной законности в Республике Беларусь / А. В. Марышкин // Утверждение принципов правового демократического государства в Республике Беларусь посредством конституционного контроля, Минск, 26–27 июня 2003 г. / Бел. гос. ун-т. — Минск, 2003.
5. Тиковенко, А. Г. Понятие «конституционность» в теории и практике [Электронный ресурс] / А. Г. Тиковенко. — Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/32925/1/006.pdf?ysclid=ly9spjj2ry539848864>. — Дата доступа: 30.06.2024.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
7. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту и палатам Парламента Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2005 году» [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суд Респ. Беларусь от 1 февр. 2006 г. № Р-193/2006. — Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/document-32593?ysclid=lybgmcxh89781921571> — Дата доступа: 29.06.2024.

8. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту, Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь, Совету Республики Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» [Электронный ресурс] / Конституционный Суд Респ. Беларусь от 5 марта 2024 г. — Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/document-75473>. — Дата доступа: 29.06.2024.

Аннотация. В условиях конституционных реформ, осуществляемых в настоящее время в Республике Беларусь, возрастает актуальность исследования проблем конституционной законности, укрепление которой видится одной из важнейших целей новаций, внесенных в Конституцию Республики Беларусь на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. Рассматривается сущность конституционной законности, анализируется соотношение конституционной законности и законности, характеризуется направления деятельности белорусских государственных органов, отвечающих за укрепление конституционной законности.

CONSTITUTIONAL LEGALITY: ESSENCE AND ENSURENCE

Shupitskaya A.N.

Keywords: legality, constitutional legality, constitution, constitutional principles, ensuring constitutional legality.

Abstract. In the context of constitutional reforms currently being carried out in the Republic of Belarus, the relevance of studying the problems of constitutional legality is increasing, the strengthening of which is seen as one of the most important goals of the innovations introduced into the Constitution of the Republic of Belarus at the republican referendum on February 27, 2022. The author examines the essence of constitutional legality, analyzes the relationship between constitutional legality and legality, characterizes the areas of activity of Belarusian government bodies aimed at strengthening constitutional legality. In the end conclusions are formulated according to which constitutional legality is a phenomenon related to the system of social relations, a regime of state and public life in which the supremacy of the constitution and its direct effect are ensured, constitutional provisions (principles and norms) are strictly observed and implemented by all subjects of law.

НАШИ АВТОРЫ

Амуртаева Динара Талгатовна — доцент кафедры специальных юридических дисциплин Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук.

Андрушко Татьяна Игоревна — соискатель Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь.

Антоненко Святослав Борисович — ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Аристархов Алексей Леонидович — ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук.

Ахунов Денис Робертович — доцент кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры Казанского юридического института (филиала) Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук.

Байгалиев Алибек Болатович — старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор философии.

Башкевич Юлия Дмитриевна — участковый инспектор милиции отдела охраны правопорядка и профилактики общественной безопасности управления внутренних дел Администрации Первомайского района г. Минска.

Бибилко Валентина Николаевна — профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Боков Дмитрий Константинович — проректор Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук.

Боярина Анна Александровна — заместитель начальника организационно-инспекторского управления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Варавко Юрий Валерьевич — начальник отдела методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Василевский Андрей Витальевич — главный специалист отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Васильченко Ксения Владиславовна — научный сотрудник лаборатории криминологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Винокуров Сергей Иванович — ведущий научный сотрудник лаборатории криминологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации.

Герасимова Светлана Ивановна — главный специалист отдела криминологических исследований государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Гультяева Надежда Николаевна — главный специалист отдела методологического обеспечения криминалистических экспертиз государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна — директор Казанского юридического института (филиала) Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан.

Дрозд Александра Николаевна — доцент кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Ескендиров Айдос Абдрахманович — начальник факультета подготовки руководящего состава Алматинской академии Министерства внутрен-

них дел Республики Казахстан имени М. Есбулатова, кандидат юридических наук, доцент.

Ильина Валентина Анатольевна — доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук, доцент.

Исраелян Геворг Воваевич — начальник Научно-исследовательского центра прикладных проблем криминологии Национального бюро экспертиз Национальной академии наук Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Капица Павел Александрович — начальник учебного отдела учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь».

Касьянова Елена Васильевна — начальник отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Короп Алексей Борисович — заместитель директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Кухарьков Юрий Владимирович — доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат медицинских наук, доцент.

Лапцевич Ирина Игоревна — начальник отдела исследований в области национальной безопасности, правоохранительной деятельности и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Ломакина Ирина Борисовна — профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор.

Лосев Владимир Владимирович — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент.

Лузгин Иван Иванович — старший преподаватель кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Магомедов Шамиль Магомедзагирович — прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства в сфере экономики управления по надзору за соблюдением федерального законодательства прокуратуры Московской области.

Макеева Мария Геннадьевна — старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Матлак Антон Николаевич — заместитель начальника кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Моисеева Ирина Анатольевна — доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Олейник Анжела Владимировна — главный специалист отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Омельянович Вадим Васильевич — доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук.

Орехова Екатерина Петровна — доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Пантелеева Наталья Викторовна — заведующий кафедрой юриспруденции учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», кандидат юридических наук, доцент.

Рахметоллов Аскар Канатович — старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор философии.

Рудкевич Евгения Васильевна — старший следователь следственного управления Управления Следственного комитета Республики Беларусь по г. Минску.

Русецкий Олег Валерьевич — заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Самойлов Эдуард Игоревич — старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО».

Середа Александр Евгеньевич — ведущий специалист учебной лаборатории криминалистической техники и судебных экспертиз кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Сидоренко Дарья Олеговна — главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Скобелев Владимир Петрович — заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Смеян Александр Артемович — начальник управления аналитической и правовой работы Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Судник Татьяна Владимировна — главный специалист отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Филипец Оксана Борисовна — доцент кафедры специальных юридических дисциплин Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, доцент.

Хлус Александр Михайлович — доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Худяков Андрей Валерьевич — главный специалист отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции государ-

ственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат политических наук.

Чуешов Кирилл Викторович — начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Шаблинская Диана Викторовна — доцент кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Широкова Полина Витальевна — старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Шпак Сергей Валентинович — заместитель начальника управления — начальник отдела по расследованию преступлений против интересов службы и порядка исполнения воинской обязанности следственного управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области.

Шупицкая Оксана Николаевна — доцент кафедры международного права учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

**ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА:
НАУКА, ПРАКТИКА, ТЕНДЕНЦИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 17

Ответственный за выпуск *Т. Ф. Рослик*
Редактор *Е. Н. Кравченко*
Корректор *Н. Б. Кучмель*

Подписано в печать 12.12.2024. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 23,5.
Тираж 100 экз. Заказ 223.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Для заметок

Для заметок

Для заметок